

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

10

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

**WORLDS
OF ROGER
ZELAZNY**

Volume ten

**THIS IMMORTAL
MY NAME IS LEGION**

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том десятый

**ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ
ИМЯ МНЕ ЛЕГИОН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

*Издание подготовлено
АО «Титул»*

Миры Роджера Желязны том 10 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1995. — 399 с.

В книгу входит роман «Этот бессмертный», получивший премию «Хьюго» за 1966 год, а также серия новелл «Имя мне легион», объединенных общим героем — опытным и мужественным сверхсекретным агентом.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

*This Immortal
Copyright © 1967 by Roger Zelazny*

*My Name is Legion
Copyright © 1976 by Roger Zelazny*

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1995

*Этот бессмертный
© И. Куберский, перевод*

*Проект «Румоко»
© Г Корчагин, перевод, 1995*

*Песнопевец
© В. Казанцев, перевод, 1995*

*Возвращение Палача
© С. Сухинов, перевод, 1995*

**ЭТОТ
БЕССМЕРТНЫЙ**

— Ты ведь калликанзарос, — неожиданно объявила она.

Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте.

— Свои рога и копыта я оставил в конторе.

— Так ты знаешь, про кого я!

— Вообще-то я Номикос.

Я потянулся к ней и нашел ее.

— Ты что, действительно собираешься разрушить весь мир?

Я засмеялся и привлек ее к себе.

— Надо подумать. Если именно поэтому Земля и разваливается...

— Послушай, у детей, рожденных здесь на Рождество, калликанзаросская кровь, — сказала она, — а ты однажды обмолвился, что твой день рождения...

— Вот и отлично!

Мне пришло в голову, что она лишь наполовину шутит.

Зная, какие существа могут случайно попасться на глаза в этих Старых, а теперь Горючих, местах, начинаешь почти без труда верить в мифы — в разные там рассказы о похожих на Пана лешаков, которые собираются каждую весну, чтобы потолкаться под Деревом Мира, а затем разбежаться кто куда от звона пасхальных колоколов. (Дин-дон — колокола, клак-клак — зубы, цок-цок — копыта и т. д.) Мы с Кассандрой не имели привычки обсуждать в постели вопросы религии, политики или фольклор Эгейского бассейна, но меня, поскольку в этих местах я и родился, подобные воспоминания задевают за живое.

— Ты делаешь мне больно, — сказал я полушутя-полусерьезно.

— А мне не больно?

— Прости.

Я снова расслабился. Помолчав, я объяснил:

— Когда я был сорванцом и ко мне приставали другие сорванцы, они меня звали «Константин Калликанзарос». Когда я подрос и подурнел, они перестали так меня звать. По крайней мере, в лицо...

— «Константин»? Твое имя? А я полагала...

— Теперь я Конрад, и больше не будем об этом.

— Но мне оно нравится. Я бы лучше звала тебя «Константин», чем «Конрад».

— Ну, если тебе приятно...

Луна выкатила свою постную физиономию на подоконник и стала строить мне рожи. Я не мог достать не только до луны, но и до окна, потому отвернулся. Ночь была холодной, влажной и полной тумана — здесь всегда такие.

— Комиссар по делам Искусств, Памятников и Архивов планеты Земля не станет рубить Дерево Мира, — проворчал я.

— Калликанзарос мой, — откликнулась она слишком поспешно, — я этого не говорила. Но с каждым годом колоколов все меньше, а добрые намерения далеко не всегда идут в расчет. Впрочем, у меня такое чувство, что, так или иначе, ты все изменишь...

— Ошибаешься, Кассандра.

— А мне страшно и холодно...

Она была прелестна в темноте, и я обнимал ее, чтобы хоть как-то уберечь от этих туманов, влажных и знобких.

Пытаясь воссоздать в памяти подробности минувших шести месяцев, теперь я осознаю, что, пока мы огораживали страстью наш октябрь и остров Кос, Земля уже пала в руки сил, что сметают все октябри. Возникнув изнутри и извне, эти силы роковой развязки

уже тогда маршировали гусиным шагом среди руин — безликие, неотвратимые, с оружием на изготовку.

Корт Миштиго приземлился в Порт-о-Пренсе на древнем «Сол-Бус Девять», который доставил его с Титана в сопровождении груза, состоявшего из туфель и рубашек, нижнего белья, носков, вин разных марок, разных медицинских средств и новейших магнитофонных кассет, всех этих производных цивилизации. В общем, богатый и влиятельный журналист Галактики. Насколько богатый, — для нас это оставалось неизвестным еще много недель, а насколько влиятельный — для меня открылось лишь пять дней тому назад.

Пока мы бродили по рощам одичавших олив, лазали по руинам франкского замка или вплетали наши следы в следы серебристых чаек, похожие на иероглифы, там, на влажных песках пляжей острова Кос, мы прожигали время в ожидании расплаты, которой могло и не быть и которой на самом деле вовсе и не следовало ожидать.

Волосы Кассандры — цвета олив Катамары и блестят. Руки у нее мягкие, пальцы короткие, с нежными перепонками. Глаза очень темные. Она ниже меня только на четыре дюйма, но это не мешает ей быть грациозной, а во мне как-никак шесть футов с лишком. Вообще-то рядом со мной любая женщина — сама грация, совершенство и привлекательность, поскольку ничего подобного во мне нет: левая моя щека была в ту пору вроде карты Африки, выполненной в пурпурных тонах, — и все из-за мутантного грибка, который я подцепил от заплесневевшего с задней стороны холста, когда в нью-йоркскую поездку откапывали Галерею Гугенхайма; мысок линии волос у меня всего на ширину пальца отступает от бровей, глаза разные. (Когда я хочу утратить человека, я вперяюсь в него холодным голубым правым глазом, карий же служит для Взглядов Искренних и Честных.) Правый сапог у меня с утолщенной подошвой, поскольку сама нога короче.

Хотя для Кассандры в подобном контрасте нет нужды. Она прекрасна.

Я встретился с ней случайно, преследовал ее без удержу, женился на ней против желания. (Это была ее идея.) Сам я об этом действительно не думал — даже в тот день, когда пригнал свой хайк в бухту и увидел ее там, русалкой нежащейся под солнцем близ плоской кроны дерева Гиппократы, и решил, что хочу быть с ней. Калликанзаройцы особой приверженностью к семье никогда не отличались. Я вроде как поскользнулся. В очередной раз.

Стояло ясное утро. Начало нашего третьего месяца вместе. Это был последний мой день на Косе, поскольку вчера вечером я получил вызов. Все еще было влажным после ночного дождя, и мы сидели в патио — пили кофе по-турецки и ели апельсины. День понемногу нажимал на педали, въезжая в этот мир. Бриз дул влажно и прерывисто, покрывая нас гусиной кожей под черной тяжестью свитеров и срывая парок с края кофейных чашек.

— «Родос, перстами дарящий Аврору...» — произнесла она, вытягивая перед собой руку.

— Угу, — кивнул я, — действительно она, розово-перстая и славная.

— Давай полюбуйся.

— Угу. Прости.

Мы допили кофе и закурили.

— Чувствую себя погано, — сказал я.

— Знаю, — ответила она. — Только зря ты так.

— Ничего не могу с собой поделаться. Велено уезжать, покидать тебя — вот и погано.

— Может, всего на пару недель. Ты сам так говорил. И потом ты вернешься.

— Надеюсь, — сказал я. — Хотя, если это затянется, я пошлю за тобой. До сих пор неизвестно, где я буду.

— Кто этот Корт Миштиго?

— Деятель с Веги, журналист. Важная птица. Хочет написать о том, что от Земли осталось. Вот я и должен ему показать. Я. Лично. Черт его дери!

— Если тебе дают десятимесячный отпуск на плавание, то не жалуйся, что перетрудился.

— А я жалуясь и буду жаловаться. Считается, что моя работа — это синекура.

— Почему?

— В основном потому, что я сам так поставил. Двадцать лет я вкалывал, чтобы сделать Искусства, Памятники и Архивы тем, что они есть теперь, а десять лет назад я довел это дело до того, что мои сотрудники прекрасно управляют и сами. Так что я позволяю себе пастись на лужайке и являться, когда хочу, чтобы подписать бумаги да заодно поделаться что-нибудь эдакое, для собственного удовольствия. И на́ тебе — лизать чей-то сапог! Чтобы сам Комиссар ехал вместе с веганским писакой, когда его мог бы сопровождать любой мой сотрудник. Не боги же они, веганцы!

— Одну минутку, — сказала она, — извини. Ты сказал: «Двадцать лет? Десять лет?»

Такое чувство, будто тонешь.

— Тебе ведь нет и тридцати.

Я погрузился. Подождал. Снова выплыл.

— Гм... знаешь, есть кое-что такое, о чем я, человек в общем-то скрытный, никогда при тебе не упоминал... А тебе-то сколько, Кассандра?

— Двадцать.

— Ух! М-да... Я примерно раза в четыре тебя старше.

— Не понимаю.

— Я тоже. Даже доктора. Я как бы остановился где-то между двадцатью и тридцатью, там и остаюсь. Полагаю, что это словно, ну... часть моей персональной мутации, так вот примерно. Разве это что-нибудь значит?

— Не знаю... Да, значит.

— Тебе наплевать на мою хромоту, мою жуткую косматость, даже на мое лицо. Тогда почему тебя должен волновать мой возраст? Я молод для всего, что положено.

— Это как раз не одно и то же, — сказала она непримиримо и окончательно. — Что, если ты никогда не станешь старше?

Я куснул губу:

— Должен, рано или поздно.

— А если поздно? Я люблю тебя. Я не хочу, чтобы ты был без возраста.

— Ты проживешь до ста пятидесяти. Есть специальные средства Ж. С. Ты будешь их принимать.

— Но они не оставят меня молодой, вроде тебя.

— На самом деле я не молод. Я родился старым. Это тоже не помогло. Она начала плакать.

— Впереди еще столько лет, — напомнил я ей. — Кто знает, что за это время может случиться?

После этих слов она еще пуще заплакала.

Я всегда живу по воле импульса. С головой у меня, в общем, все в порядке, но получается, что, как правило, я начинаю соображать только после того, как что-нибудь лягну и дальнейший разговор уже теряет смысл.

Вот одна из причин, почему я имею штат компетентных сотрудников, хорошую радиосвязь и пасую себе на лужайке большую часть времени.

Однако есть вещи, которые никому не препоручишь.

Поэтому я сказал:

— Послушай, тебя ведь тоже не обошло Горючее Вещество. Я только через сорок лет понял, что мне не сорок. Может, то же самое и с тобой. И я просто соседский малыш...

— Ты что-нибудь знаешь о других подобных случаях?

— Ну, если...

— Не знаешь.

— Не знаю.

Помню, тогда я снова испытал желание оказаться на борту корабля. Не на большом великолепном судне, а просто на моей старой посудине «Золотой Идол», прямо там, в бухте. Помню, мне захотелось снова привести его в гавань и увидеть в тот первый сверкающий миг там Кассандру, и чтобы можно было начать все сначала — и то ли рассказать ей сразу же обо всем, то ли пробиться назад, сквозь уходящее время, и держать язык за зубами по поводу своих лет.

Это была неплохая идея, но, черт возьми, медовый месяц уже закончился.

Я подождал, пока она перестанет плакать и я снова почувствую на себе ее взгляд. Затем я еще немного подождал.

— Ну как? — спросил я наконец.

— Нормально, спасибо.

Я нашел ее вялую руку и поднес к губам.

— Родос, перстами дарящий, — тихо выдохнул я, и она сказала:

— Может, это хорошо, что ты уезжаешь, — не насовсем же...

И бриз, срывавший пар с кофейных чашек, снова явился, влажный, покрывающий нас гусиной кожей и вызывающий дрожь то ли в ее, то ли в моей руке — точно не знаю. Он встряхивал и листья, и они роняли росу на наши головы.

— А ты не преувеличиваешь специально для меня свой возраст? Хотя бы немножко?

Тон ее голоса предполагал, что самым разумным будет с нею согласиться. Поэтому я ответил со всей убедительностью:

— Да.

В ответ она улыбнулась, в какой-то мере снова уверовав в мою человеческую природу. Ха!

Так мы там и сидели, держась за руки и глядя на пробуждение дня. Вдруг она начала напевать. Это была грустная песня, рожденная много веков назад. Баллада. В ней рассказывалось о молодом борце по имени Фемокл, борце, который ни разу не терпел поражения. Так что, само собой, он решил, что он величайший боец на земле. В конце концов Фемокл бросил свой вызов с вершины горы, и, так как оттуда до жилища богов было недалеко, они быстро откликнулись: на следующий же день на спине огромной дикой собаки, покрытой железом, в город въехал мальчик-калека. Они боролись три дня и три ночи, Фемокл и мальчик, и на четвертый день мальчик переломил молодому борцу хребет и оставил его там, в поле. И где проливалась кровь его, там вырастал *strigefleur*, как называет

его Эммет, цветок-вампир, который, не имея корня, стелется, крадется в ночи, ища утраченный дух павшего победителя в крови его жертв. Но дух Фемокла покинул землю, и цветам этим вечно красться и искать. Проще, чем у Эсхила, но и мы ведь проще, чем были когда-то, особенно обитатели Материка. Кроме того, на самом деле все происходило вовсе не так.

— Почему у тебя слезы? — вдруг спросила она меня.

— Я подумал об изображении на щите Ахиллеса и о том, как это ужасно — быть образованным существом. И это не слезы. Это на меня с листьев капает.

— Я сделаю еще кофе.

Пока она возилась, я вымыл чашки и сказал, чтобы она позаботилась об «Идоле» и чтобы поставила корабль в сухой док, если я пришлю за ней. Она пообещала.

Солнце еще выше забралось в небо, и вскоре со двора старого Алдониса, гробовщика, стал доноситься стук молотка. Проснулись цикламены, и в дуновениях бриза долетал с полей их аромат. В небе высоко над головой, словно темное предзнаменование, скользила по направлению к матерiku летуче-паучья мышь. Я дернулся, чтобы подхватить ствол тридцать шестого калибра да бабахнуть, да посмотреть, как она упадет. Но все известное мне огнестрельное оружие было на борту «Идола», так что я просто проследил, как она скрылась с глаз.

— Говорят, на самом деле их родина не Земля, — сказала Кассандра, глядя вслед, — и что их завезли с Титана для зоопарков и прочих подобных мест.

— Верно.

— ...И что их упустили во время Трех Дней, они одичали и выросли и стали еще больше, чем были там, откуда родом.

— Однажды я видел одну с размахом крыльев в тридцать два фута.

— Брат моего деда как-то рассказывал мне историю, которую он слышал в Афинах, — вспомнила Кассандра, — о человеке, убившем такую же летуче-

паучью мышь безо всякого оружия. Она напала на него в доке, где он стоял, в Пирее, и понесла, а он голыми руками сломал ей шею. Они упали в залив с высоты примерно в сто футов. И человек остался жив.

— Это было давно, — вспомнил я, — еще до того как Контора начала кампанию по истреблению этих тварей. Тогда их было много больше и они были посмелее. Теперь они держатся подальше от городов.

— Насколько я помню эту историю, человека звали Константин. Часом, не ты?

— Его звали Карагиозис.

— А ты не Карагиозис?

— Если тебе этого хочется. Только почему?

— Потому что позднее он помог основать в Афинах Возвращенство Редпола. К тому же у тебя очень сильные руки.

— Ты возвращенка?

— Да. А ты?

— Я работаю на Контору. У меня нет политических взглядов.

— Карагиозис бомбил курорты.

— Бомбил.

— Тебе не жаль, что он их бомбил?

— Нет.

— Я действительно мало про тебя знаю.

— Ты про меня знаешь достаточно. Но можешь и спросить. У меня нет тайн, правда... Воздушное такси уже близко.

— Я ничего не слышу.

— Услышишь.

Через мгновение оно появилось в небе, скользя вниз к Косу и направляясь на радиомаяк, который я установил в углу патио. Я встал и помог подняться Кассандре, а такси уже опустилось — скиммер Рэдсона: двадцатифутовая скорлупка, вся — прозрачность и зеркальность; плоскодонная, тупоносая.

— Хочешь что-нибудь взять с собой? — спросила она.

— Ты знаешь что, только не могу.

Скиммер сел и плавно открылся сбоку. Пилот в защитных очках повернул голову.

— У меня такое чувство, — сказала она, — что впереди у тебя какая-то опасность.

— Сомневаюсь.

Слава Богу, что ни давление, ни осмос не возродят утраченное Адамом ребро.

— До свидания, мой калликанзарос.

И я сел в скиммер и прыгнул в небо, шепча про себя молитву Афродите. Внизу Кассандра махала мне рукой. За спиной солнце натягивало свою световую сеть. Мы неслись на запад. От Коса до Порт-о-Пренса четыре часа лета, серая вода, бледные звезды и я, псих. Только и оставалось, что смотреть на цветные огни...

Холл был битком набит людьми, большая тропическая луна сияла так, будто вот-вот лопнет, а причина, почему я видел и то, и другое, заключалась в том, что мне в конце концов удалось завлечь Эллен Эммет на балкон при открытых магнитных дверях.

— Снова из мертвых, — приветствовала она меня, сдержанно улыбаясь. — Год почти прошел, мог бы и послать с Цейлона открытку, здоровья пожелать.

— Ты что, болела?

— Заболеешь тут.

Она была маленькой и, подобно всем, кто ненавидит день, белой под своим полугримом, как сметана. Она напоминала мне совершенную механическую куклу с неисправной начинкой — холодная грация и некая предрасположенность бить людей ногой в челюсть, когда они меньше всего этого ожидают. Копна оранжево-коричневых волос, завязанных в гордией узел по последней моде, что выводило меня из себя, когда я пытался его развязать — мысленно, конечно; глаза того цвета, что пришлось бы по вкусу очередному богу, на которого пал бы ее выбор именно в этот день, — да, забыл, где-то глубоко-глубоко на дне они всегда голубые. Все, что бы она ни носила, было

коричнево-зеленым и весьма просторным, достаточно пару раз выйти в таком наряде, правда, ее это каким-то чудом миновало; а может, она снова беременна, хотя вряд ли.

— Что ж, желаю здоровья, — сказал я, — если ты в нем нуждаешься. Я не занимался Цейлоном. Большую часть времени я был на Средиземном.

Внутри раздались аплодисменты. Просто чудесно, что я снаружи. Исполнители как раз закончили «Маску Деметры», которую Грейб написал пентаметром специально в честь нашего гостя с Веги; вещь была в два часа длиной и скверной. Фил — человек жутко образованный и почти лысый и вполне подходил для своей роли, но с того дня, как мы остановили на нем свой выбор, нам пришлось изрядно потрудиться на будущего лауреата. Ему поручили примериться к Рабиндранату Тагору и Крису Изервуду, заняться сочинением устрашающе длинной метафизической эпики, как можно больше разглагольствовать об эпохе Просвещения и ежедневно выполнять на берегу моря дыхательные упражнения. Во всем же остальном он был человеком вполне достойным.

Аплодисменты стихли, и я услышал стеклянное теньканье заигравшей телинстры и ожившие голоса.

Эллен прислонилась спиной к ограде.

— Слышала, что ты вроде как женился недавно.

— Верно, — признал я, — но вроде как поспешил.

Почему меня отозвали?

— Спроси у своего босса.

— Спрашивал. Тот говорит, что меня назначают гидом. Однако я хотел бы выяснить — почему? Настоящую причину. Я думаю об этом, но вопросов не меньше, а больше.

— Откуда мне знать?

— Ты знаешь все.

— Ты меня переоцениваешь, дорогой. Какая она из себя?

Я пожал плечами:

— Возможно, русалка. А что?

Она пожала плечами:

— Обычное любопытство. А как ты говоришь обо мне людям? С кем сравниваешь?

— Когда я говорю о тебе, то не сравниваю.

— Обижаешь. Должна же я быть на кого-то похожа, если я только не уникам.

— Вот именно, ты уникам.

— Тогда почему ты не взял меня с собой в прошлом году?

— Потому что ты существо социальное и тебе нужен город. Ты можешь быть счастлива только здесь, в Порту.

— Но я не счастлива здесь, в Порту.

— Здесь, в Порту, ты несчастлива меньше, чем в любом другом месте на этой планете.

— Мы могли бы попробовать, — сказала Эллен и повернулась ко мне спиной, чтобы посмотреть с откоса на огни видимой отсюда части гавани. — Знаешь, — продолжила она, помолчав, — ты настолько уродлив, что это делает тебя привлекательным. Видимо, так.

Я остановился рядом, в паре дюймов от ее плеча.

— Знаешь, — голос ее звучал плоско, опустошенно, — ты ночной кошмар с походкой мужчины.

Я остановил свой порыв, закатившись грудным смехом.

— Знаю. Приятных снов.

Я повернулся, чтобы уйти, но она поймала меня за рукав.

— Погоди!

Я посмотрел вниз, на ее руку, затем вверх, на ее лицо, затем вниз, на руку. Она выпустила рукав.

— Знаешь, я никогда не говорю правду, — сказала она. Затем засмеялась своим коротким ломким смешком. — ...И я подумала, что кое-что тебе следует знать об этой поездке. Здесь Дональд Дос Сантос.

— Дос Сантос? Странно.

— Сейчас он — наверху, в библиотеке, вместе с Джорджем и каким-то большим арабом.

Я посмотрел мимо нее вниз на гавань, где по тускло освещенным улицам двигались тени, похожие на мои мысли, темные и медленные.

— Большой араб? — произнес я наконец. — Руки в шрамах? Желтые глаза? По имени Хасан?

— Да, верно. Ты с ним встречался?

— В прошлом он кое-что сделал для меня, — признал я.

Так я стоял и улыбался, хотя кровь во мне застыла, — улыбался, потому что я не люблю, чтобы люди знали, о чем я думаю.

— Улыбаешься, — проронила Элен. — Интересно, о чем ты думаешь?

В этом вся она.

— Я думаю, что ты относишься к жизни серьезнее, чем можно было бы предположить.

— Чушь. Я часто тебе говорила, что я ужасная лгунья. Да, буквально секунду назад — я лишь намекала на маленькую стычку в большой войне. И ты прав, что здесь я менее несчастлива, чем в любом другом месте на Земле. Может, ты поговоришь с Джорджем — возьми его на работу на Тайлер или Бакаб. Возьмешь, а?

— Ага, — сказал я. — Всенепременно. Клянусь. Именно так и сделаю. После того, как ты десять лет этим занималась... А что с его коллекцией жуков?

Она изобразила улыбку.

— Растет, прыжками и скачками. А также жужжит и ползает... и некоторые из этих ползучих — радиоактивны. Я ему говорю: «Джордж, завел бы себе женщину, вместо того чтобы тратить все свое время на жуков». Но он только головой трясет, весь такой занятый. Потом я говорю: «Когда-нибудь один из этих уродцев возьмет и укусит тебя и сделает импотентом. Что тогда?» А он объясняет, что такого не может быть, и читает мне лекцию о ядах насекомых. Может, он сам большой жук, замаскировавшийся. Думаю, Джордж испытывает что-то вроде оргазма, наблюдая, как они роятся в этих баночках. Не знаю...

Я повернулся и заглянул в холл, поскольку выражение ее лица изменилось. Услышав смех Элен, я обернулся к ней и сжал ее плечо.

— О'кей, теперь я знаю больше, чем раньше. Спасибо. Скоро увидимся.

— Мне подождать?

— Нет, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

И я ушел.

На то, чтобы пересечь пространство, может потребоваться и время, и обходительность: особенно если там куча народу и все тебя знают, и у всех в руках фужеры, а ты к тому же слегка прихрамываешь.

Куча и была, и все знали, и держали фужеры, и я хромял. Так что...

Позволив себе только самые скромные и неприемлемые мысли, я отмерил с краю, вдоль стены, как бы по периферии человечества, двадцать шагов, пока не достиг компании юных леди, которых этот старый холостяк всегда держал подле себя. Подбородка у него не было, как, в общем, и губ, волосы повывлезли, и выражение, которое жило когда-то на лице, на этой материи, обтягивающей его череп, давным-давно ушло во тьму глаз и таилось в этих глазах, остановившихся на мне, — улыбка готовности быть неизбежно оскорбленным.

— Фил, — сказал я, кивая, — не каждый напишет такую «Маску». Я слышал разговоры, что это умирающее искусство... Чудовищная ложь!

— Ты еще жив, — произнес он, и голос его был лет на семьдесят моложе, чем все остальное, — и снова опоздал, как обычно.

— Приношу свое искреннее раскаяние. Меня держали в доме одного старого друга на дне рождения леди, которой сегодня исполнилось семь.

(Что было правдой, хотя и не имеющей отношения к данной истории.)

— У тебя все друзья старые, не правда ли? — спросил он, и это был удар ниже пояса, потому что когда-то я знал его почти забытых ныне родителей и водил их к южной стороне Эрехтейона, чтобы показать им Портик Кариатид, в то время как на моих пле-

чах сидели их яркоглазые отпрыски и я рассказывал ему, Филу, мифы, которые были старыми уже тогда, когда возникли все эти храмы.

— ...Мне нужна твоя помощь, — сказал я, не обращая внимания на этот укол и осторожно прокладывая путь сквозь мягкий и язвительный кружок женщин. — Эдак я всю ночь буду прорываться из холла к Сэндзу, который устраивает прием нашему веганцу, — извиняюсь, мисс, — а у меня нет на это ночи. Простите меня, мэм... Так что я прошу, чтобы ты вмешался.

— Это вы, Номикос! — вздохнула одна маленькая очаровашка, уставившись на мою щеку. — Я всегда хотела...

Я схватил ее руку, прижал к губам, отметив, что ее камешек на перстне наливается розовым, произнес: — А ну как отрицательный кисмет, а? — и выпустил руку.

— Как ты насчет этого? — спросил я Грейба. — Отведи меня туда за минимум времени в своей типичной светской манере, под разговор, который никто не посмеет прервать, о'кей?

Он бесцеремонно кивнул.

— Извиняюсь, дамы, я скоро вернусь.

Мы двинулись наискосок, пробираясь по людским аллеям. Высоко над головой медленно проплывали и поворачивались люстры, как граненые ледяные сателлиты. Телинстра, цивилизованный вариант Эоловой арфы, рассыпала вокруг осколки цветного стекла — мелодию песни. Люди жужжали и роились, точь-в-точь как насекомые Джорджа Эммета, и, стараясь избежать их толчеи, мы переставляли без паузы ногу за ногой и производили собственный шум. Несмотря на тесноту, мы ни на кого не наступили.

Ночь была теплой. Большинство мужчин были одеты в невесомую черную униформу, в которой, согласно протоколу, и гробит себя здесь Личный Состав. На ком ее не было, те к нему не относились.

Неудобные, несмотря на свою легкость, черные костюмы застегиваются по бокам снизу, впереди же, где гладко, слева над грудью находится знак различия — для Земли он четырехцветный: зеленый, голубой, серый и белый, трех дюймов в диаметре; ниже

располагается эмблема ведомства вместе с меткой ранга; на правой же стороне собраны благословенные крохи цыплячьего помета — символ, о котором можно только мечтать, так он утверждает тебя в чувстве собственной значимости, — его выдает контора с богатым воображением под названием Полировка, Ремонт Орденов, Символов, Медалей (коротко ПРО СИМ — первый ее Директор ценил свое место). Ворот костюма имеет склонность после первых десяти минут превращаться в удавку; во всяком случае, мой.

Дамы носили, или не носили, все, что им нравилось, обычно яркое или в придачу с полупастельным (если только не принадлежали к Личному Составу, в таком же случае они были аккуратненько упакованы в черные костюмы с терпимыми воротниками и короткими юбками); все это в общем-то помогает отличать хранителей Земли от хранимых.

— Я слышал, Дос Сантос здесь, — сказал я.

— Значит, здесь.

— А почему?

— По правде говоря, не знаю и знать не хочу.

— Тэк-с, тэк-с... Что стряслось с твоим замечательным чутьем политика? Отдел Литературной Критики обычно награждал тебя за него.

— В мои годы запах смерти с каждой новой встречей становится все тревожней.

— Разве Дос Сантос пахнет?

— Скорее смердит.

— Я слышал, что он нанял нашего бывшего партнера — по тому давнему Мадагаскарскому делу.

Фил вскинул голову и стрельнул в меня вопрошающим взглядом.

— Быстро до тебя доходят новости. Впрочем, ты друг Эллен... Да, Хасан здесь. Он наверно с Доном.

— Кого же это он на сей раз собирается избавить от груза кармы?

— Еще раз говорю: не знаю и знать ничего не желаю.

— А может, рискнешь прикинуть?

— Навряд ли.

Мы вошли в кое-как засаженную деревьями секцию зала, и я задержался, чтобы прихватить спиртного с глубокого подноса — больше не было мочи смотреть, как он плывет над головой; кончилось тем, что я надавил на желудь, свисавший на собственном хвостике. При сем поднос послушно опустился, весь как сама улыбка, и явил мне сокровища своего морозного нутра.

— О радость! Купить тебе выпить, Фил?

— Я думал, ты спешишь.

— Спешу, но мне нужно осмыслить ситуацию.

— Что ж, прекрасно. Полукоку, пожалуйста.

Я покосился на него и передал ему сей напиток. Затем, когда он отвернулся, я проследил за его взглядом туда, где стояли легкие удобные кресла, занимавшие нишу, образованную двумя сторонами северо-восточного угла комнаты и корпусом телинстры с третьей стороны. На телинстре играла пожилая леди с мечтательными глазами. Земной Директор Лоурел Сэндз пыхтел своей трубкой...

Да, эта трубка — одна из самых интересных достопримечательностей личности Лоурела. Подлинный Меершаум*, а в мире их осталось не так уж много. Что же до остального, то директор функционирует скорее как антикомпьютер: ты потчуешь его самыми разными фактами, собранными по крупице, цифрами, статистикой, а он превращает все это в помойку. Глубокий взгляд и манера говорить медленно и громко, не сводя с тебя темных глаз; жестикуляцию себе не позволяет, в крайнем случае — очень взвешенную, тогда он широкой правой лапой пилит воздух или же тыкает воображаемых дам своей трубкой; виски седые, но над ними волос еще темен, скулы высокие, цветом лица он как раз для своих твидов (черных костюмов Сэндз старательно избегает), притом он постоянно пытается выдвинуть челюсть хотя бы на дюйм подалее и выше, чем это представляется возможным. Он здесь

* Курительная трубка с чубуком из особого материала.

политический представитель Земного Правительства на Тайлере и к своей работе относится вполне серьезно, доходя в служебном рвении даже до того, что периодически предпринимает атаки на моральные язвы общества. На Земле он не самый умный человек. Он мой босс. Он также один из близких моих друзей.

Возле него сидел Корт Миштиго. Я чуть ли не кожей осязал, как Фил его ненавидит — начиная от бледно-голубых подошв его шестипалых ступней и кончая полоской розовой краски — знаком принадлежности к высшей расе, тянувшейся по его волосам от виска к виску. Ненавидит не столько потому, что он это он, а потому, как я был уверен, что Корт ближайший наличествующий родственник — внук — Татрама Иштиго, который еще сорок лет тому назад наглядно продемонстрировал, что величайший из нынешних англоязычных писателей — веганец. Сей пожилой господин на том и стоит до сих пор, и я не уверен, что Фил когда-нибудь простит его за это.

Краем глаза (того, что голубой) я видел, как по большой нарядной лестнице на другом конце зала поднимается Эллиен. Краем другого глаза я видел, что Лоурел смотрит в мою сторону.

— Меня засекали, — сказал я, — надо пойти выразить свое уважение этому Уильяму Сибруку с Тайлера. Пойдешь со мной?

— М-м... Прекрасно, — кивнул Фил. — Страдание полезно для души.

Мы двинулись к нише и остановились перед двумя стульями, между музыкой и шумом, там, где вся власть и пребывала. Лоурел медленно встал и пожал нам руки. Миштиго встал еще медленней и руки не протянул; пока мы представлялись, он пялился на нас янтарными глазами, и лицо его ничего не выражало. Свободно болтающаяся оранжевая рубашка трепетала каждый раз, когда он подкачивал легкие, которые делали лишь непрерывный выдох из наружных ноздрей у начала широкой грудной клетки. Он коротко кивнул, повторив мое имя. Затем с чем-то вроде улыбки повернулся к Филу.

— Вы не будете возражать против того, чтобы я перевел вашу «Маску» на английский? — спросил он, и голос его прозвучал высоко и с дрожью, как замирающий камертон.

Фил развернулся на каблуках и зашагал прочь. Мне показалось, что веганцу на секунду стало плохо, но затем я вспомнил, что это веганский смех, — что-то вроде козлиного бляенья. Я стараюсь держаться подальше от веганцев, избегая их курорты.

— Присаживайся, — предложил Лоурел. Он хоть и прятался за свою трубку, но выглядел не очень-то ловко.

Я приволок кресло и устроился наискосок от них.

— О'кей.

— Корт собирается написать книгу.

— Ты уже говорил.

— О Земле.

Я кивнул.

— Он выразил пожелание, чтобы ты был его гидом в поездке по ряду Старых Мест...

— Почту за честь, — довольно холодно произнес я. — Так же любопытно узнать, почему его выбор пал на меня?

— Еще более любопытно, откуда он может знать про вас, так? — спросил веганец.

— Пожалуй, — согласился я, — процентов эдак на двести.

— Я запросил машину.

— Славно. Теперь понял.

Я откинулся на спинку кресла и допил, что у меня было.

— Я начал с проверки Реестра Жизнеобъектов на Земле, еще когда только задумал этот проект, — просто ради исходных данных о человечестве. Затем, раскопав интересную тему, сунулся в Фонд Земных Со-трудников...

— М-да... — пробурчал я.

— И на меня произвело впечатление скорее то, что они не сказали о вас, чем то, что сказали.

Я пожал плечами.

— В вашей карьере много пробелов. Даже теперь никто толком не знает, чем вы занимаетесь большую часть времени... Между прочим, когда вы родились?

— Понятия не имею. Это было в крошечной греческой деревушке, а в те времена обходились без календарей. Хотя мне говорили, что в Рождество.

— Согласно вашей личной карточке, вам семьдесят семь лет. Согласно Жизнеобъектам, вам то ли сто одиннадцать, то ли сто тридцать.

— Я привирал насчет возраста, чтобы получить работу. Тогда была Депрессия.

— Так что я сделал профиль Номикоса, который в общем-то весьма своеобразен, и запустил Жизнеобъекты выуживать физические аналоги с допуском до одной тысячной — во всех банках данных, включая закрытые.

— Что ж, одни коллекционируют старые монеты, другие строят модели ракет.

— Я обнаружил, что вы — это, возможно, три или четыре других человека, все греки, а один из них и вправду личность поразительная. Но вы, конечно, — Константин Коронес, старший из них, родились двести тридцать четыре года тому назад. В Рождество. Голубой глаз, карий глаз. Правая нога искалечена. Та же линия волос, что и в двадцать три года. Тот же рост, те же градации по Бертильону.

— И те же отпечатки пальцев? И те же образцы глазной сетчатки?

— Это не включалось в большую часть старых регистрационных картотек. Может, в те дни работали небрежней?

— Вы отдаете себе отчет, что сейчас на этой планете живет около четырех миллионов человек? А если еще покопаться в прошлом, три-четыре века назад, то смею сказать, что даже на меньшую публику вы найдете и двойняшек и тройняшек. Так что с того?

— Это придает вам некий ореол загадочности, вот и все, как и этому месту, — и вы такая же любопытная руина, как и само это место. Вполне вероятно, что я никогда не доживу до вашего возраста, сколько бы вам

ни было, и мне бы хотелось выяснить, какого же рода восприимчивость могло развить человеческое существо, которому дадено столько времени, — особенно если учесть ваше положение, ведь вы дока в истории и искусстве этого мира. Потому я и попросил вас об услуге, — заключил он.

— А коль скоро вы уже встретились со мной, руиной и прочее, можно мне домой?

— Конрад! — атаковала меня трубка.

— Нельзя, мистер Номикос. Есть ведь и практические соображения. Здешний мир груб и жесток, а у вас высокая потенция выживания. Я хочу, чтобы вы были рядом, потому что я хочу выжить.

Я снова пожал плечами:

— Ладно, решено. Что еще?

Миштиго заблеял:

— Полагаю, я вам не нравлюсь.

— Кто вам это внушил? Только потому, что вы оскорбили моего друга, задавали мне нелепые вопросы, по собственной прихоти втянули меня в свои дела...

— И эксплуатировал ваших сограждан, превратил ваш мир в публичный дом, показал вопиющую провинциальность человеческого расы в сравнении с галактической культурой, которая старше на целые эры...

— Я не говорю о расах — моей и вашей. Я говорю о личном. И повторяю, что вы оскорбили моего друга, задавали мне нелепые вопросы, по собственной прихоти втянули меня в свои дела.

— Да мне, — по-козлиному фыркнул он, — начхать на эту троицу! Чтобы этот тип пиитствовал для человеческой расы? Да это оскорбление теней Данте и Гомера!

— На сей момент никого лучше у нас нет.

— Ну так обошлись бы и вовсе без него.

— Это не повод поступать с ним так, как вы себе позволили.

— Думаю, что повод, иначе бы я себе этого не позволил... Второе, я задавал те вопросы, которые у меня задавались, вы вольны были отвечать или не отвечать, как вам заблагорассудится. Так вы и поступили... Наконец, никто ни во что вас не втягивал. Вы

гражданский служащий. Вы получили задание. Спорьте со своей Конторой, а не со мной... И, в порядке послесловия, — я сомневаюсь, что у вас на руках достаточно оснований, чтобы с такой легкостью использовать слово «прихоть».

— Отлично! Раз так, то считайте свою невоспитанность прямотой, или даже продуктом другой культуры, оправдывайте свою наглость софизмами и послесловьте обо всем, чего только душа пожелает. Можете выложить все свои заблуждения на мой счет, но тогда и я скажу, что я о вас думаю. Вы корчите из себя Представителя Короля в Колонии Его Короны, — выдал я, нажимая на заглавные буквы, — и мне это не нравится. Я прочел все ваши книги. Я также прочел кое-что, написанное вашим дедушкой, — скажем, «Плач Земной проститутки». Таким, как он, вы никогда не будете. У него есть то, что называется сострадание. У вас этого нет. Что бы вы ни испытывали по отношению к старому Филу, это лишь вдвойне работает против вас.

Тот пассаж о дедушке, должно быть, задел его за живое, поскольку Миштиго передернуло, когда мой голубой глаз вонзился в него.

— Так что поцелуйте мой локоть, — сказал я по-вегански.

Сэндз не так хорошо говорил по-вегански, чтобы уловить эту фразу, но он тут же примирительно зашумел, оглянувшись, дабы удостовериться, что нас не подслушивают.

— Конрад, пожалуйста, разыщи свое профессиональное отношение к делу и водрузи его на место... Шрин Штиго, почему бы нам не заняться разработкой плана?

Миштиго улыбнулся своей зелено-голубой улыбкой.

— И свести наши противоречия до минимума? — спросил он. — Согласен.

— Тогда давайте перейдем в библиотеку — там спокойнее и есть экран с картой.

— Прекрасно.

Я почувствовал себя немного уверенней, когда мы встали, поскольку наверху был Дон Дос Сантос, а он ненавидит веганцев, а где бы ни был Дос Сантос, там всегда Диана, девушка в красном парике, а она ненавидит всех; и я знал также, что наверху Джордж Эммет и Элен, а Джорджу незнакомцы до лампочки (как, впрочем, и друзья); может, позже забредет и Фил и пойдет в атаку на Форт Самтер; к тому же там был Хасан — а он не из разговорчивых, он просто сидит и покуривает свою марихуану, непроницаемый, как вещь в себе, и если постоять с ним рядом и сделать пару глубоких затяжек, то станет абсолютно все равно, какую там чертовщину ты нес веганцам или кому еще.

Я еще надеялся, что у Хасана отшибло память или что последняя витает где-нибудь в облаках. Но надежда эта умерла, едва мы вошли в библиотеку. Он сидел очень прямо и потягивал лимонад. То ли восьмидесяти, то ли девяноста лет от роду, выглядел Хасан на сорок, однако, когда он был в деле, ему можно было дать и тридцать. Пилюли Животворный Самсер нашли в его лице исключительно благодарный материал. Такое бывает не часто. А если уж точно, то — почти никогда. Одних они без всякой видимой причины повергают в ускоренный анафилактический шок, и даже атомная доза адреналина в сердечную мышцу не вернет их обратно; других, и таких большинство, они затормаживают на пять-шесть десятилетий. Но есть редкие особи, которые, приняв несколько серий пилюль, молодеют, — такие попадаются раз на сто тысяч.

«Как странно, — подумал я, — что в большом тире судьбы этому малому суждено было выбить столько очков».

Прошло уже больше пятидесяти лет с того Мадагаскарского дела, к которому Редпол привлек Хасана, чтобы кровной мстью отомстить тайлеритам. Он был на содержании у большого К. в Афинах (да почиет тот

в мире и спокойствии) — К. и послал его покончить с Компанией Недвижимости Земного Правительства.

Сделал. И хорошо. С помощью одного крошечного ядерного устройства. Сила! Вот как надо обновлять города. Прозванный Кучкой Хасан-Убийца, он последний профессиональный наемник на Земле.

Кроме того, не считая Фила (который далеко не всегда был обладателем шпаги без клинка и эфеса), Хасан был одним из представителей Малой Кучки, где еще помнили старый Карагиоз.

Итак, выдвинув вперед челюсть и выставив напоказ свой грибок, я попытался запудрить ему мозги своим обликом. Однако или там действовали какие-то древние и таинственные силы, в чем я лично сомневался, или он оказался покруче, чем я предполагал, что вполне возможно, или он забыл мое лицо, что хотя и вполне возможно, но скорее — сомнительно, или же он просто демонстрировал профессиональный этикет, если не низкое животное коварство, — и профессионализм и животное были одинаково присущи ему, хотя акцент все-таки смещался в сторону животного, — но только он и бровью не повел, когда нас представили друг другу.

— Хасан, мой телохранитель, — сказал Дос Сантос, ослепляя своей улыбкой, словно вспышкой магния, когда я тряс руку, которая однажды, так сказать, потрясла весь мир. Это была еще очень сильная рука.

— Конрад Номикос, — сказал Хасан, прищуриваясь, как будто вычитывая это имя из свитка.

Всех остальных в этом помещении я знал, поэтому поспешил занять кресло подальше от Хасана. На всякий случай я держал фужер со второй порцией алкоголя поближе к лицу.

Диана, обладательница Красного Парика, стояла неподалеку.

— Доброе утро, мистер Номикос, — сказала она.

Я качнул фужером в знак приветствия:

— Добрый вечер, Диана.

Высокая, гибкая, почти вся в белом, она торчала возле Дос Сантоса, как свечка. Я знал, что на ней па-

рик, поскольку мне доводилось видеть, как он случайно соскальзывал, приоткрывая любопытный и некрасивый шрам, который она обычно прятала, низко на двигая парик. Бывало, вставая на якорь и созерцая созвездия, тут и там выглядывавшие из-за облаков, или откапывая поврежденные статуи, я себя спрашивал, что это за шрам. Думаю, что ее пурпурные губы татуированы, — и я никогда не видел на них улыбку; на скулах играют желваки, потому что зубы ее всегда сжаты; и из-за всей этой суровости брови ее делаются домиком; маленький подбородок высоко поднят — признак ли это непокорности? Когда она говорит — напряженно, отрывисто, — то едва шевелит губами. Трудно сообразить, сколько ей лет. В общем, больше тридцати.

Они с Доном представляют собой интересную пару. Он смуглый, словоохотливый, постоянно курит и более двух минут не может оставаться на месте. Она выше его почти на пять дюймов, загорается без спички. Всей ее истории я так и не знаю. Чувствую, что не узнаю никогда.

Пока Лоурел представлял Корта Дос Сантосу, она подошла и встала возле моего кресла.

— Ты... — промолвила она.

— Я... — кивнул я.

— Возглавишь эту поездку.

— Все знают о ней, кроме меня, — сказал я. — Хоть бы поделилась со мной толикой знаний на сей предмет.

— Каких знаний, на какой предмет? — спросила она.

— Ты изъясняешься вроде Фила.

— И не собиралась.

— Но так получается. Так в чем дело?

— В чем что?

— Ты. Дон. Здесь. Вечером. С чего бы все это?

Она коснулась кончиком языка верхней губы, затем прижала его сильнее, словно пыталась выдавить из него виноградный сок или попридержать слова. Затем глянула в сторону Дона, но он был слишком далеко,

чтобы услышать, к тому же не смотрел на нас. Он был занят тем, что наливал Миштиго настоящей Коки из кувшина, что стоял в услужливом глубоком подносе. Рецепт Коки был, согласно веганцам, археологической находкой века, его утратили во время Трех Дней и восстановили лишь лет десять назад или около того. Повсюду было множество самых разных полукок, но ни одна из них не оказывала такого воздействия на веганский обмен веществ, как подлинная Кока. «Второй вклад Земли в галактическую культуру», — как назвал это событие один из их современных историков.

Первым вкладом, конечно, считается великолепная социальная проблема, из тех новоявленных, которых усталые веганские философы ждали много поколений.

Диана снова обернулась ко мне.

— Пока не знаю, — сказала она. — Спроси Дона.

— Спрошу.

Я, конечно, спросил. Однако позднее. И не был разочарован, поскольку ничего особенного и не ожидал. Но когда я, сидя в кресле, изо всех сил старался что-нибудь подслушать, передо мной внезапно возник некий визуальный образ — один психолог некогда в разговоре со мной определил его как псевдотелепатическое исполнение желаний. Вот как это бывает.

Я хочу узнать о том, что происходит где-то. У меня, в общем, достаточно информации, чтобы догадаться. Следовательно, я догадываюсь. Только это происходит так, будто я вижу и слышу глазами и ушами одного из участников действия. Хотя не думаю, что это настоящая телепатия, поскольку иногда она бывает и ложной. При том, что кажется абсолютно реальной.

Этот психолог мог объяснить мне все, кроме самой причины подобного явления. Согласно которому я стоял посреди комнаты, глядел на Миштиго, был Дос Сантосом и говорил:

— ...рядом для вашей защиты. Не как Секретарь Редпола, а просто как частный гражданин.

— Я не искал вашей защиты, — ответил веганец, — тем не менее благодарю. Я приму ваше предложение, чтобы избежать смерти от рук ваших друзей. — Сказав это, он улыбнулся. — Если она им понадобится во время моих поездок. Я сомневаюсь, что понадобится, но было бы глупо отказываться от щита Дос Сантоса.

— Мудрая мысль, — промолвили мы, слегка склонив голову.

— Вполне, — согласился Корт. — А теперь скажите мне, — кивнул он в сторону Эллен, которая только что перестала спорить о чем-то с Джорджем и уходила от него решительными шагами, — кто это?

— Эллен Эммет, жена Джорджа Эммета, Директора Отдела Охраны Природы.

— Сколько она стоит?

— Не помню, чтобы в последнее время она называла цену.

— Ну а раньше-то какая была цена?

— И раньше не было.

— Все на Земле имеет цену.

— В таком случае, полагаю, вам следует самому выяснить.

— Обязательно, — сказал он.

Земные женщины всегда испытывали странную тягу к веганцам. Однажды какой-то веганка сказала мне, что с ними он себя чувствует зоофилом, то бишь любителем животных. Что само по себе интересно, поскольку одна славная девица на курорте Кот Дор, хихикая, рассказывала мне, что с веганцами она себя чувствует une zoophilist. Видимо, те воздушные сопла то ли щекочут, то ли еще что, и в обоих будят животного.

— Кстати, — сказали мы, — вы еще не перестали бить свою жену?

— Которую? — поинтересовался Миштиго.

Изображение потухло, и я снова оказался в своем кресле.

— ...И что, — спрашивал Джордж Эммет, — ты об этом думаешь?

Я уставился на него. Еще секунду назад его здесь не было. Возникнув внезапно, он уселся на широкий подлокотник моего кресла.

— Повтори, пожалуйста. Я дремал.

— Ты спишь, а мы победили летуче-паучью мышь. Что ты об этом думаешь?

— Что она рифмуется, — заметил я. — Так расскажи, как это мы победили летуче-паучью мышь?

Но он уже смеялся. Он из тех субъектов, у кого смех — вещь непредсказуемая. Джордж может целыми днями слоняться вокруг с кислой миной, а затем заржать по пустяковому поводу. Когда он смеется, то вроде как задыхается, словно ребенок, и этому впечатлению явно способствуют жиденькие его волосики и дряблость розоватого тела. Поэтому я ждал, пока он успокоится. К тому моменту Эллен уже вылила на Лору все свои оскорбления, а Диана повернулась к книжным полкам, чтобы почитать названия книг. Наконец, переведа дух, он доверительно бормотнул:

— Я вывел новую породу *слишей*.

— Вот это да! Потрясающе!

После чего я осторожно спросил:

— А-что это такое — *слиши*?

— *Слиш* — это бакабианский паразит, вроде большого клеща. Мои — длиной около трех восьмых дюйма, — сказал он гордо, — они внедряются глубоко в плоть и производят сильно ядовитые продукты отхода.

— Смертоносные?

— Мои — да.

— Не одолжишь ли мне одного? — спросил я.

— Зачем?

— Я хочу сунуть его кому-нибудь за шиворот. А если подумать, то хорошо бы сразу пару дюжин. У меня слишком много друзей.

— Мои людей не трогают, только летуче-паучьих мышей. Людей они отличают. Скорее это люди могут отравить моих *слишей*. — (Он произнес «моих *слишей*» как настоящий собственник.) — Их хозяин должен иметь в основе метаболизма не железо, а медь, —

пояснил он, — а летуче-паучьи мыши подпадают под эту категорию. Вот почему я хочу отправиться с тобой в это путешествие.

— Ты хочешь, чтобы я нашел летуче-паучью мышь и подержал бы ее, пока ты будешь грузить на нее своих слишей?

— Ну, я действительно хотел бы занять парочку летуче-паучьих — всех своих я уже израсходовал в прошлом месяце... но теперь я уже твердо уверен, что слиши сработают. Я хочу пойти дальше и вызвать чуму.

— Какую чуму?

— Мышиную... Слиши размножаются в земных условиях довольно быстро, если им дать подходящего носителя, а запустить их в нужное время года, и они будут исключительно инфекционными. Я имею в виду ближайший брачный период юго-западной летуче-паучьей мыши. Он начнется через шесть—восемь недель на территории Калифорнии, в Старом Месте — хотя больше и не Главном — под названием Капистрано. Я понимаю, путешествие не позволит тебе быть там в это время. Когда же летуче-паучьи мыши возвратятся в Капистрано, я хочу дождаться их там с моими слишами. Я готов и отпуск потратить.

— Хм, хм... Ты советовался с Лоурелом?

— Конечно, и он считает, что это прекрасная идея. Он даже хочет встретиться там с нами и сделать снимки. Не так уж много возможностей их увидеть — как они все небо закрывают своими крыльями, как гнездятся в руинах, как едят диких свиней, роняя на улицы зеленый помет... Знаешь, довольно красивое зрелище.

— У-у-у, что-то вроде Хэллоуина. А что будет со всеми теми дикими свиньями, если мы уничтожим летуче-паучьих мышей?

— О, их станет гораздо больше. Но я полагаю, что пумы не дадут им развестись, как австралийским кроликам. Во всяком случае, лучше уж иметь свиней, чем летуче-паучьих мышей. Согласен?

— Я не очень-то люблю ни тех, ни других, но если уж выбирать, то я бы все же предпочел свиней. Так что полный порядок, можешь ехать с нами.

— Спасибо, — сказал Джордж, — я был уверен, что ты поможешь.

— Не стоит благодарности.

Тут Лоурел вежливо прокашлялся, как бы извиняясь перед нами. Он стоял посредине библиотеки, возле большого стола, перед которым медленно опускался широкий экран. Экран был голографический, так что никому не надо было искать местечка поудобней. Лоурел нажал на кнопку в столе сбоку, и свет в комнате пошел на убыль.

— Хм, я хочу показать несколько карт, — сказал он, — если только найду этот самый синхронизатор... Ах да, вот он.

На экране в пастельных тонах появилась верхняя часть Африки и почти все средиземноморские страны.

— С этой начнем? — спросил он Миштиго.

— Почему бы и не с этой, — сказал большой веганец, прерывая приглушенный разговор с Эллен, которую он уволок в уголок французской истории под бюст Вольтера.

Света стало еще меньше, и Миштиго двинулся к столу. Он глянул на карту, а затем на всех вместе и никого в отдельности.

— Я хочу посетить некоторые ключевые точки, которые по тем или иным причинам имеют важное значение в истории вашего мира, — сказал он. — Я бы хотел начать с Египта, Греции и Рима. Затем двинуть быстренько через Мадрид, Париж и Лондон. — По мере того как веганец говорил, карты сменяли друг друга — не спеша, но и не отставая от него. — Затем я хочу повернуть на Берлин, попасть в Брюссель, посетить Санкт-Петербург и Москву, прыгнуть назад через Атлантику и сделать остановки в Бостоне, Нью-Йорке, штат Колумбия, и Чикаго (названия эти уже вогнали Лоурела в пот), затем наведаться на Юкатан и махнуть на территорию Калифорнии.

— Именно в такой вот очередности? — спросил я.

— Почти.

— А чем, в таком случае, провинилась Индия, Средний Восток или Дальний? — узнал я голос Фила.

Он вошел уже после того, как библиотека почти погружилась во тьму.

— Ничем. Если не считать грязь, песок и жарыщу, и что там нет ничего того, что мне нужно.

— А что вам нужно?

— Хоть какая-нибудь история.

— Какая именно?

— Одну я вам пришлю, со своим автографом.

— Благодарю.

— К вашим услугам.

— Когда хотите отправиться? — спросил я его.

— Послезавтра.

— О'кей.

— Специально для вас я подготовил подробные карты со спецификацией мест. Лоурел говорит, что они были сегодня во второй половине дня доставлены в вашу Контору.

— Еще раз о'кей. Но есть вещи, о которых вы, возможно, далеко не полностью информированы. Это касается того обстоятельства, что все места, которые вы пока упомянули, — материковые. В настоящем мы, по преимуществу, островная культура, и на то есть весо-мые причины. Во время Трех Дней материк здорово пропитался, и большая часть названных вами мест до сих пор относится к довольно-таки горючим. Однако это не единственная причина, по которой их считают небезопасными...

— Я не профан в вашей истории, — прервал меня Миштиго, — и отдаю себе отчет в необходимости радиационной защиты. Равно как информирован и о наличии в Старых Местах разнообразных живых организмов-мутантов. Да, это вызывает у меня озабоченность, но никак не тревогу.

Я пожал плечами в искусственном полумраке.

— Для меня лично все о'кей.

— Хорошо. — Он сделал еще глоток Коки. — Тогда добавьте немного света, Лоурел.

— Слушаюсь, Шрин.

Снова стало светло.

Когда экран за его спиной ушел вверх, Миштиго спросил меня:

— Это правда, что вы знакомы с некоторыми тамбос и туземцами тут же, в Порту?

— Почему бы нет, — сказал я. — А что?

Веганец приблизился к моему креслу.

— Насколько я понимаю, — живо сказал он, — эти вуду, или воду, почти не изменились с древних времен.

— Возможно. Меня тут не было, когда они возникли, так что не могу судить наверняка.

— Насколько я понимаю, этим местным не очень-то нравится присутствие чужаков...

— И это верно. Но если поискать подходящий поселок и заявиться туда с подарками, то для вас устроят целое представление.

— Я бы предпочел быть свидетелем подлинных ритуалов. Если бы меня сводил туда кто-нибудь, кого жители не считают чужаком, то я бы заполучил первоисточник.

— Зачем вам это? Нездоровое любопытство к языческим обрядам?

— Нет. Я занимаюсь сравнительным изучением религий.

Я внимательно посмотрел ему в лицо, но ничего там не вычитал.

Не так давно я навещал Маму Джули и Папу Джо и прочих, и сам поселок был недалеко, но я не знал, как они отнесутся к тому, что я приведу с собой веганца. Если я приволил людей, они, естественно, никогда не возражали.

— В общем... — начал я.

— Мне хотя бы глянуть одним глазком, — сказал он. — Я буду держаться в тени. Они даже не узнают, что я там.

Я еще что-то промямлил и в конце концов сдался. Я неплохо знал Маму Джули и не усмотрел никакой реальной опасности для нас. Поэтому сказал:

— О'кей. Я вас отведу в одно такое местечко. Вечером, если не возражаете.

Он кивнул, поблагодарил меня и пошел за очередной Кокой. Джордж, так и не слезавший с подлокотника моего кресла, близко наклонился ко мне и заметил, что было бы очень интересно препарировать веганца. Я с ним согласился.

Миштиго вернулся с Дос Сантосом.

— Это правда, что вы берете мистера Миштиго на языческую церемонию? — спросил тот. Его ноздри раздувались от возмущения.

— Правда, — сказал я. — Беру.

— Без личного телохранителя нельзя.

Я повернул руки ладонями вверх.

— Обойдемся.

— Я и Хасан будем вас сопровождать.

Я уже готов был возразить, когда между ними вклинилась Элен.

— Я тоже хочу с вами, — сказала она. — Я никогда там не была.

Я пожал плечами. Если идет Дос Сантос, то пойдет и Диана, что делает нашу компанию довольно многолюдной. Одним больше, одним меньше — какая разница. Все рухнуло, еще и не начавшись. Так что я сказал:

— Почему бы нет?

Поселок располагался в пределах гавани, возможно, потому, что он возник в честь Агве Войо, бога моря. Однако скорей всего потому, что люди Мамы Джули всегда были людьми гавани. Бог Агве Войо — не из ревнивых, так что на стенах в ярких красках запечатлено великое множество других языческих божеств. Дальше по острову есть поселения и поустроенней, но они носят более коммерческий характер.

Большая великолепная лодка Агве, выкрашенная в голубой, оранжевый, зеленый, желтый и черный цвета, казалась для моря непригодной. Малиновый Дамбалла Вedo кольцами извивался во всю длину противоположной стены. Папа Джо ритмично постукивал в несколько больших тамтамов — он был в глубине

помещения, правее единственной двери, в которую мы вошли.

Разнообразные христианские святые с непостижимым выражением взирали на пеструю геральдику, могильные кресты, флаги, мачете и дорожные знаки, что покрывали каждый дюйм стен; застыв в послеураганном сюрреализме благодаря ослепительным краскам с планеты Титан — один Бог знает, одобряли они это или нет, — святые смотрели сверху вниз из дешевых своих рамок, будто те были окнами в некий враждебный мир.

Маленький алтарь был завален пузырьками из-под алкогольных напитков, бутылками из тыквы, священными сосудами для духов Лоа, амулетами, курительными трубками, флажками, фотоснимками неизвестных подводных существ; среди прочего лежала и пачка сигарет для Папы Легбы*.

Когда нас привел сюда юный туземец по имени Луис, служба была уже в разгаре. Помещение было метров восемь в длину и пять в ширину, с высоким потолком и грязным полом. Вокруг столба в центре медленно и важно двигались танцоры. Их темная плоть мерцала в тусклом свете древних керосиновых ламп. С нашим приходом в помещении стало тесно.

Мама Джули с улыбкой взяла мою руку. Она отвела меня к алтарю и сказала:

— Эрзули была добра.

Я кивнул.

— Ты ей нравишься, Номико. Ты долго живешь, много путешествуешь и возвращаешься.

— Всегда, — сказал я.

— А те вон люди? — Темные ее глаза блеснули в сторону моих спутников.

— Друзья. Они не будут докучать.

Она засмеялась, когда я это сказал. Я тоже.

— Я их спрячу подальше, если ты позволишь нам остаться. Мы постоим в тени по углам комнаты. Если

Легба — в дагомейской мифологии верховное божество.

хочешь, чтобы я их увел, я уведу. Вижу, вы уже много танцевали, много бутылок опустошили...

— Оставайтесь, — сказала она. — Как-нибудь приходи днем поболтать.

— Приду.

Затем она отошла, и для нее освободили место в круге танцующих. Довольно крупная, хотя и с тоненьким голосом, она двигалась как огромная резиновая кукла, но не без грации, делая шажки под монотонный гром тамтамов Папы Джо. Через какое-то время эти звуки заполнили собою все вокруг — мою голову, землю, воздух, — возможно, такими казались удары сердца кита наполовину переваренному Ионе. Я следил за танцорами. И я следил за теми, кто следил за танцорами.

Я выпил пинту рома в надежде догнать остальных, но не догнал. Миштиго продолжал потягивать Коку из бутылки, которую он прихватил с собой. Никто не заметил, что он голубой, но мы явились довольно поздно, и все шло своим чередом, так, как и положено.

Красный Парик стояла в углу, и вид у нее был презрительный и испуганный. Она прижимала к себе бутылку, но и всего-то. Миштиго прижимал к себе Эллен, но и всего-то. Дос Сантос стоял возле двери и следил за всеми — даже за мной. Хасан, присевший у стены, справа от двери, курил маленькую трубку с длинным чубуком. Вид у него был мирный и спокойный.

Мама Джули, насколько я понял, начала петь. Остальные голоса подхватили песню:

Papa Legba, ouvri baye!
Papa Legba, attibon Legba,
ouvri baye pou pou passe!
Papa Legba...*

Так все шло, и шло, и шло. Меня охватила дремота. Я пил ром, и жажда усиливалась, и я пил ром.

* Текст на так называемом гаитянском креольском языке, сформировавшемся на базе французского языка с заимствованиями из языков Африки, индейских диалектов, английского и испанского языков.

Не знаю, сколько уже мы там околачивались, когда это случилось. Танцоры целовали ритуальный столб и пели, и гремели погремушками из тыквы, и разливали вокруг воду, и парочка туземцев вела себя как ненормальная и болтала что-то бессвязное, и жертвенное блюдо на полу превратилось в кашу, и воздух был полон дыма, и я стоял, привалившись к стене, и, полагаю, с минуту или две глаза мои были закрыты.

Звук этот раздался оттуда, откуда я его не ждал. Вопил Хасан.

Долгий его то ли вопль, то ли стон вернул меня в реальность, ошеломил, лишил равновесия, так что я тяжело ударился о стену. Тамтамы продолжали стучать все так же ровно, без сбоев. Однако некоторые из танцоров остановились, озираясь.

Хасан уже встал на ноги. Зубы его были оскалены, глаза как щелки, лицо его в блеске пота пошло от напряжения горами и долинами.

Борода его была как огневой удар наконечника копья.

Одежда его, зацепившаяся за какие-то настенные украшения, была как черные крылья.

Руки его, гипнотически медленно шевелясь, душили кого-то невидимого.

Звериный рык вырывался из его глотки.

Он продолжал давить кого-то невидимого.

В конце концов удавил, и руки его пружинно разомкнулись.

Тут же возле него возник Дос Сантос, стал что-то говорить, но они обитали в разных мирах.

Один из танцоров принялся тихонько стенать. К нему присоединился другой — затем все остальные.

Мама Джули отделилась от круга и пошла ко мне — как раз в тот момент, когда Хасан начал все по новой, на сей раз с большим артистизмом.

Тамтам продолжал излагать свой равномерный земной танец.

Папа Джо даже глаз не поднял.

— Плохой знак, — сказала Мама Джули. — Что ты знаешь об этом человеке?

— Много чего, — ответил я, усилием воли очищая свой мозг.

— Ангелсу.

— Что?

— Ангелсу, — повторила она. — Бог тьмы, которого надо бояться. Ангелсу вселился в твоего друга.

— Объясни, если можешь.

— Он редко приходит в наше селение. Он здесь нежеланный гость. Те, в кого он вселяется, становятся убийцами.

— Думаю, Хасан просто попробовал новую курительную смесь — мутантную амброзию или еще что-нибудь.

— Ангелсу, — снова сказала она. — Твой друг станет убийцей, потому что Ангелсу — бог смерти, и он приходит только вместе с ней.

— Мама Джули, — сказал я, — Хасан и так уже убийца. Если бы за каждого убитого им ты получила бы кусочек жвачки и попробовала бы всю ее сжевать, ты бы выглядела, как бурундук. Он профессиональный убийца — и поэтому старается держаться в рамках закона. С тех пор как на материке разрешены дуэли, большую часть своей работы он на них и делает. Ходили слухи, что иногда он совершает незаконные убийства, но это ни разу не удалось доказать. Так что, — закончил я, — скажи мне, кто он, Ангелсу — бог палачей или убийц? Все-таки между ними должна быть какая-то разница.

— Для Ангелсу — никакой, — промолвила Мама Джули.

Тем временем Дос Сантос, дабы прекратить спектакль, схватил Хасана за запястья. Он пытался разомкнуть его руки, однако как-нибудь попробуйте согнуть прутья решетки, и вы представите себе эту картину.

Я пересек помещение и со мной еще несколько человек. Как оказалось — к счастью, поскольку Хасан наконец заметил, что перед ним кто-то стоит, и рывком вниз освободил руки. Тут же из-под его одежды появился стилет с длинным лезвием.

В действительности ли он собирался применить его против Дона или еще кого-нибудь, вопрос спорный, потому что в этот момент Миштиго заткнул бутылку своей Коки большим пальцем и ударил его ею за ухом. Хасан повалился вперед, и Дон поймал тело, а же вырвал лезвие из его пальцев, а Миштиго закончил свою Коку.

— Интересный ритуал, — заметил веганец, — я и представить себе не мог, что в этом большом парне кроются такие сильные религиозные чувства.

— Это только доказывает, что ни в чем нельзя быть слишком уверенным, не так ли?

— Да. — Он вытянул руку, указывая на зевак: — Они что, все поголовно пантеисты?

Я покачал головой:

— Скорее, примитивные анимисты.

— А в чем разница?

— Ну, скажем, если эта бутылка Коки, только что опустошенная вами, должна занять свое место на алтаре, или «пе», как его называют, — она будет сосудом для Ангелсу, коль скоро она оказалась в тесной мистической связи с богом. Так ее видит какой-нибудь анимист. Ну а пантеист будет немного огорчен, если кто-нибудь явится без приглашения во время ритуала да еще и накуролесит вроде нас. Пантеисту, возможно, захочется принести незваных гостей в жертву Агве Войо, богу моря, — и он раскроит им черепа в соответствии с ритуалом и сбросит с пирса. Вот почему я не чувствую себя обязанным объяснять Маме Джули, что все эти люди, глазающие на нас, самые настоящие анимисты. Простите, я отойду на минутку.

На самом деле все обстояло далеко не так мрачно, но мне хотелось немножечко его напугать. Думаю, это удалось.

Извинившись и пожелав доброй ночи, я подобрал Хасана. Он был холоден и недвижим, и только мне было под силу тащить его.

Кроме нас, на улице никого не было, а большая великолепная лодка Агве Войо взрезала волны где-

нибудь за восточным краем мира, плеща в небеса его любимыми красками.

Дос Сантос рядом со мной сказал:

— Наверно, вы были правы. Видимо, нам не следовало с вами ходить.

Я не стал утруждать себя ответом, но Эллен, шедшая впереди с Миштиго, обернулась.

— Чушь. Если бы мы не пошли, то лишились бы замечательного драматического монолога в исполнении того, кто ставит шатры-палатки. — Тут я оказался в зоне досягаемости — обе ее руки метнулись ко мне, и пальцы сомкнулись у меня на горле. Давить она не давила, но ужасно гримасничала, рычала, мычала, охала: — В меня вселился Ангелсу, да и в тебя тоже! — А затем рассмеялась.

— Отпусти горло, иначе я просто сброшу на тебя этого араба, — сказал я, невольно сравнивая оранжево-коричневый цвет ее волос с оранжево-розовым цветом неба за ней и улыбаясь. — А то слишком уж он тяжелый.

Перед тем как отпустить, она сжала пальцы на моем горле — не сильно, но все же довольно чувствительно для шутки, — а затем снова повисла на руке у Миштиго, и мы двинулись дальше. Да, женщины никогда не дают мне пощечин, поскольку я всегда подставляю первой другую щеку, а они боятся грибка; так что, полагаю, слегка меня придушить — это и есть единственная для них альтернатива.

— Ужасно интересно, — поделилась Красный Парик. — Так необычно. Как будто во мне самой кто-то танцевал с ними. Странное было чувство. Вообще-то я не люблю танцы — никакие.

— Какой у тебя акцент? — перебил я ее. — Никак не могу определить.

— Не знаю, — сказала она. — Во мне помесь ирландского с французским. Жила на Гибридах, а также в Австралии, Японии, до девятнадцати лет...

Тут Хасан простонал, изогнулся, напрягая мышцы, и я почувствовал резкую боль в плече.

Я опустил его на порог и обыскал, обнаружив два метательных ножа, еще один стилет, очень изящный гравитационный нож, Бови с зубчатым лезвием, щепочки для удушения и металлическую коробочку с различными порошками и пузырьками с жидкостями, которые я не стал тщательно исследовать. Мне понравился гравитационный нож, и я оставил его при себе. Это был Корикама, очень хорошей отделки.

В конце следующего дня — назовем его вечером — я хитростью заманил старика Фила, решив сделать себе такой подарок за посещение номера люкс Дос Сантоса в отеле «Роял».

Редпол до сих пор дает Филу от ворот поворот, как какому-нибудь возвращенцу Тому Пейну, даже не смотря на то что мой друг уже более полувека доказывает, что он тут ни при чем, — с тех самых пор, как стал обретать значительность и респектабельность. Помимо «Зова Земли», возможно, лучшего из написанного им, он также клепал Статьи Возвращения, которые помогли высветить нужную мне злобу дня. В ту пору Фил был способен на безответственные поступки, хотя в то же время считался постановщиком проблем, и я уверен, что он еще собирает в свой архив нежные взгляды и пылкие признания, время от времени достает их, стряхивает пыль, испытывая при этом явное удовольствие.

Кроме Фила, у меня был еще один предлог для визита — я хотел посмотреть, как чувствует себя Хасан после прискорбного удара, который он получил в поселке. А вообще-то я хотел воспользоваться случаем, чтобы поговорить с Хасаном и выяснить, если уж на то пошло, готов ли он мне сообщить, каковы его теперешние обязанности.

Итак, мы с Филом отправились туда пешком. От строений Конторы до отеля было недалеко. Около семи минут своим ходом.

— Ты уже закончил писать элегию на меня? — спросил я.

— Еще над ней работаю.

— Ты двадцать лет это говоришь. Поторопился бы, чтобы я успел прочесть.

— Я могу показать тебе несколько очень милых... на Лоурела, на Джорджа, есть даже одна на Дос Сантоса. В моей картотеке все виды заготовок — из ряда трафаретов — для людей менее выдающихся. Однако твоя — целая проблема.

— А именно?

— Я вынужден постоянно ее обновлять. Ты ведь не стоишь на месте — живешь себе, радуешься, делаешь что-то.

— Не одобряешь?

— Большинство людей имеют честь что-то делать с полвека, а затем они замирают на месте. С их элегиями нет проблем. У меня такими шкафы забиты. Но, боюсь, твоя должна быть вещью свежее испеченной с диссонансом в конце. Я не люблю так работать. Мне нужны годы, чтобы все хорошенько обдумать, чтобы тщательно оценить жизнь моего героя, и без вмешательства со стороны. А вы, те, кто живет свои жизни, как в народных песнях, с вами хлопот не оберешься. Думаю, ты хочешь, чтобы я написал тебе эпос, но я становлюсь слишком стар для этого. Иногда я засыпаю на ходу.

— По-моему, ты просто водишь меня за нос, — сказал я ему. — Другие заполучают свои элегии, мне бы хотя бы парочка хороших детских стишков.

— У меня такое чувство, что твоя вскоре будет закончена, — заметил он. — Я постараюсь вовремя сделать для тебя экземпляр.

— О! Из каких таких глубин истекает сие чувство?

— Кто может локализовать источник вдохновения?

— Ты.

— Это снизошло на меня, когда я медитировал. Я был занят сочинением элегии на веганца — конечно, просто так, в порядке упражнения — и вдруг поймал себя на мысли: «Скоро я закончу элегию на грека». — Немного помолчав, он продолжал: — Концепция этой

вещи такова: ты — как два человека, один ростом выше другого.

— Это можно сделать, если я встану перед зеркалом и буду переносить вес с ноги на ногу. У меня одна нога короче другой. Таким образом я концептуализирую твою идею. Ну и что дальше?

— Ничего. Ты все это не совсем правильно понимаешь.

— Это культурная традиция, против которой у меня никогда не было достаточного иммунитета. Вроде моей слабости к узлам, лошадям — Гордия, Троя... Сам знаешь. Мы прилипали.

Он молчал на протяжении десяти последующих шагов.

— Так перья или свинец? — спросил я его.

— Пardon?

— Это загадка калликанзаросцев. Выбирай.

— Перья?

— Ты ошибся.

— А если бы я сказал: «свинец»?

— Ну... У тебя только один шанс. Правильный ответ тот, который нужен калликанзаросцу. Ты проиграл.

— Это слегка смахивает на приговор.

— Такова Калликанзароя. Скорее греческое, чем восточное коварство. Не столь непостижимое. Поскольку твоя жизнь часто зависит от ответа, калликанзаросец, как правило, предпочитает, чтобы в проигравших был ты.

— Почему?

— Спроси при встрече у какого-нибудь калликанзаросца, если представится такой случай. Они природы неуправляемые.

Мы вышли на нужную авеню и повернули по ней.

— С чего это тебя вдруг снова заинтересовал Редпол? — спросил Фил. — Ты ведь давным-давно ушел оттуда.

— Я ушел в подходящее время, и все, что меня интересует, это оживает ли он снова — как и в прежние дни. Хасан мнит себя шишкой, поскольку всегда

обеспечивает успех, и я хочу знать, что там у них в заглавнике.

— Ты не встревожен тем, что они тебя отыскивали?

— Нет. Возможно, в этом есть свои неудобства, но я сомневаюсь, что это меня свяжет.

«Роял» засверкал перед нами, и мы вошли, прямоком направившись в номер люкс. Когда мы шагали по ковровой дорожке коридора, Фил в порядке констатации заметил:

— Опять я создаю помехи.

— Похоже, что так.

— О'кей. Десять против одного, что ничего ты не разнюхаешь.

— На это ставить не буду. Возможно, ты и прав.

Я постучал в дверь из темного дерева.

— Привет, — сказал я, когда она открылась.

— Входите, входите.

И мы вошли.

Десять минут мне потребовалось, чтобы перевести разговор на прискорбную тему избития Бедуина, поскольку там была Красный Парик, сбивавшая меня с толку тем, что была там и сбивала с толку.

— Доброе утро, — сказала она.

— Добрый вечер, — сказал я.

— Есть что-нибудь новенькое в Искусствах?

— Нет.

— В Монументах?

— Нет.

— В Архивах?

— Нет.

— Какая интересная у вас работа!

— О, все романтики из конторы информации — это они создали ореол, растрезвонили про нас чего нет. А в действительности мы лишь обнаруживаем, восстанавливаем и сохраняем письменные следы и остатки материальной культуры человечества.

— Что-то вроде старателей культурной помойки?

— М-да... Думаю, сказано точно.

— Но зачем?

— Зачем что?

— Зачем вы это делаете?

— Кто-то должен, ведь это культурная помойка. Так что постараться стоит. Свою помойку я знаю лучше всех.

— Ты одержим, при том что и скромн. Тоже хорошо.

— Когда я просился на эту работу, было не так уж много из кого выбирать, — а я знал, где припрятано огромное количество помоек.

Она протянула мне питье, сама сделала полтора глоточка из своего бокала и спросила:

— Они еще и вправду вокруг нас?

— Кто? — поинтересовался я.

— Старые боги. Корпорация божеств. Вроде Ангелсу. Я думала, что все боги покинули землю.

— Нет, не покинули. То, что в большинстве своем они похожи на нас, не означает, что они ведут себя так же, как мы. Когда человек покидал землю, он не предложил им отправиться вместе с ним, а у богов тоже есть гордость. Однако, возможно, они должны были остаться, — есть такая вещь под названием ананке, смертная участь. Никому ее не миновать.

— Как и прогресса?

— Да. К вопросу о прогрессе. Как Хасан прогрессирует? Когда я видел его в последний раз, он остановился на мертвой точке.

— Уже на ногах. Орясина. Толстая черепашка. Здоровехонек.

— Где он?

— Дальше, налево, Зал для игр.

— Пожалуй, я схожу выразить ему свое сочувствие. Прощаешь?

— Уже прощен, — сказала она, кивая, и пошла послушать, как Дос Сантос говорил с Филом. Фил, естественно, приветствовал такое пополнение.

Никто не отметил мой уход.

Зал для игр находился в другом конце длинного коридора. Подходя, я услышал «шмак», потом стало тихо, а потом снова — «шмак».

Я открыл дверь и заглянул.

Он был там один.

Стоял спиной ко мне, но, услышав, что дверь открылась, быстро повернулся.

На нем был длинный пурпурный халат, правая его рука покачивала нож. На затылке красовалась большая нашлапка пластыря.

— Добрый вечер, Хасан.

Рядом с ним стояла корзина с ножами, а на противоположной стене он укрепил мишень. В ней торчало два ножа — один в центре, другой на шесть дюймов в сторону, девятка на циферблате.

— Добрый вечер, — медленно произнес Хасан. Затем, подумав, добавил: — Как себя чувствуешь?

— О, отлично. Я пришел задать тебе тот же вопрос. Как твоя голова?

— Боль очень сильная, но пройдет.

Я закрыл за собой дверь.

— Тебе, должно быть, что-то привиделось прошлым вечером.

— Да. Мистер Дон Сантос говорит, что я сражался с призраками. Не помню.

— Ты ведь не курил то, что толстый доктор Эммет называет Каннабис сатива — конопля.

— Нет, Караги. Я курил цветок-вампир, который сосет человеческую кровь. Нашел его у Старого Места — Константинополя — и аккуратно высушил лепестки. Одна старуха сказала, что он позволит мне заглянуть в будущее. Она соврала.

— ...И кровь вампира вызывает приступы безумия? Это что-то новое, надо записать. Между прочим, ты только что назвал меня Караги. Я бы хотел, чтобы ты так меня не называл. Меня зовут Номикос, Конрад Номикос.

— Хорошо, Караги. Я был удивлен, увидев тебя. Я думал, что ты давно умер, когда твой великолепный корабль разбился в гавани.

— Караги тогда и умер. Ты говорил кому-нибудь, что я похож на него?

— Нет, я попусту не болтаю.

— Хорошая привычка.

Я пересек комнату, выбрал нож, взвесил его на руке, метнул, и он воткнулся примерно в десяти дюймах справа от яблочка.

— Давно работаешь на мистера Дон Сантоса?

— Примерно с месяц.

Он метнул нож. Тот воткнулся на пять дюймов ниже яблочка.

— Ты что, его телохранитель?

— Верно. Я также охраняю голубого.

— Дон Сантос говорит, что он боится покушения на Миштиго. Тому действительно что-то угрожает, или же он в безопасности?

— Возможно и то, и другое, Караги. Я не знаю. Мне платят только за охрану.

— Если я заплачу тебе больше, ты скажешь, кого тебе поручили убить?

— Мне поручили только охрану, но, если бы было иначе, я бы все равно тебе не сказал.

— Не думаю. Пойдем возьмем ножи.

Мы подошли к мишени и вытащили из нее ножи.

— Итак, если это, случаем, я, что вполне возможно, почему бы нам не решить дело прямо сейчас? — предложил я. — У каждого из нас по два лезвия. Тот, кто выйдет из зала, скажет, что другой на него напал, так что остальное было делом самообороны. Свидетелей нет. Прошлым вечером нас видели пьяными, во всяком случае нетрезвыми.

— Нет, Караги.

— Что «нет»? Нет, что я не был пьяный? Или нет, чтобы мы все решили именно таким образом?

— Я могу сказать: ты ни при чем. Но откуда тебе знать, правду ли я говорю.

— Верно.

— Я могу сказать, что не хочу это решать именно таким образом.

— В самом деле?

— Я этого не говорю. Но чтобы дать тебе приемлемый ответ, скажу следующее: если бы я хотел тебя убить, я бы это сделал не ножом, что у меня в руке, и я не стал бы боксировать с тобой или бороться.

— Почему?

— Потому что много лет тому назад, когда я был мальчиком, я работал на курорте в Керчи, прислуживал за столом у богатых веганцев. Ты не знал меня тогда. Я только что приехал с Памира. А ты с другом-поэтом прибыл в Керчь...

— Теперь я вспомнил. Да... В тот год умерли родители Филадельфия — они были моими добрыми друзьями, и я собирался отдать Филадельфия в университет. Но там был веганец, который отобрал у Филадельфия его первую женщину и взял ее с собой в Керчь. Да, циркач-эстрадник — забыл его имя.

— Триппай Лиго, шаджапта-боксер, и выглядел он как гора на краю великой равнины — высокий, неколебимый. Он боксировал против цестуса* веганцев — на голый кулак наматывается кожаный ремень с десятью острыми шипами.

— Да, помню...

— Прежде ты никогда не занимался боксом шаджапта, но ты дрался с ним за девушку. Собралась огромная толпа из веганцев и девушек-землянок, и, чтобы видеть, я забрался на стол. Уже через минуту твоя голова была вся в крови. Он старался, чтобы кровь залила тебе глаза, а ты все встряхивал головой. Мне было тогда пятнадцать, я сам убил только троих и думал, что ты умрешь, потому что ты даже ни разу не коснулся его. А потом правая твоя рука выстрелила в него, как брошенный молот, как молния! Ты ударил его прямо в середину этой двойной кости, которая есть в грудной клетке голубых, — а они в этом месте куда крепче нас, — и расколол его, как яйцо. Я бы никогда так не смог. Вот почему я боюсь твоих кулаков и твоих рук. Позднее я узнал, что ты убил голыми руками летуче-паучью мышшь... Нет, Караги, я бы убивал тебя на расстоянии.

— Это было так давно... Не думал, что кто-нибудь еще помнит.

— Ты отбил эту девушку.

* Цестус — кулачный боец в Древнем Риме.

— Да. Запомнил ее имя.

— Но ты не вернул ее поэту. Ты взял ее себе. Вот, вероятно, почему он тебя ненавидит.

— Фил? Из-за той девушки? Я даже забыл, как она выглядела.

— А он никогда не забывал. Вот почему, думаю, он ненавидит тебя. Я распознаю запах мести, могу вынюхать ее источник. Ты увел его первую женщину.

— Таково было ее желание.

— И он стареет, а ты остаешься молодым. Это печально, Караги, когда у друга есть причина ненавидеть друга.

— Да.

— И я не могу ответить на твои вопросы.

— Возможно, тебя наняли убить веганца.

— Возможно.

— Зачем?

— Я сказал, что это возможно, но это не факт.

— Тогда я задам тебе еще только один вопрос, и покончим с этим. Какой прок в смерти веганца? Его книга принесла бы пользу нашим отношениям с веганцами.

— Я не знаю, есть ли в этом прок или нет, Караги. Давай лучше метать ножи.

Что мы и делали. Я уловил расстояние и баланс и послал два ножа прямо в десятку. Затем Хасан всадил еще два, вдобавок к ним, последний нож вскрикнул болевым криком металла, завибрировав возле одного из моих.

— Хочу кое-что тебе сообщить, — сказал я, когда мы снова их вытащили. — Я возглавляю поездку и отвечаю за безопасность ее участников. Я тоже буду охранять веганца.

— Очень хорошо, Караги. Ему нужна защита.

Я положил ножи в корзину и двинулся к двери.

— Мы отправляемся завтра в девять утра. У меня будет конвой скиммеров на первом поле территории Конторы.

— Хорошо. Доброй ночи, Караги.

— ...И зови меня Конрад.

— Хорошо.

Он изготовился, чтобы бросить нож в мишень. Я закрыл дверь и двинулся по коридору обратно. Пока я шел, я услышал еще один «шмак», и прозвучал он гораздо явственней, чем тот, первый. А эхо его прокатилось мимо меня по всему коридору.

Пока шесть скиммеров летели через океаны в направлении Египта, я обратил свои мысли сначала к Косу и Кассандре, а затем не без труда выудил их оттуда и послал вперед — к пескам, к Нилу, к крокодилам-мутантам и некоторым усопшим фараонам, которых должен был тогда потревожить один из последних моих проектов. («Смерть приходит на мягких крыльях к тому, кто оскверняет...» и т. д.) А затем я стал думать о человечестве, грубо запихнутом на полустанок Титана, где оно работает в Конторе Земли, унижающемся на Тайлере и Бакабе, болтающемся на Марсе и кое-как перебивающемся на Рилпахе, Дивбахе, Литане и на паре дюжин других миров Веганского Объединения. Затем я стал думать о веганцах.

Голубокожий народец со смешными именами и рябой, как после оспы, взял нас к себе, когда мы замерзали, и накормил нас, когда мы голодали. Да. Они прекрасно разобрались в том, как пострадали наши колонии на Марсе и Титане в результате почти вековой оторванности от всего и вся, случившейся после Трехдневного конфликта, — это ведь только потом был создан приемлемый межзвездный корабль. Как коробочный долгоносик (по словам Эммета), мы искали свой дом, поскольку привыкли к тому, что прежде он у нас был. Хотели ли веганцы уничтожить сих насекомых? Нет. Раса более древняя и мудрая, они позволили нам селиться в их мирах, жить и работать в их городах, будь то на суше или на море. Потому что даже такая развитая цивилизация, как веганская, испытывает некоторую потребность в ручном труде одной из разновидностей живых существ с противостоящим большим пальцем руки. Ни машины, ни машинные

мониторы не заменят хороших домашних слуг, равно как хороших садовников, рыбаков в соленом море, представителей опасных профессий — подземных рабочих и наземных проституток, — а также фольклорных циркачей из чуждой веганцам разновидности живого мира. По общему убеждению, присутствие там человека несколько снижает уровень веганской среды обитания, однако же люди сами это компенсируют своим личным вкладом во все увеличивающееся тамошнее благосостояние.

Мысль эта и вернула меня к Земле. Веганцы прежде никогда не видели полностью разрушенной цивилизации, так что наша родная планета произвела на них большое впечатление. Достаточно большое, чтобы терпеть на Тайлере наше правительство-в-отсутствии. Достаточно большое, чтобы покупать билеты для земного путешествия, дабы осмотреть руины. Достаточно большое даже для того, чтобы покупать здесь недвижимость и строить курорты. Есть свое очарование в планете, которую используют как музей. (Что там Джеймс Джойс говорил о Риме?) Так или иначе, по итогам каждого бюджетного года веганцев мертвая Земля еще приносит своим живущим на ней внукам небольшой, но ценный доход. Вот почему — Контора, Лоурел, Джордж, Фил и все прочее.

Вот почему — даже и я, в каком-то смысле.

Далеко внизу океан был как серо-голубой ковер, который утаскивали из-под нас. Его сменил темный материк.

Мы устремились в направлении Нового Каира. Приземлились в стороне от города. Посадочной площадки там нет. Мы просто опустились на пустое поле, которое использовали для этих целей, и оставили Джорджа для охраны.

Старый Каир еще горюч, однако те, с кем можно иметь дело, живут в основном в Новом Каире, так что путешествовать можно довольно нормально. Миштиго не захотел посетить мечеть Кейт-Бей в Городе Мертвых, которая сохранилась после Трех Дней; однако он ради меня согласился сесть в скиммер и полетать

вокруг нее на малой высоте и скорости, дабы пофотографировать и посмотреть. Если уж говорить о монументах, то он хотел посетить пирамиды, Луксор, Карнак, Долину Царей и Долину Цариц.

Хорошо, что мы осмотрели мечеть с воздуха. Под нами судорожно бегали какие-то темные фигуры, останавливаясь лишь затем, чтобы бросить в летательный аппарат камень.

— Кто они? — спросил Миштиго.

— Горючие, — сказал я. — Что-то вроде людей. Они различаются по размеру, форме и ничтожности.

Мы еще покружили, пока он не удовлетворил свое любопытство, и вернулись на поле.

Итак, снова приземлившись в лучах сверкающего солнца, мы высадились, выставили охрану у скиммера и двинулись по разбитому шоссе, где асфальт чередовался с песком; кроме меня и двух временных помощников шли Миштиго, Дос Сантос и Красный Парик, Эллен и Хасан. Эллен лишь в последнюю минуту решила сопровождать в поездке своего мужа.

По обе стороны дороги тянулись поля высокого сахарного тростника, блестящего на солнце. Вскоре поля остались позади — мы шагали мимо низких служебных построек города. Дорога стала шире. Тут и там росли пальмы, возле них лежали островки теней. Два малыша с огромными карими глазами проводили нас взглядом. Они погоняли усталую шестиногую корову, вращавшую сакию — большое колесо для поливки; для здешних мест обычная картина, с тем лишь отличием, что от этой коровы оставалось больше отпечатков копыт.

Мой надзиратель этих мест Рамзес Смит встретил нас в гостинице. Крупный, на его золотистого цвета лицо надета крепкая сеть морщин; у него были типично печальные глаза, но постоянная улыбка компенсировала это впечатление.

В ожидании Джорджа мы сидели в главном зале гостиницы, потягивая пиво. Чтобы заменить его, была послана охрана из местных.

— Работа идет все лучше, — сказал мне Рамзес.

— Отлично, — отозвался я.

Никто меня не спросил, что это за «работа» такая, в связи с чем я испытывал положительные чувства. Я хотел, чтобы для них это был сюрприз.

— Как твоя жена, дети?

— Отлично.

— А новорожденный?

— Выжил, — сказал Рамзес гордо, — и безо всяких осложнений. Я послал жену на Корсику, там он и родился. Вот фото.

Я сделал вид, будто внимательно разглядываю, и выразил свое одобрение ожидаемыми от меня междометиями.

— Так вот, что касается съемки, — сказал я, — тебе не нужно дополнительное оборудование?

— Нет, мы отлично обеспечены. Все идет хорошо. Когда вы хотите посмотреть работу?

— Сразу же, как только что-нибудь поедем.

— Вы мусульманин? — вмешался в разговор Миштиго.

— Я коптской веры, — ответил Рамзес, на сей раз не улыбувшись.

— О, в самом деле? Вы еретики-монофизиты, не так ли?

— Мы не считаем себя еретиками, — ответил Рамзес.

Когда Миштиго ударился в перечень христианских ересей, для него забавных, да и только, я сел, размышляя, правильно ли сделали мы, греки, что пустили логику в этот несчастный мир. Еще раньше, в приступе злости, оттого что должен возглавить поездку, я записал их все в журнале путешествия. Позднее Лоурел сказал мне, что это был отличный и хорошо оформленный документ. Что, кстати, показывает, как отвратительно я должен был себя чувствовать в тот момент. Я даже занес в журнал информацию о том, как в шестнадцатом веке по ошибке канонизировали Будду как святого Иозафата. Под конец, поскольку Миштиго явно смеялся над нами, я понял, что мне остается или убить его, или сменить эту пластинку.

Хотя сам я и не был христианином, его теологическая комедия ошибок не нанесла удар в солнечное сплетение моей религиозности. Однако я испытал досаду: представитель другой расы не поленился предпринять настолько трудоемкое исследование, что мы рядом с ним выглядим как идиоты.

Пересматривая данный вопрос в настоящем, я понимаю свою ошибку. Успех видеозаписи, которую я тогда делал (та самая «работа», что упоминал Рамзес), подтверждает более поздние мои гипотезы относительно веганцев: они столь смертельно наскучили себе, а мы были столь неизведаны, что они вцепились и в злободневные наши проблемы, и в те, что стали уже классическими, равно как и в ту, что для нас всегда остается животрепещущей. Они принялись ломать себе голову над тем, кто в действительности написал пьесы Шекспира, на самом ли деле Наполеон умер на острове Святой Елены, кто были первые европейцы, ступившие на земли Северной Америки, и указывают ли книги Чарльза Форта, что Землю посещала неизвестная веганцам разумная раса — и так далее. Высшая же каста веганского общества интересуется даже теологическими дискуссиями нашего средневековья. Смешно.

— Так вот, относительно вашей будущей книги, Шрин Штиго... — прервал я его. То, что я использовал почтительное обращение, остановило веганца на полуслове.

— Да? — отозвался он.

— У меня такое впечатление, что у вас нет ни малейшего желания говорить на эту тему ни теперь, ни впредь. Я, конечно, полон уважения к подобному чувству, но, как руководителя поездки, оно ставит меня в довольно затруднительное положение.

Оба мы понимали, что мне следовало бы затронуть этот вопрос в личной беседе, особенно после его реплики, адресованной Филу в гостинной, но я был настроен сварливо и хотел, чтобы он знал об этом и чтобы разговор перешел в другое русло. Поэтому я сказал:

— Будет ли это в основном географический отчет о местах, которые мы посетим, или вам предпочтительно, чтобы мы обратили ваше внимание на местную специфику — будь то, так сказать, вопросы политики или насущные вопросы культуры.

— Главный мой интерес — написать занимательную книгу о путешествии, — ответил он, — но мне любопытна любая информация о нашем пути. Во всяком случае, я считал, что это — ваша работа. Что же касается земных традиций и здешних текущих проблем, то общее представление о них я имею, и они не очень меня занимают.

Дос Сантос, который ходил и курил в ожидании, пока готовят еду, остановился в полшаге от нас и сказал:

— Шрин Штиго, что вы думаете по поводу Движения Возвращенцев? Вы сочувствуете нашим целям? Или считаете затею эту мертворожденной?

— Да, — ответил он, — последнее. Я убежден, что если кто-то мертв, то единственная его обязанность — это удовлетворить потребителя. Я уважаю ваши цели, но не пойму, как вы можете надеяться на их реализацию. Почему люди должны отказываться от гарантий своей безопасности ради возвращения сюда? Большинство представителей нынешнего поколения никогда даже не видели Землю, кроме как на пленках, — а вы должны признать, что это весьма маловдохновляющие документы.

— Я с вами не согласен, — возразил Дос Сантос, — и считаю ваш подход ужасно патрицианским.

— Именно таким он и должен быть, — произнес Миштиго.

Джордж и еда появились почти одновременно. Два официанта стали накрывать на стол.

— Я бы предпочел есть один за маленьким столом, — объяснил Дос Сантос официанту.

— Вы здесь, потому что сами об этом просили, — напомнил я.

Дос Сантос взял себя в руки и глянул тайком на Красный Парик, которая по воле случая сидела справа

от меня. Мне показалось, что я засек едва уловимое движение ее головы, сначала налево, затем направо.

Дос Сантос собрал все черты своего лица вокруг маленькой улыбки и слегка кивнул.

— Простите мой латинский темперамент, — заметил он. — Вряд ли удастся обратить кого-либо в веру Возвращенцев за пять минут, и каждый раз мне трудно скрыть свои чувства.

— Это уж точно, — сказал я и добавил: — Я голоден.

Он сел напротив нас, рядом с Джорджем.

— Узрите Сфинкса, — промолвила Красный Парик, указывая на гравюру на дальней стене, — чья речь — то долгое молчание, то вдруг загадка. Он стар как само время. В высшей степени уважаем. Дряхл вне всякого сомнения. Рот он не открывает и ждет. Чего? Кто знает... Вы испытываете тягу к монолитному в искусстве, Шрин Штиго?

— Иногда, — бросил веганец, сидя слева от меня.

Дос Сантос быстро глянул через плечо и снова посмотрел на Диану. Он ничего не сказал.

Я попросил Красный Парик передать мне соль, и она передала. Мне и в самом деле хотелось высыпать на нее соль, чтобы она застыла соляным столпом, и тогда бы в свободное время я бы наконец познал ее, но вместо этого я использовал соль для картошки.

И в самом деле, узрите Сфинкса!

Солнце в зените, короткие тени, жара — вот как это было. Я не хотел, чтобы какие-нибудь вездеходы или скиммеры портили картину, поэтому заставил всех идти пешком. Это было недалеко, и я выбрал несколько окольный путь, чтобы достичь предполагаемого эффекта.

Вкривь и вкось мы прошагали милю, где карабкаюсь вверх, где спускаюсь. Я конфисковал у Джорджа сачок для бабочек, чтобы избежать раздражающих пауз, когда мы пересекали несколько клеверных полей, лежавших на нашем пути.

Ходьба обратно сквозь время — вот что это было: мимо стремительно проносились птицы ярких расцветок (фьють! фьють!), а стоило нам только подняться на какой-нибудь небольшой пригорок, как далеко на горизонте возникала пара верблюдов. (Очертания верблюдов, как будто рисунок углем... Но хватит об этом. Никого не волнует впечатление от верблюдов. Даже самих верблюдов, если уж по правде. Бедные больные животные...) Невысокая смуглая женщина устало тащила мимо с высоким кувшином на голове. Миштиго отметил сей факт для своего карманного помощника. Я кивнул женщине и произнес приветствие. Женщина ответила на приветствие, но, естественно, не кивнула. Элен, уже мокрая от пота, обмахивалась большим зеленым треугольником из перьев; Красный Парик шагала прямая, высокая, капельки испарины выступили на верхней ее губе, а глаза были спрятаны за солнечными очками, затемнившимися до своего предела. Наконец мы взобрались на последний невысокий холм.

— Глядите, — сказал Рамзес.

— Madre de Dios! — вырвалось у Дос Сантоса.

Хасан выругался.

Красный Парик быстро повернулась ко мне, затем обратно. Из-за ее солнечных очков я не смог прочесть выражения ее лица. Элен продолжала обмахиваться.

— Что они делают? — спросил Миштиго. Впервые я видел его таким удивленным.

— Ничего особенного, — сказал я. — Разбирают великую пирамиду Хеопса.

Последовала пауза, а затем Красный Парик спросила:

— Зачем?

— В общем, затем, — ответил я, — что в этих местах нехватка строительных материалов. Камень из Старого Каира радиоактивен, вот они и добывают стройматериал, растаскивая по частям этот древний кусок твердого геометрического тела.

— Они оскверняют памятник великому прошлому рода человеческого! — воскликнула она.

— Нет ничего дешевле, чем великое прошлое, — заметил я. — Мы же имеем дело с настоящим, и сейчас им нужны строительные материалы.

— Давно ли это началось? — гневно осведомился Миштиго.

— Мы начали разборку три дня назад, — сказал Рамзес.

— Кто дал вам право делать подобные вещи?

— Решение принимала Земная Контора, Шрин, — Отдел Искусств, Памятников и Архивов.

Миштиго повернулся ко мне, его янтарные глаза странно светились.

— Вы!

— Я, — признал я, — то бишь Комиссар. Совершенно верно.

— Почему никто не знает об этой вашей акции?

— Потому что сюда приезжают лишь единицы, — объяснил я. — Что является еще одной причиной для разборки пирамиды. В настоящем ее даже перестали осматривать. Мне же дано право принимать подобные решения.

— Я прибыл сюда из другого мира, чтобы осмотреть ее!

— Так поторопитесь взглянуть, — сказал я ему. — Она скоро исчезнет.

Веганец отвернулся и впился в нее глазами.

— Вы, очевидно, не имеете никакого представления о ее подлинной ценности. А если имеете...

— Наоборот, я знаю абсолютно точно, сколько она стоит.

— ...А те несчастные создания, которые работают там, внизу, — голос его становился все выше, по мере того как он вглядывался в происходящее, — под жгучими лучами вашего мерзкого солнца, они ведь трудятся в примитивнейших условиях! Вы хоть слышали когда-нибудь о подвижных механизмах?

— Конечно. Они дороги.

— И у ваших прабабов кнуты! Как можно так относиться к собственным людям? Это не лезет ни в какие рамки!

— Все те люди работают добровольно, за символическую плату, и «Экуити» не позволяет нам использовать кнуты, даже несмотря на то, что статисты выступают за право их применения. Все, что нам разрешено, — это щелкать кнутами возле работающих.

— «Экуити»?

— Профсоюз актеров. Хотите посмотреть на механизмы? — Я сделал широкий жест. — Взгляните вон на тот холм.

Он посмотрел.

— Что там?

— Мы записываем все на видеопленку.

— С какой целью?

— Когда закончим, мы смонтируем пленку до приемлемой продолжительности и пустим ее в обратную сторону. Мы хотим назвать ее «Строительство Великой пирамиды». Отличная штука — и для развлечения, и для денег. С тех пор как ваши историки узнали о пирамиде, они ломают себе голову, как же именно мы ее сложили. Надеюсь, эта пленка их немножко осчастливит. Я решил, что операция ГСПН — это то, что надо.

— ГСПН?

— Грубая Сила и Полное Невежество. Нет, только полюбуйте, как они мне ее портят — следят за камерой, валяются на камнях, а затем вскакивают, как угорелые, едва она поворачивается в их сторону. В конце концов они так действительно свалятся от усталости. Но все-таки это первый земной фильм за многие годы. И люди по-настоящему воодушевлены.

Дос Сантос глянул на оскаленные зубы Красного Парика, на бугорки мускулов под ее глазами. Затем уставился на пирамиду.

— Вы сумасшедший, — провозгласил он.

— Едва ли, — отозвался я. — Отсутствие памятника может, в некотором роде, тоже быть памятником.

— Памятником Конраду Номикосу, — подтвердил он.

— Нет, — сказала затем Красный Парик. — Раз есть искусство созидания, то наверняка есть и искус-

ство разрушения. Видимо, он это и пробует. Он играет роль Калигулы. Пожалуй, я даже могу понять почему.

— Спасибо.

— Не ждите от меня «пожалуйста». Я говорю «пожалуй». Ведь художник и это должен делать с любовью.

— Любовь — отрицательная форма ненависти.

— «Я умираю, Египет, умираю», — продекламировала Элен.

Миштиго рассмеялся.

— А вы круче, чем я думал, Номикос, — заметил он. — Но вы не незаменимы.

— Попробуйте уволить гражданского служащего, особенно такого, как я.

— Это легче, чем вы думаете.

— Посмотрим.

— Увидим.

Мы повернулись к великой (на девяносто процентов) пирамиде Хеопса (Хуфу). Миштиго снова стал записывать свои наблюдения.

— Я бы хотел, чтобы вы сделали обзор прямо отсюда, — сказал я. — Наше присутствие там — лишь напрасная трата пленки. Мы не впишемся. Можно спуститься вниз, когда будет перерыв на чашку кофе.

— Согласен, — сказал Миштиго, — и полагаю, что догадываюсь, кто не вписывается. Но здесь я уже увидел все, что мне нужно. Пошли обратно в гостиницу. Я хочу поговорить с местными.

Затем он стал размышлять вслух:

— Тогда я сверх намеченного осмотрю Сахару. Вы еще не начали разбирать памятники Луксора, Карнака и Долины Царей?

— Пока еще нет.

— Отлично. Прежде всего их и осмотрим.

— Только пойдем отсюда, — сказала Элен. — Жара чертовская.

И мы повернули назад.

— Вы и в самом деле думаете то, что говорите? — спросила Диана, когда мы шли обратно.

— До некоторой степени.

- Как вы можете думать о подобных вещах?
— По-гречески, конечно. Затем перевожу их на английский. Это я умею.
— Кто вы?
— Озимандия. Взгляните на дело рук моих, ваше величество отчаяние.
— Я не величество.
— Ой ли... — сказал я и отвернулся от обращенной ко мне стороны её лица, на которой, насколько мне было видно, отобразилось довольно смешное выражение.

— Позвольте рассказать вам о боадилах, — сказал я.

Наша фелюга медленно скользила по спящей водной дорожке, прожигаящей себе путь в виду у великих серых колоннад Луксора.

Миштито находился спиной ко мне. Он ел взглядом колонны и надиктовывал свои первые впечатления.

— Где мы высадимся? — спросил он меня.

— Милей ниже по нашему ходу. Может, я лучше расскажу вам о боадилах?

— Я знаю, что такое боадил. Я говорил вам, что изучал ваш мир.

— Хо-хо... Читать о них — это одно, а...

— Я видел боадилов. На Тайлере их целых четыре, в Саду Земли.

— ...а видеть их в водоеме совсем другое...

— С вами и Хасаном мы настоящий плавающий арсенал. Я насчитал на вашем поясе три гранаты, четыре — на его, — многозначительно сообщил мне Миштито.

— Если боадил навалится сверху, вы не сможете применить гранату — прежде всего из чувства самосохранения. А если он далеко, гранатой вы его не подорвете. Слишком уж они быстры.

Наконец-то он обернулся ко мне:

— Так что же вы применяете?

Я покопался в своей галабее (надетой взамен родной, утраченной) и вытащил оружие, которое старался всегда иметь под рукой, когда ходил этим маршрутом.

Миштиго осмотрел его.

— Как это называется?

— Пистолет механического действия. Стреляет пулями с метацианидом — ударная сила в одну тонну при беглой стрельбе. Не очень прицельно, да это и не нужно. Сделан по образцу автомата двадцатого века под названием «шмайссер».

— Не очень-то послушное оружие. Им можно остановить боадила?

— Если повезет. У меня есть еще парочка в одном из ящиков. Дать?

— Нет, спасибо. — Он помолчал. — Но вы можете поподробнее рассказать мне о боадилах. Я ведь только взглянул на них в тот день, и они в общем-то были на глубине.

— Н-да... Голова — почти как у крокодила, только больше. Длинной около сорока футов. Могут свернуться в клубок — что-то вроде огромного пляжного мяча, только с зубами. Стремительные — и на земле, и в воде, и еще до черта маленьких лап с обеих сторон...

— Сколько лап? — переспросил он.

— Хм, по правде говоря, никогда не считал. Минуточку. Эй, Джордж, — кликнул я, обернувшись назад, где в тени паруса лежал и подремывал выдающийся главный биолог Земли. — Сколько лап у боадила?

— Чего? — Голова его приподнялась.

— Я спрашиваю: сколько лап у боадила?

Он встал, слегка потянулся и подошел к нам.

— Боадила... — вслух подумал Джордж, ковыряя пальцем в ухе и пролистывая внутреннюю свою карточку. — Несомненно принадлежат к классу рептилий, в этом мы можем быть уверены. Но относятся ли они к отряду крокодилов, к собственному подотряду, или же они из отряда чешуйчатых, подотряда ящеров, семейства неоподов — как не вполне серьезно настаивают мои коллеги с Тайлера, — этого мы не знаем. Для меня они своего рода реминисценция фотокопий того,

как в предтрехдневные времена художники изображали фитозавров мезозойской эры, естественно, с добавлением численности ног и способности к сокращению мышц. Я же лично настаиваю на отряде крокодилов.

Он прислонился к ограждению борта, и взгляд его вперился вдаль над мерцающей поверхностью воды. Я понял, что он больше ничего не собирается добавить, потому снова спросил:

— Так сколько у него лап?

— Чего? Лап? Никогда не считал их. Однако если нам повезет, то обязательно это сделаем. Тут их великое множество. Тот молодой, что у меня был, долго не протянул.

— Что с ним случилось? — спросил Миштиго.

— Его съел мой мегадонаплат.

— Мегадонаплат?

— Что-то вроде утководного платипуса с зубами, — пояснил я, — ростом около десяти футов. Только представьте себе. Насколько нам известно, их видели три или четыре раза. Австралийцы. Мы добыли наших по счастливой случайности. Возможно, не выживут как вид — то есть подобно боадилам. Они яйцеродные млекопитающие, и их яйца слишком уж большие для голодного мира, чтобы это позволило данному виду продолжение рода — если это только подлинный вид. Может, они просто отдельная мутация.

— Возможно, — сказал Джордж, кивая с умным видом, — а возможно, и нет.

Миштиго отвернулся, покачивая головой.

Хасан уже частично распаковал своего робота голема, которого называли Родем, и мудрил над его регулировкой.

Эллен отказалась наконец от полумакияжа и лежала под солнцем, загораая всем, чем только можно. Красный Парик и Дос Сантос что-то замышляли на другом конце судна. Та парочка просто так никогда не встречается — свидания у них всегда тайные. Наша фелюга медленно скользила по слепящей водной дорожке, прожигаяющей себе путь в виду у великих се-

рых колоннад Луксора, и я решил, что время направить ее к берегу и посмотреть, что там нового среди гробниц и разрушенных храмов.

Шесть последующих дней были небогаты событиями, но в чем-то незабываемыми, ужасно деловыми и как бы уродливо-прекрасными — вроде цветка с еще не тронутыми лепестками, но с почерневшей, уже загнившей завязью.

А именно, вот какими...

Миштиго, должно быть, проинтервьюировал чуть ли не каждого каменного барана вдоль четырехмильной Дороги в Карнак. И в ослепительном свете дня, и в сумерках мы топали по руинам, нарушая покой летучих мышей, крыс, змей и насекомых и слушая монотонные комментарии веганца на его монотонном языке. Вечером мы разбивали в песках лагерь, огораживаясь двухсотметровым периметром системы электроповещения и выставляя двух человек в охрану.

У боадилов кровь холодная, по ночам же было свежо. Так что извне нам почти ничто не угрожало. Огромные лагерные костры горели в эти ночи, освещая нашу территорию, поскольку веганец хотел, чтобы все было как можно примитивней — ради пущей натуральности, догадался я. Наши скиммеры были дальше к югу. Мы прилетели на них к месту, которое я знал, и оставили их там охраннику из Конторы, взяв для путешествия фелюгу, — тем самым мы повторяли путь Царя всех Богов из Карнака в Луксор. Так захотел Миштиго. По ночам Хасан тренировался в метании *ассагай**, вымененного у большого Нубийца, или, обнажившись по пояс, часами боролся со своим неутомимым големом.

Голем этот был ценным партнером. Хасан запрограммировал его по силе на двух среднестатистических мужчин и ускорил время реакции на пятьдесят про-

* Ассагай — турецкое копьё с длинным наконечником.

центров. В его «памяти» записаны сотни приемов борьбы, а командный блок теоретически не давал голему убивать или калечить своего противника — все это благодаря набору электрохимических аналогов центростремительных нервов, которые позволяли ему с точностью до унции измерять усилие, необходимое, чтобы сломать кость или порвать сухожилие.

Ролем был ростом пять футов шесть дюймов и весил около двухсотпятидесяти фунтов; сделанный на Бакабе, он был довольно дорогим, цвета теста, с карикатурной внешностью, и его мозги помещались где-то под пупком — если у големов есть таковой, — дабы то, чем он думает, не повредилось от сотрясений при приемах греко-римской борьбы.

Однако, несмотря на все это, бывали и несчастные случаи. Эта штукавина убивала людей, если в мозги ей, или в афференты, проникал амок или если люди сами совершали промах: скажем, пытались переключить голема на ходу, добавив ему мощи на несколько лишних унций.

Когда-то у меня был такой робот, почти год, запрограммированный на бокс. Я обычно проводил с ним после полудня минут пятнадцать. И привык думать о нем почти как о личности. Однажды он нарушил правила боя, и я больше часа колошматил его и в конце концов так ему засветил, что у него отскочила голова. Но эта штука как ни в чем не бывало продолжала боксировать, и с тех пор я перестал считать голема дружески настроенным спарринг-партнером. Знаете, это довольно-таки странное чувство, когда боксируешь с безголовым големом. Вроде того, как если очнуться после приятных снов и обнаружить в изножии постели притаившийся ночной кошмар. На самом деле голем не «видит» своего партнера тем, что у него вместо глаз; его оболочка начинена пьезоэлектрическим радарным мезентерием, так что он наблюдает всей своей поверхностью. Тем не менее, когда иллюзия партнера исчезает, испытываешь чувство досады. Я выключил робота и больше никогда не включал. У меня его купил торговец верблюдами, за довольно хорошую цену. Не знаю, по-

ставил ли он на место голову. Но он был турок, так что не все ли равно?

Что же до Хасана — он сплетался со своим Ролемом, и оба они блестели в свете костра, а мы сидели на одеялах и смотрели, и летучие мыши время от времени пронеслись низко над нами, как пепел, и жиденькие облака занавешивали луну и шли дальше. Так оно было на третью ночь, когда я свихнулся.

Я вспоминаю ее, как вспоминают какой-нибудь мимолетный пейзаж во время ночной грозы в конце лета — как серию стоп-кадров при вспышках молнии...

Почти добрый час проговорив с Кассандрой, я закончил нашу связь обещанием взять скиммер в следующий полдень и провести ночь на Косе. Вспоминаю наши последние слова:

— Будь осторожен, Константин. Я видела плохие сны.

— Все это вздор, Кассандра. Спокойной ночи.

И кто знает, не были ли ее сны результатом скоротечной ударной волны силой в 9,6 баллов по шкале Рихтера, что уже катилась туда?

С выражением жестокости, мерцающей в глазах, Дос Сантос заплодировал Хасану, когда тот грохнул Ролема об землю, да так, словно гром загредел. Однако земля продолжала трястись и тогда, когда голем уже снова встал на ноги и принял низкую стойку; и руки его извивались перед арабом, как змеи. Земля все тряслась и тряслась.

— Ну и силища! Даже я ее чувствую! — воскликнул Дос Сантос.

— Это сейсмическое возмущение, — сказал Джордж, — хоть я и не геолог.

— Землетрясение! — взвизгнула его жена, роняя непастеризованный финик, которым она угощала Миштиго.

Бежать нам было незачем, да и некуда. Поблизости не было ничего такого, что могло бы на нас упасть. Земля была ровной и довольно голой. Так что мы просто сидели и нас пошвыривало, а парочку раз чуть не

уложило плашмя. Костры наши выделявали что-то поразительное.

Время Ролема вышло, и он замер, а Хасан подошел и сел возле меня и Джорджа. С добрый час продолжались колебания почвы, затем они начались снова, только послабее, и так многожды в ту ночь. После того как первый сильный толчок пошел своим курсом, мы связались с Портом. Тамошние приборы показали, что эпицентр всего этого находится на порядочном расстоянии к северу от нас. В самом деле, нехорошее расстояние.

...В Средиземном море.

А если точнее, то в Эгейском.

Внезапно я почувствовал слабость.

Я попытался выйти на связь с островом Кос.

Молчание.

Моя Кассандра, моя возлюбленная, моя принцесса... Где она? Два часа я пытался ее найти. Затем меня вызвал Порт.

Это был голос Лоурела, а не какого-нибудь там тупицы оператора, дежурившего на связи.

— Хм... Конрад, не знаю, как сказать тебе о том, что конкретно произошло...

— Просто скажи, а когда закончишь — остановишься.

— Минут двенадцать назад вашим путем прошел спутник наблюдения, — потрескивал он в диапазоне настройки. — Судя по передаваемой картинке, нескольких островов Эгейского архипелага больше не существует...

— Нет, — сказал я.

— Боюсь, что среди них и Кос.

— Нет, — сказал я.

— Мне очень жаль, но так показывает спутник.

Не знаю, что еще добавить...

— Этого достаточно, — сказал я. — Это все. Вот именно. До свидания. Позднее мы еще поговорим! Нет! Я чувствую — нет!

— Постой, Конрад!

И я свихнулся. Летучие мыши, вытряхнутые из ночи, шныряли надо мной. Я сделал выпад правой и убил одну, когда она вспыхнула впереди. Подождал пару секунд и убил другую. Потом поднял обеими руками большой валун, чтобы размозжить передатчик, но в этот момент Джордж положил руку мне на плечо. Тогда я выронил валун, отшвырнул его руку и тыльной стороной ладони ударил Джорджа по рту. Не знаю, что с ним случилось, но когда я нагнулся, чтобы снова поднять валун, то услышал за спиной топот. Я упал на одно колено и повернулся на нем, загребая пригоршню песка, чтобы бросить в глаза. Они мчались ко мне, вся компания: Миштиго, и Красный Парик, и Дос Сантос, Рамзес, Эллен, трое слуг, из местных, гражданских, и Хасан. Увидев мое лицо, кто-то завопил: «Врассыпную!» — и они развернулись веером.

В тот момент они были теми самими, кого я всегда ненавидел. Я видел другие лица, слышал другие голоса. Те самые, кого я знал, ненавидел, кого хотел крушить и крушил, стояли там перед огнем, воскресшие из мертвых, только белизна их зубов вспыхивала сквозь тени, проходящие по улыбающимся лицам, когда они приближались ко мне, держа в руках разные варианты погребели, в то время как губы их мягко меня уговаривали, — потому я швырнул песок в самого ближнего ко мне и бросился на него.

Мой апперкот опрокинул противника навзничь, и тут же на мне оказалось с двух сторон по египтянину.

Я стряхнул их с себя и краем своего холодного глаза увидел великого Араба, державшего в руке что-то вроде черного авокадо. Он замахнулся им в мою голову, поэтому я бросился на землю. Он уже был совсем рядом, и мне удалось так садануть его в живот, что он вдруг сел. Затем два человека, которых я отбросил, снова оказались на мне. Где-то неподалеку раздавался женский визг, но никаких женщин я не видел.

Я вырвал свою правую руку и начал дубасить ею кого-то, пока несчастный не рухнул, но его место занял другой. Спереди какой-то голубой человек кинул в меня камень, попав в плечо, что только еще больше

меня взбесило. Я поднял в воздух чье-то пинающееся тело и бросил его в другое тело, а затем я достал кого-то кулаком. Меня трясло. Моя галабия порвалась и испачкалась; я разорвал ее до конца и отбросил.

Я огляделся. Больше они не пытались приблизиться ко мне, а это было нечестно — нечестно, что они остановились, когда мне так страшно хотелось посмотреть, как эти твари сломаются. Поэтому я поднял человека, валявшегося у моих ног, и оплеухой снова его уложил. Когда я снова его поднял, кто-то завопил: «Эй, Карагиозис!» и на ломаном греческом стал называть все мои имена. Я опустил человека на землю и обернулся.

Там, перед огнем, стояли двое: один высокий и бородатый, другой маленький, очень плотный и без волос, вылепленный из смеси земли с мастикой.

— Послушай, грек, мой друг говорит, что уложит тебя, — крикнул мне высокий, делая что-то за спиной второго.

Я двинулся на них, и тот второй, из замазки и грязи, прыгнул на меня.

Он сделал мне подножку, но я быстро вскочил и, обхватив его ниже подмышек, бросил набок. Но он снова оказался на ногах с такой же быстротой, с какой это сделал я, и, приблизившись, ухватил меня одной рукой ниже шеи. Я сделал такой же захват, а также поймал его локоть, и мы крепко держали друг друга, и он был силен.

Так как он был силен, я менял хватку, проверяя его силу. Он был также и скор, реагируя на каждое мое движение, едва я его задумывал.

Я жестко бросил руки вверх между его руками и сделал упор на заднюю ногу с утолщенной подошвой. Освободившись на мгновение друг от друга, мы кружили, ища уязвимое место в обороне.

Руки я держал низко и из-за его короткого роста довольно сильно наклонялся вперед. На какой-то миг руки мои оказались слишком близко к туловищу, и он с не виданной мною быстротой поймал меня в замок и

так сдавил, что из пор моих брызнули большие плоские цветы, и сильная боль пронзила мои бока.

Его руки все сжимали меня, и я знал, что, если сейчас не разорву его замок, он меня раздавит.

Удваивая силу рук, я сжал кулаки, воткнул ему в живот и оттолкнулся. Но он только еще сильнее меня стиснул. Я ступил назад и с трудом выбросил вверх-вперед локти. Теперь кисти моих рук были ближе к лицу, и я уперся правым кулаком в ладонь левой руки и стал их проталкивать между нашими телами. Руки мои продвигались выше и выше, а голова кружилась, и почки были как в огне. Затем я напряг все мышцы спины и плечевого пояса и почувствовал, как в руки, наполняя кисти, хлынула сила, и я шибанул ими в небо, и на их пути оказался его подбородок, и это их не остановило.

Мои руки выстрелили над головой, и он упал на спину.

Удар, который пришелся по его подбородку, был таков, что сломал бы человеку шею, — опрокинувшись, этот тип имел возможность посмотреть на свои собственные пятки.

Однако он тут же вскочил, и тогда я понял, что сей борец не из простут же смертных, а из тех существ, что рождены не женщиной; скорее всего он, подобно Антею; вырвался из чрева самой Земли.

Я жестко сдавил его плечи, и он упал на колени. Тогда я схватил врага за горло, шагнул к его правому боку и поставил левое колено ему под заднее место. Я стал наклоняться вперед, напирая ему на бедра и плечи, чтобы сломать хребет.

Но не мог. Он просто гнулся, пока не воткнулся головой в землю, а дальше мне некуда было его сгибать. Еще ничей позвоночник так не гнулся, чтобы при этом не лопнуть.

Тогда я поднял его коленом и отпустил, и он снова оказался на мне — такой шустрый.

Теперь я решил задушить его. Руки мои были гораздо длиннее, чем у него. Я вцепился ему в горло двумя пятернями, надавив большими пальцами, чтобы

перекрыть дыхание. Однако он изнутри, под локтями, обхватил мои руки и стал отрывать их от себя движением вниз. Я продолжал сжимать горло, ожидая, когда лицо его потемнеет, а глаза ползут из орбит. Локти же мои все больше и больше сгибались, по мере того как он тянул вниз.

Затем его руки скользнули мимо моих и поймали мое горло.

Так мы там и стояли, пытаюсь удавить друг друга. Только его было не задушить.

Его большие пальцы, как два штыка, вонзались в мышцы моей шеи. Я чувствовал, что мое лицо наливается кровью. В висках стало пульсировать.

Откуда-то издалека донесся крик:

— Останови его, Хасан! Он не должен этого делать!

Похоже, это был голос Красного Парика. Во всяком случае, именно это имя пришло мне на ум: Красный Парик. Значит, где-то поблизости находился Дональд Дос Сантос. И она сказала «Хасан», имя, написанное на другой картинке, вдруг ясно представшей передо мной.

А это означало, что я Конрад, и что я в Египте, и что бесстрастное лицо, плавающее передо мной, следовательно, принадлежит борцу голему — Ролему — созданию, которое можно поставить на мощность, в пять раз превышающую силу человеческой особи, что, видно, и было сделано; вдобавок ему можно было сообщить рефлекс котика после инъекции адреналина, и, без сомнения, с ними он и функционировал.

Однако голем не убивает, кроме как случайно, а Ролем старался убить меня.

А это означало, что его командный блок не действовал.

Я перестал его душить, убедившись, что это зряшное дело, и сделал упор левой ладонью под его правый локоть. Затем дотянулся свободной рукой до его предплечий, ухватил правое его запястье и, насколько возможно, пригнул к земле, толкая вверх его локоть и оттягивая запястье.

Когда, потеряв равновесие, он качнулся влево и я избавился от его хватки, я, продолжая удерживать запястье противника, закрутил его руку так, чтобы локоть пошел вверх. Я напряг левую ладонь, вскинул ее возле своего уха и с силой опустил на локтевой сустав.

И ничего. Ничто не лопнуло, не треснуло. Рука его просто пошла вниз, выгнувшись в другую сторону под неестественным углом.

Я выпустил запястье, и он упал на одно колено. Затем он снова встал, тут же, и рука его при этом сама выпрямилась, а затем согнулась в подобающую ей стору.

Если бы я мог прочесть мысли Хасана — что таймер Ролема поставлен на максимум, на целых два часа... А это, учитывая все обстоятельства, довольно много времени.

Но в тот момент я знал только, кто я такой и что я делаю. Я знал также, что именно входило в приемы борьбы голема. Этот экземпляр был големом борцом. Следовательно, он не умел боксировать.

Я бросил быстрый взгляд через плечо, туда, где я стоял, когда началась эта заварушка, — возле палатки с радиоприемником. До нее было футов пятьдесят.

И тут он меня чуть не достал. Стоило мне на долю секунды перенести внимание назад, как он освободился и, ухватив меня одной рукой ниже шеи, уперся другой в мой подбородок. Он бы сломал мне шею, если бы продолжал в том же духе, но в этот момент последовал еще один толчок — довольно мощный, так что мы оба упали, и я успел освободиться от его захвата.

Прошло несколько секунд, и, когда я не без труда встал на ноги, земля еще подрагивала. Однако и Ролем был уже на ногах, готовый к новой атаке. Будто два пьяных матроса, дерущихся на корабле, который бросает в бушующем море...

Он пошел на меня, и я отступил.

Я ударил его слева джебом и, пока он пытался схватить мою руку, врезал ему в живот. Затем отскочил.

Он снова пошел на меня, и я продолжал наносить ему удары.

Бокс для него был то же самое, что для меня четвертое измерение, — он его просто не мог увидеть. Голем продолжал наступать, вздрагивая от моих ударов, а я продолжал пятиться в направлении палатки с радиопередатчиком, а земля продолжала трястись, и где-то кричала женщина, и я услышал возглас «Оле!», когда приложил правой ниже пояса, надеясь хоть немножко покурочить его мозги.

Затем мы оказались на том самом месте, и я увидел то, что мне было нужно, — большой валун, которым я хотел запустить в радио. Я сделал ложный выпад левой, затем схватил Ролема за плечо и за бедро и поднял высоко над головой.

Я отклонился назад, напряг все свои мышцы и хрястнул его о камень.

Камень пришелся ему прямо в живот.

Ролем снова стал подниматься на ноги, но медленнее, чем прежде, и я трижды пнул его в грудь своим значительно утолщенным правым сапогом, и на моих глазах он снова рухнул.

Странный, как у волчка, звук раздался из средней его секции.

Земля снова вздрогнула. Ролем обмяк и распластался неподвижно, и только пальцы его левой руки еще шевелились. Они продолжали сжиматься и разжиматься, странным образом напоминая мне руки Хасана в предыдущую ночь, проведенную в поселке.

Затем я медленно обернулся — и все они стояли там: Миштиго, и Эллен, и Дос Сантос с распухшей щекой, Красный Парик, Джордж, Рамзес и Хасан и три заклеенных пластырем египтянина. Я сделал к ним шаг, и они попятнулись — на их лицах был написан страх. Но я покачал головой.

— Нет, — сказал я, — со мной уже все в порядке. Только оставьте меня одного. Я иду к реке искупаться.

Я сделал семь шагов, а затем будто кто выдернул вилку из штепселя — во мне что-то екнуло, мир закружился и все как сквозь землю провалилось.

Дни, что последовали, были пеплом, а ночи — железом. Дух, вырванный из моей души, был захоронен глубже мумий, что лежали, рассыпаясь во прах, под теми песками. Сказано, Кассандра, что мертвый забывает мертвого в доме Гадеса, но я надеялся, что это не так. Желание возглавлять путешествие себя исчерпало, и Лоурел предложил мне назначить кого-нибудь для его завершения, а самому отбыть.

Я не мог.

Что бы я тогда делал? Сидел бы в мрачном раздумии в каком-нибудь Старом Месте, зашибая на выпивку у неосторожных путешественников? Нет. В такой момент нужны хоть какие-то желания — они неизбежно заполняют внутреннюю пустоту. Так что я продолжил путешествие, сосредоточившись на маленьких загадках, наполнявших его.

Я разобрал Ролема и проверил командный блок. Он, конечно, был разбит, а это означало, что его сломал или я, когда мы только начали схватку, или Хасан, когда поднакрутил его, чтобы Родем меня одолел. Если это сделал Хасан, стало быть, он желал мне не просто поражения, а смерти. А если так, то возникал вопрос — зачем? Я спрашивал себя, знал ли его наниматель, что я когда-то был Карагиозисом. Если знал, то почему же он хотел убить основателя и первого секретаря своей собственной Партии — человека, который поклялся, что не даст распродать землю под своими ногами и превратить ее в место для развлечений своры голубых чужаков, — но не объявляя войны, а действуя иным способом, — и создал группу единомышленников, которые систематически, вплоть до нуля, занижали цену всей земельной собственности, принадлежавшей веганцам, и зашли даже столь далеко, что стерли с лица земли буйно процветающую на Мадагаскаре контору тайлеритов по продаже недвижимости, — человека, чьи идеалы он якобы поддерживал, хотя они постоянно направлялись в русло более мирных и легальных способов защиты собственности, — с чего бы ему желать моей смерти?

Следовательно, он или предал Партию, или же не знал, кто я такой, и замышлял что-то иное, когда инсценировал Хасана убить меня.

Или же Хасан действовал по приказу кого-то другого.

Но кто это мог быть? И опять же, почему?

Ответа у меня не было. И я решил таковой найти.

Джордж первым выразил свое соболезнование.

— Я огорчен, Конрад, — сказал он, посмотрев куда-то мимо меня, затем вниз, на песок, а затем быстро — прямо мне в глаза.

Он расстраивался, когда высказывал что-нибудь человеческое, и при этом испытывал желание исчезнуть. Я мог это объяснить. Сомневаюсь, чтобы парад, который устроили я и Эллиен в предыдущее лето, хоть в какой-то мере привлек его внимание. За стенами биологической лаборатории страсти его утихали. Помню, как он анатомировал последнюю на земле собаку. Однажды после того, как целых четыре года он почесывал псу за ушами, вылавливал блох у него из хвоста и слушал, как тот лает, — однажды он позвал Ролфа. Ролф вбежал, таща старое посудное полотенце, которым они обычно играли в перетягивание, и Джордж подтянул пса поближе, сделал ему укол, а затем вскрыл. Он решил заполучить пса, пока тот еще в расцвете сил. На шкафу в лаборатории до сих пор стоит скелет. Он хотел также выращивать своих детей — Марка, Дороти и Джима — в камерах Скиннера, но Эллиен каждый раз решительно этому противилась (устраивая там-тарарам!) в послеродовом своем приступе материнства, продолжавшемся по меньшей мере месяц — что было достаточно длительным сроком, чтобы нарушить баланс первичной стимуляции, необходимый Джорджу. Так что я, действительно, не видел в нем особого желания снять с меня мерку для деревянного ящика, что хранят под землей. Если бы он захотел, чтобы я умер, то это было бы что-нибудь

хитроумное, быстродействующее и экзотическое — ну, например, яд кролика с планеты Дивбан.

Эллен, хотя и способная на сильные чувства, — всего лишь испорченная заводная кукла. Едва она соберется действовать в соответствии со своими чувствами, как в ней непременно соскакивает какая-нибудь пружинка, и на следующий день она уже полна таких же сильных чувств по совсем другому поводу. Она замучила меня до смерти там, в Порту, и что касается ее, то наша с ней любовная история явно не задалась. Ее соболезнование было такого вот рода:

— Конрад, ты даже не представляешь, насколько я огорчена. Правда! Хотя я никогда ее не встречала, я знаю, что ты должен испытывать, — и голос ее то набирал высоту, то падал, как на шкале, и я знал, что она верит в то, что говорит, и я ее тоже поблагодарил.

Хасан же подошел, когда я глядел на внезапно поднявшийся и помутневший Нил. Так мы стояли какое-то время, а потом он произнес:

— Женщина твоя ушла, и на сердце у тебя тяжело. Словами его не облегчишь, что написано, то написано. Но пусть тебе будет известно, что я скорблю вместе с тобой.

Затем мы еще довольно долго стояли вместе, и он ушел.

Насчет него я не гадал. Хасан был тем, кого можно было отставить в сторону, даже если он и запустил машину в действие. Он никогда не носил в себе злобу, никогда не убивал просто так. У него не было личных мотивов меня убивать. Я был уверен, что его соболезнование — истинное. Если он и собирался меня прикончить, то это никоим образом не пересекалось в данном случае с искренностью его чувств. Настоящий профессионал должен уметь отделять личное от того, что ему поручено.

Миштиго не выразил ни слова сочувствия. Это было бы противно его природе. Среди веганцев смерть — время радости. На духовном уровне это означает sagl — завершение — рассыпание души на маленькие сладострастные уколы, рассеивающиеся вокруг, чтобы при-

нять участие в великом всемирном оргазме; на материальном же уровне смерть представлена kundabad't — строго официальной описью большей части личного имущества покойного, чтением завещания по наследству и дележом его богатств, что сопровождается мощным застольем с песнями и выпивкой.

Дос Сантос сказал мне:

— То, что с тобой случилось, очень печально, мой друг. Лишиться своей женщины — это лишиться крови в венах. Горе твое велико, и тебя не утешить. Это как тлеющий огонь, который не умирает, это печально и это ужасно... Смерть жестока и темна, — закончил он, и глаза его увлажнились, поскольку, случись она с греком, евреем, мавром или еще кем-нибудь, для испанца жертва есть жертва, вещь, которой следует выказать свой пиетет на одном из тех таинственно сокрытых уровней, каковых недостает мне.

Красный Парик подошла и промолвила:

— Это чудовищно... Огорчена. Больше нечего сказать, сделать, но огорчена.

Я кивнул:

— Спасибо.

— И кое-что я должна тебя спросить. Не сейчас. Позднее.

— Хорошо, — кивнул я и, когда они ушли, стал снова смотреть на реку и подумал об этой последней парочке. В голосах их было такое же сочувствие, как и у остальных, однако, похоже, они каким-то образом были замешаны в истории с големом. С другой стороны, я не сомневался, что именно Диана кричала, когда Ролем теснил меня, кричала, чтобы Хасан его остановил. Таким образом, оставался Дон, но тут я начал испытывать сильные сомнения в том, что он способен что-либо сделать, не посоветовавшись предварительно с ней.

Сие же не оставляло никого.

И не было ни одного по-настоящему очевидного мотива...

И все это могло быть случайностью. Но...

Но у меня было чувство, что кто-то хочет меня убить. Я знал, что Хасан не побрезгует выполнять две работы в одно и то же время для разных нанимателей, если только там нет столкновения интересов.

И это соображение сделало меня счастливым.

У меня появилась какая-то цель, какое-то дело. Ничто так не вызывает жажды жить, как чье-то желание, чтобы ты умер. Я найду этого человека, выясню, что к чему, и остановлю его.

Второй пасс смерти не заставил себя долго ждать, и как бы мне ни хотелось приписать его некоему агенту в человеческом облике, сделать этого я не мог. Просто один из фокусов слепой судьбы, который иногда является незванным гостем на обед. Однако же сам финал оставил меня в некотором недоумении, подарив для размышления несколько новых, смущающих меня соображений.

Вот как это было.

Возле Нила, этого великого наводнителя, приносящего урожай, этого стирателя границ и отца геометрии на плоскости, сидел веганец, делающий наброски противоположного берега. Полагаю, что, будь он на другом берегу, он бы зарисовывал тот, на котором сидел, но это циничное предположение. Что меня беспокоило, так это факт, что он ушел один на теплое, заболоченное место, никому не сказав, куда собрался, и не взяв с собой ничего более грозного, чем карандаш номер два.

И это случилось.

Старое пятнистое бревно, что проплывало вблизи берега, вдруг перестало быть старым пятнистым бревном. Его длинный извивающийся конец хлестнул небеса, а впереди возникла огромная зубастая пасть, и множество маленьких ног, царапнув кромку берега, покатались по земле колесом.

Я завопил и схватился за пояс.

Миштиго выронил блокнот для рисования и бросился наутек. Но боадил уже настиг его, и стрелять я

не мог. Так что я сделал рывок к нему, но, пока я добежал, гад дважды обвился вокруг Миштиго, и тот из светло-голубого стал темно-голубым, и зубы уже приближались к нему.

Теперь оставался лишь один способ расслабить сокращающиеся мышцы гада, хотя бы на мгновение. Подпрыгнув, я ухватился за эту голову, которая чуть замедлила движение, словно чтобы разглядеть свой завтрак, и мне удалось уцепиться пальцами за костяные наросты по ее бокам. Со всей силой, на которую только способен, я вонзил большие пальцы в глаза гаду.

Тогда этот дергающийся гигант ударил меня серозеленым кнутом. Я взлетел и приземлился на расстоянии десяти футов от своего прежнего местонахождения. Миштиго отбросило дальше, в сторону берега. Он еще не успел встать на ноги, когда гад снова атаковал.

Но только не его, а меня.

Я метнулся в сторону, и большая плоская голова промахнулась всего лишь на несколько дюймов, при том что меня с ног до головы обдало грязью и галькой. Я откатился как можно дальше и начал вставать, но хвост твари оказался тут как тут и снова сбил меня с ног. Ползком я рванулся назад... Поздно — гад набросил на меня петлю. Она обвилась вокруг моих бедер, и я снова упал.

Тут меня выше этой петли обхватили две голубые руки, но их помощи хватило только на пару секунд. Затем оба мы были повязаны узлами.

Я сопротивлялся, однако можно ли бороться с толстым скользким бронированным кабелем, у которого множество лап, старающихся тебя разорвать. В тот момент правая моя рука была плотно прижата к боку, а левой не за что было уцепиться. Кольца вокруг меня сжимались. Голова гада приближалась, и я пытался выдернуться: колотился и царапался, пока наконец не удалось выпростать правую руку, отчасти лишившись при этом кожи.

Этой рукой я и остановил надвигающуюся голову. Я ухватился за нижнюю челюсть и уперся в нее, не давая голове приблизиться. Вокруг моего пояса обви-

лась еще одна тугая петля — она была даже мощнее, чем объятие голема. Гад замотал головой, освобождаясь от моей руки, — голова опустилась, широко раскрывая челюсти.

Соппротивление Миштиго, должно быть, тоже мешало гаду — движения последнего были не столь скоры, что давало мне время сориентироваться.

Чтобы удержать челюсти, я сунул обе руки в пасть. Небо было скользким, и ладонь моя медленно сползала по нему. Собрав все свои силы, я как мог надавил на нижнюю челюсть. Пасть открылась еще на полфута и на этом застопорила.

Гад попытался подать назад, чтобы освободиться от меня, но петли, которыми он нас сжимал, лишали его надежной опоры.

Правая моя рука скользнула глубже — еще немного, и я потеряю упор.

И тут я услышал чей-то громкий крик.

Почти одновременно последовал резкий толчок. Я быстро высвободил руки, почувствовав, что на мгновение силы покинули это существо. Затем раздалось страшное клацание зубов, и по телу гада пошли конвульсии. На какой-то миг я потерял сознание.

Затем я стал с ним бороться, пытаюсь выпутаться из узлов. Копье с гладким древком, проткнувшее боадила, вынимало из него жизнь, и движения твари вдруг стали скорее спазматическими, нежели агрессивными.

Меня еще дважды опрокинуло ударами хвоста, но я все же освободил Миштиго, и мы отбежали футов на пятьдесят, откуда и смотрели, как умирает боадил. Это продолжалось недолго.

Тут же с невозмутимым видом стоял Хасан. Асагай, в метании которого Хасан так долго тренировался, сделал свое дело. Когда позднее Джордж вскрыл это чудовище, мы обнаружили, что копьё прошло в двух дюймах от сердца, перебив большую артерию. Между прочим, у него было две дюжины ног, равно расположенных по двум его сторонам, как и можно было ожидать.

Дос Сантос стоял возле Хасана, а Диана стояла возле Дос Сантоса. Все остальные из нашего лагеря тоже были там.

— Хороший номер, — сказал я. — Отличный бросок. Спасибо.

— Ничего особенного, — ответил Хасан.

Ничего особенного, сказал он. Ничего, если не считать смертельной схватки с големом, которого он изловчился настроить на убийство. Но если в тот раз Хасан хотел меня убить, тогда почему он спас меня от боадила? Если только все, что он сказал тогда в Порту, не голая правда — что его наняли защищать веганца. Вот его главное дело, а убивать меня было делом второстепенным — в таком случае он спас меня как бы за компанию с Миштиго.

Но тогда...

О, черт подери. Выброси это из головы.

Я поднял камень и швырнул его как можно дальше, затем другой. Скиммер должен был прилететь к нашему лагерю на следующий день, и мы планировали отправиться в Афины, сделав только одну остановку, чтобы подбросить Рамзеса и трех его помощников до Нового Каира. Я был рад, что покидаю Египет с его быльями и пылью, с его мертвыми полубогами-полуживотными. Меня уже тошнило от этого места.

Тут на связь из Порта вышел Фил, и Рамзес позвал меня в палатку с радиопередатчиком.

— Слушаю, — сказал я.

— Конрад, это Фил. Я только что написал элегию в память о ней, и я бы хотел тебе ее прочесть. Хотя я никогда с ней не встречался, я слышал, что ты говорил о ней, и видел ее портрет, так что, думаю, у меня довольно хорошо получилось...

— Фил, пожалуйста, мне сейчас не до поэтических соболезнований. Может, в другой раз...

— Но эта элегия написана не по трафарету. Я знаю, что ты такие не любишь. Так что я на тебя не обижаюсь.

Рука моя зависла над тумблером отключения связи, подождала, а затем вместо этого потянулась к сигаретам Рамзеса.

— Ладно, давай. Я слушаю.

И он прочел, и это в самом деле было неплохо написано. Я мало что запомнил. Я только запомнил те живые, чистые слова, идущие сюда с расстояния в пол земного шара, и себя, что стоял здесь, ободранный снаружи и внутри, и слушал их. Он описал добродетели Нимфы, которую заполучил Посейдон, затем уступивший ее своему брату Гадесу. Он взывал к всеобщей скорби всех четырех стихий. И пока он читал, я мысленно перенесся обратно в те два счастливых месяца на Косе, и все последующее изгладилось из памяти; мы снова были на борту «Идола», держа курс на островок с полусвященной рощицей — мы выбрали его для нашего пикника, и купались там, лежали под лучами солнца, не разнимая рук, без слов, просто ощущая, как солнцепад, словно водопад, только нежный, горячий, сверкающий, низвергается на наши розовые обнаженные души, там, на бесконечном пляже...

Он закончил и пару раз кашлянул, прочищая горло, и остров мой пропал из виду, унеся часть меня с собой, поскольку все это было, было.

— Спасибо, Фил, — сказал я. — Очень мило.

— Мне очень приятно, что ты одобряешь. Я вылетаю в полдень в Афины и хотел бы присоединиться к вам на этом отрезке вашего пути, если не возражаешь.

— Давай, — сказал я. — Только, если можно, объясни, с какой целью?

— Хочу снова увидеть Грецию. Поскольку и ты там будешь, есть повод вспомнить наше прошлое. Я бы хотел бросить прощальный взгляд на несколько Старых Мест.

— Ты что, с жизнью прощаешься?

— Хм... Я принял серию таблеток Ж. С. со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мне чудится, что пружина у меня внутри все слабеет и слабеет. Может, таблетки подзаведут ее, а может, нет. Так или

иначе, я снова хочу повидать Грецию, и, кажется, это последний шанс.

— По-моему, ты заблуждаешься. Так или иначе, мы будем обедать завтра в Алтарном Саду, около восьми вечера.

— Прекрасно. Там и увидимся.

— Кончаю связь.

— До свидания, Конрад.

— До свидания.

Я вышел, принял душ, натерся жидкой мазью и оделся во все чистое. В нескольких местах еще болело, но тело мое было по крайней мере чистым. Затем я разыскал веганца, который только что завершил такое же омовение, и вперил в него злобный взгляд.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — начал я, — но одна из причин, почему вам хотелось, чтобы я устроил этот спектакль, — это мой потенциальный дар выживания. Верно?

— Верно.

— Так вот, я сделал все возможное, дабы вы убедились в его реальности, как и в том, что я его использовал исключительно ради всеобщего благополучия.

— Разве для вас это не то же самое, как когда вы в одиночку сражались против всех?

Я потянулся к его горлу, однако сдержался. Наградой мне был страх, округливший его глаза и искрививший уголки рта. Миштиго сделал шаг назад.

— Забудем, — сказал я ему. — Я здесь лишь для того, чтобы доставлять вас, куда вам угодно, и следить, чтобы вы вернулись домой с целой и невредимой шкурой. Этим утром в роли неплохой закуски для боадила вы создали мне некоторые проблемы. Таким образом вы получили предупреждение, что отправляться в ад за огоньком для сигареты дураков нет. И если вам вздумается прогуливаться в одиночку, сначала убедитесь, что ничего вокруг вам не угрожает.

Во взгляде его появилась нерешительность. Он отвел глаза.

— В противном случае, — продолжал я, — берите с собой вооруженный эскорт, поскольку сами вы отка-

зываетесь носить оружие. Вот и все, что я должен сказать. Если вас это не устраивает, я уеду и предоставлю в ваше распоряжение другого гида. Во всяком случае, Лоурел полагал, что так я и сделаю. Слово за вами.

— Лоурел действительно так сказал?

— Да.

— Поразительно... Ну конечно, да. Я буду выполнять ваши требования. Я вижу, что это благоразумно.

— Вот и отлично. Вы вроде бы хотели в полдень снова посетить Долину Цариц. Рамзес возьмет вас. Сам я что-то не очень настроен. Отбываем завтра утром в десять. Будьте готовы.

И я пошел прочь, ожидая, что он что-нибудь скажет, хотя бы одно слово. Но веганец промолчал.

К счастью для тех, кто выжил, и для тех, кто еще не родился, Шотландия мало пострадала во время Трех Дней. Я достал из морозильника коробку со льдом, а из палатки, где мы ели, бутылку содовой. Включил вентилятор возле койки, открыл маленькую бутылочку виски из своих личных запасов и провел остаток дня в размышлении по поводу нашей суеты сует.

Поздно вечером, окончательно протрезвев и кое-как перекусив, я взял оружие и вышел подышать свежим воздухом. Приблизившись к восточной стороне периметра электрооповещения, я услышал какие-то голоса, поэтому сел в темноте, прислонившись спиной к довольно большому камню, и прислушался. Я узнал вибрирующие диминуэндо голоса Миштиго, и мне захотелось услышать, о чем он говорит.

Однако слов было не разобрать. Собеседники находились далеко, а акустика пустыни — не самая лучшая в мире. Я сидел, напрягши ту часть себя, которая слушала, и случилось то, что бывало и раньше.

Я сидел на одеяле возле Эллен, обняв рукой ее за плечи. Своей голубой рукой...

Видение исчезло, поскольку я с содроганием отменил возможность побыть веганцем, пусть даже в

состоянии телепатического исполнения желаний, и я снова оказался возле своего камня.

Однако мне было одиноко, а Элен показалась мягче, чем камень, а меня по-прежнему разбирало любопытство. Так что я опять оказался там, задрвав при этом голову.

— ...отсюда мне не видно, — говорил я. — Но Вега является звездой первой величины, расположенной в том самом месте, которое ваши люди называют созвездием Лиры.

— А как там на Тайлере? — спросила Элен.

Последовала долгая пауза.

— Зачастую людям не под силу вообразить то, что представляется наиболее существенным. Как передать лицу, с которым вы говорите, информацию, которую он органически неспособен воспринять, — вот в чем проблема. Тайлер не похож на эти места. Там нет пустынь. Весь мир покрыт зеленью. Хотя... Позвольте мне цветок из ваших волос. Взгляните. Что вы видите?

— Красивый белый цветок. Потому я и сорвала его и воткнула в волосы.

— Но это вовсе не просто красивый белый цветок. Во всяком случае, для меня. Ваши глаза воспринимают свет на длине волны от 4000 до 7200 ангстрем. Глаз же веганцев видит как бы глубже — ультрафиолетовые лучи на волне примерно до 3000. Мы не видим то, что вы относите к «красному», однако в этом «белом» цветке я вижу два цвета, для которых в вашем языке нет слов. Мое тело покрыто узорами, которых вам не разглядеть, но они примерно такие же, как у остальных членов моей семьи, так что любой веганец, знакомый со Штиго-генами, может с первого взгляда назвать мою семью и место, где мы живем. Некоторые наши картины выглядят слишком кричащими для землян или даже кажутся одноцветными — обычно голубыми, — поскольку оттенков земляне не видят. Наша музыка по преимуществу воспринимается вами как паузы тишины, хотя на самом деле это не паузы, а мелодия. Наши города чисты и рационально располо-

жены. Они собирают дневной свет и излучают его в ночное время. Движение в них медленное, а звуки приятны. Для меня это значит многое, но я не знаю, как все это описать человеку.

— Почему? Ведь люди — я имею в виду землян — живут в ваших мирах...

— Но на самом-то деле они видят, слышат или чувствуют эти миры совсем не так, как мы. Между нами пропасть — мы это признаем и понимаем, но нам ее не преодолеть. Вот почему я не могу вам рассказать о планете Тайлер. Для вас этот мир оказался бы не таким, каков он для меня.

— Однако я хотела бы его повидать. Очень. Думаю, я даже хотела бы там жить.

— Не уверен, что вы были бы там счастливы.

— Почему не уверены?

— Потому что эмигрант есть эмигрант, если только он не веганец. Здесь вы далеко не из низшей касты. Я знаю, что вы не употребляете этот термин, но это именно то, что я хочу сказать. На этой планете сотрудники Конторы и члены их семей принадлежат к высшей касте. Затем идут богатые люди, не входящие в штат, затем те, кто работает на богатых, а за ними — те, кто живет за счет обработки земли; и на самом дне пребывают те несчастные создания, что живут в Бывших местах. Здесь вы наверху. На Тайлере же вы будете на дне.

— Почему только так, а не иначе? — спросила она.

— Потому что для вас этот цветок — белый, — ответил я, возвращая его ей.

Последовало долгое молчание. Ветерок был довольно прохладным.

— Во всяком случае, я счастлива, что вы сюда приехали, — сказала она.

— Это интересное место.

— Рада, что оно вам нравится.

— Человек по имени Конрад действительно ваш любовник?

Я даже покачнулся от неожиданного вопроса.

— Это не вашего голубого ума дело, — сказала Эллен, — но если хотите знать, то — да.

— Понимаю почему, — сказал он, и мне стало не по себе, будто я подглядывал за собой со стороны, или же — если уж вдаваться в оттенки — будто я подглядывал, как я подглядываю.

— Так почему? — спросила она.

— Потому что вам нужно что-то странное, сильное, экзотическое. Потому что для вас счастье там, где вас нет и где вы — не вы.

— Неправда... А может быть, и так. Да, однажды он что-то такое мне говорил. Возможно, что правда.

В тот момент мне стало ее очень жалко. Мне захотелось ее как-то утешить, и инстинктивно я потянулся к ней и взял ее руку. Только это Миштиго потянулся и взял, хотя и не собирался. Из-за меня.

Я вдруг струсил.

Впрочем, как и он.

Я это чувствовал. Я почувствовал, что он почувствовал присутствие постороннего в себе, и все поплыло передо мной, будто я был сильно пьян. Мне тут же захотелось улизнуть, и я снова оказался возле своего камня, но это после, а до того она еще успела уронить цветок, и я услышал, как она сказала: «Бери меня».

«Черт ее подери, эту псевдотелепатию по исполнению желаний! — подумал я. — В один прекрасный день может оказаться, что все это не псевдо, а всерьез».

Я-то ведь видел два цвета в том цветке, цвета, для которых у меня не было слов...

Я пошел обратно к лагерю. Не останавливаясь, миновал его. Дошел до другой стороны периметра электроповешения, сел на землю и закурил. Ночь была прохладна, ночь была темна.

Только я выкурил две сигареты, как позади раздался голос. Я не обернулся.

— В доме великом и в доме огня, в великий день, когда расчислены все дни и годы, о, верни мне имя мое, — произнес голос.

— Bravo, — произнес я мягко. — Цитата к месту. Узнаю Книгу Мертвых, которую треплют почем зря.

— Я пользовала ее не почем зря, а наоборот, — к месту, ты сам это сказал.

— Тем лучше для тебя.

— О, в тот великий день, когда расчислены все дни и годы, если тебе вернут имя твое, как тебя будут величать?

— Не вернут. Я собираюсь задержаться. И что в имени тебе моем?

— Смотря в каком. Если, например, «Карагиозис»...

— Попробуй сесть так, чтобы я тебя видел. Не люблю, когда стоят за спиной.

— Сажусь. Ну так?

— «Ну так» что?

— Например, «Карагиозис».

— А я-то при чем?

— При том, что это кое-что значит. Во всяком случае, значило когда-то.

— Карагиозис был персонажем в старом греческом театре теней, что-то вроде Панча в европейских кукольных представлениях «Панч и Джуди». Он был недотепа и шут.

— Он был греком и далеко не глуп.

— Ха! Неряха и трус.

— Но также и храбрец. Обаяшка. Сама жизнь грубого помола. А чувство юмора!.. Готов разнести на куски даже пирамиду. Также и силач, когда захочет.

— Где он сейчас?

— Хотела бы знать.

— Почему же вопрос ко мне?

— Потому что так тебя назвал Хасан в ту ночь, когда ты дрался с големом.

— А... понятно. Ну, это что-то вроде бранного слова, общее обозначение, синоним дурака, уменьшительное имя — как если бы я называл тебя «Рыжик»... И коль скоро об этом речь, интересно бы знать, как все-таки ты выглядишь в глазах Миштиго? Ты знаешь, что веганцы не воспринимают цвет твоих волос?

— Мне абсолютно безразлично, как я для них выгляжу. Как ты выглядишь — вот что интересно.

Полагаю, что у Миштиго на тебя довольно толстое досье. Что-то он говорил насчет того, что тебе не-сколько сот лет.

— Сильно преувеличено, чуть ли не вдвое. Однако ты вроде довольно много знаешь. А как насчет твоего досья на Миштиго, оно толстое?

— Пока не очень.

— Похоже, ты ненавидишь его больше, чем кого бы то ни было. Это так?

— Так.

— Почему?

— Он веганец.

— И что с того?

— Я ненавижу веганцев, вот и все.

— Нет, что-то еще.

— Верно... Ты знаешь, что ты силач?

— Знаю.

— По правде говоря, ты самый сильный из человеческих существ, с которыми я только встречалась. Безусловно, достаточно сильный, чтобы сломать шею летуче-паучьей мыши, затем упасть в воды бухты в Пирее, выплыть на берег и позавтракать.

— Странный ты выбрала пример.

— Не очень уж странный. Ну так как?

— Что?

— Я хочу знать, мне это нужно.

— Сожалею.

— Одного слова «сожалею» маловато. Добавь еще какое-нибудь.

— Добавить нечего.

— Неправда. Нам нужен Карагиозис.

— Кому это «нам»?

— Редполу. Мне.

— Что, снова?

— Хасан древен, но не как само время, а лишь вполовину его. Карагиозис древнее. Хасан знал его. Он помнит, он назвал тебя «Карагиозис». Это ты Карагиозис — тот, кто убивает, кто защищает Землю. Ты нам нужен. Очень. Армагеддон уже пришел — и не с

мечом, а с чековой книжкой. Веганец должен умереть. Альтернативы нет. Помоги нам покончить с ним.

— Что вы хотите от меня?

— Не мешай Хасану уничтожить его.

— Нет.

— Почему нет? Кто он для тебя?

— Вообще-то никто. По правде сказать, мне он очень не нравится. Но кто он для вас?

— Несущий гибель.

— Но тогда скажи мне, как и почему, и, может, мой ответ тебя больше устроит.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что не знаю.

— Тогда спокойной ночи. И все.

— Подожди! Я действительно не знаю — но так передали с Тайлера, из тамошней агентуры Редпола: он должен умереть. Его книга — вовсе не книга, и дело не в нем, а в тех, кто за его спиной. Я не знаю, что все это значит, но наши резиденты прежде никогда не обманывали. Ты жил на Тайлере, ты жил на Бакабе и в доброй дюжине других миров. Ты Карагиозис. Ты знаешь, что наши резиденты никогда не врут, потому что это ты, Карагиозис, собственными руками создавал шпионскую сеть. А теперь ты получаешь от них информацию и пренебрегаешь ею. Я передаю тебе их слова: он должен умереть. Он воплощает собой конец всему, за что мы боремся. Они говорят, что он инспектор, которого нельзя допускать до инспекции. Принцип тебе известен. Деньги против Земли. И еще большая эксплуатация со стороны веганцев. Вот главное, а детали они не передали.

— Сожалею. Я обязался его охранять. Если бы ты назвала весомую причину, я, может, дал бы более весомый ответ... Хасан же пытался меня убить.

— Ему велели только остановить тебя, вывести из строя, чтобы мы могли уничтожить веганца.

— Нет, все это не то, не то. Не принимаю. Иди своей дорогой. Обещаю немедля все забыть.

— Нет, ты должен помочь нам. Что для Карагиозиса, жизнь одного веганца?

— Я не буду поддерживать идею его убийства без весомой и справедливой на то причины. Пока же ты ничего мне не доказала.

— Это все, что у меня есть.

— Тогда спокойной ночи.

— Нет. У тебя два профиля. Справа ты полубог, а слева ты дьявол. Один из них нам поможет, должен помочь. Мне все равно, кто именно.

— Не пытайся причинить зло веганцу. Мы о нем позаботимся.

Так мы там и сидели. Она взяла у меня сигарету, мы сидели и курили.

— ...Не могу, — сказала она, помолчав. — Не могу тебя ненавидеть. Хотя это так просто.

Я не ответил.

— Я много раз видела, как ты важно расхаживаешь в своем Черном Костюме, пьешь ром, будто воду, корчишь из себя знатока, кичишься своей силой... Ты ведь вкладываешься во всё, что только движется, не так ли?

— За исключением шмелей и рыжих муравьев.

— Может, у тебя есть какой-нибудь капитальный план, о котором нам неизвестно? Тогда скажи нам, и мы поможем тебе его осуществить.

— Это тебе пришло в голову, что я Карагиозис. Я уже объяснил, почему Хасан назвал меня этим именем. Фил знал Карагиозиса, а ты знаешь Фила. Он что-нибудь когда-нибудь говорил об этом?

— Ты сам понимаешь, что нет. Он твой друг, и он бы не стал злоупотреблять твоим доверием.

— Есть еще какие-нибудь признаки идентичности, кроме случайно оброненного Хасаном слова?

— Описания внешности Карагиозиса не существует. Ты был предусмотрителен.

— Вот и прекрасно. Иди и не мешай мне.

— Нет, пожалуйста.

— Хасан пытался меня убить.

— Да. Должно быть, он подумал, что легче тебя убить, чем временно убрать с дороги. Все-таки он знает тебя лучше, чем мы.

— Тогда почему он спас меня сегодня от боадила, заодно с Миштиго?

— Я бы не хотела говорить.

— Хорошо, я не спрашивал.

— Нет, я скажу. Ассагай — это было единственное, что оказалось у него под рукой. Хасан еще недостаточно им овладел. Он целился не в боадила.

— О...

— Но также и не в тебя. Эта тварь слишком уж извивалась. Он хотел убить веганца, и он просто бы сказал, что пытался спасти обоих, используя то, что под рукой, но что произошло ужасное несчастье. К сожалению, ужасного несчастья не произошло. Он не попал в цель.

— Тогда почему он не предоставил боадилу убить веганца?

— Потому что ты уже высвободил руки и схватился с тварью. Хасан боялся, что ты сам спасешь веганца. Он боится твоих рук.

— Приятно слышать. Он что, по-прежнему будет пытаться его убить, если даже я откажусь от участия в этом?

— Боюсь, что да.

— Мне очень жаль, моя дорогая, но я не позволю.

— Ты его не остановишь. И мы его не отзовем. Пусть даже ты Карагиозис и изранен, а моя печаль по твоему поводу вышла из берегов, Хасана не остановить ни мне, ни тебе. Он Убийца. И он никогда не проигрывает.

— Равно как и я.

— Нет, ты проигрываешь. Ты только что проиграл и Редпол, и Землю, и все, что еще хоть что-то значит.

— Женщина, я держу ответ перед самим собой. Иди своей дорогой.

— Не могу.

— В чем же дело?

— Если ты этого не знаешь, тогда Карагиозис действительно недотепа и глупец, персонаж театра теней.

— Некий человек по имени Томас Карлейл писал когда-то о героях и поклонении им. Еще один глупец. Он верил в существование подобных созданий. Героизм — это всего лишь вопрос обстоятельств и требований момента.

— Но идеалы входят в картину мира тоже случайно.

— Какие там идеалы? Призраки призраков, и больше ничего. Пожалуйста, не говори мне подобные вещи.

— Я должен, потому что это правда.

— Ты лжешь, Карагиозис.

— Я не лгу, а если лгу, то на пользу, девочка.

— Я достаточно стара, чтобы быть бабушкой всякому, за исключением разве что одного тебя, так что не называй меня «девочкой». Тебе известно, что мои волосы — это парик?

— Да.

— Тебе известно, что я однажды подцепила веганскую болезнь и что именно поэтому вынуждена носить парик?

— Нет. Очень сожалею. Я не знал.

— Когда я была молода, давным-давно, я работала на веганском курорте. Я была девочкой для удовольствий. Никогда не забуду, как они выдыхали из своих мерзких легких прямо в мое тело, как они касались меня своей плотью мертвецкого цвета. Я ненавижу их, Карагиозис, ненавистью, которую могут понять только такие люди, как ты, кто сам испытал великую ненависть.

— Прости меня, Диана. Прости, раз тебе до сих пор больно. Но я еще не готов действовать. Не подталкивай меня.

— Так ты Карагиозис?

— Да.

— Тогда я удовлетворена в каком-то смысле.

— Но веганец будет жить.

— Это мы посмотрим.

— Да, посмотрим. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

И я встал и оставил ее и вернулся в свою палатку. В ту же ночь, позднее, она пришла ко мне. Хлопали края палатки, шелестело постельное белье, и она была здесь. И уже забыв все, что к ней относилось, — красноватый ее парик, и брови домиком, и желваки под скулами, и ее привычку проглатывать в разговоре слова и буквы, и все эти манерные жесты, и тепло тела, будто сердца звезды, и это ее странное обвинение, брошенное человеку, которым я, может, некогда был, — забыв все это, я запомню другое: что она пришла ко мне, когда я в ней нуждался, что она была тепла, нежна, и что она пришла ко мне...

На следующее утро после завтрака я собрался поискать Миштиго, но он первый меня обнаружил. Я был внизу у реки, где разговаривал с людьми, отвечающими за фелюгу.

— Конрад, — мягко сказал он, — можно поговорить с вами?

Я кивнул и махнул рукой в сторону лощины.

— Пойдемте туда. Здесь я все закончил.

И мы пошли.

С минуту помолчав, он сказал:

— Знаете, в моем мире есть несколько ментальных систем, и порой они обнаруживают свои экстра-сенсорные возможности.

— Да, я слышал.

— Веганцы по преимуществу к этому предрасположены, не всегда, но часто. У некоторых есть в этом смысле определенные способности. У многих их нет. Однако почти у всех у нас есть некое чувство, — мы чувствуем проявление этого феномена.

— Да что вы?

— Сам я не телепат, но убежден, что у вас такой дар есть, поскольку вы применили его ко мне прошлой ночью. Я почувствовал. Для людей это вещь редкая, вот почему я ее не предусмотрел и не предпринял

никаких мер предосторожности. Кроме того, вы выбрали подходящий момент и попали в точку. Сознание мое было для вас открыто. Я должен выяснить, много ли вы узнали.

Да, тут явно была какая-то экстрасенсорика, связанная с планом зрительных образов. Обычно сюда входит мгновенное образное восприятие предмета плюс то, что можно назвать подглядыванием за чужими мыслями и чувствами, которые облекаются в слова, — и я иногда принимал их неправильно.

Вопрос Миштиго показывал, что он не знает, как далеко я зашел, а я слышал, что некоторые профессиональные веганские психоаналитики умели буквально продираться в подсознание. Поэтому я решил на блеф.

— Я так понимаю, что вы пишете не просто книгу о путешествии, — сказал я.

Он не ответил.

— К несчастью, я не единственный, кто догадывается об этом, что ставит вас в несколько опасное положение.

— Почему? — неожиданно спросил веганец.

— Потому что они, может, просто впали в заблуждение, — рискнул я.

— Кто они?

— Сожалею, но...

— Я должен знать.

— Еще раз сожалею. Если вы хотите уехать, я сегодня же могу доставить вас в Порт.

— Нет; это невозможно. Я должен продолжать. Что от меня требуется?

— Какая-то дополнительная информация, чтобы я сделал свои выводы.

— Нет, вы уже и так слишком много знаете... Но тогда, — резко повернулся он ко мне, — тогда должна быть подлинная причина того, почему Дональд Дос Сантос здесь. Он человек умеренных взглядов. Очевидно, активисты Редпола что-то разузнали и, как вы говорите, впали в заблуждение. Он наверняка знает об опасности. Видимо, мне следует пойти к нему.

— Не думаю, — быстро вставил я. — На деле это ничего не изменит. Что вы ему скажете?

Последовала пауза. Затем Миштиго произнес:

— Понимаю, что вы имеете в виду. Мне тоже уже приходило в голову, что он, возможно, вовсе не такой умеренный, как я полагал... Если так, тогда...

— Ага, — сказал я. — Так хотите назад?

— Не могу.

— О'кей, голубочек. Собираетесь мне доверять? Можете рассказать кое-что о своей инспекции...

— Я не знаю, что вы уже знаете, а что нет. Для меня очевидно, что информации вам явно не хватает, посему, думаю, что вы знаете немного. То, что я делаю, пока секретно.

— Но я пытаюсь вас защитить, — сказал я, — следовательно, мне нужно столько информации, сколько возможно.

— Тогда защищайте мое тело и позвольте мне самому позаботиться о своих мыслях и мотивах. Впредь мое сознание будет для вас закрыто, так что нет смысла тратить время на его прощупывание.

Я протянул ему автоматический пистолет.

— Предлагаю вам носить оружие, пока путешестви не закончатся, — чтобы защищать свои мотивы.

— Отлично.

Пистолет исчез под его колышущейся рубашкой.

«Пуф-пуф-пуф», — дышали веганские легкие.

«Так-тебя-растак», — бежали мои мысли.

— Идите готовьтесь, — сказал я. — Скоро отправляемся.

Я зашагал в лагерь, выбрав другую дорогу, чтобы проанализировать свои собственные мотивы. Книга сама по себе не может ни создать, ни расколоть ни Землю, ни Редпол, ни Возвращенство. В действительности этого не сделал даже «Зов Земли» Фила. Но Миштиго был занят чем-то более важным, чем книга. Инспекцией? Какого рода? Хочет что-то раскрутить? Но в каком направлении? Я не знал, а знать должен был. Если

бы нас собирались уничтожить, то веганцу Миштиго не позволили бы здесь жить, — я же не мог позволить его уничтожение, если в задуманном веганцами была хоть какая-то польза. А она могла быть. Следовательно, кому-то нужно взять тайм-аут, пока мы не разберемся. Ниточку дернули — и я пошел по ней.

— Диана, — сказал я, когда мы стояли в тени ее скиммера, — ты говоришь, что я для тебя что-то значу — и сам по себе, и как Карагиозис.

— Похоже, что так.

— Тогда слушай меня. Ты, конечно, имеешь право заблуждаться по поводу веганца. И в случае, если ты в самом деле заблуждаешься, его убийство будет очень большой ошибкой. Именно по этой причине я не могу этого допустить. Отложите все, что вы запланировали, пока мы не прибудем в Афины. Затем запросите Редпол уточнить вашу задачу.

Она уставилась на меня, затем промолвила:

— Хорошо.

— А что Хасан?

— Ждет.

— Он действует по собственному выбору относительно места и времени, так, что ли? Он только ждет случая нанести удар?

— Да.

— Тогда ему надо дать отбой, пока мы не разберемся.

— Хорошо.

— Ты ему скажешь?

— Ему скажут.

— Вот и славно.

И я отошел.

— А если, — окликнула она, — если ответ только подтвердит предыдущую задачу, что тогда?

— Посмотрим, — ответил я, не оборачиваясь.

Она осталась возле своего скиммера, а я вернулся к своему.

Когда пришел именно тот ответ, которого я и ожидал, я знал, что заполучу только лишнюю головную боль. Потому, что я уже принял решение.

Далеко на юго-восток от нас Мадагаскар еще оглушал счетчики Гейгера своими радиоактивными криками боли, отдавая должное искусству одного из нас.

Я был уверен, что ни перед какими препятствиями Хасан не остановится и глаз не отведет — тех самых пронизанных солнцем, привычных к смерти желтых глаз...

Помешать ему будет трудно.

Вон. Внизу под нами. Смерть, пекло, грязные полосы прибоя, новые очертания берегов...

Вулканическая деятельность Хиоса, Самоса, Икарии, Накоса...

Сметен Галикарнас...

Снова видна западная оконечность Коса, ну и что с того?

...Смерть, пекло, грязные полосы прибоя.

Новые очертания берегов...

По моему приказу мы сошли с трассы — весь наш конвой — чтобы осмотреть эти места. Миштиго делал свои устные заметки, фотографировал. Еще раньше Лоурел передал: «Продолжайте путешествие. Имуществу нанесен не слишком большой ущерб, поскольку архипелаг был в основном забит макулатурой. Персонал или погиб, или получил травмы — раненым оказана необходимая помощь. Так что продолжайте».

Я скользил на малой высоте над тем, что осталось от Коса, — над его вытянутой западной оконечностью. Дикая вулканический ландшафт, новые дымящиеся вулканы среди заполненных сверкающим морем трещин, крест-накрест исчертивших землю. Когда-то здесь была древняя столица Астипалея. Фукидид сообщает, что она была разрушена мощным землетрясением. Посмотрел бы он на вот это. Мой северный город Кос был заселен с 366 года до Рождества Христова. Теперь все исчезло, вместо него только вода и пекло. Ничего не уцелело — ни дерево Гиппократы с плоской

кроной, ни мечеть Логгия, ни замок Родосских Рыцарей, ни фонтаны, ни мой коттедж, ни моя жена — все, видимо, было сметено волнами прибоя или погрузилось на дно моря — ушло туда же, куда и почивший Феокрит, который некогда обессмертил эти места. Ушло. Прочь. Далеко... Бессмертное и мертвое — для меня.

Дальше на восток из морских вод еще высывались несколько пиков той высокой горной гряды, что пересекала северную прибрежную равнину. Это был мощный пик Дикайос, или Христос Справедливый, который прежде обозревал сверху вниз деревни на северном склоне. Теперь он превратился в маленький островок, и никому не удалось вовремя забраться на его вершину.

Что-то подобное, должно быть, имело место и в давно минувшие времена, когда море возле земли, где я родился, тесным полуостровом Халкидики, вздыбилось и атаковало сушу; в те времена, когда воды внутреннего моря нашли себе выход через горловину Теспе, этот могучий катаклизм оставил свой след даже на стенах самого дома богов Олимпа, пощадив лишь мистера и миссис Девкалион*, которые благодаря богам остались на плаву, чтобы сотворить миф и рассказать его людям.

— Вы жили здесь, — сказал Миштиго.

Я кивнул.

— Однако родились вы в деревне Макриница среди холмов Фессалии.

— Да.

— А поселились здесь.

— Ненадолго.

— «Дом» — идея всемирная, — сказал он, — я высоко ее чту.

— Благодарю.

* Имеются в виду герои древнегреческой мифологии Девкалион и Пирра, муж и жена, спасшиеся от потопа в огромном ящике и заселившие землю новым родом людей, происшедших из камней.

Я продолжал смотреть вниз, на то, что было под нами, сходя с ума от боли и горечи. А затем возникла пустота.

Если долго не бывать в Афинах, город внезапно оказывается столь мне близок, что это всегда бодрит, иногда обновляет, а порой и возбуждает. Как-то Фил читал мне строки одного из последних великих греческих поэтов Яоргаса Сефериса, дабы поддержать то, что относил к моей Греции: «Страна, которой нет у нас больше, нет и у вас», — он имел в виду веганцев. Когда я на это заметил, что во времена Сефериса никаких веганцев в наличии не было, Фил возразил, что-де поэзия существует независимо от времени и пространства и в ней только тот смысл, который вкладывает в нее читатель. Хотя я никогда не был убежден, что лицензия на право заниматься литературой тоже подходит для путешествия во времени, у меня были другие причины не соглашаться с ним и не считать, что поэтические тексты универсальны.

Это наша страна. Готы, гунны, болгары, сербы, франки, турки, а позднее веганцы так и не отринули ее от нас. Люди, я выжил. Афины и я — мы вместе изменились, до какой-то степени. Однако материковая Греция есть материковая Греция, и она для меня неизменна. Попробуйте ее отобрать, кто бы вы ни были, и мои клефты скрытно выйдут на холмы, как хтонические мстители древности. Вы уйдете, а холмы Греции останутся, ничуть не изменившись, с их запахом паленой кости, когда пекут на огне козью ляжку, с примесью крови и вина, со вкусом очищенного миндаля и холодного вина по вечерам и с дневными небесами — такими же ярко-голубыми, как глаза какого-нибудь божества. Посмейте только тронуть все это.

Вот почему я полон бодрости, когда возвращаюсь, и, снова ощущая за спиной годы и годы, я испытываю то же самое чувство и за всю Землю. Вот почему я сражался, вот почему я убивал и бомбил, вот почему я шел также на всяческие ненаказуемые бухгалтерские ухищрения, чтобы не дать веганцам раскупить Землю, и так заговор за заговором, пренебрегая прави-

тельством-в-отсутствии, там, на Тайлере. Вот почему под другим именем я полез в эту большую машину гражданской службы, что заправляет здесь, на планете, — и вот почему, в частности, эти Искусства, Памятники и Архивы. Тут в ожидании грядущих событий я мог сражаться за сохранение того, что еще осталось.

Вендетта Редпола напугала экспатриантов равно так же, как и веганцев. Последние не могли взять в толк, что потомки тех, кто выжил после Трех Дней, не будут с готовностью уступать свои лучшие прибрежные районы под веганские курорты и отдавать своих сынов и дочерей для работы на иноземцев; так же как не будут водить веганцев на экскурсии по руинам своих городов, показывая для развлечения гостей достопримечательности. Вот почему наша Контора для большей части ее служащих является как бы отделом службы иностранных дел.

С призывом вернуться мы обращались к тем потомкам, чьи колонии были на Марсе и Титане, однако никто не вернулся. Они выросли там в тиши и спокойствии, далекие от проблем нашей культуры, которую мы считали отправной точкой возрождения. Они перестали быть землянами. Они бросили нас.

Однако «де юре» их интересы представляло правительство Земли, законно выбранное отсутствующим большинством, — а может, также и «де факто», если бы до того дошло. Пожалуй что так. Я надеялся, что до этого никогда не дойдет.

Более чем полвека имел место пат. Никаких новых веганских курортов, никаких новых выступлений Редпола. Так же как и никакого Возвращения. Но скоро последует новый виток. Это носится в воздухе — если Миштиго действительно инспектирует.

Так вот, я вернулся в Афины в мрачный день во время холодного морозящего дождя, когда город растрясло и переиначило последними подвижками земной коры, и голова моя была в вопросах, а тело в ранах, но я был бодр. Национальный Музей по-прежнему стоял между Тоссизой и Василеос Ираклиу, Акрополь

был разрушен еще больше, чем я помнил, и гостиница «Садовый Алтарь» — в прошлом старый королевский дворец — там, на северо-западной стороне Национальных Садов, наискосок от площади Синтагма, — гостиница эта пострадала от землетрясения, но осталась на своем месте и действовала, несмотря ни на что.

Мы вошли и зарегистрировались.

Как Комиссару по Искусствам, Памятникам и Архивам, мне было оказано особое внимание: я получил номер № 19.

Он оказался не таким, каким я его оставил. Теперь здесь было чисто и опрятно. Маленькая металлическая табличка на двери гласила: «В этом номере был штаб Константина Карагиозиса в период основания Редпола и Восстания Возвращенцев». На спинке кровати красовалась надпись: «На этой кровати спал Константин Карагиозис». В длинной узкой передней комнате на дальней стене я заприметил еще одну табличку. Там было сказано: «Это пятно на стене осталось от бутылки с напитком, которую Константин Карагиозис швырнул во время празднования бомбардировки Мадагаскара».

Хотите — верьте, хотите — нет.

«Константин Карагиозис сидел на этом стуле», — настаивала следующая табличка.

В ванную же комнату я и вовсе боялся заглядывать.

Поздно ночью, когда я шагал по усыпанным камнями мостовым моего почти пустынного города, старые воспоминания и сегодняшние мысли текли во мне вместе, как две реки. Все остальные члены нашей группы похрапывали в гостинице, а я вышел из «Алтаря», спустился по широкой лестнице, задержался, чтобы прочесть одну из надписей, взятую из надгробных речей Перикла: «Вся Земля — это могила великих людей», — там, сбоку, на Мемориале Неизвестному солдату, оглядел мощные мускулистые конечности этого древнего воина, распростертого вместе со всем

его оружием на смертном ложе, а также весь мраморный барельеф, — в памятнике было какое-то живое тепло, может, благодаря афинской ночи, — и пошел дальше вверх по Леофорос Амалиас.

Обед был что надо: узо, жюветси, коккидели, юр-ти, метакса, много черного кофе, и Фил спорил с Джорджем об эволюции.

— Разве ты не видишь, что здесь, в последние дни жизни этой планеты, сходятся в одной точке миф и сама жизнь?

— Что ты хочешь сказать? — спрашивал Джордж, до блеска подчищая тарелку с наранцей и поправляя на носу очки.

— Я хочу сказать, что человечество выросло из тьмы, в которую было погружено, со всеми теми легендами и мифами и воспоминаниями о сказочных существах. Сейчас мы возвращаемся в ту же самую тьму. Сила жизни слабеет, становится неустойчивой, и наблюдается реверсия к тем первичным формам, которые по сию пору существовали лишь как смутные воспоминания разных народов...

— Чепуха, Фил. «Сила жизни»? Какой век ты считаешь своим собственным? Ты говоришь так, будто все живое представляло собой единую чувствующую реальность.

— Но это так.

— Докажи, пожалуйста.

— В твоём музее есть скелеты трех сатиров и фотографии одного благополучно здравствующего. Они живут среди холмов этой страны. Здесь также наблюдали и кентавров, а кроме того, имеются цветы-вампиры и лошади с рудиментами крыльев. В каждом море водятся морские змеи. Наши небеса прочесывают завезенные летуче-паучьи мыши. Известны клятвенные заверения лиц, видевших Черное Чудовище Фессалии, пожирателя людей, костей и тому подобного; жи-вы и все прочие легенды.

Джордж вздохнул.

— Все пока тобою сказанное доказывает не что иное, как то, что, когда жизнь во взвешенном состоя-

нии, возникает возможность для появления любой ее формы, если в наличии сопутствующие факторы и благоприятная обстановка на достаточно продолжительный период времени. Все существа земного происхождения, которых ты тут называл, являются мутантами, появившимися возле Горючих Точек по всему земному шару. Одно такое место находится в холмах Фессалии. Если даже Черное Чудище сейчас вломилось бы в дверь с сатиром на хребте, это все равно не поколебало бы мое мнение, как не доказало бы и твое.

В тот момент я глянул на дверь, но в ожидании не Черного Чудища, а, скажем, какого-нибудь неприметного старика, что мог робко остановиться за ней, споткнуться у порога и пойти прочь, или официанта, тайком несущего Диане выпивку и сунувшего счет внутрь сложенной салфетки. Однако никто не появился.

Я прошел Леофорос Амалиас, миновал Арку Адриана, оставил позади Олимпейон, так еще и не зная ответа. Диана связалась с Редполом, но они до сих пор хранили молчание. Через тридцать шесть часов мы должны были улететь из Афин в Ламию, затем двинуть дальше пешком сквозь районы, поросшие странными новыми деревьями с бледной длинной листвой, пронизанной красными жилами, со свисающими ползучими растениями и всем тем, что ветвится там, наверху, — сквозь все эти цветущие места, где возле корней произрастает *strige-fleur*, а затем — через омытые солнцем долины вверх по извилистым козьим тропам, через высокие каменные гряды и вниз, через глубокие ущелья, минуя разрушенные монастыри. Совершенно безумная затея, но Миштиго захотел, чтобы все было именно так, и не иначе. Он полагал, что, коль скоро я родился в этих местах, ему ничто не угрожает. Я пытался рассказать ему о диких тварях, о каннибалах куретах — племени, которое там бродило. Но он жаждал быть Павсанием, и увидеть все собственными глазами. Что же, о'кей, решил я, раз Редпол его не сцапал, то это сделает здешняя фауна.

На всякий случай я зашел в ближайшее почтовое отделение Земного правительства, заполучил разрешение на дуэль и заплатил налог за свою смерть. Мне как Комиссару и прочее, решил я, следует предусмотреть все варианты.

Если Хасану нужно убивать, я убью его законно.

Я услышал игру бузуки — мелодия звучала из маленького кафе по другую сторону улицы. Отчасти потому, что мне этого хотелось, а отчасти потому, что чувствовал за собой слежку, я пересек улицу и вошел внутрь. Я двинулся к маленькому столику, за которым можно было сесть спиной к стене и лицом к двери, заказал кофе по-турецки, пачку сигарет и стал слушать песни, в которых говорилось о смерти, разлуке, несчастье и вечном вероломстве мужчин и женщин.

Внутри было еще теснее, чем казалось снаружи, — низкий потолок, грязный пол, полутьма. Певицей была толстая, сильно накрашенная приземистая женщина в желтом платье. Звенели рюмки, в тусклом свете медленно и ровно опадала пыль, под ногами — влажный слой опилок. В помещении было примерно с дюжину посетителей: три девицы с сонными глазами пили у стойки бара, тут же сидел мужчина в грязной феске, еще один похрапывал, уронив голову на вытянутые перед собой руки, за столиком напротив меня по диагонали сидели четверо — они смеялись; остальные сидели поодиночке, слушали музыку, ни на что особенно не глядя, ждали, а может, и не ждали, то ли чего-то, то ли кого-то.

Выпив третью чашку кофе, я заплатил по счету толстому усатому хозяину и вышел. Температура снаружи, похоже, упала на несколько градусов. На улице было пустынно и совсем темно. Я повернул направо по Леофорос Дионисия Ареопогита и дошел до разбитой ограды, что тянется вдоль южного склона Акрополя.

Позади за углом послышались чьи-то шаги. Я постоял с полминуты, но вокруг была только тишина и чернота ночи. Пожав плечами, я прошел ворота и двинулся к обители Дионисия Элевтерия. От самого храма

ничего не осталось, кроме фундамента. Я миновал его, держа направление к Театру.

На том обеде Фил высказал предположение, что история циклична в своем движении и напоминает стрелки часов, день за днем оббегающие одни и те же цифры.

— Это заблуждение, — сказал Джордж, — что доказывает историческая биология.

— Я говорю не в буквальном смысле, — возразил Фил.

— Тогда перед тем как двинуться дальше, нам следует договориться о терминах.

Миштиго рассмеялся.

Эллен тронула Дос Сантоса за руку и спросила его о бедных лошадях, которых седлают пикадоры. Он пожал плечами, подлил ей коккибели и опустошил собственный бокал.

— Это всего лишь часть большого действия, — сказал он.

А ответа все нет и нет...

Я шел через разор и хаос, — все, что оставляет от величия время. Испуганная птица вспорхнула справа от меня и, испуганно крикнув, исчезла. А я все шагал, добрался наконец до старого Театра и сквозь него двинулся вниз...

Дурацкие таблички; украшавшие мой номер, как ни странно, вовсе не рассмешили Диану.

— Но это их место. Вот и все. Они должны быть здесь.

— Ха!

— В другое время тут были бы головы убитых тобой животных. Или щиты разбитых тобой врагов. Мы стали цивилизованней. Так что теперь новое направление.

— Еще раз «ха!» — И я сменил тему разговора: — Есть что-нибудь новенькое о веганце?

— Нет.

— Тебе нужна его голова.

— Я-то не цивилизована... Скажи мне, Фил и прежде был таким дураком?

— Нет, не был. Ни тогда, ни сейчас. Его несчастье в том, что он не слишком талантлив. Его считают последним из поэтов Романтизма, он же зарыл талант в землю. Он переводит свой мистицизм на чепуху, потому что, как Вордсворт, пережил свое время. Сейчас он живет с искаженным представлением о прошлом, которое ему кажется довольно славным. Как Байрон, он переплыл однажды Геллеспонт, но теперь он, скорее как Ейтс, предпочитает в глубине души компанию юных леди, которых можно утомлять своей философией и порой очаровывать какой-нибудь хорошо рассказанной байкой. Он стар. Иногда в его писаниях еще вспыхивает прежняя мощь, но его писания и его стиль, как таковой, не одно и то же.

— То есть?

— Помню один хмурый день, когда Фил стоял на сцене театра Диониса и читал написанный им гимн Пану. Слушали его человек двести или триста — и одному Богу известно, с чего это они там собрались, — однако он начал читать. Его греческий был еще не слишком хорош, зато голос производил впечатление, да и сама манера поведения вполне харизматическая. Вскоре начал накрапывать дождь, но никто не ушел. И вот под конец вдруг раздался раскат грома, по звучанию ужасно похожий на смех, и у каждого в этой толпе по спине побежали мурашки. Я не говорю, что это было точно так же, как в дни Теспия, но многие из тех слушателей, уходя, оглядывались через плечо. Я сам был под большим впечатлением. Затем, несколько дней спустя, я прочел эту поэму — она была никакой, она была архискверной, она была одно общее место. Другое важно — как он ее читал. Эту часть своего таланта Фил утратил вместе с юностью, а то из оставшегося, что можно было называть искусством, оказалось не столь сильным, чтобы сделать его великим и поддерживать легенду о нем. Это его оскорбляет, и он утешается своей невразумительной философией, но если уж отвечать на твой вопрос, то — нет, он далеко не всегда был глуп.

— Может быть, что-то в его философии даже правильно.

— Что ты имеешь в виду?

— Цикличность, К нам снова возвращается эпоха странных чудищ. Так же как эпоха героев, полубогов.

— Я встречал только странных чудищ.

— Тут говорится, что «на этой кровати спал Карагиозис». Похоже, на ней очень удобно.

— Да... Хочешь попробовать?

— Хочу. Табличку не снимать?

— Как скажешь...

Я двинулся к просцениуму. Со ступенек начался барельеф: мифы из жизни Диониса. Каждый руководитель группы и каждый турист должны, согласно правилу, утвержденному мной, «...иметь при себе в пути не менее трех осветительных ракет». Я выдернул шнур одной из них и бросил ее на землю. Благодаря углу склона и каменной кладке, снизу эту вспышку никто не заметит.

Я смотрел не на яркое пламя, а выше — на словно облитые серебром фигуры. Вон Гермес, представляющий Зевсу бога-младенца, в то время как Корибанты по обе стороны его трона насмеваются над почитателем Пирры: далее следует Икар, которого Дионис научил виноделию, — Икар готов принести в жертву козу, а в это время его дочь предлагает богу лепешки (тот стоит поодаль и обсуждает ее с сатиром); вон пьяный Силен, пытающийся вроде Атласа поддержать небо, но только это получается у него гораздо хуже; а вон все прочие боги городов, наносящие визит в этот театр, — я заметил Гестию, Тезея и Эйрен с рогом изобилия...

— Ты зажег огонь в знак приношения богам, — провозгласил голос неподалеку от меня.

Я не обернулся. Голос раздался со стороны моего правого плеча, но я не обернулся, потому что я его знал.

— Возможно, — сказал я.

— Давно ты не ступал по этой земле, по Греции.

— Верно.

— Не потому ли, что здесь никогда не было бессмертной Пенелопы — терпеливой, как горы, верящей в возвращение ее калликанзароса, вяжущей что-то и терпеливой, как холмы?

— Ты что, теперь деревенский сказитель?

Он зафыркал от смеха.

— Я пасу многоногих овец в предгорьях, там, где рано поутру персты Авроры разбрасывают розы в небесах.

— Да, ты сказитель. Почему же сейчас ты не в предгорьях, где сбиваешь молодежь с толку своими песнями?

— Из-за снов.

— Вон как.

Я обернулся и взгляделся в это древнее лицо — его морщины в свете умирающего пламени были как черные рыбацкие сети, брошенные на дне морском, его борода была как снег, что медленно падает, придя со стороны гор, глаза его были того же цвета, что и голубая повязка, охватывающая виски. Он опирался на свой посох, не более чем воин опирается на свое копьё. Я знал, что ему больше ста лет и что он никогда не принимал таблетки Ж. С.

— Совсем недавно приснилось мне, что я стою посреди черного храма, — сказал он мне, — и подходит бог Гадес и встает около меня: берет меня за запястье и велит идти с ним. Но я говорю «нет» и просыпаюсь. Сон этот встревожил меня.

— Чего ты наелся в тот вечер? Ягодок из Горючего Места?

— Прошу, не смейся... Затем в другую ночь приснилось мне, будто я стою на арене во тьме. И что во мне вся сила бывших чемпионов и что я сражался с Антеем, сыном Земли, и сокрушил его. И тогда подходит ко мне снова бог Гадес и говорит, беря за руку: «Теперь иди со мной». Но я снова ему отказал и проснулся. Земля дрожала.

— Это все?

— Нет. Затем, еще позднее, и не ночью, а когда я сидел под деревом, следя за своей отарой, мне было ви-

дение, хотя я не спал. Будто, как Феб, сражался я с монстром Питоном, и он почти сокрушил меня. На сей раз бог Гадес не являлся, но когда я обернулся, то неподалеку стоял Гермес, его посланник, и, улыбаясь, наставлял на меня свой кадуцей, будто ружье. Я покачал головой, и он его опустил. А затем снова поднял, на что-то указывая, и я посмотрел в ту сторону. Передо мной лежали Афины — вот это самое место, этот театр, ты... и здесь же сидела старая женщина. Та, которая отмеряет нить жизни. Она сердилась, потому что намотала твою нить на горизонт и концов было не найти. Но та, которая вяжет, разделила ее на две очень тонкие нити. Одна нитка убежала за моря и скрылась с глаз. А другая прошла по холмам. На первом холме стоял Мертвец и держал твою нить своими белыми-пребелыми руками. За ним, на следующем холме, нитка эта пролегла по горящему камню. На холме же, что за горящим камнем, стояло Черное Чудище: дергало твою нитку и рвало ее зубами. И вдоль этой длинной нити крался большой воин-иноземец, глаза его были желты, в руке его был обнаженный клинок, и он несколько раз угрожающе замахнулся им. Так что я спустился в Афины, чтобы встретиться с тобой здесь, в этом месте, и сказать, чтобы ты возвращался обратно за моря, — предупредить тебя не подниматься на холмы, где тебя ждет смерть. Потому что я понял, когда Гермес поднял свой жезл, что видение это не про меня, а про тебя, о отец мой, и что я должен найти тебя и предупредить. Уходи сейчас же, пока у тебя еще есть возможность. Возвращайся. Прошу тебя.

Я сжал его плечо.

— Язон, сын мой, назад я не поверну. За свои собственные действия я несу полную ответственность, правильные они или нет, — включая, если на то пошло, даже собственную смерть, — и на сей раз я обязан пойти на холмы, те, что возле Горючего Места. Благодарю за предупреждение. Наша семья всегда имела дело со снами, и часто они вводили в заблуждение. Я тоже их вижу — только не свои, а чужие, — чужими глазами, иногда отчетливо, иногда не очень.

Благодарю за предупреждение. Прости, что не могу его учесть.

— Тогда я пойду к своей отаре.

— Пойдем в гостиницу. Завтра мы доставим тебя по воздуху до Ламии.

— Нет, я не сплю в больших зданиях, и я не летаю.

— Может, ты просто не привык. Сделаем, как тебе удобно. Мы можем провести ночь здесь. Ведь я Комиссар этого памятника.

— Я слышал, что ты снова важная персона в Большом Правительстве. Будут новые смерти?

— Надеюсь, нет.

Мы нашли ровное место и развалились на его плаще.

— Как же ты толкуешь эти свои сны? — спросил я его.

— Мы получаем от тебя подарки каждый сезон, но когда ты сам был здесь в последний раз?

— Почти девятнадцать лет назад, — сказал я.

— Тогда ты не знаешь о Мертвеце?

— Не знаю.

— Он почти что самый крупный из людей — толще и выше всех остальных, тело у него цвета рыбьего живота, а зубы как у зверя. О нем начали говорить лет пятнадцать назад. Он появляется только по ночам. Он пьет кровь. Он ходит по окрестностям в поисках крови — неважно какой, человеческой или животных, и смех у него, как у ребенка. По ночам он заглядывает, улыбаясь, в окна спален. Он сжигает церкви. Он свертывает молоко. Он наводит ужас на женщин, и у них случаются выкидыши. Говорят, что в дневное время он спит в гробу, охраняемый мужчинами из племени куретов.

— Похоже, он не лучше калликанзароса.

— Отец, он на самом деле существует. Какое-то время назад кто-то начал убивать моих овец. Этот «кто-то» частично съедал их и выпивал почти всю их кровь. Так что я выкопал себе укрытие и покрыл его ветками. В ту ночь я не смыкал глаз. И через несколь-

ко часов он явился. Я был так напуган, что не положил камень в пращу, потому что он был таким, каким я его описал: большой, даже больше тебя, и тучный, цвета только что выкопанного трупа. Руками он свернул овец шею и стал из горла ее пить кровь. Слезы лились у меня из глаз, когда я смотрел на это, но я боялся что-либо сделать. На следующий день я увел свою отару, и больше он не беспокоил. Этим рассказом я пугаю своих правнуков — твоих праправнуков — когда они плохо себя ведут... И он ждёт там, наверху, в холмах.

— М-да... Если ты говоришь, что видел его, значит, это правда. Странные существа возникают возле Горючих Мест.

— ...Где Прометей обронил слишком много огня созидания!

— Нет, где какой-то подонок бросил кобальтовую бомбу, и яркоглазые мальчики и девочки кричали Еloi радиоактивному пеплу... А что это за Черное Чудище?

— Оно тоже существует, я уверен. Однако я никогда его не видел. Размером со слона и очень быстрое, и, как говорят, хищник. Оно охотится на равнинах. Возможно, когда-нибудь оно повстречается с Мертвецом, и они убьют друг друга.

— Обычно так не случается, но мысль хорошая... И это все, что ты о нем знаешь?

— Да, те, кого я встречал, видели его только мельком.

— Для меня, пожалуй, и это было бы ни к чему.

— ...И еще я должен рассказать тебе о Бортане.

— Бортан. Знакомое имя.

— Это твой пёс. Ребенком я обычно катался верхом на нем и бил пятками в его стальные бока. Он ворчал и хватал меня за ногу, но осторожно.

— Мой Бортан умер так давно, что даже не стал бы грызть собственные кости, доведись ему в последней из инкарнаций выкопать их.

— Я тоже так думал. Но через два дня после того, как ты отбыл в последний раз, он вломился в твое жилище. Он явно пробежал по твоим пятам пол-Греции.

— Ты уверен, что это был Бортан?

— Разве когда-нибудь существовала́ другая такая собака размером с небольшую лошадь, с бронированными пластинами на боках, а челюсти, как капкан на медведей?

— Думаю, что нет. Вот, возможно, почему вымирают виды. Собакам нужна броня, если они собираются ошиваться среди людей, а она нарастала у них недостаточно быстро. Если он еще жив, он, вероятно, последний пес на Земле. Знаешь, мы с ним были вместе в щенячьем возрасте — так давно, что даже больно об этом думать. В тот день, когда он исчез во время охоты, я решил, что с ним произошел несчастный случай. Я искал его, а затем понял, что он мертв. В то время он уже был невероятно стар.

— Может, он получил рану и так годами и бродяжничал. Но это был именно он, и он явился по твоим пятам, в тот последний раз. Когда он увидел, что тебя нет, он взвыл и снова бросился за тобой. С тех пор мы его больше не видели. Хотя иногда по ночам я слышу его лай, когда он охотится в холмах...

— Этой чертовой глупой дворянке следовало бы знать, что никто не стоит такой привязанности.

А затем ночной ветер, веющий хладом сквозь арки годов, выследил меня. Он коснулся моих глаз. Усталые, они закрылись.

Греция кишмя кишит легендами, чревата опасностями. Большая часть территории материка возле Горючих Мест представляет собой традиционную угрозу. Все потому, что, хотя считается, что Контора правит Землей, на самом-то деле это относится только к островам. На большей части материка сотрудников Конторы примерно столько же, сколько было таможенных чиновников в горных районах в двадцатом веке. Для местных они желанная добыча во все времена года. Острова подверглись меньшему разрушению, чем остальной мир во время Трех Дней, и, соответственно, были логическими аванпостами для наших чиновников, когда тайлериты решили, что мы можем использовать кое-какую администрацию. Жители материка традиционно противостояли этому.

Однако в регионах около Горючих Мест аборигены — далеко не всегда полноценные человеческие особи. Вот в чем смысл этого традиционного противостояния, этих примеров аномального поведения. Вот почему Греция чревата.

Мы могли бы пойти морем по направлению к Волосу. Мы могли бы, в связи с этим, перелететь на Волос или почти в любое другое место. Однако Миштиго хотел идти пешком из Ламии, идти и наслаждаться возвращением легенд и враждебного мира. Вот почему мы оставили скиммер в Ламии. Вот почему к Волосу мы двинулись пешком.

Вот почему мы неожиданно встретились с легендой.

С Язоном я попрощался в Афинах. Он отправился вдоль побережья под парусом. Вполне мудро.

Фил уверял, что выдержит пеший маршрут гораздо лучше, чем предстоящие перелеты, и что будет ждать нас дальше по нашему движению.

Может, это тоже правильно, в каком-то смысле...

Дорога на Волос пролегает сквозь глухость и мелочность. Она вьется между огромных валунов и случайно сбившихся вместе лачуг, полей опиного мака; она пересекает маленькие речушки, огибает холмы, а иногда идет прямо по ним, то расширяется, то сужается безо всякой видимой причины.

Стояло раннее утро. Небо было чем-то вроде голубого зеркала, поскольку солнечный свет, казалось, шел отовсюду. Там же, где лежала тень, на траве и на нижних листьях деревьев еще держалась влага.

Именно на одной из памятных полянок вдоль дороги на Волос я и встретил полутезку.

Место это было некогда какой-то святыней, еще из тех Старых Добрых Времен. В юности я часто приходил туда, поскольку любил его атмосферу — полагаю, что вы бы назвали ее «умиротворенной». Иногда я встречал там полулюдей, или нелюдей, или видел сладкие сны, или находил старые гончарные изделия или головы статуй, или что-нибудь в этом роде, что можно было продать в Ламии или в Афинах.

Тропы туда нет. Надо просто знать это место. Я бы не повел их туда, если бы не то обстоятельство, что с нами был Фил, а ему нравится все, что отдает святостью, всякая там многозначительная уединенность, плавное скольжение по туманному прошлому и тому подобное.

В полумиле от дороги, пройдя сквозь маленький лес, самодостаточный в зеленом своем хаосе светотени и сваленных наудачу груд камней, вы неожиданно для себя спускаетесь с холма, находите тропу, перегороженную глухой чащобой, прорываетесь сквозь нее и затем обнаруживаете белую каменную стену. Если прокрасться, держась ближе к этой стене, и податься направо, то тогда и выйдешь на полянку, где порой так хорошо передохнуть, прежде чем двинуться дальше.

Там есть короткий резкий спуск, а внизу — площадка в форме яйца, около пятидесяти метров в длину и двадцати в ширину; тупой конец этого яйца упирается в выбитое в скале углубление, с острого же конца находится неглубокая пещера, обычно пустая. В ней несколько наполовину врытых в землю камней почти кубической формы — кажется, что они брошены там наобум. Лозы дикого винограда ограждают со всех сторон это место, а в центре его возносится огромное древнее дерево, чьи ветви, как зонтик, прикрывают почти весь этот участок, держа его днем в тени. Вот почему его трудно заметить, даже находясь на полянке.

Но мы же заметили сатира, стоявшего посреди с задранном носом.

Я увидел, как рука Джорджа потянулась к ружью, стреляющему пилюлями со снотворным. Я взял его за плечо, посмотрел ему в глаза, покачал головой. Он пожал плечами, кивнул и опустил руку.

Я вытащил из-за пояса пастушью дудку, которую попросил у Язона, жестом велел остальным пригнуться и оставаться на месте. Я продвинулся вперед на несколько шагов и поднял к губам дудку.

Первые ее звуки были пробными. Давненько я не играл на дудках.

Он прынул ушами и оглянулся. Сделал несколько быстрых движений в трех различных направлениях — как испуганная белка, не знающая, к какому дереву броситься. А затем застыл, дрожа, когда я уловил старую мелодию и она поплыла в воздухе.

Я продолжал играть, вспоминая все эти рожки, свирели, дудки, мелодии, и все то горькое, и сладкое, и хмельное, что на самом деле я всегда знал.

Все это вновь вернулось ко мне, когда я стоял там, играя для этого мохноногого парнишки, — я вспомнил и расположение пальцев, и подачу воздушной струи, и эти мелкие переходы, и это удержание звука — все, о чем можно поведать только на дудке. Я не могу играть в городах, но внезапно я снова оказался самим собой, и я увидел лица среди листвы, и я услышал стук копыт.

Я двинулся вперед.

Как во сне, я понял, что стою, прислонившись спиной к дереву, а вокруг — все они. Они переминались с копыта на копыто, неспособные хотя бы чуточку остановиться, и я играл для них, как часто делал это много лет назад, не зная даже, те ли они самые, кто слушал меня тогда, — хотя в общем-то мне было все равно. Они копытили вокруг меня. Они смеялись, сверкая своими белыми-белыми зубами, и глаза их плясали, и они кружились, пыряя воздух своими рожками, высоко вскидывая свои козлиные ножки, наклоняясь далеко вперед, подпрыгивая и топоча землю.

Я закончил и опустил дудку.

Все они враз превратились в статуи, застыв на месте, уставившись на меня, и в диковатых темных их глазах не было человеческого разума.

Я снова медленно поднял дудку. На сей раз я исполнил самую последнюю из своих песен. Это была песня-плач — я исполнял ее в ту ночь, когда решил, что Карагиозис должен умереть. Я уже понял, что Возвращенство обречено. Они не вернуться, они никогда не вернуться. Земля погибнет. Я спустился тогда в

Сады и играл эту последнюю мелодию, которую мне подсказал ветер, а может, даже звезды. На следующий день большой блестящий корабль Карагиозиса разбился в бухте Пирея.

Они расселись на траве. Порой кто-нибудь тайком смахивал слезы.

Собравшись вокруг меня, они слушали.

Не знаю, долго ли я играл. Закончив, я опустил дудку и тоже присел. Прошло какое-то время, затем один из них потянулся, тронул дудку и быстро отдернул руку.

Он глянул на меня.

— Уходите, — сказал я, но они, казалось, не поняли.

Тогда я поднял дудку и снова сыграл несколько последних тактов.

Земля умирает, умирает. Скоро она умрет...

Все по домам, праздник окончен. Уже поздно, поздно, так поздно...

Самый большой из них покачал головой.

А теперь уходите, уходите, уходите. Оцените тишину. Жизнь уже сыграна, как нам и не снилось, — оцените тишину. Чего надеялись боги добиться, добиться? Ничего. Это была всего лишь игра. А теперь уходите, уходите, уходите. Уже поздно, поздно, так поздно.

Они все еще сидели, поэтому я встал, хлопнул в ладони, крикнул «Уходите!» и быстро пошел прочь.

Я собрал своих спутников и вывел их обратно на дорогу.

От Ламии до Волоса около шестидесяти пяти километров, включая крюк к Горючему Месту. В первый день мы, может, покрыли одну пятую того расстояния. Тем вечером мы разбили лагерь на пустой площадке в стороне от дороги. Ко мне подошла Диана и спросила:

— Ну так как?

— Что «как»?

— Я только что говорила с Афинами. Пустой номер. Редпол молчит. Мне нужно твое решение.

— Очень уж ты решительная. Почему бы нам еще не подождать?

— Мы и так ждали слишком долго. Полагаешь, он закончит путешествие раньше времени?.. Местность здесь превосходная. Для несчастного случая лучше и не придумаешь... Ты ведь знаешь, что скажет Редпол — то же, что и раньше, — а это означает одно: убить.

— И мой ответ тот же, что и раньше: нет.

Она опустила голову, быстро заморгала глазами.

— Пожалуйста, подумай.

— Нет.

— Тогда вот что от тебя потребуется, — сказала она. — Забудь об этом. Полностью. Ты умываешь руки. Соглашаешься на предложение Лоурела и даешь нам нового гида. Утром ты можешь улететь отсюда.

— Нет.

— Ты что, действительно не шутишь — насчет защиты Миштиго?

— Не шучу.

— Я не хочу, чтобы тебя покалечили, или чего похуже.

— Мне и самому не очень-то нравится такая перспектива. Так что ты избавишь обоих нас от массы неприятностей, если дашь отбой.

— Я не могу этого сделать.

— Дос Сантос сделает, только скажи ему.

— Это вовсе не административная проблема, черт подери!.. Как жаль, что я с тобой повстречалась!

— Виноват.

— На карту поставлена Земля, а ты занимаешь не ту сторону.

— Это вы не ту.

— Так что ты собираешься делать?

— Раз я неспособен вас убедить — стало быть, я просто должен вам помешать.

— Ты не можешь встать между Секретарем Редпола и его супругой, не имея на то весомых оснований. Мы находимся в слишком щекотливом положении.

— Знаю.

— Так что ты не можешь нанести вред Дону, и я не верю, что ты способен на это по отношению ко мне.

— Верно.

— Тогда остается Хасан.

— Снова верно.

— А Хасан есть Хасан. Что ты сделаешь?

— Почему бы не выдать ему его документы прямо сейчас? Это избавило бы меня от лишних хлопот.

— Я не сделаю этого.

— Так я и думал.

Она снова взглянула на меня. Глаза ее увлажнились, но в голосе ее и лице не произошло никаких изменений.

— Если окажется, что ты был прав, а мы нет, — сказала она, — то я буду чувствовать себя виноватой.

— Я тоже, — произнес я. — Очень.

В ту ночь я дремал рядом с Миштиго, чтобы его нельзя было достать ножом, но все было спокойно, ничего подозрительного. Утро тоже прошло без каких-либо событий, как и большая часть дня.

— Миштиго, — сказал я, когда мы остановились, чтобы сфотографировать холмы, — почему бы вам не отправиться домой? Обрато на Тайлер. Еще куда-нибудь. Подальше отсюда. И написать книгу про что-нибудь другое. Чем ближе мы к населенным местам, тем меньше у меня возможности вас защищать.

— Вы дали мне автоматическое оружие, помните? — сказал веганец. Правой рукой он изобразил стрельбу.

— Прекрасно, только я бы на вашем месте еще потренировался.

— Вон там вроде коза стоит у нижней ветви дерева, я не ошибаюсь?

— Верно. Они любят лакомиться маленькими зелеными побегам на ветках.

— Я хочу сделать такой снимок. Это, кажется, олива?

— Да.

— Я должен знать, как назвать этот снимок. «Коза, поедающая зеленые побеги дерева оливы», — наговорил он своему диктофону. — Вот какая будет подпись.

— Великолепно. Снимайте, пока не поздно.

Если бы он только не был таким необщительным, таким отчужденным, таким безразличным к своему благополучию... Я его ненавидел. Я не мог его понять. Он всегда молчал, раскрывая рот только в том случае, когда ему требовалась какая-нибудь информация или чтобы ответить на вопрос. Отвечал же он или немногословно, или уклончиво, или оскорбительно, или все сразу. Он был самодовольным, чванливым, голубым и очень властным. Это и вправду заставляло меня размышлять о вкладе Штиго-генов в область философии, филантропии и просвещенной журналистики. Он мне не нравился, вот и все.

Но в тот вечер я поговорил с Хасаном, после того как целый день не спускал с него глаза (голубого).

Он сидел у огня, напоминая своим видом набросок Делакура. Эллен и Дос Сантос сидели поблизости, пили кофе, так что я освежил в памяти свой арабский и подошел.

— Мое почтение.

— Мое почтение.

— Сегодня ты не делал попыток меня убить.

— Не делал.

— Может, завтра?

Он пожал плечами.

— Хасан, посмотри мне в глаза.

Он посмотрел.

— Тебя наняли для убийства голубого.

Он снова пожал плечами.

— Тебе нет нужды ни отрицать, ни соглашаться. Я и так знаю. Я не могу тебе этого позволить. Верни деньги, которые заплатил тебе Дос Сантос, и иди своей дорогой. Наутро я могу дать тебе скиммер. Он доставит тебя туда, куда ты только захочешь.

— Мне и здесь хорошо, Караги.

— Тебе сразу же станет плохо, если с голубым что-нибудь случится.

— Я просто телохранитель, Караги.

— Нет, Хасан. Ты сын страдающего диспепсией верблюда.

— Что такое «диспепсия», Караги?

— Я не знаю, как это по-арабски, а ты не знаешь, как по-гречески. Подожди, я подберу другое оскорбление... Ты подлый трус, трупоед, бандит с большой дороги, потому что ты шакал и придурок.

— Возможно, это так, Караги. Мне на роду написано, говорил отец, что с меня сначала кожу снимут живьем, а потом четвертуют.

— За что это?

— Я был неуважителен к Бесу.

— Да ну?

— Поверь. Те, для кого ты вчера играл, они тоже были бесами? У них рога, копыта...

— Нет, они не бесы. Они дети Горючих Мест, рожденные от несчастных родителей, которые бросили их на верную смерть в дикой природе. А они живут, потому что дикая природа — это их настоящий дом.

— Ай-яй! Я-то надеялся, что они бесы. Я все-таки думаю, что это они, потому что один из них улыбался мне, когда я молился о прощении.

— Прощения? За что?

Во взгляде его отразилось что-то очень далекое.

— Мой отец был очень хорошим, добрым и набожным человеком, — сказал он. — Он поклонялся Малаки-Таузу, кого темные и отсталые шииты (тут он сплюнул) называют Иблис, или Шайтан, или Сатана, и всегда отдавал дань уважения Аллаху и всем остальным из Санджака. Он был хорошо известен благодаря своему благочестию и многим своим добродетелям. Я его любил, но во мне, мальчике, уже сидел чертенок. Я был атеистом. Я не верил в Беса. Я был дитя греха, и я достал мертвого цыпленка, и водрузил его на палку, и назвал его Ангел-Павлин, и издевался над ним, бросая в него камни и выдергивая из него перья. Отец выпорол меня тогда, прямо на улице, и сказал, что мне

на роду написано, чтобы за мое богохульство с меня заживо сняли кожу и четвертовали. Он велел мне идти на гору Санджар и молиться о прощении, и я пошел туда, но во мне так и сидел чертенок, несмотря на порку, и на самом деле я не верил тому, чему молился. Теперь, когда я много старше, тот чертенок исчез, но ушел также и мой отец — давным-давно — и я не могу ему сказать: «Прости, что я издевался над Ангелом-Павлином». Чем старше я становлюсь, тем больше чувствую потребность в религии. Я надеюсь, что Бес, многомудрый и всемилостивый, понимает это и прощает меня.

— Да, Хасан, — сказал я, — тебя и в самом деле очень трудно оскорбить. Но предупреждаю — чтобы у голубого и волосок с головы не упал.

— Я всего-навсего простой телохранитель.

— Ха! Скорей ты змей, ядовитый и коварный. Подлый и вероломный. Порочный к тому же.

— Нет, Караги. Благодарю тебя, но это не так. Свои обязанности я всегда исполняю с гордостью. Вот закон, по которому я живу. Кроме того, ты не можешь меня так оскорбить, чтобы я вызвал тебя на дуэль, дав тебе возможность использовать на выбор то ли кинжалы, то ли сабли, то ли голые руки. Нет. Меня нельзя обидеть.

— Тогда запомни, — сказал я ему, — твой первый шаг к веганцу будет твоим последним.

— Если только так написано, Караги...

— И называй меня Конрад.

Я зашагал прочь. С плохими мыслями.

Все мы были живы и здоровы и на следующий день, когда, свернув лагерь, двинулись дальше и прошли около восьми километров, прежде чем случилась следующая остановка.

— Кажется, где-то ребенок плачет, — сказал Фил.

— Ты прав.

— Откуда этот звук?

— Слева, вон оттуда, снизу.

Мы полезли сквозь какой-то кустарник, вышли на сухое русло ручья и пошли по нему до излучины. Среди камней лежал младенец, едва завернутый в грязное одеяльце. Его лицо и руки были уже обожжены солнцем, так что он, должно быть, лежал здесь второй день. На его крошечном мокром личике было множество следов от укусов насекомых.

Я опустил на колени и расправил одеяльце, чтобы получше завернуть младенца.

Эллен всхлипнула, когда оно раскрылось впереди и она увидела ребенка. В груди у него была самая настоящая фистула, и что-то там шевелилось внутри.

Красный Парик вскрикнула, отвернувшись и начала плакать.

— Что это? — спросил Миштиго.

— Один из брошенных, — сказал я. — Один из меченых.

— Как это ужасно, — пробормотала Красный Парик.

— Ужасно — как он выглядит? Или что его бросили? — спросил я.

— И то и другое!

— Дай его мне! — сказала Эллен.

— Не трогай, — произнес Джордж, наклонившись над ребенком. — Вызовите скиммер, — велел он. — Мы должны немедленно отправить его в госпиталь. У меня нет инструментов и оборудования, чтобы оперировать его здесь... Помогите мне, Эллен.

Тут же она оказалась возле него, и они стали вместе рыться в медицинской сумке.

— Запиши все, что я сделаю, в сопроводительную карту и приколи ее к чистому одеялу — чтобы доктора в Афинах знали.

Дос Сантос позвонил в Ламью и вызвал один из наших скиммеров.

А затем Эллен наполняла для Джорджа шприцы, протирала тампоном укусы, наносила мазь на ожоги и все это записывала. Они напичкали ребенка кучей витаминов, антибиотиков, адаптивов общего действия и

доброй дюжиной прочих лекарств. Вскоре я уже потерял им счет. Они покрыли ему грудь марлей, попрыскали чем-то, завернули в чистое одеяло и прикололи сверху сопроводительную карту.

— Как это отвратительно! — сказал Дос Сантос. — Бросать увечного ребенка на смерть.

— Здесь все время так делают, — объяснил я, — особенно возле Горючих Мест. В Греции всегда существовал обычай убивать новорожденных. Меня самого выставили на вершину холма, едва я родился. Тоже провел там ночь.

Он прикуривал сигарету, но не прикурил, и уставился на меня.

— Вас? Почему?

Я засмеялся и глянул вниз, на свою ногу.

— Непростая история. Я ношу специальную обувь, потому что одна нога у меня короче другой. Кроме того, как я понимаю, я был очень волосатым ребенком, ну и потом, у меня разные глаза. Полагаю, что, может, я бы и проскочил незамеченным, если бы все на том и кончилось, так меня угораздило родиться на Рождество, а это уже ни в одни ворота не лезло.

— А чем плохо родиться на Рождество?

— Согласно местным поверьям, боги считают это слишком уж претенциозным. Дети, рождающиеся в такое время, как бы не человеческих кровей. Они из племени разрушителей, носителей хаоса, паникеров. Их называют калликанзаросцами. В идеале они выглядят вроде тех ребят с рогами и копытами и всем прочим, но не обязательно. Они могут выглядеть вроде меня, в зависимости от своих родителей — если таковые были моими родителями. Так что они отказались от меня и бросили на вершине холма.

— А что произошло дальше?

— В той деревне был старый православный священник. Он услышал об этом и пошел к ним. Он им сказал, что делать подобное есть смертный грех и чтобы они лучше быстренько забрали ребенка обратно и на следующий же день подготовили бы его для крещения.

— А... так вот как вас спасли и крестили.

— Да, что-то в этом роде. — Я взял у него сигарету. — Они вернулись со мной на руках, все так, но стали утверждать, что я не тот ребенок, которого они там оставляли. Оставляли они, по их словам, существо лишь с признаками мутанта, а выбрали младенца с еще большими дефектами. Они клялись, что он еще безобразней и что это вообще другой рождественский ребенок. Их дите было сатиром, говорили они; может, какое-нибудь горячее существо подбросило своего детеныша точно так же, как это делаем мы, точнее — подменило его. До того никто меня не видел, так что их рассказ нельзя было проверить. Однако священник не принял это всерьез и сказал им, чтобы они глаз с меня не спускали. Родители примирились со случившимся и были очень очень добры. Я рос довольно крупным и сильным для своих лет. Им это нравилось.

— Так вас крестили?

— Ну, почти что крестили...

— «Почти что»?

— Во время моего крещения у этого священника случился удар. И немного погодя он умер. Другого такого там больше не было, так что я не знаю, совершили бы весь обряд до конца или нет.

— Одной капли воды было бы достаточно.

— Я надеюсь. Хотя понятия не имею, что там произошло на самом деле.

— Может, вам лучше еще раз креститься? Чтобы уж наверняка.

— Нет, если уж небо тогда не захотело, я не собираюсь просить его об этом снова.

Мы установили радиомаяк на ближайшей полянке и стали ждать скиммер.

В тот день мы сделали еще около дюжины километров, что, имея в виду задержку, было довольно-таки хорошо. Нашего младенца выбрали и отправили напрямик в Афины. Когда скиммер приземлился, я многозначительно спросил, не хочет ли еще кто-нибудь вернуться обратно. Однако охотников не нашлось.

В тот вечер все и случилось.

Мы полулежали у костра. О, это был замечательный костер, машущий в ночи яркими языками пламени, согревающий нас, с этим своим чудесным запахом и дымком в небеса... Как хорошо!

Там же сидел Хасан — чистил дробовик с алюминиевым стволом. У дробовика были пластиковые ложе и приклад, и он был довольно удобный. Начищая его, Хасан все больше наклонял дуло вперед, так что в конце концов оно оказалось направленным прямо на Миштиго.

Должен признать, что он проделал это довольно искусно. Прошло более получаса, прежде чем он почти неуловимыми движениями точно нацелил ствол ружья. Однако я осерчал, когда положение дробовика зафиксировалось в моем мозгу, а я был на расстоянии трех шагов от Хасана.

Я выбил дробовик у него из рук. Тот врезался в какой-то небольшой камень примерно в восьми футах от нас. После удара саднило руку.

Хасан вскочил, из-под его бороды скрипнули зубы, лязгнули, как сталь о камень. Я чуть не увидел искры.

— А ну-ка вслух! — крикнул я. — Давай, скажи что-нибудь! Что угодно! Ты, черт побери, отлично знаешь, что ты делал!

Кулаки его сжались.

— Давай! — сказал я. — Ударь меня! Хотя бы только тронь. Тогда мой ответ будет просто самозащитой, которую ты спровоцировал. Даже сам Джордж не сможет снова тебя собрать*.

— Я просто чистил свой дробовик. Ты повредил его.

— Ты случайно никогда не прицеливаешься. Ты собирался убить Миштиго.

— Ошибаешься.

— А ну, ударь! Или трусишь?

* Намек на известное стихотворение Л. Кэрролла о Шалтае-Болтае.

— Я с тобой не ссорился.

— Так ты трус.

— Нет.

Прошло несколько мгновений, и Хасан заулыбался.

— Ты что, боишься вызвать меня на дуэль? — спросил он.

Вот оно. Единственный способ.

Теперь я должен был сделать ход. Я надеялся избежать этого. Я надеялся, что смогу вывести Хасана из себя, унижить или спровоцировать, чтобы он первый ударил меня или сам бросил вызов. Но не получилось.

Плохо, очень плохо.

Я был уверен, что одолею его любым оружием, какое сам назову. Но если выбор за ним, то все меняется. Каждый знает, что у некоторых есть врожденный музыкальный дар. Такие счастливчики могут услышать какую-нибудь мелодию и тут же сесть и сыграть ее на фортепьяно или телинстре. Могут взять в руки какой-нибудь новый для себя инструмент и через пару часов заиграть на нем так, будто всю жизнь играли. Им легко, очень легко даются подобные вещи, потому что у них есть талант. — способность с помощью каких-то действий мобилизовать особый род интуиции.

Такой дар владения оружием был у Хасана. Может, им обладают и некоторые другие люди, но они его не оттачивают — неделя за неделей, используя буквально все, начиная от бумерангов и кончая духовыми ружьями. Кодекс дуэлянтов даст Хасану право выбора оружия, а из всех известных мне убийц он — самый искусный.

Но я должен был ему помешать, и я видел, что дуэль — единственный способ, если не считать просто убийства. Я вынужден был принять его условия.

— Да будет так, — сказал я. — Я вызываю вас на дуэль.

Улыбка его стала еще шире.

— Принято... перед этими свидетелями. Кто ваш секундант?

— Фил Грейб. А кто ваш?

— Мистер Дос Сантос.

— Прекрасно. По случаю, у меня в сумке лежит разрешение на дуэль и регистрационные карточки, и я уже оплатил налог на смерть одной персоны. Так что не будем откладывать это дело в долгий ящик. Когда и где вам угодно и на каких условиях?

— Мы проходили мимо отличной поляны, в километре отсюда, по дороге назад.

— Да, помню ее.

— Встретимся там завтра на заре.

— Принято, — сказал я. — А оружие?..

Он вынес свой рюкзак, открыл его. Рюкзак оцетинился разными колюще-режущими любопытными штуковинами, что были скручены в кожаные и металлические спирали и кольца и посверкивали абсолютно подстрекательски. Хасан вынул два предмета и закрыл рюкзак.

Сердце у меня упало.

— Праща Давида, — объявил он.

— На какой дистанции?

— Пятьдесят метров.

— Хороший выбор, — сказал я ему, поскольку сам лично не брал в руки пращу лет сто. — Я бы хотел одолжить одну на вечер, чтобы потренироваться. Но если вы против, то я сделаю свою собственную.

— Можете взять обе и тренироваться хоть всю ночь.

— Благодарю. — Я выбрал одну из них и повесил на пояс. Затем взял один из наших трех электрических фонарей. — Если я кому-нибудь понадобится, я буду на поляне, что вниз по дороге. Не забудьте выставить охрану на ночь. Это опасный район.

— Ты не хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спросил Фил.

— Нет. Хотя спасибо. Я пойду один. Потом увидимся.

— Тогда доброй ночи.

Я отправился назад вдоль дороги и наконец вышел на поляну. Установил фонарь в одном ее конце, так чтобы он светил на группку невысоких деревьев, и двинулся в другой ее конец.

Набрал камней, положил один из них в пращу и запустил в дерево. Промазал.

Я еще выпустил дюжину из пращи и попал только четыремя.

Так что я продолжил это занятие. Через час я уже попадал чуть более регулярно. Тем не менее на дистанции пятьдесят метров я для Хасана не соперник.

Наступила ночь, а я по-прежнему крутил и бросал. Через какое-то время я добился того, что можно было считать личным потолком точности. Я попадал примерно шесть раз из семи.

Снова раскрутив пращу и запустив камнем точно в дерево, я осознал, что у меня есть одно преимущество.

Мои броски были чудовищной силы. Когда я попадал в цель, удар получался мощнейший. Я уже сокрушил несколько небольших деревьев — такое Хасану было не по плечу, стреляя он даже вдвое больше. Если я достану его — хорошо, но все силы мира бесполезны, если я промахнусь. А вот он не промахнется.

Сколько я выдержу попаданий, — задавал я себе вопрос, — чтобы устоять и отвечать? Это будет, конечно, зависеть от того, куда именно он попадет.

Далеко справа от меня хрустнула ветка. Я бросил пращу и выдернул из-за пояса автоматический пистолет.

На поляну вышел Хасан.

— Чего тебе нужно? — спросил я его.

— Пришел посмотреть, как идет твоя тренировка, — сказал он, оглядывая сломанные деревья.

Я пожал плечами, сунул в кобуру пистолет и поднял пращу.

— Выйдет солнце — узнаешь.

Мы пересекли поляну, и я взял с земли фонарь. Хасан осмотрел маленькое дерево, вернее, то, что от

него осталось — обрубок расщепленного ствола. Он ничего не сказал.

Мы пошли к лагерю. Все, кроме Дос Сантоса, уже отправились на боковую. Дон нас охранял. Он расхаживал по периметру электрооповещения с автоматическим карабином в руках. Мы помахали ему и вошли в лагерь.

Хасан всегда разбивал «Гози» — светонепроницаемую одноместную палатку, легкую, как пух, и очень прочную. Однако он в ней никогда не спал. Он прятал в ней свое барахло.

Я уселся на бревно перед костром, а Хасан нырнул в свою «Гози». Мгновение спустя он вылез, держа в руках трубку для курения и блок чего-то плотного, на вид загустевшего, что он продолжал соскребать и мельчить. Он добавил туда немножко табаку и затем набил трубку. Раскурив ее с помощью горящего прутика, сел рядом со мной.

— Я не хочу убивать тебя, Караги.

— Разделяю это чувство. Я бы тоже не хотел, чтобы меня убили.

— Но утром мы должны встретиться.

— Да.

— Ты бы мог взять обратно свой вызов.

— А ты бы мог улететь на скиммере.

— Не могу.

— И я не могу взять обратно свой вызов.

— Это печально, — не сразу сказал он. — Печально, что два таких человека, как мы, должны драться из-за какого-то голубого. Он не стоит ни твоей жизни, ни моей.

— Верно, — кивнул я, — но тут замешано гораздо больше, чем его жизнь. С деятельностью веганца некоторым образом связано будущее этой планеты.

— Я не понимаю таких вещей, Караги. Я сражаюсь за деньги. Других доходов у меня нет.

— Да, знаю.

Пламя костра сникло. Я подбросил еще веток.

— Ты помнишь, как мы бомбили Золотой Берег во Франции? — спросил он.

— Помню.

— Мы, помимо голубых, убили много людей.

— Да.

— От этого будущее планеты не изменилось, Караги. Потому что с тех пор прошло много лет, а мы здесь, и все такое же.

— Да.

— А ты помнишь те дни, когда мы прятались в окопе на холме, что господствовал над бухтой в Пирее? Время от времени ты меня подпитывал пулеметными лентами, а я обстреливал корабли, а когда я утаивал, за пулемет брался ты. У нас было много боеприпасов. Гвардия Правительства так и не высадилась ни в тот день, ни на следующий. Они не занимали Афины и не обрушивались на Редпол. И мы сидели там в ожидании огненного шара и разговаривали, два дня и ночь, и ты рассказывал мне о Силах Неба.

— Я забыл...

— А я нет. Ты говорил мне, что есть такие же люди, как мы, что живут высоко, на звездах. А также, что есть и голубые. И ты говорил, что некоторые люди ищут покровительства у голубых и собираются продать им Землю, которая будет музеем. А другие, говорил ты, не хотят этого делать, они хотят, чтобы все осталось так, как сейчас — чтобы Земля принадлежала им и управлялась Конторой. По этой проблеме разделились и голубые, потому что возник вопрос, этично ли, законно ли предпринимать такое. Пошли на компромисс, и голубым было продано несколько чистых районов, которые они использовали под курорты и откуда они путешествовали по всем остальным местам на Земле. Но ты хотел, чтобы Земля принадлежала только людям. Ты говорил, что, если мы дадим голубым хотя бы один палец, они откусят всю руку. Ты хотел, чтобы люди со звезд вернулись обратно и восстановили бы города, захоронили бы Горючие Места, убили бы тварей, которые охотятся на людей... Когда мы сидели там в ожидании огненного шара, ты сказал, что мы воюем не из-за чего-то такого, что можно увидеть или услышать, почувствовать или попробовать,

но из-за Сил Неба, которые никогда нас не видели и которых мы тоже никогда не увидим. Что все это затеяли Силы Неба и что из-за этого здесь, на Земле, должны умирать люди. Ты говорил, что, благодаря смерти людей и голубых, эти Силы могут вернуться на Землю. Но они не вернулись. Одна только смерть была вокруг. И именно Силы Неба спасли нас в конце концов, потому что перед тем как зажечь огненный шар над Афинами, враг должен был получить консультацию. Они напомнили Правительству о старом законе, гласящем, что огненный шар никогда больше не вспыхнет в небе над Землей. Ты думал, что они все равно его зажгут, но они не стали. Именно поэтому мы и остановили их в Пирее. Я сжег для тебя Мадагаскар, Караги, но Силы так и не опустились на Землю. И когда люди зарабатывают много денег, они исчезают отсюда и никогда больше не возвращаются с небес. Ничего из того, что мы тогда делали, не привело ни к каким переменам.

— Благодаря тому, что мы делали, все осталось на своих местах и не сдвинулось к худшему, — сказал я ему.

— А что случится, если этот голубой умрет?

— Не знаю. Может, все ухудшится. Если он осматривает районы, через которые мы проходим, как предполагаемое недвижимое имущество, которое будут покупать веганцы, тогда это опять старая песня.

— И Редпол снова будет сражаться и бомбить их?

— Думаю, да.

— Тогда давай убьем его сейчас, пока он не пошел дальше и не увидел больше.

— Все далеко не так просто — они возьмут и пришлют другого. Последствия не заставят себя ждать — может, начнутся массовые аресты членов Редпола. Редпол больше не ходит по краю пропасти, как тогда. Его люди не готовы. Им нужно время. Этот голубой, по крайней мере, у меня в руках. Я могу следить за ним, разузнавать его планы. А затем, если необходимо, я могу сам его уничтожить.

Он пыхнул своей трубкой. Я чихнул. Запах чем-то напоминал сандаловое дерево.

— Что ты куришь?

— Это у меня из дому. Недавно я приезжал туда. Одно из новых растений, которое раньше там никогда не росло. Попробуй.

Я сделал несколько полных затяжек. Сначала ничего не было. Я продолжал затягиваться и через минуту почувствовал, как прохлада и спокойствие постепенно растекаются по моему телу. Вкус у травы был горьковатый, но она расслабляла.

Я вернул трубку. Приятное же состояние мое продолжалось и усиливалось. Так я не расслаблялся и не отдыхал душой уже много недель. Этот огонь, тени, земля вокруг нас — все вдруг стало более реальным, и ночной воздух, и далекая луна, и звук шагов Дос Сантоса и вправду показались более зрими и явственными, чем сама жизнь. И сама борьба представилась странной и непонятной. В конце концов мы от нее откажемся. Какой-то веганец писал, что из-за идей гуманизма люди пересорились, как кошки с собаками, превратились в обученных шимпанзе. Не так уж глупо, в некотором смысле. Может, мы нуждаемся, чтобы кто-нибудь, кто мудрей нас, следил за нами, распоряжался нашими жизнями. Во время Трех Дней мы превратили наш мир в бойню, а у веганцев никогда не было ядерной войны. Они управляют с помощью незаметного и эффективно межзвездного правительства, держащего в поле зрения несколько дюжин планет. Все, что они делают, эстетически приятно. Собственные их жизни хорошо отрегулированы и преисполнены счастья. Почему бы не отдать им во владение Землю? Они, наверно, куда лучше нас распорядятся ею. И почему бы к тому же нам не стать их кули? Не такая уж плохая перспектива. Отдать им этот древний ком грязи с его радиоактивными болячками и с калеками, живущими на нем. Почему бы нет?

Я еще раз взял трубку и втянул еще одну порцию умиротворения. Однако как приятно вовсе не думать обо всех этих вещах. Не думать ни о чем таком, что

тебе не изменить. Достаточно просто сидеть здесь, и вдыхать ночь, и быть заодно с этим огнем и с этим ветром. Вселенная исполняла гимн единения. Зачем же впускать хаос в этот храм?

Но я потерял мою Кассандру, мою смуглую колдунью с острова Кос, отдав ее бездумным силам, что движут землю и воды. И ничто не избавит меня от чувства потери. Оно как бы в отдалении, как бы отгороженное стеклом, но по-прежнему чувствуется. Всем трубкам Востока не погасить эту боль. Я не хотел мира в душе. Я хотел ненависти. Я хотел сразиться со всеми личинами Вселенной — землей, водой, небом, Тайлером, Земным правительством, Конторой — чтобы обнаружить под одной из масок силу, которая взяла Кассандру. Я бы заставил эту силу тоже испытать хотя бы толику моей боли. Я не хотел мира в душе. Я не хотел быть заодно с тем, что причинило зло мне, моему — по крови и любви. Я хотел, пусть бы только на пять минут, снова стать Карагиозисом, наводящим на цель крест окуляра и нажимающим на спусковой крючок.

«О Зевс, повелитель сверкающих молний, — молился я, — дай их мне, чтобы я мог сокрушить Силы Небес!»

Я снова прибегнул к трубке.

— Благодарю, Хасан, но я не готов для Дерева Бо. Я встал и пошел туда, где бросил свой тюк.

— Мне жаль, что утром я должен убить тебя, — сказал он мне вслед.

Как-то, потягивая пиво в охотничьем домике в горах на планете Дивбах с продавцом информации, веганцем по имени Крим (он уже умер), я глянул в широкое окно на высочайшую из вершин, что известны в освоенной части Вселенной. Имя ее Касла, и на ней никто никогда не бывал.

Я потому упоминаю об этом, что утром перед дуэлью мне вдруг стало горько, что я так и не попытался взобраться на нее. Это была одна из тех бредовых

идей, которые не дают покоя, и ты обещаешь себе, что как-нибудь обязательно попробуешь, но потом в одно прекрасное утро ты просыпаешься и осознаешь, что, пожалуй, время твое ушло и ты уже никогда не сделаешь этого.

Лица у всех в то утро лишились выражения. Мир вокруг нас был ярок, и ясен, и чист, и полон пения птиц.

Я исключил из общения радиосвязь до конца дуэли, и Фил вынул на всякий случай из радиопередатчика несколько важных деталей. Лоурел знать не должен. Редпол знать не должен. Никто не должен знать, до конца дуэли.

Приготовления были закончены, дистанция отмерена. Мы заняли свои места на противоположных концах поляны. Солнце поднималось слева от меня.

— Вы готовы, джентльмены? — спросил Дос Сантос.

Последовало «да» и «готов».

— Я делаю последнюю попытку отговорить вас от развития подобного хода событий. Не желаете ли вы изменить свое решение?

«Нет» и «нет».

— У каждого из вас по десять камней одинакового размера и веса. Право первого броска дается, естественно, тому, кто принял вызов: Хасану.

Оба мы кивнули.

— Тогда приступайте.

Он отошел назад, и теперь нас разделяло только пятьдесят метров пространства. Мы оба встали боком, чтобы представлять собой наименее уязвимую цель. Хасан выбрал первый камень для пращи.

Я видел, как он стремительно раскрутил ее за собой и неожиданно выбросил вперед руку.

За спиной у меня грохотнуло.

Только и всего.

Он промахнулся.

Я положил камень в свою пращу, отвел назад и раскрутил. Засвистел рассекаемый воздух.

Затем всей силой правой своей руки я метнул снаряд. Он оцарапал левое его плечо, едва коснувшись. Практически зацепил только одежду.

Прежде чем упасть, камень за спиной Хасана срикошетил от дерева в дерево. А затем стало тихо. Птицы прекратили свой утренний концерт.

— Джентльмены, — сказал Дос Сантос, — каждый из вас использовал по одному шансу для решения вашего конфликта. Можно сказать, что вы не уронили своей чести перед лицом друг друга, дали выход своему гневу и теперь удовлетворены. Не хотите ли вы прекратить дуэль?

— Нет, — сказал я.

Хасан потер плечо и покачал головой.

Он положил второй камень в пращу, быстро раскрутил его и мощно метнул в меня.

Прямо между бедром и грудной клеткой — вот куда он попал.

Я упал, и в глазах у меня потемнело.

Через мгновение все снова прояснилось, но меня скорчило, и тысяча зубов терзала мой бок, не давая встать.

Ко мне уже бежали, все сразу, но Фил махал им, чтобы они вернулись.

Хасан не сходил со своего места.

Приблизился Дос Сантос.

— Ну как? — тихо спросил Фил. — Ты можешь подняться?

— Угу. Мне нужна минута, чтобы отдышаться и преодолеть боль, и я встану.

— Как обстоят дела? — спросил Дос Сантос.

Фил объяснил.

Я прижал руку к боку и медленно поднялся.

Парочка дюймов ниже или выше, и была бы сломана какая-нибудь из костей. А так просто будто огнем обожгло.

Я потер бок, сделал несколько круговых движений правой рукой, чтобы проверить работу мышц с этой стороны тела. Все о'кей.

Затем я поднял пращу и положил в нее камень.

На сей раз попаду. Я это чувствовал.

Камень описал в воздухе круг, второй, третий и вылетел.

Хасан упал навзничь, хватаясь за левое бедро.

Дос Сантос пошел к нему. Они поговорили.

Халат, что был на Хасане, смягчил удар, частично погасив его силу. Нога не была сломана. Как только Хасан сможет встать, он продолжит дуэль.

Минут пять он массирует ногу, а затем поднялся. За это время острое жжение в моем боку превратилось в тупую пульсирующую боль.

Хасан выбрал третий камень. Он укладывал его медленно и тщательно. Он готовил мне ответ.

Затем он стал раскручивать пращу...

У меня же в этот миг возникло чувство — и оно крепло, — что мне следует отклониться чуть вправо. Так я и сделал.

Он повертел и бросил.

Камень содрал грибок с моей щеки и разорвал мне левое ухо. Щека моя стала вдруг мокрой.

Эллен коротко вскрикнула. Еще бы чуть правее, и я бы ее уже не услышал.

Теперь была моя очередь.

В камне этом, гладком и сером, казалось, притаилась сама смерть. Он словно говорил: «А вот и я».

Это было одно из тех маленьких, данных мне про запас предощущений, к которым я испытывал большой пиетет.

Я стер кровь со щеки. Уложил в пращу камень.

Когда я поднял руку, ею правила смерть. Хасан тоже это почувствовал, потому что он вздрогнул. Это было видно и отсюда.

— Оставаться на местах, бросайте оружие! — раздался голос.

Сказано было по-гречески, но, за исключением Фила, Хасана и меня, никто этого наверняка не понял. Разве что Дос Сантос или Красный Парик. До сих пор не знаю.

Однако все мы поняли, что такое автомат в руках у этого человека, а также мечи, дубинки и ножи у при-

мерно трех дюжин людей, или полулюдей, стоявших за ним. Куреты.

Куреты — это плохо. Они никогда не упустят своей доли свежатинки. Обычно печеной. Но бывает, что и жареной. Или вареной, или сырой...

Огнестрельное оружие, кажется, было только у говорившего. А у меня над плечом крутилась добрая порция смерти. Так что я решил сделать ему подарок.

Я отправил порцию смерти по этому адресу, и ему разнесло голову.

— Бейте их! — крикнул я, что мы и начали делать.

Джордж и Диана первыми открыли огонь. Затем Фил подхватил ручной пулемет. Дос Сантос бежал к своему рюкзаку. Эллен тоже не отставала.

Хасан не нуждался в моем приказе убивать. Единственным нашим с ним оружием были пращи. От куретов нас отделяло меньше наших пятидесяти метров, и они были все в куче. Еще до того как они бросились к нам, Хасан метко посланными камнями уложил двоих. А я еще одного.

Затем они были уже на середине поляны, крича на бегу и спотыкаясь о своих убитых и раненых.

Как я говорил, не все они были людьми: там был один высокий и тонкий с трехфутовыми крыльями в язвах, там была парочка микроцефалов, таких волосатых, что они казались безголовыми, там был один субъект, скорее всего представлявший собой двух сросшихся близнецов, затем несколько стеатопигов и три огромные неуклюжие твари, которые продолжали наступать, несмотря на пулевые отверстия в груди и животе; у одного из этих последних руки были дюймов двадцати в длину и фут в ширину, другой же, наверно, страдал чем-то вроде слоновой болезни. Что до остальных, то у некоторых были относительно нормальные пропорции, но вид у них был грязный и крайне запущенный, и, в рогожках или без оных, все они были небриты и к тому же прескверно пахли.

Я запустил еще один камень, но уже не имел возможности увидеть, в кого он попал, так как они навалились на меня.

Я замолотил ногами, кулаками, локтями — не очень-то церемонясь.

Пулемет перестал стрелять, замолк. Время от времени его надо перезаряжать, а случается, что его и заклинит.

Боль в боку куда как мешала. И все же мне удалось вырубить трех из них, прежде чем что-то огромное и тупое садануло меня сбоку по голове, и я упал как подкошенный.

Возвращаясь в эту жаркую духоту...

Возвращаясь в эту жаркую духоту, где разит конюшней...

Возвращаясь в эту жаркую духоту и тьму, где разит конюшней...

Не очень-то она способствует миролюбивым мыслям, хорошему пищеварению или возобновлению деятельности органов чувств при ровном попутном ветре.

Там стояла вонь и было чертовски жарко, и меня вовсе не тянуло получше осмотреть грязный пол — хотя для этого я занимал очень удобную позицию.

Я застонал, пересчитал все свои кости и сел.

Потолок был низкий, но еще и шел под уклон, для того чтобы встретиться с дальней стеной. Окашко наружу — маленькое и зарешеченное.

Мы находились в задней части деревянной хибарки. В противоположной стене было еще одно зарешеченное окно. Однако оно никуда не смотрело — это в него смотрели. За ним находилась комната побольше, и Джордж и Дос Сантос разговаривали у этого окна с кем-то, кто стоял по ту сторону. В четырех футах от меня лежал Хасан — то ли мертвый, то ли без сознания; на голове у него была корка крови. Фил, Миштиго и наши девушки тихо переговаривались в дальнем углу.

Отмечая все это про себя, я потер висок. Левая сторона моего тела болела ровно и сильно, и все остальные его части решили присоединиться к ней.

— Очнулся, — неожиданно произнес Миштиго.

— Всем привет. Я снова здесь, — признал я.

Они подошли ко мне, и я принял стоячее положение. Это была чистейшая бравада, но я ухитрился сохранить его.

— Мы попали в плен, — сказал Миштиго.

— Да ну? Неужто? Никогда бы не догадался.

— Подобных вещей на Тайлере не бывает, — заключил он, — равно как и на других планетах Веганского Объединения.

— Очень жаль, что вы там не остались, — сказал я. — Помните, сколько раз я просил вас вернуться?

— Ничего бы подобного не случилось, если бы не ваша дуэль.

И тут я дал ему оплеуху. Кулак на него у меня не сжался. Слишком уж много в нем было патетики. Я засветил ему тыльной стороной ладони, и он кувыркнулся в стену.

— Вы хотите мне сказать, что не знаете, почему я стоял утром на поляне вместо мишени?

— Потому что вы поссорились с моим телохранителем, — заявил веганец, потирая щеку.

— ...Из-за того, что он, похоже, собирался убить вас.

— Меня? Убить?..

— Ладно, забудем, — сказал я. — Это не имеет никакого значения. Во всяком случае, теперь. Представьте себе, что вы не здесь, а на Тайлере и можете побыть там еще несколько часов напоследок. Было бы очень мило, если бы вы приехали на Землю и нанесли бы нам короткий визит. Но, увы, так на свете не бывает.

— Мы здесь умрем, да? — спросил он.

— По обычаю этой страны.

Я повернулся в другую сторону и изучающе посмотрел на человека, который изучал меня сквозь прутья решетки.

Хасан в дальнем конце помещения поднял голову и прислонился к стене. Я не заметил, когда он пришел в себя.

— Добрый день, — сказал человек за решеткой, и сказал он это по-английски.

— Разве сейчас день? — поинтересовался я.

— Вполне, — ответил он.

— Тогда почему мы не мертвы? — спросил я.

— Потому что я хотел, чтобы вы были живы... О нет, не вы лично, Конрад Номикос, Комиссар по Искусствам, Памятникам и Архивам, и не все ваши сокочтимые друзья, включая поэта-лауреата. Я хотел, чтобы каждый, попавший в плен, оставался в живых. Ваши же конкретные персоны — это, скажем так, лишь приправа к общему правилу.

— С кем имею удовольствие говорить? — спросил я.

— Это доктор Морби, — сказал Джордж.

— Он тут их знахарь, — добавил Дос Сантос.

— Я предпочитаю слова «шаман» или «шеф медицины», — улыбаясь, поправил Морби.

Я подошел поближе к металлической решетке ручной работы и увидел, что это довольно тонкий, хорошо загорелый, чисто выбритый человек, волосы заплетены в огромную черную косу, свернувшуюся на голове, как кобра. У него были темные, близко поставленные глаза, высокий лоб и множество подбородков, свисающих ниже адамова яблока. На ногах были плетеные сандалии, на плечах — чистое сари зеленого цвета, а на шее — ожерелье из костяшек человеческих пальцев. В ушах красовались большие серебряные серьги в форме змеи.

— У вас довольно правильный английский, — заметил я, — а Морби — это не греческая фамилия.

— О боги! — изящно взмахнул он руками в насмешливом удивлении. — Я вовсе не местный! Как вы могли принять меня за местного?

— Виноват, — сказал я. — Теперь я вижу, что для этого вы слишком хорошо одеты.

Он захихикал.

— А, эта старая накидка... Я просто набросил ее на плечи... Нет, я с Тайлера. Я читал потрясающую

литературу на тему Возвращения, она меня перевернула — я решил вернуться и помочь возродить Землю.

— Неужто? Что же потом произошло?

— В то время Контора не брала на работу, и мне пришлось испытать кое-какие трудности, подыскивая подходящее дельце. В конце концов я решил заняться исследовательской работой. В этих местах для нее предостаточно возможностей.

— Что именно вы исследуете?

— У меня две ученых степени из Нового Гарварда по антропологии культуры. Я решил досконально изучить какое-нибудь Горючее племя, и вот, после некоторых уговоров, это самое племя меня и приняло. Я взялся также и за их образование. Однако вскоре они мне подчинились — во всем регионе. Потрясающе с точки зрения «эго». Со временем моя научная деятельность, мои социальные мероприятия стали значить все меньше и меньше. М-да, надеюсь, вы читали «Сердце Тьмы», так что понимаете, что я имею в виду. Практика, практика на месте — вот основа всего. Я обнаружил, что непосредственное участие стимулирует гораздо больше, чем наблюдение. Я взял на себя задачу придать некоторым основополагающим обычаям несчастных дикарей более эстетическую направленность. В конце концов именно таким образом я и обучал их. С тех пор как я здесь появился, в их акциях стало гораздо больше стиля.

— Акциях? Каких, для примера?

— Ну, скажем, первая акция — это что раньше они были просто-напросто каннибалами. Второе — что они плохо себе представляли, как можно использовать пленников перед умерщвлением. А все это очень важно. Если все делать как подобает, это признак высокого класса; надеюсь, вам понятно, что я имею в виду. И вот явился я с целым кладезем обычаев, поверий, табу, взятых из разных эпох, разных культур, а также и здесь, у нас перед носом. — Он снова взмахнул руками. — Человек, пусть даже получеловек, Горючий человек — это существо, которое любит ритуалы, а я знал столько разных ритуалов!..

Так что я всё это пустил на пользу и вот занимаю теперь высокое положение, и мне оказываются великие почести.

— Все-таки каким образом ваши слова применимы к нам? — спросил я.

— Тут все делалось довольно неинтересно, — сказал Морби, — и местные жители пребывали в тоске и беспокойстве. Потому я решил, что пришло время новых церемоний. Я поговорил с Прокрустом, нашим Главным Воителем, и предложил ему взять кого-нибудь для нас в плен. Насколько я помню, на странице 466 сокращенного издания «Золотой ветви» утверждается: «Толалаки, пресловутые охотники за головами Центрального Целебеса, пьют кровь и едят мозг своих жертв, дабы стать мужественными. Италоны Филиппинских островов пьют кровь умерщвленных врагов, а также съедают в сыром виде их внутренности и затылочную часть голов, чтобы обрести их смелость». Так что у нас есть язык поэта, кровь двух грозных воинов, мозги выдающегося ученого, желчная печень пламенного политика и любопытного цвета плоть веганца — и все это здесь, в одном месте. Я бы сказал, неплохая добыча.

— Ваши намерения более чем понятны, — признал я. — А что насчет наших женщин?

— О, для них мы устроим довольно продолжительный ритуал воспроизведения потомства, с довольно продолжительным жертвоприношением в конце.

— Все ясно.

— ...Но все это, так сказать, в случае если мы не предоставим вам возможности целыми и невредимыми продолжать свой путь.

— О?

— Да. Прокрусту нравится давать людям шанс — пусть проверят, измерят себя в соответствии со стандартом, вдруг да и спасутся. В этом отношении он поступает исключительно по-христиански.

— И, полагаю, в соответствии со своим именем?

Подошел Хасан и встал возле меня, уставясь на Морби сквозь железо решетки.

— Отлично, просто отлично, — сказал Морби. — Знаете, мне и вправду хотелось бы немножко подержать вас здесь, не отдавать. У вас есть чувство юмора. Большинству куретов явно не хватает этой детали в сравнении с остальными личностными признаками. Мне бы у вас поучиться.

— Не утруждайте себя. Лучше расскажите про возможность спастись.

— Ах да. Все мы — хранители Мертвеца. Это мое самое интересное детище. Уверен, что один из вас оценит это во время своего короткого знакомства с ним. — И он смерил взглядом меня, потом Хасана, потом меня, потом Хасана.

— Я знаю о нем, — сказал я. — Скажите мне, что надлежит делать.

— Ночью, когда он снова восстанет из мертвых, вас призвуют померяться с ним силами на звание победителя.

— Кто он такой?

— Вампир.

— Да плевать на это. Кто он на самом деле?

— Он самый настоящий вампир. Сами увидите.

— О'кей, будь по-вашему. Вампир так вампир, и один из нас будет с ним драться. Как?

— Кетч безо всяких ограничений, с голыми руками, с полным контактом, а с Мертвецом нетрудно войти в контакт — он просто стоит и ждет вас. Ему будет хотеться пить, и он будет очень голоден, бедный мальчик.

— И если он потерпит поражение, вы освободите пленников?

— Таково правило, установленное мною лет шестнадцать или семнадцать назад. Естественно, что такой возможности еще никому не представилось...

— Понятно. Вы хотите сказать, что он твердый орешек.

— О, непобедимый. Вот что самое занятное. Если бы конец был другой, не было бы смысла устраивать такую красивую церемонию. Я описываю им всю картину схватки еще до того, как она начнется, а затем

мой люди видят все воочию. Это поддерживает их веру в силы судьбы, равно как и в то, что все происходит при моем тесном сотрудничестве с последней.

Хасан глянул на меня.

— Что он хочет сказать, Караги?

— Это схватка, в которой победитель уже известен, — объяснил я ему.

— Наоборот, — возразил Морби, — не известен и не должен быть известен. На этой планете в связи с одной старинной игрой была когда-то пословица, гласящая: «Никогда не бейся об заклад с чертовым янки, или останешься без кошелька». Мой Мертвец непобедимый потому, что у него были врожденные способности, однако мне пришлось немало над ними потрудиться. Он слопал столько чемпионов, что его сила, естественно, сравнялась с их суммарной силой. Каждый, кто читал Фрезера, знает это.

Он зевнул, прикрыв рот скипетром с перьями на конце.

— Пойду проверю, как оборудуют место для жаровни — его надо сплошь декорировать веточками. Решите, кто из вас будет драться, а вечером увидимся. Пока.

— Чтоб ты шею себе сломал.

Морби улыбнулся и вышел из лачуги.

Я собрал всех.

— Итак, у них тут есть какой-то урод, из горючих, по имени Мертвец. Говорят, что он очень крепкий орешек. Я собираюсь сразиться с ним вечером. Если я одолею его, предполагается, что нас освободят, но я не очень-то верю Морби на слово. Следовательно, мы должны придумать, как бежать отсюда, иначе из нас приготовят жаркое. Фил, ты помнишь дорогу на Волос?

— Думаю, что да. Правда, это было давно... А где именно мы находимся сейчас?

— Если от этого может быть какая-то польза, — отозвался Миштиго, сидевший у окна, — то я вижу

некое сияние. Для данного цвета в вашем языке нет слова, но сияние вон в том направлении. Такой цвет я обычно вижу в районе радиоактивного заражения, если только уровень достаточно высокий. Сияние над довольно большим участком местности.

Я подошел к окну и посмотрел в указанном направлении.

— Тогда это должно быть Горючее место, — сказал я. — Значит, нас переместили еще дальше в направлении берега, что хорошо. Кто-нибудь был в сознании, когда нас сюда доставили?

Молчание.

— Ладно. Будем исходить из того, что это и есть Горючее место и что мы к нему очень близко. Стало быть, путь на Волос — в обратную сторону. Поскольку солнце — на этой стороне хибарки и сейчас день, то, выйдя на дорогу, надо идти спиной к закату. Примерно километров двадцать пять.

— Они нас догонят, — покачал головой Дос Сантос.

— Есть лошади, — сказал Хасан.

— Что?

— В загоне ввѣрх по улице. Я видел трех возле ограды, чуть раньше. Сейчас они за краем вон того строения. Возможно, их больше. Хотя на вид они не очень-то сильные.

— Вы умеете ездить верхом? — спросил я.

— Я никогда не ездил верхом на лошади, — ответил Миштиго, — но шрид чем-то похож на нее. Я ездил на шриде.

Все остальные на лошадях ездили.

— Стало быть, вечером, — решил я. — Если придется, садитесь по двое на каждую. Если лошадей будет больше, чем нужно, отвяжите и остальных, угоните их. Когда все будут смотреть на мою схватку с Мертвецом, вы должны снять охрану. Вооружайтесь чем попадая и прорывайтесь к лошадям... Фил, отправись вместе со всеми в Макриницу и везде будешь называть имя Коронес. Вас пустят к себе и защитят.

— Извиняюсь, — произнес Дос Сантос, — но ваш план плох.

— Если у вас есть лучше, давайте послушаем, — сказал я ему.

— Перво-наперво, — сказал он, — мы не очень-то можем положиться на мистера Грейба. Пока вы были без сознания, он себя очень плохо чувствовал, буквально изнемогал. Джордж считает, что во время нашей схватки с куретами, или сразу же после нее, у него начался сердечный приступ. Если с ним что-нибудь случится, мы пропали. Если нам удастся освободиться от стражи, только вы сумеете вывести нас отсюда. Мы не можем рассчитывать на мистера Грейба. Далее. Вы не единственный, кто может сразиться с этим экзотическим страшилой. Хасан одержит победу над Мертвецом.

— Я не могу просить его об этом, — ответил я. — Если он даже победит, мы уже, всего вероятней, будем в этот момент далеко, и его, без сомнения, довольно быстро схватят — и убьют. Вы наняли его, чтобы он убивал для вас, а не умирал.

— Я выйду против него, Караги, — сказал Хасан.

— Ты вовсе не обязан.

— Но я хочу.

— Как ты себя сейчас чувствуешь, Фил? — спросил я.

— Лучше, гораздо лучше. Думаю, это было просто расстройство желудка. Не беспокойся.

— Как полагаешь, сможешь доставить свой желудок до Макриницы верхом на лошади?

— Проще простого. Еще лучше, чем пешком. Я ведь практически родился верхом на лошади. Ты ведь помнишь.

— «Помнишь»? — нахмурился Дос Сантос. — Что вы хотите этим сказать, мистер Грейб? Как это Конрад может пом...

— ...помнить его знаменитую «Балладу верхом на лошади», — подхватила Красный Парик. — Ваше решение, Конрад?

— Спасибо, — сказал я. — Руководитель здесь я. Я приказываю, и я принял решение, что сам буду драться с вампиром.

— Думаю, в подобной ситуации нам следует быть более демократичными по поводу решений, за которыми стоят жизнь и смерть, — возразила она. — Вы родились в этой стране. И независимо от того, хороша ли у Фила память, у вас лучше получится быстро вывести нас отсюда. Вы не приказываете Хасану умирать, не бросаете его. Он сам вызвался.

— Я убью Мертвеца, — заявил Хасан, — и догоню вас. Я знаю, как скрыться от людей. Я пойду по вашим следам.

— Это мое дело, — сказал я ему.

— Тогда, раз согласия нет, пусть решает случай, — сказал Хасан. — Бросьте монету.

— Хорошо. Они что, и деньги у нас забрали вместе с оружием?

— У меня есть немного мелочи, — сказала Элен.

— Подбрось монетку.

Она подбросила.

— Орел, — сказал я, когда монета упала на пол.

— Решка, — сказала она.

— Не трогай! Выпала решка, так-то вот. А орел был на другой стороне.

— О'кей, Хасан, тебе повезло, счастливчик, — сказал я. — Ты выиграл возможность стать героем Христофором, одолевшим монстра. Удачи!

Он пожал плечами.

Затем сел, прислонился спиной к стене, изъял крошечный ножик из подошвы левой своей сандалии и принялся подрезать ногти. Хасан всегда был довольно ухоженным убийцей. Полагаю, что чистоплотность идут рука об руку с дьявольщиной, или что-то вроде того.

Когда солнце медленно опустилось на западе, снова явился Морби, приведя с собой отряд куретов-меченосцев.

— Время, — объявил он. — Вы решили, кто будет драться?

— Хасан, — сказал я.

— Отлично. Тогда пошли. Только, пожалуйста, без глупостей. А то я не люблю доставлять на праздник порченные продукты.

В окружении обнаженных лезвий мы вышли из хибарки и двинулись вверх по улице мимо загона. Там стояли, опустив головы, восемь лошадей. Даже в сумерках я увидел, что это были не очень хорошие лошади — худые, бока покрыты ранами. Когда мы там проходили, каждый на них глянул.

В деревне насчитывалось примерно тридцать хибарок, похожих на ту, в которой нас держали. Мы шли по грязной дороге, в выбоинах и мусоре. Пахло мочой и потом, дымом и гнилыми фруктами.

Мы прошли метров восемьдесят и повернули налево. Тут улица кончилась, и мы стали спускаться с холма по тропе, ведущей к большой чистой площадке. Какая-то толстая лысая женщина с огромными грудями и лицом, похожим от карциномы на огненную лаву, поддерживала слабый, однако наводящий на пренебрежительные мысли огонь на дне широкой ямы. Она улыбнулась, когда мы проходили, и облизнула губы.

Гигантские, заостренные шампуры лежали возле нее на земле...

Дальше начался ровный, как стол, участок голой земли, запруженный людьми. В одном конце этого поля стояло исполинское, обвитое ползучими растениями тропическое дерево, приспособившееся к нашему климату, а по краям всего поля тянулись ряды восьмифутовых факелов — языки пламени уже реяли в воздухе, как знамена. На другом конце поля стояла хижина, построенная с гораздо большим тщанием, чем все остальные. Она была метров пять в высоту и десять — по фасаду, выкрашенная в ярко-красный цвет и покрытая сверху донизу шестизначиями. Вся средняя часть передней стены представляла собой высокую раздвижную дверь. Два вооруженных курета стояли на страже перед этой дверью.

Солнце стало на западе крошечным кусочком апельсиновой кожуры. Морби вел нас через все поле к дереву.

От восьмидесяти до ста зрителей сидели на земле за факелами вдоль каждой из всех четырех сторон поля. Морби махнул рукой, указывая на красную хижину.

— Как вам нравится мой дом?

— Славный, — сказал я.

— Там обитает мой сожитель, но днем он спит. Вы с ним встретитесь.

Мы подошли к самому стволу дерева-исполина, где, в окружении своей охраны, Морби нас и оставил. Он двинулся к центру поля и обратился на греческом к куретам.

Мы договорились между собой, что подождем почти до конца схватки, как бы она ни сложилась, и, когда все члены племени под занавес войдут в раж, будем вырываться. Мы окружили своих женщин, и мне удалось зайти слева от меченосца правши, которого я намеревался быстро убить. Самое скверное — это то, что мы находились на дальнем конце поля. Чтобы добраться до лошадей, надо бежать обратно.

— ...И вот в ту ночь, — рассказывал Морби, — встал-поднялся Мертвец, повергая на землю могучего воина Хасана, ломая ему кости и швыряя его туда-сюда на нашем пиру. Под конец он убил этого великого врага, и выпил кровь из его шеи, и съел его печень, сырую, еще дымящуюся в ночном воздухе. Вот что он сделал в ту ночь. Велик он и могуч.

— Велик и могуч! — вскричала толпа, и кто-то начал бить в барабан.

— Сейчас мы снова призовем его к жизни...

И толпа радостно приветствовала:

— Снова к жизни!

— Снова к жизни!

— Привет тебе!

— Привет тебе!

— Острые белые зубы...

— Острые белые зубы!

- Белая, белая кожа...
- Белая, белая кожа!
- Руки, которые крушат...
- Руки, которые крушат!
- Рот, который пьет...
- Рот, который пьет!
- Кровь жизни!
- Кровь жизни!
- Слава нашему племени!
- Слава нашему племени!
- Слава Мертвецу!
- Слава Мертвецу!
- Слава Мертвецу!
- СЛАВА МЕРТВЕЦУ!

Под конец они уже ревели. Человеческие, полу-человеческие и нечеловеческие глотки подхватывали эту короткую литанию, и она катилась по полю, словно волна прибоя. Вопили и наши охранники.

Миштиго закрывал свои чуткие уши, и на лице его было выражение муки. В голове у меня тоже звенело. Дос Сантос перекрестился, один из охранников покачал головой и многозначительно приподнял свой меч. Дос поежился и снова стал смотреть в сторону поля.

Морби подошел к хижине и три раза стукнул рукой по раздвижной двери. Страж открыл ее перед ним.

Внутри стоял гигантский черный катафалк, обвешанный черепами людей и животных. На нем возвышался огромный гроб из темного дерева, расписанный яркими зигзагами.

По указанию Морби охранники подняли крышку.

Следующие минут двадцать он делал подкожные впрыскивания тому, что находилось в гробу. Движения его были медленно-ритуальными. Один из охранников, отложив меч, помогал ему. Барабаны продолжали медленную ровную каденцию. Толпа затихла, как умерла.

Затем Морби повернулся к ней.

- Мертвец поднимается, — объявил он.
- Поднимается, — отозвалась толпа.

— Он выходит, чтобы принять жертву.

— Он выходит...

— Выходи, Мертвец! — воззвал Морби.

И тот вышел.

Встал во весь рост. И был велик. Огромен и тучен.

И вправду, могуч был Мертвец. Потянул бы на все триста пятьдесят фунтов.

Сначала он сел в гробу и огляделся. Потер свою грудь, подмышки, шею, пах. Вылез из своего большого ящика и встал возле катафалка.

Морби рядом с ним казался карликом.

На теле только набедренная повязка, на ногах — сандалии из козьей кожи. Кожа белая, мертвенно-белая, белая, как рыбий живот, лунно-белая... мертвенно-белая.

— Альбинос... — пробормотал Джордж, и голос его услышали все, поскольку он был единственным звуком в ночи.

Морби повернул к нам голову и улыбнулся. Он взял Мертвеца за короткопалую руку и вывел его из жилища на поле. Мертвец шарахался от факелов. Когда он приблизился, я вгляделся в его лицо.

— Никаких признаков ума, — сказала Красный Парик.

— Ты видишь его глаза? — спросил Джордж, прищуриваясь. Очки его были разбиты в стычке.

— Вижу. Розоватые.

— У него есть эпикантиальные складки*?

— М-м-м... да.

— О-хо-хо. Он монголоид, держу пари, что идиот. Вот почему Морби было нетрудно сделать с ним все, что хочешь. Взгляни на его зубы. Они, должно быть, заточены.

Мертвец как раз расплылся в ухмылке, поскольку заметил яркую голову Красного Парика. Обнажились отличные острые зубы.

* Эпикантиальная складка — особая складка у внутреннего угла глаза человека, характерная для монголоидной расы.

— Его альбинизм — результат ночного образа жизни, который Морби ему навязал. Смотри! Бедняга вздрагивает от света факелов. Он сверхчувствителен к любой форме актиничности*.

— А что насчет его диеты?

— Принял, раз навязали. Множество примитивных народов пьют кровь своего домашнего скота. Казахи делали это до двадцатого века, то же самое тоды. Ты видел раны на лошадях, в загоне. Ты ведь знаешь, что кровь питательна — надо только научиться ее останавливать. Уверен, что Морби установил диету этому идиоту еще с детства. Так что он, конечно, вампир — таким его вырастили.

— Мертвец поднимается, — сказал Морби.

— Мертвец поднимается, — подтвердила толпа.

— Слава Мертвецу!

— Слава Мертвецу!

Морби опустил свою белую руку и направился к нам, оставив ухмыляться посреди поля чуть ли не самого настоящего вампира.

— Слава Мертвецу, — сказал он, подойдя к нам с такой же ухмылкой. — Не правда ли, он великолепен?

— Что вы сотворили с этим несчастным существом? — воскликнула Красный Парик.

— Очень немного, — возразил Морби. — Он родился с хорошими данными.

— Какие инъекции вы ему сделали? — поинтересовался Джордж.

— О, я оглушил его болевые центры новокаином — перед такой схваткой это необходимо. Отсутствие реакции на боль усиливает образ его непобедимости. Кроме того, я подбросил ему гормональных средств. Недавно он начал набирать вес и стал немного инертен.

— Вы говорите о нем так, будто это механическая игрушка, — сказала Диана.

* Актиничность — способность излучения оказывать действие на светочувствительный материал.

— Он таков и есть. Непобедимая игрушка. К тому же бесценная. Ну как, Хасан? Готов?

— Готов, — ответил Хасан, снимая халат и бурнус и отдавая их Эллен.

Большие мышцы на его плечах вздулись, пальцы слегка напряглись. Он двинулся вперед и вышел из круга обнаженных мечей. На левом плече у него был шрам, еще несколько шрамов пересекали спину. Факел высветил его бороду, кроваво окрасив ее, и я поневоле вспомнил ту ночь в поселке, когда он словно душил кого-то, а Мама Джули сказала: «В твоего друга вселился Ангелсу» — и еще: «Ангелсу — бог смерти, и он приходит только с ней».

— Слава воину Хасану, — объявил Морби, отвернувшись от нас.

— Слава воину Хасану! — ответила толпа.

— Сила его велика.

— Сила его велика, — повторила толпа.

— Но Мертвец еще славнее.

— Но Мертвец еще славнее.

— Он ломает ему кости и швыряет его туда-сюда на нашем пиру.

— Он ломает ему кости...

— Он ест его печень.

— Он ест его печень.

— Он пьет кровь из его горла.

— Он пьет кровь из его горла.

— Велик он и могуч.

— Велик он и могуч.

— Слава Мертвецу!

— Слава Мертвецу!

— Этой ночью, — спокойно сказал Хасан, — он и впрямь станет мертвецом.

— Мертвец! — крикнул Морби, когда Хасан подошел и встал перед своим противником. — Я отдаю тебе в жертву этого человека по имени Хасан.

Затем Морби подался в сторону и показал охранникам, чтобы те отвели нас на дальний край поля.

Идиот ухмылялся все шире и шире и медленно приближался к Хасану.

— Бисмалла, — сказал Хасан, делая вид, будто хочет увернуться, и отклоняясь вниз и вбок.

Он начал размах от самой земли и понес кулак вверх быстро и жестко, будто выстрел хлыста, вложив весь свой вес в удар, который пришелся с левой стороны челюсти Мертвеца.

Белая, белая голова дернулась разве что дюймов на пять.

И он продолжал ухмыляться.

Затем он выбросил вперед свои короткие толстые руки и обхватил Хасана под мышками. Хасан вцепился ему в плечи, оставляя на них хорошо видные красные борозды, и там, где его пальцы вонзались в белоснежные мышцы, выкатывались красные капли.

Толпа при виде крови Мертвеца завизжала.

Возможно, запах собственной крови возбудил идиота. Или запах, или визг. Потому что он оторвал Хасана от земли, подняв на высоту два фута, и побегал с ним вперед. На пути стояло исполинское дерево — Хасан ударился о ствол, и голова его мотнулась.

Мертвец всей тяжестью навалился на противника, затем медленно отступил, встряхнулся и начал его избивать.

Это было настоящее побоище. Хасан прикрывал лицо ладонями, а солнечное сплетение — локтями. Однако Мертвец продолжал колотить его по бокам и голове. Руки его знай подымались и опускались.

И он не переставал ухмыляться.

В конце концов руки Хасана упали, и он сцепил их у живота. Струйка крови потекла из уголка рта.

Непобедимая игрушка продолжала свою игру.

А затем из далекого далека, с другого края ночи, из такого далека, что только я мог слышать, донесся голос, который я узнал.

Это охотился мой адский гончий пес Бортан.

Где-то он напал на мой след и мчался сюда, сквозь ночь, прыгая, как коза, стелясь, как река или скаковая лошадь, пятнистой масти, глаза, будто горящие угли, а зубы, будто циркулярная пила.

Он никогда не уставал от бега, мой Бортан.

Такие, как он, рождаются без страха, — преданные охоте, клейменные смертью.

Мой адский гончий пес все ближе и ближе, и ничто не собьет его с пути. Но он был далеко, в далеком далеке, на том краю ночи...

Толпа вопила. Хасан больше ничего не мог сделать. Никто бы не мог.

Краем глаза (карего) я заметил почти неуловимое движение Эллен. Как будто она что-то бросила правой рукой... И двумя секундами позже это случилось.

Я быстро отвел глаза от ослепительной вспышки за спиной у идиота.

Мертвец вскрикнул и выпустил Хасана.

Старая добрая инструкция номер 237.1 (подписанная мною): «Каждый руководитель группы и каждый турист должны иметь при себе в пути не менее трех осветительных ракет».

Это означало, что у Эллен осталось только две. Благослови ее Бог.

Идиот перестал избивать Хасана. Он пытался ногой откинуть пламя. Он вопил. Он зажал глаза руками. Он катался по земле.

А Хасан следил за ним, обливаясь кровью, тяжело дыша...

Пламя обжигало, Мертвец вопил.

Наконец Хасан шевельнулся. Он потянулся вверх и ухватил один из толстых стеблей ползучего растения, свисающего с дерева. Стебель сопротивлялся. Он дернул сильнее.

Стебель подался.

Хасан упал на колени возле Мертвеца и быстрым движением затянул стебель петлей у него на горле.

Пламя искрило. Хасан затягивал петлю.

Мертвец пытался подняться.

Хасан затягивал еще сильнее.

Идиот схватил его за пояс.

Большие мышцы на плечах убийцы вздулись, как канаты. Кровь на его лице перемешалась с потом.

Мертвец встал, подняв и Хасана.

Хасан затянул еще сильнее.

Лицо идиота было теперь не белым, а пошло пятнами, веревки вен выступили на лбу его и шее. Он снова оторвал Хасана от земли — поднял так же, как я поднимал голема, и стебель еще глубже вонзился в его шею, когда он напряг все свои нечеловеческие силы.

Толпа выла и пела что-то бессвязное. Гром барабанов достиг бешеного предела.

И затем я снова услышал лай, но он был еще очень далеко. Пламя стало умирать.

Мертвеца качало из стороны в сторону.

...Затем его затрясло в судороге, и он отшвырнул Хасана. Петля на его горле ослабла, поскольку противник выпустил конец.

Хасан сделал укеми и перекатился на колени. В такой позиции он и остался.

Мертвец двинулся к нему.

Но поступь его вдруг изменилась. Он весь затрясся. В горле у него булькнуло, лицо потемнело. Пошатываясь, он добрал до дерева и оперся о ствол рукой. Он тяжело дышал. Затем стал шумно хватать ртом воздух. Рука его скользнула по стволу дерева, и он упал на землю. Согнувшись в три погибели, он снова поднялся.

Хасан встал с колен и снова взял выроненный стебель. Он стал приближаться к идиоту.

На сей раз петля его была мертвой.

Мертвец упал и больше не поднялся.

Впечатление было такое, будто выключили радио, игравшее до того на полную громкость.

Щелк...

И чудовищная тишина — все произошло так быстро. И ночь была нежна*, да, да, — воистину, когда выпрыгнув из нее, я свернул шею меченосцу, что стоял возле меня, и схватил его клинок. Затем я развернулся влево и раскроил им череп еще одному.

* «И ночь была нежна» — цитата из стихотворения Дж. Китса «Ода к соловью», давшая название роману Скотта Фицджеральда и взятая к нему эпиграфом.

Затем снова — шелк, и опять полная громкость, но на сей раз при всеобщем оцепенении. Ночь была порвана по самой середине.

Миштиго сбил с ног своего охранника запрещенным ударом в затылок и ногой саданул другого в голень. Джорджу удалось ударить коленом в пах того, кто был ближе всех. Дос Сантос был не так разворотлив — или ему просто не повезло — и получил две нехорошие раны: в грудь и плечо.

Рассеянная вдоль края поля толпа вскочила с земли — это было похоже на ускоренную съемку роста бобов. Она бросилась к нам.

Эллен накинула Хасанов бурнус на голову меченосца, собравшегося распотрошить ее мужа. А затем земной поэт-лауреат изо всех своих сил опустил камень на макушку бурнуса, тем самым несомненно обретя скверную карму, но, кажется, ничуть по сему поводу не встревожившись.

В этот момент Хасан уже снова присоединился к нашей маленькой группе — он рукой парировал удары меча, отбивая его с плоской стороны клинка; древний самурайский прием, который я считал давно утраченным. Затем и у Хасана в руках оказался меч — ему на это понадобилось лишь одно стремительное движение — а мечом он владел весьма искусно.

Толпа еще не миновала и половины расстояния до нас, как мы уже убили или тяжело ранили всех наших охранников. Диана, по примеру Эллен, запустила три свои осветительные ракеты прямо в толпу. И мы побежали; Эллен и Красный Парик поддерживали Дос Сантоса — ноги плохо его слушались.

Но куреты перерезали нам путь, и мы побежали на север, отклонившись от нашей цели.

— У нас ничего не получится, Караги, — крикнул Хасан.

— Знаю.

— ...Если только ты и я не задержим их, пока остальные не оторвутся.

— О'кей. Где?

— Возле ямы, где жаровня. Там толстые деревья вдоль тропы. Это бутылочное горло. Они там всех нас не достанут за один прием.

— Правильно! — Я обернулся к остальным: — Слышали? Бегите к лошадям! Вас поведет Фил. Хасан и я будем сдерживать их столько, сколько сможем.

Красный Парик повернула ко мне голову и стала что-то говорить.

— Никаких возражений. Вперед! Вам дорога жизнь или нет?

Они подчинились. Они побежали.

Мы с Хасаном остановились за ямой, поджидая куретов. Остальные, оторвавшись, бросились через лес, держа путь к деревне и загону. Толпа катилась прямо на нас — меня и Хасана.

Первая волна врезалась в нас, и мы начали убивать. Мы занимали клин, где тропа вырывается из леса на волю. Слева от нас была дымящая яма, справа — стена деревьев. Мы убили трех, а еще несколько отступило; обливаясь кровью, они выждали и двинулись на нас с флангов.

Мы встали спина к спине и, едва они приближались, наносили им удары.

— Если хотя бы у одного из них пистолет, нам смерть, Караги.

— Знаю.

Еще один получеловек упал под моим клинком. Другой от удара Хасана с воплями свалился в яму.

Но теперь все они были здесь. Чей-то меч, миновав моего напарника, врезался мне в плечо. Еще один отметил мое бедро.

— А ну, назад, дурачье! Я кому сказал?! Отступайте, уроды!

Что они и сделали, убравшись за предел досягаемости.

Тот, кто это крикнул, был ростом в пять с половиной футов. Нижняя его челюсть двигалась, как у куклы, — будто на шарнирах, зубы же у него были, как костяшки домино — черные, щелкающие друг о друга, когда он открывал и закрывал рот.

— Слушаемся, Прокруст, — услышал я слова одного из нападавших.

— Принесите сети! Надо взять их живыми! Не приближайтесь к ним. Они и так уже положили слишком много наших.

Возле него был Морби, он всхлипывал.

— ...Я не знал, господин!

— Молчать! Ты, затейник дерьмовых зрелищ! Ты и так стоил нам бога и многих его присных!

— Атакуем? — спросил Хасан.

— Нет, но приготовься к тому, чтобы резать сети, когда их принесут.

— Это плохо, что они хотят взять нас живьем, — сделал он вывод.

— Мы уже столько отправляли в Ад, чтобы вымостить путь и себе, — сказал я, — и мы еще держимся и держим клинки. Что еще нужно?

— Если мы их атакуем, то прихватим с собой на тот свет еще двух, а то и четырех. А если ждать, они накроют нас сетью и мы умрем без них.

— Какая нам разница, если мы уже будем мертвыми. Давай подождем. Пока мы живы, того и гляди может явиться павлиний хвост случая.

— Как скажешь.

А они нашли сети и приволокли их.

Первые три мы порвали; четвертую не успели и запутались в ней. Куреты затянули ее и бросились к нам.

Пальцы мои разжались, меч выпал. Кто-то пнул меня. Это был Морби.

— Теперь ты умрешь, как мало кто умирал.

— А что остальные, скрылись?

— Ненадолго, — сказал он. — Мы выследим их, поймем и приведем обратно.

Я засмеялся.

— Вы проиграли. Они скрылись.

Морби снова меня пнул.

— Так где же ваши правила? — спросил я. — Ведь Хасан победил Мертвеца.

— Обманом. Женщина бросила зажигательную ракету.

Пока нас связывали, подошел Прокруст и встал возле него.

— Отнесем их в Долину Спящих, — предложил Морби, — поступим с ними так, как они того заслужили, и будем их держать до следующего пира.

— Хорошо, — кивнул Прокруст. — Пусть будет так.

Все это время Хасан, должно быть, пытался просунуть левую руку сквозь ячейки сети, потому что она вдруг вырвалась из нее и ногти Хасана вонзились в ногу Прокруста.

Прокруст пнул его несколько раз, а для ровного счета и меня в придачу, потер царапины, оставшиеся на икре.

— Зачем ты это сделал, Хасан? — спросил я, когда Прокруст отошел, приказав подвязать нас для транспортировки к гигантским шампурам, которые мы видели на месте жаровни.

— Может, на ногтях осталось малость метацианида, — пояснил он.

— Как он туда попал?

— Из пуль на моем поясе, Караги, который они с меня не сняли. После того как я сегодня их подстриг, я покрыл их ядом.

— А! Ты поцарапал Мертвеца в самом начале встречи...

— Да, Караги. Вопрос заключался в том, доживу ли я до момента, когда он упадет.

— Ты всем убийцам убийца, Хасан.

— Благодарю, Караги.

И нас, запеленутых в сети, подвязали к шампурам. Четыре человека по приказу Прокруста подняли груз.

Морби и Прокруст возглавили шествие. Нас несли сквозь ночь.

Мир, пока нас несли на этих кособоких носилках, менялся вокруг. Так бывает всегда по мере приближения к Горючей точке. Как будто идешь вспять сквозь геологические эры.

Деревья вдоль нашего пути становились все разнообразней. Под конец мы уже двигались по влажному коридору меж темных громадин с листьями, как у папоротника; какие-то неведомые существа с узкими желтыми глазами выглядывали из-за них. Ночь высоко над головой была как просмоленная парусина, пологом натянутая на верхушки деревьев, проколота слабыми метинами звезд, вспоротая зазубренным желтым лунным серпом печали. В великом этом лесу раздавались птичьи крики, замирающие на хриплых низах. Что-то темное пересекало тропу далеко впереди.

Мы продвигались вперед, и деревья становились все меньше, а расстояние между ними — все больше. Но они не были похожи на деревья, что росли там, возле деревни. Они сплелись между собой (и продолжали сплетаться!), ветви их были как пряди морских водорослей, стволы уродливо изогнулись, а вздыбленные корни медленно, словно крадучись, ползли по земле. Какие-то невидимые создания скрипели и скворчали, прыскавая во тьму от света электрического фонаря Морби.

Повернув голову, я засек слабое пульсирующее мерцание, прямо на границе видимой части спектра. Оно шло сверху.

Внизу появилось множество темных ползучих растений. Они корчились и извивались под ногами наших носильщиков. Деревья стали просто папоротниками, затем вовсе исчезли. Их заменило огромное количество косматых кроваво-красных лишайников, покрывавших все камни. Они слабо светились. Животный мир больше не подавал своего голоса. Звуков вообще не стало, за исключением прерывистого дыхания четырех наших носильщиков, тяжелых шагов и время от времени — мягкого стука, когда автоматкарабин Прокруста ударялся в обросший камень.

На поясах у наших носильщиков висели клинки. У Морби было несколько клинков, а кроме того — маленький пистолет.

Путь резко пошел наверх. Один из носильщиков ругнулся. Края полога ночи дернуло вниз, до самой

линии горизонта, и его наполнила смутная пурпурная мгла, тонкая, как выдох сигаретного дыма. Медленно и очень высоко, словно скат в воде, поводила крылами в воздухе темная тень летуче-паучьей мыши, пересекающей узкий лик месяца.

Прокруст упал.

Морби помог ему подняться на ноги, но Прокруст покачнулся и повис на нем.

— Что вас беспокоит, господин?

— Внезапная слабость, онемение членов... Возьми мой карабин. Он потяжелел.

Хасан хмыкнул.

Прокруст повернулся к Хасану, кукольная его челюсть опустилась. Затем он и сам опустился — упал на землю. Морби только что взял карабин, и руки у него были заняты. Охранники приземлили нас, довольно-таки поспешно, и бросились к Прокрусту.

— У тебя есть вода? — спросил он, и глаза его закрылись. Больше он их не открыл.

Морби приложил ухо к его груди, подержал оперенную часть своего жезла у него перед ноздрями.

— Мертв, — объявил наконец он.

— Мертв? — Носильщик, покрытый чешуей, начал плакать. — Он биль бог. Он биль великий воитель. Что нам теперь делать?

— Он мертв, — повторил Морби, — и я ваш вождь, пока не объявят нового Главного воителя. Заверните его в свою одежду. Оставьте Прокруста здесь прямо на этом плоском камне. Ни одно животное сюда не придет, так что никто его не тронет. Мы заберем его на обратном пути. Однако теперь мы должны отомстить этим двум. — Он указал на нас своим скипетром. — До Долины Спящих уже рукой подать. Вы принесли таблетки, которые я вам давал?

— Да.

— Да.

— Да.

— Да.

Вскоре нас снова подняли и понесли вверх по склону, за краем которого тропа нырнула во флюорес-

цирующую воронку с выщербленными краями. Огромные камни, разбросанные вокруг, казались объятными пламенем.

— Это место, — сказал я Хасану, — описывал мой сын. Здесь нить моей жизни проходит через горящий камень. Он видел, что мне угрожает Мертвец, однако судьба дважды подумала и подвергла этому смертельному испытанию тебя. Но если оглянуться назад, когда я всего лишь привиделся Смерти, именно это место и послано мне на погибель.

— Упасть с Шинвата — это согреться, — сказал Хасан.

Нас втащили в расщелину и бросили на камни. Морби снял карабин с предохранителя и отступил назад.

— Освободите грека и привяжите его вон к той колонне, — указал он оружием.

Носильщики выполнили его приказ, понадежней связав мне руки и ноги. Камень был влажный и гладкий, убивающий совершенно незаметно.

То же самое они проделали с Хасаном, привязав его в восьми футах справа от меня.

Морби так установил свой фонарь, чтобы тот высвечивал возле нас желтый полукруг. Возле него самого, как статуи дьяволов, стояли четыре курета.

Морби улыбался. Он прислонил карабин к каменной стене, что была у него за спиной.

— Это Долина Спящих, — сказал он нам. — Тот, кто здесь спит, не просыпается. Однако мясо здесь не портится, что обеспечивает нас в неурожайные годы. Перед тем как мы вас здесь оставим... — Он повернулся ко мне: — Видел, куда я поставил карабин?

Я не ответил.

— Думаю, твои внутренности до него достанут, Комиссар. Во всяком случае, я сейчас это проверю. — Он вытащил кинжал из-за пояса и приблизился ко мне. Четыре получеловека шли за ним. — Кто, потвоему, из вас храбрее, ты или араб?

Ни я, ни Хасан не ответили.

— Ну что ж, вы сами про себя это узнаете, — процедил он сквозь зубы. — Ты первый!

Он выдернул края моей рубашки и вырезал ее спереди, медленно и многозначительно описывая круги ножом в двух дюймах от моего живота и внимательно вглядываясь мне в лицо.

— Боишься... Лицо еще этого не выдает, но выдаст. — Затем: — Смотри на меня! Я буду вводить лезвие очень медленно. Когда-нибудь я тобой пообедаю. Что ты на это скажешь?

Я засмеялся. Неожиданно рассмеяться — это было куда как кстати.

Лицо Морби скривилось, а затем вытянулось, словно озадачившись на миг.

— Ты, часом, не рехнулся от страха, Комиссар?

— Перья или свинец? — спросил я его.

Он знал, что это значит, и хотел что-то сказать, но тут услышал, как примерно в двадцати шагах от него щелкнул камушек. Его голова дернулась в ту сторону.

Последнюю секунду своей жизни он истратил на вопль, пока Бортан, всей мощью своего прыжка опрокинув его на землю, не снес ему голову с плеч.

Явился мой гончий пес.

Куреты заверещали, поскольку его глаза как два горящих уголья, а зубы его как циркулярная пила, ростом с рослого мужчину. Хоть они, схватив свои мечи, и ударили его, бока у него как у армадилла. В Бортане добрая четверть тонны... и он не совсем тот пес, что описан Альбертом Пейсоном Терхьюном.

Он был занят с минутой, и, когда закончил, живых среди куретов не было — все были разорваны на куски.

— Кто это? — спросил Хасан.

— Щенок, которого я нашел в мешке, выброшенном волной на берег... мешок был плотный и не утонул. А в нем моя собака, — сказал я, — Бортан.

В более мягкой части его плеча была рана. В этой схватке он ее не получал.

— Он нас сначала искал в деревне, и его пытались поймать. Много куретов нашли свою смерть в этот день.

Бортан семенил лапами и лизал мое лицо. Вилял хвостом, фыркал по-собачьи, вертелся по-щенячьи и носился кругами. Он прыгнул на меня и лизнул в лицо.

— Хорошо, когда у человека есть собака, — произнес Хасан. — Я всегда любил собак.

После этих слов Бортан его обнюхал.

— Ты вернулся, ты, старый грязный сукин сын, — сказал я ему. — Разве ты не знаешь, что собаки все вымерли?

Он завилял хвостом, снова подошел ко мне и лизнул мою руку.

— Прости, что не могу почесать тебя за ухом. Однако ты знаешь, что мне бы этого хотелось, правда же?

Он завилял хвостом.

Я разжал и снова сжал пальцы правой руки, насколько это позволял узел. Делая это, я повернул голову направо. Бортан наблюдал — его влажные ноздри трепетали.

— Руки, Бортан. Мне нужны руки, чтобы освободиться. Руки, что развяжут мои узлы. Ты можешь их найти, Бортан, и привести сюда.

Он подхватил руку курета, лежавшую на земле, и положил ее к моим ногам. Затем поднял голову и помахал хвостом.

— Нет, Бортан. Нужны живые руки. Руки друзей. Руки, которые меня развяжут. Ты ведь понимаешь, правда?

Он лизнул мою ладонь.

— Иди и найди руки, чтобы освободить меня. Живые и преданные. Руки друзей. Ну, быстро! Пошел!

Бортан повернулся и побежал, остановился, оглянулся и затем задрал хвост.

— Он что, понимает? — спросил Хасан.

— Думаю, что да. Мозги у него не такие, как у обычной собаки, и он живет гораздо дольше, чем человек, чтобы научиться все понимать.

— Тогда будем надеяться, что он найдет кого-нибудь раньше, чем мы навечно заснем.

— Да.

Мы так и торчали там, и ночь была холодна.

Мы ждали долго. В конце концов мы потеряли счет времени. Мучительная судорога свела все наши мышцы. Мы были покрыты коркой крови из бесчисленных мелких ран, сплошь исцарапаны. От усталости и бессонницы кружилась голова.

Мы так и торчали там, и веревки врезались в нас.

— Думаешь, они доберутся до твоей деревни?

— Мы помогли им взять хороший старт. Надеюсь, у них довольно приличный шанс.

— С тобой всегда трудно работать, Караги.

— Знаю. Я и сам это заметил.

— ...Как в то лето, когда мы заживо гнили в подземных казематах Корсики.

— Согласен.

— ...Или когда мы добирались до вокзала в Чикаго, после того как в Огайо лишились всего оборудования.

— Да, дурной был год.

— Но у тебя всегда сложности, Караги, — указал Хасан. — «Рожденный завязать узлом хвост тигру» — это пословица о таких, как ты. С ними трудно. Я лично люблю спокойствие, прохладную тень, книгу стихов, свою трубку...

— Тише! Я что-то слышу.

Это был стук копыт.

За скошенным лучом света из упавшего фонаря появился сатир. Движения его были нервные, он переводил взгляд с меня на Хасана, и снова на меня, и вверх, и вниз, и мимо нас.

— Помоги нам, рогатенький, — сказал я по-гречески.

Сатир осторожно приблизился. Увидел кровь расчлененных куретов и повернулся, словно хотел бежать отсюда.

— Вернись! Ты мне нужен. Это ведь я, играющий на свирели.

Он остановился. Его трепещущие ноздри раздувались, острые уши прыдали.

Он вернулся, и, когда он обходил место, залитое кровью, на его почти человеческом лице отобразилась боль.

— Клинок. Возле моих ног, — сказал я, указывая глазами. — Подними его.

Похоже, ему не нравилась даже сама идея касаться того, что сделано человеком, особенно оружия.

Я насвистел последние такты моей последней мелодии.

Уже поздно, поздно, так поздно...

Глаза сатира увлажнились. Он вытирал их тыльной стороной своих покрытых шерстью запястий.

— Возьми лезвие и разрежь узлы на мне... Да не так, а то порежешься. Другим концом... Правильно.

Он поднял клинок как нужно и посмотрел на меня. Я пошевелил правой рукой.

— Веврки. Разрежь их.

Он стал разрезать. На это у него ушло двадцать минут, а мне стоило немало крови. Приходилось все время шевелить рукой, чтобы он не перерезал мне артерию.

Наконец он освободил мою руку и вопросительно посмотрел на меня.

— А теперь дай мне нож — я сам позабочусь об остальном.

Он положил лезвие в мою протянутую руку.

Несколько мгновений спустя я уже был свободен. Затем освободил Хасана.

Когда я обернулся, сатира уже не было. Я услышал, как вдали замирает отчаянный стук копыт.

— Бес простил меня, — сказал Хасан.

Мы поспешили назад от Горючей точки, обойдя стороной деревню и держа направление на север, пока не вышли на тропу, ведущую на Волос. Я так и не знал наверняка, Бортан ли разыскал сатира и каким-то образом послал его к нам или же это существо само

нашло нас и вспомнило меня. Но Бортан не вернулся, так что я склонялся к последнему.

Ближайшим надежным для нас городом был Волос, примерно в двадцати пяти километрах на восток отсюда. Если Бортан побежал туда, где его узнают многие из моих родственников, то он еще не скоро вернется.

То, что я послал его за помощью, было абсолютно зряшным делом. Если он направился куда-нибудь помимо Волоса, тогда у меня нет ни малейшего представления о том, когда он вернется. Однако он нашел мой след, найдет и снова.

Мы шли и шли, так, чтобы вся дорога осталась позади. Через километров десять пути нас стало пошатывать. Мы знали, что без отдыха долго не продержимся, так что попутно обшаривали глазами местность в поисках какого-нибудь подходящего местечка для сна.

Под конец я узнал крутой каменистый холм, где мальчиком я пас овец. Маленькая пещерка для пастухов в трех четвертях пути до вершины была сухой и свободной. Деревянная стенка, перегораживающая ее снаружи, сильно обветшала, но еще держалась. Мы нарвали для постели свежей травы, подперли дверь изнутри и растянулись на подстилке. Уже через мгновение Хасан захрапел.

Сознание мое чуть покрутилось, перед тем как поплыть, и за этот краткий миг я понял, что изо всех радостей мира — глотка холодной воды, когда у тебя жажда, или спиртного, когда жажды нет, занятий любовью или сигареты, первой за многие дни, — изо всех этих радостей ничто не сравнится со сном. Сон лучше...

Пожалуй, если бы наша группа двинулась длинной дорогой от Ламии до Волоса — вдоль побережья, — все сложилось бы совсем иначе и Фил был бы сегодня жив. Но, по правде говоря, мне трудно понять, что бы в таком случае произошло; даже сейчас, оглядываясь

назад, я не могу сказать, как бы я, представься такая возможность, распорядился событиями. Силы рока уже вышагивали гусиным шагом среди руин, с оружием на изготовку...

Мы добрались до Волоса на следующий день и поднялись на гору Пелион к Портарии. За глубокой ложиной лежала Макриница.

Там мы нашли всех остальных.

Фил привел их в Макриницу, где попросил бутылку вина и экземпляр книги «Освобожденный Прометей», и засел на весь вечер. А утром Диана обнаружила, что он уже очошел. На его лице была улыбка.

Я сложил для него погребальный костер в окружении кипарисов близ руин Епископальной церкви, потому что он не хотел быть зарытым в землю. Я положил сверху фимиам и ароматические травы, и кострище вдвое превышало рост человека. В ту ночь все сгорит, и я скажу «прощай» еще одному из своих друзей. Если оглянуться назад, кажется, будто моя жизнь только и состоит, что из встреч и прощаний. Только Земля остается на месте...

К черту.

Так что в тот день я вышел вместе с группой из Пагасы, этого порта в древнем Иолке, выстроенного на мысе против Волоса. Мы стояли в тени миндальных деревьев на холме, откуда прекрасный вид и на море, и на гряде гор.

— Отсюда аргонавты поплыли на поиски Золотого руна, — сказал я в пространство.

— Кто именно? — спросила Эллен. — Я читала эту историю в школе, но забыла.

— Геракл, Тезей и певец Орфей, Асклепий и сыновья Борея, Северного Ветра, и Язон, капитан, ученик кентавра Хирона, чья пещера, между прочим, находится вон там, возле вершины горы Пелион.

— Неужели?

— Как-нибудь я ее покажу.

— Отлично!

— Боги и титаны тоже сражались в этих местах, — добавила Диана, подходя ко мне. — Это ведь титаны

опрокинули гору Пелион и бросили ее на Оссу, пытаюсь подняться на Олимп.

— Есть такое предание. Но боги были добры и восстановили пейзаж после кровавого сражения.

— Парус, — сказал Хасан, указывая вдаль наполовину очищенным апельсином.

Я глянул поверх вод и увидел крошечную метину на горизонте.

— Да, это место еще используется как порт.

— Может, идет какой-нибудь корабль с героями, — предположила Эллен, — которые возвращаются с каким-нибудь новым руном. А все-таки что они с ним будут делать?

— Дело не в самом руне, — сказала Красный Парик, — а в его поисках. Каждый хороший сказитель знал это. Деревенские женщины всегда делали сногшибательные одежды из руна. После ухода гостей они обычно подбирали все шерстинки.

— Такая одежда не подошла бы к цвету твоих волос, дорогая.

— Это поправимо. Хотя тебе, конечно, проще...

— За дорогой, — сказал я, повышая голос, — руины византийской — Епископальной — церкви, которая у меня намечена к реставрации через пару лет. Традиционное место свадебных празднеств Пелея, тоже аргонавта, и морской нимфы Тетис. Наверно, вы слышали об истории этого празднества. Пригласили всех, кроме богини раздора, но она все-таки пришла и бросила вверх золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Парис счел, что оно принадлежит Афродите, и это определило судьбу Трои. Когда Париса видели в последний раз, он был не очень-то счастлив... Как часто я говорил, эта земля кишмя кишит мифами.

— Сколько мы здесь пробудем? — спросила Эллен.

— Я бы хотел провести еще парочку дней в Макринице, — сказал я, — затем пойдём на север. Примерно еще неделю мы будем в Греции, а потом двинемся к Риму.

— Нет, — отрезал Миштиго, который сидел на камне и наговаривал в свой диктофон, а теперь глянул поверх вод. — Нет, путешествие закончено. Это последняя остановка.

— То есть как?

— Я вполне удовлетворен и теперь собираюсь домой.

— А ваша книга?

— Сюжет мне уже ясен.

— Какой сюжет?

— Когда я закончу, я пришлю вам экземпляр с автографом. Мне дорого время, а все необходимые материалы я уже получил. Все, что мне так или иначе понадобится. Этим утром я запросил Порт, и вечером они высылают за мной скиммер. Вы можете продолжать путешествие и делать, что хотите, но я закончил.

— Что-нибудь не так?

— Нет, все так, просто пора уезжать. У меня много дел. — Он встал на ноги и потянулся: — Нужно еще кое-что упаковать, так что я сейчас иду к себе. У вас тут, Конрад, несмотря ни на что, действительно прекрасная страна. Увидимся за обедом.

Он повернулся и стал спускаться с холма. Я сделал вслед за ним несколько шагов, глядя ему в спину.

— Хотел бы я знать, что все это значит? — подумал я вслух.

В тишине раздавались его шаги.

— Просто он умирает, — тихо сказал Джордж.

Мой сын Язон, опередивший нас на несколько дней, исчез. Соседи рассказали о его уходе на поиски Гадеса вечером накануне нашего появления. Патриарх сидел на спине огненноглазого гончего пса, который сорвал с петель дверь его жилища и понес его на себе сквозь ночь. Все мои родственники хотели, чтобы я пришел на обед. Дос Сантос еще не вставал — Джордж залечивал его раны и не считал необходимым отправлять его морем в афинский госпиталь.

Всегда приятно вернуться домой.

Я спустился на площадь и провел день в разговорах со своими потомками. Рассказать им о Тайлере, о Гаити, об Афинах? Да, рассказать. Что я и сделал. Расскажут ли они мне о двух последних десятилетиях в Макринице? Несомненно.

Затем я положил цветы на кладбище, немного постоял и пошел к дому Язона, чтобы починить дверь, — в сарае нашлись и инструменты. Наткнувшись на бутылку вина, я всю ее выпил и закурил сигарету. Затем сварил себе кофе и тоже весь его выпил.

И все же мне было тяжело.

Я не знал, что происходит.

Хотя Джордж знал болезни веганцев и сказал, что у Миштиго явные симптомы неврологического расстройства неизвестной разновидности. Неизлечимого. С неизбежным смертельным исходом.

Даже Хасан не мог этому поверить.

«Этиология неизвестна» — таков был диагноз Джорджа.

Все стало с ног на голову.

Джордж знал Миштиго с момента прибытия последнего... Что же предопределило такой ход развития событий?

...Еще Фил просил его осмотреть веганца в связи с признаками смертельного заболевания. Почему?

Да, он так и не сказал почему, и я уже не мог спросить его об этом.

Передо мной встала проблема.

Миштиго или уже закончил свою работу, или у него не осталось на нее времени. По его словам — закончил. Если нет, то мне придется защищать смертельно больного еще неизвестно сколько. Если же закончил, то мне нужно знать результаты, чтобы очень быстро принять решение относительно оставшихся ему дней жизни.

Обед ничего не прояснил. Миштиго уже сказал все, что мог себе позволить, и отметал или просто-напросто игнорировал все наши вопросы.

После чашки кофе Красный Парик и я отошли в сторону, чтобы выкурить по сигарете.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю. Я думал, может, ты знаешь.

— Нет. Так что теперь?

— Скажи.

— Убить его?

— Может, и да. И все же сразу вопрос — зачем?

— Он все закончил.

— Что? Что именно он закончил?

— Откуда я знаю?

— Пропади оно пропадом! Я должен, я хочу знать, с какой целью я убиваю кого-то.

— По-моему, все ясно. Веганцы снова хотят скупить земли. Он возвращается, чтобы доложить им о тех территориях, в которых они заинтересованы.

— Тогда почему он все их не посетил? Почему остановился после Египта и Греции? Пески, камни, джунгли и разнообразные монстры — это все, что он видел. Маловато для радужных выводов.

— Тогда причина в том, что Миштиго смертельно напуган и счастлив, что остался жив. Его чуть не съели — и боадил, и куреты. Он просто спасается бегством.

— Прекрасно. Пусть бежит. Пусть всучит им плохой отчет.

— Но он не может. Если уж они настроились покупать, его отрывочные сведения их не удовлетворят. Они просто пошлют кого-нибудь другого, кто покруче, чтобы закончить это дело. Если мы убьем Миштиго, они будут знать, что мы — это реальность, что мы еще протестуем, что мы и сами крутые.

— Он не боится за свою жизнь, — произнес я задумчиво.

— Нет? Тогда что?

— Не знаю. Но должен раскопать.

— Каким образом?

— Думаю, я его спрошу.

— Ты просто псих! — И она отвернулась.

— Или будет по-моему, или никак, — сказал я.

— Тогда уж все равно. Это не имеет значения. Мы проиграли.

Я взял ее за плечи и поцеловал в шею.

— Еще нет. Вот увидишь.

Тело ее напряглось.

— Иди домой. Уже поздно. Слишком поздно.

Так я и сделал. Я вернулся в просторное старое жилище Иакова Коронеса, где остановились Миштиго и я, где прежде бывал и Фил. Я занимал комнату, где он умер, и спал там же, где спал он. Его «Освобожденный Прометей» еще лежал на письменном столе возле пустой бутылки. Он говорил мне о своем собственном уходе, когда вызывал меня на связь в Египте, и у него был сердечный приступ, и ему пришлось через многое пройти. Казалось, что по такому поводу он мог бы оставить какое-то послание старому другу.

Поэтому я раскрыл скучную эпикку Перси Биша* и заглянул внутрь.

Послание его было написано на чистых страницах в конце книги по-гречески. Однако не на современном греческом. А на классическом.

Там было примерно вот что:

Дорогой друг, хотя я ненавижу писать, не переписывая затем, я чувствую, что мне лучше поторопиться. Я в неважном состоянии. Джордж хочет, чтобы я улетел в Афины. Я и улечу — утром. Однако прежде рассмотрим поближе наше дело...

Сделай все, чтобы веганец отбыл с Земли живым и невредимым.

Это важно.

Это самая важная в мире вещь.

Я боялся рассказывать тебе раньше, потому что допускал, что Миштиго может оказаться телепатом. Вот почему я не был с вами с самого начала поездки, хотя мне этого так страстно хотелось. Вот почему я притворялся, что ненавижу его, — хотел держаться подальше. Только убедившись в

* Перси Биш Шелли — английский поэт-романтик, автор лирической драмы «Освобожденный Прометей».

том, что он не телепат, я предпочел присоединиться к вам.

Я подозревал, что через Дос Сантоса, Дуану и Хасана Регпол, должно быть, хочет его крови. Я полагал, что если он телепат, то сразу же об этом узнает и предпримет все необходимое для обеспечения своей безопасности. Если же он не телепат, то в этом случае я был полон веры в твою способность защитить его почти от всего и всея. Включая Хасана. Я не хотел, чтобы до него дошло то, что я знаю. Однако в случае необходимости я бы предупредил тебя.

Татрам Миштиго — его гег, чудеснейшая и благороднейшая личность. Он философ, великий писатель и общественный деятель, оказывающий бескорыстную помощь своему народу. Я познакомился с ним во время своего пребывания на Тайлере тридцать с лишним лет назад, а позднее мы стали близкими друзьями. С тех пор мы с ним поддерживали связь, и даже тогда, давным-давно, он просвещал меня относительно веганских планов объединения, где рассматривалась роль Земли. Я поклялся держать все в секрете. Даже Карту ничего не следовало знать. Всплыви моя осведомленность раньше времени, для пожилого человека это было бы катастрофой — он бы утратил весь свой авторитет.

Веганцы находятся в весьма затруднительном положении. Наши эмигрировавшие соотечественники, земляне, только упрочили свою экономическую и культурную зависимость от Вегги. Веганцам же дали понять — и очень наглядно! — в дни восстания Регпола, что здесь, на Земле, есть местное население, имеющее собственную сильную организацию и желающее восстановления нашей планеты. Веганцы хотели бы того же. Земля им не

нужна. Для чего? Если они хотят эксплуатировать землян, то на Тайлере таковых гораздо больше, чем здесь, на Земле, — но они и не эксплуатируют; или же в небольших масштабах и без злоупотреблений. Наши бывшие сами предпочли эксплуатацию своего труда там возвращению сюда. О чем это говорит? Возвращенство — мертворожденное дитя. Никто не хочет обратно. Вот почему я ушел из этого движения. Думаю, что и ты по той же причине. Веганцы не хотели бы заниматься проблемой нашего собственного дома. Наверняка они не прочь его посещать. Для них приехать сюда и собственными глазами убедиться в том, что мы сотворили со своим миром, и поучительно, и отрезвляюще, это их ставит на место да и просто приводит в ужас.

Что им было нужно, так это обойти наше правительство-в-отсутствии на Тайлере. Тайлериты не спешили отказываться от своих требований по поводу налогов и существования Конторы.

Однако после множества переговоров и всяких экономических преследований, включая требование полного веганского гражданства для наших бывших, выяснилось, что какие-то средства решения вопроса найдены. Осуществление этого плана было поручено Штиго-генам, прежде всего Татраму.

В конце концов он, по собственному своему убеждению, нашел способ, как вернуть Землю в автономное состояние при сохранении целостности ее культуры. Вот почему он и отправил сюда своего внука, Корта, чтобы тот сделал «обзор».

Корт — довольно странное существо; подлинный его талант — это действие (а талантливы все Штиго), и еще он обожает позировать. Думаю, он ужасно хотел сыграть

роль чудака, и уверен, что у него получилось мастерски. (Татрам говорил мне также, что это будет последняя роль Корта. Он умирает от drinfap, которая неизлечима; полагаю, это еще одна причина, почему выбор пал на него.)

Верь мне, Константин Карагиозис Коронес Номикос Конрад (плюс все остальные твои имена, которых я не знаю): он занимается вовсе не проверкой недвижимости. Отнюдь.

И последнее, если можно. Дай мне слово, что он будет жить, выполни свое обещание и не выдай мою тайну. Когда ты все узнаешь, то не пожалеешь об этом.

Прости, что я так и не закончил элегию, посвященную тебе, и пропади ты пропадом за то, что отнял у меня мою Лару, тогда, в Керчи.

Фил

«Что ж, очень хорошо, — решил я, — значит, веганцу не смерть, а жизнь». Фил все сказал, и я ничуть не сомневался в его словах.

Я вернулся за обеденный стол Микара Коронеса и просидел с Миштиго, пока тот не собрался уходить. Я проводил его к дому Якова Коронеса и проследил, как он упаковывает последние вещи. За это время мы, наверно, обменялись всего-навсего шестью словами, не более.

Его пожитки вытащили к месту приземления скиммера, перед домом. Перед тем как все (включая Хасана) вышли, чтобы попрощаться с ним, Корт повернулся ко мне.

— Скажите мне, Конрад, зачем вы разбираете пирамиду?

— Назло Веге, — ответил я. — Чтобы вы знали, что, если вам захочется ее занять и вы решите ее отобрать у нас, вам она достанется еще в худшем виде,

чем после Трех Дней. Чтобы не на что было смотреть. Мы испелим всю нашу оставшуюся историю. Чтобы вашим парням и соринки не досталось.

Воздух, стравливаемый нижней частью его легких, вышел с жалобным воем, оборвавшимся на низкой ноте, — веганский эквивалент нашего вздоха.

— Похвально, — произнес Миштиго, — но мне так хотелось увидеть ее. Не думаете ли вы снова когда-нибудь ее собрать? Может, в скором времени?

— А вы как считаете?

— Я обратил внимание, что ваши люди маркировали все куски.

Я пожал плечами.

— Тогда у меня только один серьезный вопрос к вам — по поводу вашей любви к разрушению, — заявил он.

— Какой именно?

— Это что, действительно искусство?

— Идите вы к черту.

Подошли остальные.

Диана посмотрела на меня; я медленно повел из стороны в сторону головой и довольно долго сжимал запястье Хасана, прежде чем вырвал у него тонкое острие, которое он прилепил к ладони. А затем позволил ему тоже пожать руку веганцу, но коротко.

Скиммер жужжа спустился из темнеющего неба, и я посадил Миштиго, лично погрузил его багаж и сам закрыл за ним дверцу. Машина стартовала безо всяких осложнений и исчезла в мгновение ока.

Конец бессмысленной прогулки.

Я вернулся в дом и переоделся.

Пришло время сжечь друга.

Высоко возвышаясь в ночи, пирамида из сложенных мною поленьев несла на себе останки поэта, моего друга. Я зажег факел и вытащил электрический фонарь. Хасан стоял возле меня. Это он помог мне положить тело на повозку и взял в руки вожжи.

Я устроил погребальный костер на холме с кипарисами над Волосом, возле руин церкви, которую я уже упоминал. Воды бухты были спокойны. На чистом небе сверкали звезды.

Дос Сантос, не одобрявший кремацию, решил не присутствовать, сказав, что его беспокоят раны. Диана предпочла остаться с ним в Макринице. После нашего с ней разговора она ко мне больше не обращалась.

Эллен и Джордж сидели в повозке, катившей под большими кипарисами, и держались за руки. Только они и были с нами. Филу не понравился бы погребальный плач моих родственников. Однажды он сказал, что в этом смысле предпочел бы что-нибудь крупное, яркое, быстрое и без музыки.

Я прислонил факел к углу погребального костра. Пламя принялось медленно лизать дерево. Хасан зажег еще один факел, воткнул его в землю, отошел и стал смотреть. Когда языки пламени поползли вверх, я прочел старую молитву, вылил на землю вино и бросил в огонь ароматические травы. Затем тоже отступил.

— «...Кем бы ты ни был, смерть возьмет и тебя, — говорил я ему. — Ты ушел, чтобы увидеть, как открывается влажный цветок на берегу Ахеронта среди судорожно мечущихся теней Ада». Если бы ты умер молодым, твой уход оплакивали бы как гибель великого таланта, не успевшего осуществиться. Но ты хорошо пожил. Некоторые выбирают короткую возвышенную жизнь перед стенами своей Трои, другие — длинную и менее беспокойную. Кто скажет, какая лучше? Боги сдержали свое обещание вечной славы Ахиллеса, вдохновив поэта спеть ему бессмертный пеон. Но счастлив ли он от этого, будучи таким же мертвым, как теперь и ты? Не мне судить, старина. Сам в какой-то мере бард, я помню и твои слова, написанные о самом могущественном из Аргивов и о времени всесокрушающих смертей: «Суровыми разочарованиями чревата любая двойственность — опасны вздохи в угрозе лет... Но золе не стать деревом. Невидимая музыка пламени раскаляет воздух, хотя день кончен». Прощай же,

Филипп Грейб. Пусть боги Феб и Дионис, которые любят поэтов и убивают их, передадут тебя своему темному брату Гадесу. И пусть Персефона, Царица Ночи, благожелательно глянет на тебя и дарует тебе высокое положение в Элизиуме.

Пламя уже почти достигло вершины пирамиды.

И тогда я увидел Язона, стоявшего возле повозки, и Бортана, сидящего возле него. Я отступил еще дальше. Бортан подошел ко мне и сел справа от меня, лизнув мою руку.

— Могучий охотник, — сказал я, — мы потеряли еще одного из нас.

Он кивнул огромной своей головой.

Пламя поднялось до самой вершины и начало глотать ночь. Трещал огонь, в воздухе веяли сладкие ароматы.

Приблизился Язон.

— Отец, он принес меня на себе к месту горящих камней, но вы уже покинули его.

Я кивнул.

— Какой-то нечеловек, из друзей, вызволил нас отсюда. А до того этот вот человек Хасан убил Мертвеца. Так что твои сны пока и сбылись, и не сбылись.

— Он и есть желтоглазый воин моих видений, — молвил Язон.

— Знаю, но это все тоже в прошлом.

— А что Черное Чудище?

— Ни храпа, ни сапа.

— Это хорошо.

Мы следили за костром долго, очень долго, пока ночь не обратилась вспять. Несколько раз Бортан навострял уши и ноздри его расширялись. Джордж и Эллен были недвижны. Хасан глядел на огонь странно, безо всякого выражения на лице.

— Что ты теперь будешь делать, Хасан? — спросил я.

— Снова пойду на гору Санджар. Ненадолго.

— А потом?

Он пожал плечами и ответил:

— То, что написано.

И тут до нас докатился устрашающий гул, похожий на стоны гиганта-идиота, гул сопровождался треском ломаемых деревьев. Бортан вскочил на ноги и залаял. Ослы, запряженные в повозку, шарахнулись в сторону; один из них издал короткий резкий крик. Язон сжал заостренную палку, которую он вытащил из костра, и весь напрягся.

И тут оно обрушилось на нас, прямо на поляне. Большое и уродливое и все остальное, что только про него говорили. Людоед... Земной кошмар... Могучее и мерзкое... Черное Чудище Фессалии.

Наконец-то кто-нибудь сможет рассказать, каково оно из себя.

Должно быть, его привлек к нам запах горящей плоти. И оно было огромным. По меньшей мере со слона.

Какой был четвертый подвиг Геракла? Дикий кабан Аркадии, вот какой.

Мне вдруг захотелось, чтобы Геракл оказался где-нибудь поблизости и помог.

Огромный кабан... С острым хребтом и клыками с человеческую руку... Маленькие свинячьи глазки, бешено вращающиеся в свете огня...

На своем пути оно сокрушало деревья. Однако взвизгнуло, когда Хасан выхватил из пламени костра головню и воткнул ее горящим концом в морду чудищу. Оно отскочило в сторону, что дало мне время схватить оружие Язона.

Я бросился вперед и ткнул палкой в левый глаз чудищу. Оно снова отпрыгнуло и пронзительно заверещало, как прохудившийся паровой котел.

...Бортан уже был на нем, вцепившись в плечо.

Ни один из двух моих ударов в горло чудищу не причинил ему заметного вреда. Наконец ему удалось стряхнуть с себя Бортана. А возле меня уже был Хасан, выхвативший из костра еще одну головешку.

Чудище бросилось на нас. Откуда-то сбоку Джордж разрядил в него свой автоматический пистолет. Хасан запустил свой факел. А Бортан снова прыгнул, на сей раз со стороны ослепшего глаза чудища.

Все это заставило чудище снова изменить направление атаки, и оно врезалось в пустую повозку, убив обоих ослов.

Затем я выбежал вперед и бросил палку под его левую переднюю ногу. Палка переломилась надвое.

Бортан продолжал рвать зубами чудище, и рык пса был как непрекращающийся гром. Стоило чудищу сделать выпад, как он разжимал челюсти и откатывался прочь, а затем снова наседали, не давая опомниться.

Уверен, что моя смертоносная стальная пика не переломилась бы. Но она была на борту «Золотого Идола»...

Хасан и я кололи чудище со всех сторон самыми острыми палками, которые нам удавалось вытащить из огня. Мы продолжали наносить удары, заставляя чудище крутиться на месте. Бортан все пытался достать до горла, но морда с огромным рылом была опущена, один глаз вращался, другой кровоточил, и клыки только и делали, что рассекали воздух во всех направлениях, как мечи. Раздвоенные копыта размером с буханки хлеба оставляли в земле ямы, когда чудище металось в оранжевом, пляшущем пламени костра, пытаясь всех нас убить.

Под конец оно внезапно повернулось — слишком внезапно для такой громадины — и ударило Бортана в бок плечом, отбросив пса на десять—двенадцать футов. Хасан огрел чудище по спине палкой, а я ткнул в другой глаз, но промахнулся.

Затем оно двинулось на Бортана, который еще не успел вскочить на ноги, — опустив голову с тускло отсвечивающими клыками.

Когда оно двинулось на мою собаку, я бросил оружие и прыгнул. А оно уже пригнуло к земле голову, чтобы нанести смертельный удар.

Клыки оказались совсем низко, и я ухватился за них. Из всех своих сил я надавил на них сверху, чувствуя, что ничто не сможет удержать этот таранящий удар. Но я попробовал, и, может, мне это удалось на какую-то долю секунды...

Во всяком случае, когда меня с изодранными в кровь руками бросило в воздух, я увидел, что Бортан сумел избежать клыков.

Я едва не потерял сознание при падении, так как швырнуло меня высоко и далеко, и услышал сумасшедший оглушительный свинячий визг. Кричал Хасан, а Бортан снова ревел во всю свою глотку, идя в атаку.

С небес дважды грянула красная молния Зевса... И все стихло.

Медленно, кое-как я встал на ноги.

Хасан стоял возле погребального костра, держа, как копьё на изготовку, пылающую палку.

Бортан обнюхивал вздрагивающую гору мяса.

Под кипарисом возле мертвого осла стояла Кассандра — она прислонилась спиной к стволу, на ней были брюки из кожи, голубая шерстяная кофта, она слабо улыбалась, держа мое еще дымящееся ружье на слонов.

— Кассандра!

Она бросила ружье, лицо ее было смертельно бледным. Но не успело ружье еще упасть на землю, как она была уже в моих руках.

— Потом я задам тебе тыщу вопросов, — сказал я. — Но не сейчас. Сейчас ни одного. Давай просто посидим под этим деревом и посмотрим на огонь.

Так мы и сделали.

Месяцем позднее Дос Сантоса выгнали из Редпола. С тех пор ни о нем, ни о Диане не слышно. Говорят, они отказались от движения Возвращения, перебрались на Тайлер, где теперь и живут. Надеюсь, что это не так, имея в виду события этих последних пяти дней. Я никогда не знал толком всю историю Красного Парика и полагаю, что никогда не узнаю. Когда веришь в кого-то, я имею в виду — по-настоящему, и заботишься о нем, как, может, она заботилась обо мне, то все время возвращаешься к мысли, кто же оказался не прав в том нашем последнем принципиальном

споре. Не права была она — и я спрашиваю себя, сожалеет ли она об этом.

Я и вправду думаю, что вряд ли когда-нибудь еще увижусь с нею.

Едва в Редполе закончились административные пертурбации, как Хасан спустился с горы Санджар, немного побыл в Порту, а затем купил маленькое судно и однажды ранним утром отправился в море, даже не попрощавшись и никому не сказав, куда держит путь. Сошлись на том, что он нашел где-то новую работу. Однако несколькими днями позднее была буря, и я слышал в Тринидате, что его выбросило на побережье Бразилии, где он принял смерть от рук одного тамошнего жестокого племени. Я пытался проверить эту историю, но мне не удалось.

Однако через два месяца Рикардо Бонавентура, Председатель Альянса Против Прогресса, отколовшейся от Редпола группы, впавшей в немилость Афин, умер от апоплексического удара во время торжественного собрания партии. Шептались, что в анчоусах был яд дивбанского кролика (совершенно летальная смесь, как уверяет меня Джордж), а на следующий же день таинственно исчез только что назначенный капитан дворцовой охраны, равно как и скиммер с протоколами трех последних секретных собраний АПП (не считая содержимого маленького сейфа, вмурованного в стену). Говорили, что это был крупный желтоглазый мужчина со слегка восточными чертами лица.

Язон по-прежнему пасет своих многочисленных овец в горах, там персты Авроры раньше, чем где-либо, украшают небо розами, и я не сомневаюсь, что он по-прежнему сбивает с толку молодежь своими песнями.

Эллен снова беременна, вся из себя утонченная, кроме как в талии, и ни с кем не общается, кроме как с Джорджем. Джордж хочет попробовать какую-то фантастическую эмбриохимию, именно в данный момент, пока еще не поздно, и заставить очередного своего младенца дышать как воздухом, так и водой, — все это в связи с тем гигантским, еще девственным

океанским шельфом, который должны освоить его прямые потомки; он же, отец новой расы, напишет на сей предмет интересную книгу, и т. д. и т. п. Однако Элен не слишком загорелась идеей, и подозреваю, что океаны еще немного побудут девственными.

Ах да, я доставил Джорджа в Капистрано посмотреть на возвращение летуче-паучьих мышей. Это было и в самом деле впечатляюще — как темнеет небо от их крыльев, как они гнездятся в руинах, поедая диких свиней и покрывая все улицы зеленым своим пометом. Лоурел часами смотрит на все это в три-диколоре и показывает на каждой вечеринке Конторы. Это что-то вроде исторического документа, поскольку летуче-паучьи мыши начинают исчезать. Верный своему слову, Джордж напустил на них слишей, вызвав эпидемию, и теперь они мрут, как мухи. Только неделю назад одна из них — шмяк! — шлепнулась прямо посреди улицы, когда я шел к Маме Джули с бутылкой рома и коробкой шоколадных конфет. Бедняга умерла от удара о землю. Слыши очень коварные. Летуче-паучьей мыши никак не сообразить, что же происходит, — летит себе, счастливая, поглядывая, что бы такое съесть, и вдруг — ззык! — укус, и она падает посреди сада, полного гостей, или в чей-нибудь бассейн.

Я решил на текущее время сохранить Контору. Создам что-нибудь вроде парламента, после того как состряпаю новую партию, в оппозиции к Редполу — какую-нибудь там НЕПЕР — Независимые Перестройщики или еще что.

Старые добрые силы рокового конца... они нужны нам здесь, среди руин.

А Кассандра — моя принцесса, мой ангел, моя прекрасная дама — я ей даже нравлюсь без грибка на щеке. Ночь в Долине Спящих излечила меня. Конечно, Кассандра была на корабле героев, который Хасан видел деңь тому назад в Пагасе. Правда, без Золотого руна, а лишь только с набором моих винтовок и прочего в том же духе. Корабль героев оказался «Золотым Идолом», который я построил собственными руками,

довольно прочный, что было приятно узнать, если он выдержал даже цунами, последовавшее после того толчка в 9,6 балла по шкале Рихтера. Кассандра как раз плыла на корабле, в то время как от Коса отвалилась его нижняя часть. После этого она пошла под парусами на Волос, потому что знала, что в Макринице полно моих родственников. Хорошо, что и у нее оказалось это мое предчувствие опасности, и, высадившись на берег, она прихватила с собой тяжелую артиллерию. (Хорошо и то, что она знала, как ею пользоваться.) Мне надо более серьезно относиться к ее предостережениям.

Я купил тихую виллу на противоположной Порту оконечности Гаити. Оттуда всего пятнадцать минут лета на скиммере, и там большой пляж, а вокруг — сплошные джунгли. Мне нужна какая-то дистанция, вроде островной оторванности, от цивилизных мест, поскольку у меня, гм... есть некоторые проблемы с охраной жилища. Как-то, когда тут случилось быть чиновникам органов юстиции, они не поняли надпись: «Осторожно, злая собака». Теперь понимают. Тот, который на вытяжении, не будет подавать жалобу по поводу нанесенных ему телесных повреждений, а Джордж буквально в считанные дни поставит его на ноги, как новенького. Другие пострадали гораздо меньше.

Однако хорошо, что я оказался рядом.

Так что, вот он я, в необычном своем положении, как обычно.

Планета Земля была целиком и полностью выкуплена у правительства на Тайлере, выкуплена большим и богатым родом Штиго-генов. Подавляющее большинство экспатриантов так или иначе добивались веганского гражданства, не желая оставаться под властью Тайлеритского экс-правительства и работать на Объединение в качестве зарегистрированных чужеземцев. Так продолжалось долгое время, так что право распоряжаться Землею стало в основном вопросом поиска лучшего покупателя — потому что наш эмиграционный режим утратил единственную существен-

ную причину своего существования в ту самую минуту, когда вопрос гражданства решился не в его пользу. Они еще могли заявлять о себе, пока там были земляне, но теперь это уже веганцы, которые не вправе отдавать голоса за свое экс-правительство, мы же здесь, на Земле, и не собираемся за него голосовать.

Отсюда и продажа огромной недвижимости, а единственным покупщиком был род Штиго-генов. Однако старый мудрый Татрам устроил так, что вся покупка была оформлена на имя его внука, ныне покойного Корта Миштиго.

А Миштиго оставил после себя документ на право-наследие, выразив, в стиле веганцев, свою волю в посмертном завещании... где называлось мое имя.

Ух... Так я унаследовал планету.

Ну а конкретнее — Землю.

Н-да...

На кой черт мне она? Я имею в виду, что я, конечно, привязан к ней, но я бы поработал где-нибудь и подальше отсюда.

Это все дьявольская машина Жизнеобъектов да еще четыре думающих ящика, которыми пользовался старый Татрам. Он искал администратора из местных, который бы взял в свои руки Землю и создал бы там представительное правительство, а затем, когда все это закрутится, отказался бы от права владения на том простом основании, что это и так место его пребывания. Татрам хотел, чтобы под рукой оказался такой человек, который хорошо зарекомендовал себя на административном посту и кто не будет держаться за свою собственность обеими руками.

Среди других имен машина выдала ему и одно из моих собственных, затем еще одно, второе, с указанием — «возможно, еще жив». Затем была проверена моя личная учетная карточка, и всякая всячина по поводу второго типа, коим тоже был я, и машина довольно быстро выдала еще несколько имен, — все они были моими.

Она начала вылавливать разночтения и странные совпадения, продолжала вытягивать ниточку и выко-

вырывать все новые и новые вопросы, ставящие в тупик. Так что в скором времени Татрам пришел к выводу, что меня надо «посмотреть».

И прибыл Корт, чтобы «написать книгу».

Он действительно хотел убедиться в том, являюсь ли я Хорошим, Честным, Благородным, Чистым, Законопослушным, Искренним, Заслуживающим доверия, Чуждым эгоизма, Добрым, Приветливым, Надежным и Лишенным личных амбиций. А это означает, что он был форменным психом, поскольку он сказал: «Да, этот человек таков и есть».

Наверняка я его одурачил.

Возможно, однако, он прав по поводу отсутствия личных амбиций. Я чертовски ленив и не очень-то тревожусь по поводу головной боли, которая ежедневно наваливается и дубасит меня из-за этой измученной Земли. Однако поскольку тут затронут личный комфорт, я хочу пойти себе на некоторые уступки. Возможно, устрою шестимесячный отпуск и выпаду в осадок.

Один из чиновников юридической службы (не тот, что на растяжении, а тот, что обошелся простой перевязкой) доставил мне послание от Голубого. В нем, в частности, говорилось:

Дорогой Каково-бы-там-ни-было-твое-чертово-имя!

Начинать так письмо крайне непривычно, потому, дабы уважить твое желание, называю тебя Конрад.

Конрад, теперь ты уже знаешь истинную причину моего визита. Чувствую, что я сделал правильный выбор, называя тебя nasledником всей той собственности, которую принято относить к Земле. Твою привязанность к ней невозможно отрицать; как Карагиозис, ты вдохновлял людей проливать кровь в ее защиту; ты восстанавливаешь ее памятники, собираешь и хранишь ее произведения искусства (между прочим, в порядке одного из условий выполнения моей воли я

настаиваю на том, чтобы ты вернул на место Великую Пирамиду), и твоя изобретательность, равно как и твоя твердость, будь то умственная или физическая, совершенно поразительны и исключительны.

Ты также, похоже, приближаешься к тому, чтобы быть единственным бессмертным надзирателем из имеющихся в наличии (много бы я дал, чтобы узнать твой настоящий возраст), и это, вместе с высокой способностью к выживанию, делает тебя поистине единственным кандидатом. Если твоя мутация начнет тебя подводить, к твоим услугам всегда есть таблетки серии Ж. С., которые не дадут прерваться великому старательству твоей жизни. Я мог бы сказать «надувательству», но это было бы невежливо, пусть я и знаю, что ты законченный пройдоха. Взять хотя бы все те старые записи! Ты довел бедные Жизнеобъекты чуть ли не до сумасшествия различиями. Теперь они запрограммированы так, чтобы никогда не принимать свидетельство о рождении грека за доказательство возраста.

Я передаю Землю в руки Калликанзароса. Если верить легенде, то это с моей стороны жесточайшая ошибка. Однако я хотел бы рискнуть догадкой, что если ты и Калликанзарос, то стал таковым по ложным побуждениям. Ты разрушаешь только то, что собираешься восстановить. Возможно, ты Великий Пан, который всего лишь притворился, что умер. Как бы там ни было, у тебя будет достаточно денежных средств и запасов тяжелого оборудования, которое поступит в этом году, а также множество бланков для заявок, которые следует посылать в фонд Штиго. Так что иди и плодись, и размножайся, и вновь населяй Землю. А Гены будут следить. Если понадобится по-

мощь, то кричи-зови, и помощь не замедлит прийти.

У меня нет времени писать для тебя книгу. Прости! Что же до обещанного автографа, то вот он: КОРТ МИШТИГО.

P.S. Я так и не просек, искусство ли это. И пошел ты сам к черту.

Вот такое послание, если вкратце.

Пан?

Разве компьютеры это утверждают?

Во всяком случае, надеюсь, что нет.

Земля — диковатое место, в смысле заселения. Твердая и каменистая. Надо убрать весь хлам, метр за метром, прежде чем на ней можно будет начать что-то привлекательное.

А это означает работу, уйму работы.

А это означает, что надо начинать со всех сооружений Конторы, так же как и с Организации Редпол.

Как раз сейчас я решаю, стоит ли продолжать практику путешествий по руинам. Думаю, я их разрешу и впредь, потому что у нас пока есть что показать. В каждом из нас заключена некая толика любопытства, заставляющая вдруг остановиться посреди пути, чтобы глянуть в дырку в заборе, за которым идут восстановительные работы.

Теперь у нас есть деньги, и нам снова принадлежит наша собственность, и это уже совсем другое дело. Может, даже Возвращенство не совсем еще умерло. Если есть полнокровная программа возрождения Земли, то мы можем заманить назад кое-кого из бывших землян, можем перехватить кое-кого из новых туристов. Если же все они хотят оставаться веганцами, то и пускай, это их дело. Мы полны к ним симпатии, но обойдемся и без них. Я чувствую, что наша Заграничная эмиграция будет таять, когда люди узнают, что они могут преуспеть здесь; и наше население будет расти даже более чем в геометрической прогрессии, что вместе с продлением способности к воспроизведению потомства дается с помощью новой, пока довольно дорогой серии Ж. С. Я намереваюсь сделать

Животворный Самсер полностью общественным достоянием. Я добьюсь этого, возложив на Джорджа ответственность за Программу здравоохранения, создав на материке клиники и пустив в повсеместное обращение Ж. С.

Мы выдюжим. Мне надоело быть хранителем могил, и я действительно не хочу тратить попусту время, пока Пасха не пронизет своим звоном Дерево Мира, пусть даже происхождение мое подозрительно и дает основания для беспокойства. Когда колокола зазвонят на самом деле, я хочу иметь силы сказать: «Воистину воскрес», а не бросать дудочку и не спасаться бегством (дин-дон — колокола, клак-клак — зубы, потом копыта и т. д.). Сейчас самое время для всех добрых калликанзаросцев... Это понятно.

Так что...

Эта вилла у нас с Кассандрой на Волшебном острове. Она любит бывать здесь. Я люблю бывать здесь. Она больше не обращает внимания на мой неопределенный возраст. А это хорошо.

Как раз сегодня, ранним утром, когда мы лежали на пляже, глядя, как солнце стирает звезды с небосклона, я повернулся к ней и сказал, что вся эта огромная предстоящая работа содержит в себе неизбежное зло, не говоря уже о головной боли и прочем.

— Ничего подобного, — возразила она.

— Не преуменьшай того, что неизбежно, — сказал я. — Она ведет к человеческой несовместимости и неравенству.

— Ни того, ни другого не будет.

— В тебе слишком много оптимизма, Кассандра.

— Нет. Раньше я уже говорила, что тебе угрожает опасность, и так оно и случилось, но в тот момент ты мне не поверил. На сей раз я чувствую, что все будет хорошо. Понятно?

— Отдавая должное твоей точности в прошлом, я все-таки чувствую, что ты недооцениваешь то, что нам предстоит.

Она поднялась и топнула ногой.

— Ты никогда мне не веришь!

— Верю, конечно. Просто на сей раз ты ошибаешься, дорогая.

И она уплыла, моя сумасшедшая русалка, скрылась в темных глубинах. А спустя какое-то время вернулась.

— О'кей, — сказала она улыбаясь, вытряхивая из волос нежные дождевики. — Будь по-твоему.

Я поймал ее за лодыжку, подтащил, уложив на песок, и начал щекотать.

— Перестань!

— Эй, я тебе верю, Кассандра! Правда! Слышишь? Что ты на это скажешь? Я действительно тебе верю, черт возьми. Ты наверняка права.

— Ты, милый мой калликанзик, бычок в томате... Ай!

И она была прекрасна на берегу моря, и, счастливый, я не давал ей просохнуть, пока нас со всех сторон не обступил день.

Ну а на этом славном месте можно поставить и точку, sic.

**ИМЯ МНЕ
ЛЕГИОН**

ПРОЕКТ «РУМОКО»

Когда «Джей-9» вышла из-под контроля, я сидел в рубке, следя за исправностью аппаратуры на борту капсулы. Это была обычная, довольно скучная работа.

Внизу, в капсуле, находились два человека. Они осматривали Дорогу В Ад — высверленный в океанском дне туннель, по которому в самое ближайшее время должно было открыться движение.

Если бы в рубке присутствовал кто-нибудь из инженеров, отвечающих за «Джей-9», я бы не встревожился. Но один из них улетел на Шпицберген, а другой с утра лежал пластом в медицинском изоляторе.

Внезапно ветер и течение, объединив усилия, накренили «Аквину», и я подумал, что сегодня — Канун Пробуждения. Затем решительно пересек рубку и снял боковую панель.

— Швейцер! — воскликнул доктор Эсквит. — У вас нет допуска к этой аппаратуре!

— Может, сами ее наладите? — предложил я, оглядываясь.

— Разумеется, нет! Я же в ней ничего не смыслю. Но вам...

— Очень хотите посмотреть, как умрут Мартин и Денни?

— Не мелите чепухи! Все же вы не имеете...

— Тогда скажите, кто имеет, — оборвал его я. — Капсула управляется отсюда, и здесь у нас что-то «полетело». Если вы можете вызвать человека, имеющего допуск к аппаратуре, вызовите его. Если нет — я сам ею займусь.

Не дождавшись ответа, я заглянул в чрево машины. Долго искать причину неисправности не пришлось. Злоумышленники даже припой не использовали, наспех подсоединив четыре посторонние цепи и обеспечив обратное питание через один из таймеров.

Я вооружился паяльником. Эсквит по специальности был океанографом и в электронике не разбирался. Я надеялся, он не догадывается, что я обезвреживаю мину.

Минут через десять я закончил, и капсула, дрейфовавшая в тысяче фатомов* под нами, ожила.

За работой я размышлял о создании, которому вскоре предстояло очнуться ото сна, создании, способном в мгновение ока промчатся по Дороге, подобно посланнику дьявола, — а может, и самому дьяволу, — и вырваться на поверхность посреди Атлантики. Студеная, ветреная погода, преобладающая в этих широтах, не способствовала хорошему настроению. Нам предстояло высвободить могучую силу, энергию ядерного распада, чтобы вызвать еще более грандиозное явление — извержение магмы, которая дышит и клокочет в нескольких милях под нами. Откуда берутся смельчаки, играющие в такие игры, — выше моего понимания.

Корабль снова вздрогнул и закачался на волнах.

— Все в порядке, — сказал я, устанавливая панель на место. — «Коза», только и всего.

— Похоже, действует, — буркнул Эсквит, глядя на экран монитора. — Попробую связаться. — Он щелкнул тумблером. — Капсула, это «Аквина». Слышите меня?

— Да, — прозвучало в ответ. — Что стряслось?

— Короткое замыкание в блоке управления. Неполладка устранена. Какова обстановка на борту?

— Все системы действуют нормально. Какие будут указания?

— Продолжайте работу в установленном порядке. Конец связи. — Эсквит обернулся ко мне. — Извините, я был груб с вами. Не знал, что вам удастся наладить

* Морская сажень

«Джей-9». Если хотите, я поговорю с начальством, чтобы вас перевели на более интересную работу.

— Я электрик, — сказал я. — Знаю эту аппаратуру, умею устранять типичные неисправности. Иначе и соваться бы не стал.

— Следует ли понимать это так, что с начальством говорить не стоит?

— Да.

— В таком случае не буду.

Меня это вполне устраивало. Ликвидируя «козу», я заодно отсоединил миниатюрную мину, которая лежала теперь в левом кармане моей куртки. В самое ближайшее время ей предстояло отправиться за борт.

Попросив прощения, я вышел из рубки. Избавился от улики. Поразмыслил о текущих делах.

Итак, Дон Уэлш прав — кто-то пытается сорвать проект. Предполагаемая угроза оказалась реальной. И за этим кроется что-то важное.

«Что?» — таков был мой первый вопрос. «Чего ожидать теперь?» — второй.

Опираясь на фальшборт «Аквины», я курил и смотрел на холодные волны, набегающие с севера и бьющие в борт. Руки дрожали.

«Благородный, гуманный проект, — думал я. — И опасный. Тем более опасный, что кто-то проявляет к нему недобрый интерес».

Все-таки любопытно, доложит ли Эсквит «наверх» о моей выходке? Наверное, доложит, даже не ведая, что творит. Ему придется изложить причину аварии, чтобы доклад совпал с записью в бортовом журнале капсулы. Он сообщит, что я устранил короткое замыкание. Только и всего.

Но и этого будет достаточно.

Я знал, что злоумышленники имеют доступ к главному журналу. Их сразу насторожит отсутствие записи об обезвреженной mine. Им будет совсем несложно выяснить, кто встал на их пути. Поскольку ситуация сложилась критическая, они могут пойти на самые крайние меры.

Вот и прекрасно. Именно этого я и добиваюсь. Как тут не радоваться — я целый месяц потерял, дожидая-

ясь, когда враги заинтересуются моей скромной персоной и, забыв об осторожности, начнут задавать вопросы.

Глубоко затянувшись, я посмотрел на далекий айсберг, сверкающий в лучах солнца. Это показалось мне странным, потому что небо было серым, а океан — темным. Кому-то не нравилось то, что здесь происходило, но почему — до этого я не мог додуматься, как ни ломал голову. Ну и черт с ними, со злоумышленниками, кем бы они ни были.

Я люблю ненастные дни. В один из них я родился на свет. И я сделаю все возможное, чтобы нынешний день удался на славу.

Вернувшись в каюту, я смешал коктейль и уселся на койку. Вскоре раздался стук в дверь.

— Не заперто, — сказал я.

Дверь открылась. Вошел молодой человек по фамилии Роулинз.

— Мистер Швейцер, с вами хочет поговорить Кэррол Дейт.

— Передайте ей, что я сейчас приду.

— Хорошо. — Он удалился.

Кэррол была молода и красива, поэтому я расчесал свои светлые волосы и надел свежую сорочку.

Я подошел к ее каюте и дважды стукнул в дверь.

Я полагал, что начальник корабельной службы безопасности вызвала меня в связи с аварией в контрольной рубке. Логично было допустить, что она имеет самое непосредственное отношение к происходящему.

— Привет, — сказал я, входя. — Кажется, вы за мной посылали?

Она сидела за огромным полированным столом.

— Швейцер? Да, посылала. Присаживайтесь. — Она указала на кресло напротив.

Я сел.

— Зачем я вам понадобился?

— Сегодня вы спасли «Джей-9».

— Это вопрос или утверждение?

— Вы не имели права прикасаться к аппаратуре управления.

— Если хотите, могу вернуться в рубку и сделать все, как было.

— Так вы признаетесь, что копались в ней?

— Да.

Она вздохнула.

— Знаете, вообще-то я не в претензии. Вы спасли двух человек, и я не стану требовать, чтобы вас наказали за нарушение инструкции. Я хочу спросить вас о другом.

— О чем?

— Это диверсия?

Ну вот. Так и знал, что спросит.

— Нет, — ответил я. — Всего-навсего «коза».

— Лжете.

— Простите, не понял?

— Прекрасно поняли. Кто-то привел аппаратуру в негодность. Вы ее починили, а это было посложнее, чем устранить короткое замыкание. К тому же полчаса назад мы зафиксировали взрыв слева по борту. Мина.

— Это вы сказали. Не я.

— Не пойму, что за игру вы ведете. Вы же раскрылись, какой смысл теперь темнить?

Я мысленно составлял ее портрет. Мягкие рыжеватые волосы, обилие веснушек. Под косым срезом челки — широко посаженные зеленые глаза. Хоть Кэрол и сидела, я знал, что роста она немалого — примерно пять футов десять дюймов. Как-то раз мне довелось потанцевать с ней в ресторане.

— Ну?

— Что — ну?

— Я жду ответа.

— Вы о чем?

— Это диверсия?

— Нет. С чего вы взяли?

— Вы же знаете: были и другие попытки.

— Ничего я не знаю.

Внезапно она покраснела, но веснушки от этого стали только заметней. С чего бы это ей краснеть?

— Так вот: подобные попытки имели место. Но нам всякий раз удавалось их пресечь.

— И кто же злоумышленники?

— Неизвестно.

— Почему? —

— Потому что никого из них мы не смогли задержать.

— Что же вы так оплошали?

— Они слишком хитры.

Закурив сигарету, я сказал:

— Все-таки вы ошибаетесь. Это было замыкание.

Устранить его — пара пустяков, ведь я инженер-электрик.

Кэрл достала сигарету. Я поднес зажигалку.

— Ладно, — сказала она. — Похоже, толку от вас не добьешься.

Я встал.

— Кстати, я еще раз навела о вас справки.

— Ну и что?

— Ничего. Вы чисты, как первый снег. Или как лебяжий пух.

— Рад слышать.

— Не спешите радоваться, мистер Швейцер. Я еще с вами не разобралась.

— И не разберетесь, — пообещал я. — Как бы ни старались.

В чем, в чем, а в этом я не сомневался.

«Когда же они за меня возьмутся?» — думал я о своих неведомых противниках, направляясь к двери.

Раз в год перед Рождеством я опускаю в почтовый ящик открытку без подписи. В открытке только короткий список: названия четырех баров и городов, в которых они находятся. В Пасху, первого мая, первого июня и в канун Дня Всех Святых я сижу за бутылочкой в одном из этих баров, обычно расположенных вдали от людных мест. Потом я ухожу. Дважды в одном баре я не бываю никогда. А плачу я всегда наличными, хотя в наше время многие пользуются универсальными кредитными карточками.

Иногда в бар заходит Дон Уэлш. Он усаживается за мой столик и заказывает пиво. Мы обмениваемся несколькими фразами и выходим прогуляться.

Иногда Дон не приходит. Но в следующий раз он обязательно появляется и приносит мне деньги.

Месяца два назад, в первый день суматошного мексиканского лета, я сидел за столиком в углу «Инферно» в Сан-Мигель-де-Альенде. Вечер, как всегда в этих краях, был прохладен, воздух чист, звезды ярко сверкали над мощенными каменными плитами улочками «памятника национальной культуры». Вскоре вошел Дон, одетый в темно-синий костюм из синтетической шерсти и желтую спортивную куртку с расстегнутым воротом. Он приблизился к стойке, что-то заказал, повернулся и окинул взглядом зал.

Я кивнул; он улыбнулся и помахал мне рукой, а потом направился к моему столику со стаканом и бутылкой «Карта Бланка».

— Кажется, мы знакомы.

— Мне тоже так кажется, — сказал я. — Присаживайтесь.

Он выдвинул кресло и уселся напротив. Пепельница на столе была переполнена окурками, но еще до меня. Из открытого окна тянуло сквозняком (морской воздух с примесью аромата текилы), на стенах теснились плоские изображения голых красоток и афиши боя быков.

— По-моему, вас зовут...

— Фрэнк, — сказал я первое, что пришло в голову. — Мы вроде встречались в Новом Орлеане.

— Да, в «Марди Грас», года два назад.

— Точно. А вы...

— Джордж.

— Ну да! Вспомнил. Крепко мы тогда выпили. И всю ночь резались в покер. Чудесно отдохнули, правда?

— Да. И я вам продул две сотни.

Я ухмыльнулся и спросил:

— Напомните, чем вы занимаетесь.

— Так, всякими-разными сделками. Как раз сейчас намечается один довольно интересный гешефт.

— Рад за вас. Ну что ж, поздравляю и желаю удачи.

— Взаимно.

Пока он пил пиво, мы поговорили о том о сем. Потом я спросил:

— Уже осматривали город?

— Вообще-то нет. Говорят, здесь очень красиво.

— Думаю, вам понравится. Однажды я попал сюда на Фестиваль — это незабываемое зрелище. Все покупают бензедрин, чтобы не спать три дня кряду. На улицах и площадях танцуют. Между прочим, здесь единственный готический собор на всю Мексику, его построил неизвестный индеец, который и видел-то готику лишь на европейских открытках. Когда снимали леса, думали, собор развалится — но нет, стоит по сей день.

— С удовольствием походил бы по городу, но в моем распоряжении всего один день. Видимо, придется довольствоваться сувенирами.

— Ну, этого добра здесь хватает. И цены доступны. Особенно на ювелирные украшения.

— Все-таки жаль, что не успею осмотреть местные красоты.

— К северо-востоку отсюда, на холме — развалины города тольтеков. Вы заметили этот холм? Там три креста на вершине. Любопытно, что правительство не признает существования этих развалин.

— Очень хочется взглянуть. Как туда добраться?

— Можно пешком. Смело поднимайтесь на самую вершину. Поскольку развалин не существует, нет и ограничений на их осмотр.

— Долго идти?

— Отсюда? Меньше часа.

— Спасибо.

— Допивайте пиво, и пошли. Я вас провожу.

Он допил, и мы вышли из бара.

Вскоре у моего спутника началась одышка. Ничего удивительного, если ты всю жизнь прожил почти на уровне моря и внезапно попал на высоту шесть с половиной тысяч футов. Но все же мы добрались до вершины по тропинке, петлявшей среди кактусов, и уселись на валун.

— Итак, этого холма в природе не существует, — сказал Дон. — Как и вас.

— Совершенно верно.

— А следовательно, здесь нет «жучков», чего нельзя сказать о многих барах...

— Довольно дикое место.

— Спасибо за открытку. Нуждаетесь в заказе?

— Вы же знаете.

— Да. И у меня есть что предложить.

Вот так все это и началось.

— Вы слышали о Наветренных и Подветренных островах? Или о Сертси?

— Нет. Где это?

— Вест-Индия. Малые Антильские острова. Они уходят по дуге от Пуэрто-Рико и Виргинских островов на юго-восток, а потом на юго-запад, к Южной Америке. Эти острова — вершины подводной гряды, которая достигает двухсот миль в ширину. Вулканического происхождения, каждый из них — вулкан, действующий или потухший.

— Любопытно.

— Гавайский архипелаг аналогичного происхождения. Остров Сертси в западной части Вестманнского архипелага возник в двадцатом веке, а точнее, в 1963 году. Он вырос в считанные дни. Столь же быстро вырос Капелинос в Азорах. Он тоже подводного происхождения.

— Дальше. — Я уже понял, к чему он клонит. Мне доводилось читать и слышать о проекте «Румоко», названном так в честь маорийского бога вулканов и землетрясений. Подобный проект существовал и в двадцатом веке, но от него отказались. Он назывался «Могол» и предусматривал применение глубоководного бурения и направленных ядерных взрывов в целях добычи природного газа.

— «Румоко», — сказал Дон. — Слыхали?

— Читал кое-что. В основном в научном разделе «Таймс».

— Этого достаточно. Нас к нему привлекли.

— С какой целью?

— Кто-то пытается сорвать проект. Устраивает диверсии. Мне поручено выяснить, кто и почему, и остановить злоумышленников. Но пока я ровным счетом ничего не добился, хоть и потерял двух человек.

Я посмотрел Дону в глаза. Казалось, в полумраке они светятся зеленым. Он был ниже меня дюйма на четыре и легче фунтов на сорок, но все равно выглядел довольно крупным человеком. Отчасти, наверное, благодаря военной выправке.

— Нуждаетесь в моих услугах?

— Да.

— Что вы намерены предложить?

— Сорок тысяч. Может, даже пятьдесят. Это зависит от результатов.

Я закурил сигарету.

— Что от меня требуется?

— Устроиться в экипаж «Аквины». Лучше техником или инженером. Сумеете?

— Да.

— Прекрасно. Выясните, кто вставляет нам палки в колеса, и дайте мне знать. Или найдите способ вывести наших недругов из игры.

Я усмехнулся.

— Похоже, работенка не из самых легких. Кто ваш клиент?

— Американский сенатор, пожелавший остаться неизвестным.

— Я мог бы угадать его имя, но не стану этого делать.

— Беретесь?

— Да. Деньги мне пригодятся.

— Учтите, это опасно.

— Это всегда опасно.

Мы любовались крестами, на которых висели подношения верующих — пачки сигарет и тому подобное.

— Хорошо, — сказал Дон. — Когда устроитесь?

— К концу месяца.

— Годится. А когда выйдете на связь?

— Как только появятся новости.

— Не годится. Нужен конкретный день. Скажем, пятнадцатого сентября.

— Если дельце выгорит?

— Пятьдесят кусков.

— А если будут осложнения? Например, придется избавляться от пары-тройки трупов?

— Посмотрим.

— Ладно. Пятнадцатого так пятнадцатого.

— До этого срока будете выходить на связь?

— Только в том случае, если понадобится помощь.

Или если узнаю что-то важное.

— В этот раз может случиться и то, и другое.

Я протянул ему руку.

— Не беспокойтесь, Дон. Считайте, что дело сделано.

Он кивнул, глядя на кресты.

— Они были отличными работниками. Я прошу вас... Я вас очень прошу, выполните мое поручение.

— Сделаю все, что от меня зависит.

— Все-таки загадочный вы человек. Не понимаю, как вам удается...

— И не дай Бог, чтобы вы поняли, — перебил его я. — Как только кто-нибудь поймет — пиши пропало.

Мы спустились с холма и расстались. Он отправился к себе в гостиницу, я — к себе.

— Пойдем-ка выпьем, — предложил Мартин, встречав меня на полубаке, когда я возвращался от Кэрол Дейт. — Я угощаю.

— Ну, пойдем.

Мы прошли в ресторан и заказали по кружке пива.

— Хочу тебя поблагодарить. Если бы не ты, мы бы с Денни...

— Пустяки, на моем месте ты бы и сам в два счета починил блок. Шутка ли — знать, что под тобой тонут люди.

— Все-таки нам очень повезло, что в рубке оказался ты. Спасибо.

— Не за что. — Я поднес ко рту пластмассовую кружку (сейчас все на свете делают из пластмассы, будь она проклята) и, отпив, поинтересовался: — Как там шахта?

— Отлично. — Мартин наморщил широкий лоб.

— Похоже, ты не очень-то в этом уверен.

Хмыкнув, он сделал маленький глоток.

— Такого, как сегодня, с нами еще не случалось. Понятное дело, мы малость струхнули...

По-моему, это было слишком мягко сказано.

— Шахта точно в порядке? — попытывался я. — Сверху донизу?

— В порядке. — Мартин огляделся — видимо, заподозрил, что ресторан прослушивается. Он и впрямь прослушивался, но Мартин не сказал еще ничего опасного для себя и для меня. Да я бы ему этого и не позволил.

— Хорошо. — Я в который раз вспомнил напутствие Дона Уэлша. — Очень хорошо.

— А почему тебя это интересует? Ведь ты — всего-навсего наемный техник.

— И у наемного техника может быть профессиональный интерес.

Мартин как-то странно посмотрел на меня.

— По-моему, это из лексикона двадцатого века.

— Я старомоден.

— Должно быть, это неплохо, — задумчиво произнес он. — Жаль, что сейчас мало осталось таких, как ты.

— Денни уже проснулся?

— Дрыхнет.

— Хорошо.

— Тебя должны повысить в должности.

— Надеюсь, не повысят.

— Почему?

— На что мне лишняя ответственность?

— Раз на раз не приходится.

— Что значит — раз на раз?

— В следующий раз тебя может не оказаться в рубке.

Я понимал: он пытается выведать, что мне известно. Но мне, как и ему, известно было немного. Однако оба мы сознавали: назревает что-то опасное.

Мартин потягивал пиво, не сводя с меня глаз.

— Хочешь сказать, что ты лентяй?

— Именно.

— Чепуха.

Пожав плечами, я поднес кружку ко рту.

Полвека тому назад существовала организация «СОБЩА», названная так в насмешку над нелепыми аббревиатурами всевозможных обществ и учреждений. Полностью это название звучало так: «Смешанное Общество Америки». Однако лидеры общества занимались не только вышучиванием «Организации Мужчин» и ей подобных. Среди них были такие светила, как доктор Уолтер Мунк из Института океанографии имени Скриппса и доктор Гарри Гесс из Принстона. Однажды эти ученые выступили с необычным предложением, которому в ту пору не суждено было осуществиться из-за недостатка средств. Но, подобно духу Джона Брауна, дух проекта шагал вперед, в то время как его «прах» лежал под сукном*.

Проект «Могол» скончался в зародыше. Тем не менее на смену ему со временем пришло еще более величественное и многообещающее детище творческого гения ученых.

Общеизвестно, что глубинное бурение на континенте — дело чрезвычайно сложное, так как толщина земной коры здесь зачастую превышает двадцать пять миль. Общеизвестно также, что под океанами земная кора значительно тоньше, и теоретически бур вполне способен добраться до мантии, пройдя поверхность Мохоровичича.

«Реализация нашего замысла потребует огромных затрат, — говорили ученые, — но подумайте вот над чем: получив образцы мантийного материала, мы сразу ответим на множество вопросов, касающихся радиоактивности, термического градиента, геологического строения и возраста Земли. Проведя соответствующие анализы, мы установим толщину и глубину залегания различных слоев и сверим эти данные с результатами сейсмологии. Отбор образцов по всей толще осадочных пород даст нам полное представление о геологической истории планеты. Но не только этим выгоден проект...»

— Еще по одной? — предложил Мартин.

* Имеются в виду строки из гимна abolitionистов: «Праха Брауна лежит в земле сырой, но дух его ведет нас в бой».

— Не откажусь.

Если вам когда-нибудь приходилось читать монографию «Действующие вулканы мира», изданную Международным союзом геологов и географов, то вы наверняка обратили внимание на опоясывающие Землю зоны вулканической и сейсмической активности, так называемое Огненное Кольцо, окружающее Тихий океан. Вы можете начертить его на карте, ведя карандашом от Огненной Земли по тихоокеанскому побережью Южной Америки, через Чили, Эквадор, Колумбию, Центральную Америку, Мексику, по западному побережью Соединенных Штатов и Канады, вдоль Аляски, затем по дуге вниз, через Камчатку, Курилы, Японию, Филиппины, Индонезию и Новую Зеландию. Есть такая же зона и в Атлантике, близ Исландии.

Мы сидели за столиком. Я поднял кружку и сделал глоток.

На Земле более шестисот вулканов, которые можно назвать действующими, хотя от большинства из них вреда немного. Они просто дымят.

Мы заказали еще по одной.

Да. Люди вознамерились создать новый вулкан в океане. Точнее, вулканический остров наподобие Сертси. В этом-то и заключался проект «Румоко».

— Скоро мне снова вниз, — сказал Мартин. — Знаешь, хотелось бы, чтобы ты приглядел за этой аппаратурой, черт бы ее побрал. Я ее тебе вверяю, так сказать.

— Ладно, — согласился я. — Только предупреди, когда снова пойдешь вниз. Буду сидеть в рубке, авось не прогонят.

Он хлопнул меня по плечу.

— Спасибо. Теперь я спокоен.

— Э, брат, да ты трусишь?

— Трушу.

— Что так?

— Беда одна не ходит. Слушай, старина, я готов поить тебя пивом хоть до второго пришествия, только ты меня подстраховывай, ладно? Что-то мне не по себе, ей-Богу. Может, это просто полоса неудач? Как думаешь?

— Может быть.

Еще секунду посмотрев на него, я опустил взгляд в свою кружку.

— Судя по картам изотерм, здесь самое подходящее место во всей Атлантике, — сказал я. — Единственное, чего я побаиваюсь... Впрочем, неважно.

— Чего ты побаиваешься?

— Видишь ли, магма — вещь очень капризная.

— Что ты имеешь в виду?

— Неизвестно, что произойдет, если выпустить ее на волю. Но вообразить можно все что угодно — от Этны до Кракатау. Поскольку предугадать исходный состав магмы невозможно, результаты ее взаимодействия с водой и воздухом могут быть самыми неожиданными.

— Но ведь нам обещали, что все будет в порядке, — возразил Мартин.

— Не обещали, а подводили к мысли. Правда, грамотно подводили, тут им надо отдать должное.

— Боишься?

— Еще бы!

— Думаешь, не выкарабкаемся?

— Мы-то выкарабкаемся, но этот чертов вулкан может изменить температуру воды, интенсивность приливов и погоду в масштабе всей планеты. Не буду скрывать, у меня мандраж.

Он грустно покачал головой:

— Не нравится мне все это.

— Возможно, твои неудачи уже закончились, — задумчиво произнес я. — На твоем месте я бы не мучился бессонницей...

— Возможно, ты и прав.

«Возможно», — подумал я.

Мы допили пиво, и я встал.

— Мне пора.

— Еще по кружечке?

— Нет, спасибо. Мне сегодня работать.

— Ну, как хочешь. До встречи.

— Пока. Не вешай нос. — Я вышел из ресторана и поднялся на верхнюю палубу.

Луна светила достаточно ярко, чтобы от надстроек и такелажа падали тени, а воздух был достаточно

прохладен, чтобы я застегнул ворот куртки. Немного полюбовавшись на волны, я вернулся в свою каюту.

Там я принял душ, выслушал новости по радио, прочитал. Вскоре я начал клевать носом. Положив книгу на тумбочку возле койки, я погасил свет, и корабль, покачиваясь на волнах, быстро убаюкал меня. В конце концов, следовало хорошенько выспаться. Как-никак, завтра нам предстояло разбудить Румоко.

Сколько я проспал? Похоже, часа три-четыре. Внезапно дверь еле слышно отворилась, и раздались тихие шаги.

Сон с меня как рукой сняло, но я лежал, не открывая глаз.

Щелкнул замок. Затем вспыхнул свет, и на мое плечо легла чужая рука, а ко лбу прижался металл.

— Эй, приятель! Просыпайся!

Я притворился, что просыпаюсь.

Гостей было двое. Я поморгал, таращась на них. Затем удостоил вниманием пистолет, отстранившийся от моей головы дюймов на двадцать.

— Какого черта?..

Человек с пистолетом недовольно покачал головой:

— Так не пойдет. Спрашивать будем мы, а ты будешь отвечать.

Я сел, прислоняясь спиной к переборке.

— Ладно, будь по-вашему. Что вам от меня нужно?

— Кто ты?

— Альберт Швейцер.

— Это имя нам уже известно. А настоящее?

— Это и есть настоящее.

— Вряд ли.

Я помолчал несколько секунд, затем буркнул:

— Дальше.

— Расскажи о своем задании.

— О чем это вы? Не понимаю.

— Встань.

— Если хотите, чтобы я встал, дайте мне халат. Он в ванной, на крючке.

— Сходи за халатом, только проверь, не забудь, — велел напарнику человек с пистолетом.

Я окинул его взглядом. Нижнюю половину лица гостя прикрывал носовой платок. Такая же импровизированная маска была у второго, и это говорило о том, что передо мной профессионалы. Дилетанты, как правило, оставляют нижнюю половину лица открытой. А нижняя половина куда выразительнее верхней.

Мои гости знают об этом — следовательно, они почти наверняка «профи».

— Спасибо, — сказал я парню, вручившему мне синий купальный халат.

Он кивнул. Я набросил халат на плечи, просунул руки в рукава, подпоясался и опустил ноги на пол.

— На кого работаешь? — спросил человек с пистолетом.

— На «Румоко».

Не опуская пистолета, он легонько врезал мне левой.

— Не пойдет.

— Не возьму в толк, что вам от меня нужно. Может, позвольте закурить?

— Ладно... Э, погоди! Вот, бери мою. А то кто знает, что там у тебя в пачке.

Я взял «Винстон», хотя предпочитаю ментоловые. Прикурил, затянулся, выдохнул дым.

— Все-таки я не понимаю. Растолкуйте, что именно вы хотите узнать, может быть, я и помогу. Мне ни к чему лишние неприятности.

Мои слова, похоже, слегка успокоили гостей. Оба глубоко вздохнули. Парень, который задавал вопросы, ростом был примерно пять футов восемь дюймов, второй — дюйма на два ниже. Тот, что повыше, весил фунтов двести — кряжистый детина.

Они уселись на стулья возле койки. Ствол пистолета смотрел мне в грудь.

— Не волнуйся, Швейцер, — сказал тот, что пониже. — Нам неприятности тоже не нужны.

— Вот и хорошо. Спрашивайте, а я буду отвечать без утайки, — пообещал я. — Начинайте.

— Сегодня ты отремонтировал «Джей-9».

— Ну, об этом, наверное, уже всем известно.

— Зачем ты это сделал?

— А как же иначе? На моих глазах погибали два человека, а я знал, как им помочь.

— Любопытно, где ты этому научился?

— Господи! Что тут странного, я же инженер-электрик.

Здоровяк посмотрел на своего товарища. Тот кивнул.

— В таком случае почему ты попросил Эсквита молчать?

— Потому что я нарушил инструкцию, когда полез в аппаратуру. Мне запрещено к ней прикасаться.

Тот, что пониже, снова кивнул. У обоих гостей были очень черные ухоженные волосы и хорошо развитые бицепсы.

— Посмотришь на тебя — ни дать ни взять добропорядочный обыватель, — сказал тот, что повыше. — Окóнчил колледж, получил профессию, какую хотел, женился, нанялся на этот корабль... Возможно, все так и есть, тогда мы ищем не там, где следует. И все-таки ты подозрителен. Отремонтировал очень сложную аппаратуру, не имея к ней допуска...

Я кивнул.

— Зачем? — спросил он.

— Из-за глупого предрассудка. Не могу, знаете ли, равнодушно смотреть, как гибнут люди. — Надеюсь сбить их с толку, я спросил: — А вы на кого работаете? На какую-нибудь разведку?

Тот, что пониже, улыбнулся. Тот, что повыше, сказал:

— Мы не можем тебе ответить. Думаю, ты понимаешь. Советую не тянуть время. Нас интересует только одно: почему ты пытался утаить, что сорвал явную диверсию?

— Я же сказал: от меня зависели человеческие жизни.

— Ты лжешь. Чтобы добропорядочный обыватель да нарушил инструкцию? Не поверю!

— У меня не было выбора.

— Боюсь, придется нам перейти к иной форме допроса.

Всякий раз, когда я думаю о том, стоило ли мне рождаться на свет, и пытаюсь заново осмыслить уроки, которые дала мне жизнь, из пучин моей памяти вырываются пузыри воспоминаний. Они живут не дольше обычных, но за миг своего существования успевают окраситься всеми цветами радуги и надолго запечатлеться в душе.

Пузыри...

Один из них — в Карибском море. Называется он Новый Эдем. Это огромная светящаяся сфера настолько идеальной формы, что сам Евклид восхитился бы, увидев ее. От сферы в разные стороны, словно фонари на улицах ночного города, убегают цепочки огней. Вокруг мосты, перекинутые через глубокие каньоны, туннели, пробитые в скалах; возле сферы роятся водолазы в блестящих разноцветных скафандрах; по дну океана, словно танки, движутся моремобили; над ними висят или проплывают самые разнообразные мини-субмарины.

Я отдыхал там недели две, и хотя обнаружил у себя легкую клаустрофобию, о которой дотоле не подозревал (очевидно, тут виноваты неисчислимые тонны воды над головой, о которых совершенно невозможно забыть), я вынужден признать, что этот отпуск был самым приятным в моей жизни. Люди, населяющие подводное царство, совершенно не похожи на своих собратьев, обитающих на суше. Они гораздо эгоистичнее и независимее, но зато и чувство локтя развито у них больше. Мне они напоминали первопроходцев и покорителей Дикого Запада, и немудрено — ведь они добровольно взялись выполнять программы снижения плотности населения и освоения ресурсов океана. В гостеприимстве им тоже не откажешь, — несмотря на загруженность работой, они принимают туристов.

Например, меня.

Я плавал на субмаринах и просто в водолазном костюме, осматривал шахты, сады, жилые и административные корпуса. Я навсегда запомнил красоту Нового Эдема, запомнил его отважных жителей, запомнил, как выглядит море над головой (наверное, так насекомое видит небо фасеточными глазами. Или нет: так может

выглядеть глаз гигантского насекомого, глядящего на тебя сверху. Да, второе сравнение точнее). Похоже, море, окружающее со всех сторон, воздействует на психику, пробуждая мятежный дух. Подчас я ловил себя на этом.

Новый Эдем — не совсем «рай под колпаком», и он определенно не для меня. Но всякий раз, когда я думаю о том, стоило ли рождаться на свет, и пытаюсь заново осмыслить уроки, которые дала мне жизнь, он всплывает из глубин подсознания, играя всеми красками радуги, и тотчас исчезает, оставляя сумятицу чувств.

Зная, что через секунду пузырь лопнет, я затаил дыхание и раздавил окурок в пепельнице.

Каково быть единственным на свете человеком, которого не существует? Вопрос непростой. Трудно обобщать, располагая опытом только одной жизни — твоей собственной. Правда, моя жизнь оказалась весьма необычной, я бы даже сказал — уникальной.

Когда-то я программировал компьютеры. С них-то все и началось.

Однажды я узнал нечто весьма необычное. И тревожное. Я узнал, что скоро весь мир окажется «под колпаком».

Каким образом это случится?

О, это дело тонкое. Сейчас на каждого человека заведено «электронное досье». В нем содержатся сведения о рождении, образовании, семейном положении, путешествиях, переменах места жительства и тому подобном. Регистрируется каждый шаг от рождения до смерти. Хранятся эти «досье» в так называемом Центральном банке данных, появление которого вызвало большие перемены в жизни общества. И не все они (в этом я сейчас абсолютно уверен) были к лучшему.

Одним из весельчаков, создававших эту систему, был я.

Признаюсь, пока все шло хорошо, я не очень-то задумывался о последствиях. А когда хватилась, было уже поздно что-либо менять.

Проект, в разработке которого я участвовал, предусматривал объединение всех существующих банков данных. Это обеспечивало доступ из любого уголка планеты к любой информации — надо только набрать на клавиатуре компьютера код, соответствующий данному уровню секретности.

Я никогда не стремился служить абсолютному добру или абсолютному злу. Но в тот раз мне казалось, что я близок к первому. Проект сулил великолепные результаты.

Я считал, что в наши чудесные электрифицированные дни такая система просто необходима. Только представьте себе: где бы вы ни были, у вас есть доступ к любой книге, или фильму, или научной лекции, или к любым статистическим сведениям.

Кстати, о статистике. Ее вы теперь не сможете обмануть, потому что ваше досье открыто для всех заинтересованных лиц. Любое коммерческое или правительственное учреждение сможет навести справки о состоянии вашего имущества, банковских счетах и обо всех ваших тратах; следовательно, подозревающий вас в том или ином нарушении закона, без труда выяснит, где и с кем вы находились в момент преступления, проследив за вашими платежами и перемещением в общественном транспорте. Вся ваша жизнь развернется перед ним, как схема нервной системы человека в кабинете невропатолога.

Признаюсь, поначалу эти перспективы вдохновляли меня. Во-первых, система обещала положить конец преступлениям. Лишь безумец, рассуждал я, отважится нарушить закон, зная, что у него нет ни единого шанса уйти от наказания. Но и безумца можно вовремя остановить, если в его электронном досье содержится необходимая медицинская информация.

Кстати, о медицине. Теперь малейшее изменение в состоянии вашего здоровья не ускользнет от внимания врачей. Подумайте о всех тех болезнях, которые поддаются лечению только в начальной стадии. Подумайте о продлении срока вашей жизни!

Подумайте о мировой экономике. Какой прогресс ожидает ее, если будет известно, где находится и для чего служит каждый десятицентовик!

Подумайте о решении проблемы транспорта. Вообразите, что весь транспорт мира — сухопутный, воздушный, морской — действует как единый прекрасно отлаженный механизм...

Мне грезился приход золотого века...

Чушь!

Мой однокашник, имевший кое-какие связи с мафией и с университетской скамьи пересевший не куда-нибудь, а за стол кабинета в Федеральном управлении финансов, поднял меня на смех.

— Ты всерьез думаешь, что можно регистрировать все банковские вклады и следить за всеми сделками?

— Всерьез.

— Между прочим, швейцарские банки никого не допускают к своей документации. Не забывай о существовании матрасов, а также ям на задних дворах. Никому не под силу сосчитать, сколько денег ходит по свету.

Прочитав несколько научных статей на эту тему, я понял, что мой приятель прав. В своей деятельности, касающейся экономики, мы опирались в основном на приблизительные, усредненные цифры, причем далеко не всегда статистики могли обеспечить нас необходимыми данными. Например, им не удалось выяснить, сколько в мире незарегистрированных судов.

Статистика не в состоянии учитывать то, о чем у нее нет сведений.

Следовательно, имея неучтенные деньги, вы можете построить неучтенный корабль и жить на нем. На Земле много морей, и вряд ли контроль за транспортом будет таким совершенным, как мне казалось вначале.

А медицина? Врачи — тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Например, лень. Вряд ли каждый из них будет добросовестно вести историю болезни каждого из своих пациентов, — особенно если пациент предпочтет платить за лекарство наличными, не требуя квитанции.

Выходит, я упустил из виду человеческий фактор? Пожалуй.

Все люди делятся на тех, кому есть что скрывать, тех, кому просто не нравится, если о них знают слишком многое, и тех, кому скрывать нечего. А наша система, похоже, рассчитана только на последних. Это значит, она будет далеко не идеальна.

Да и ее создание, по-видимому, встретит некоторые трудности. Вполне можно ожидать недовольства и даже открытого противодействия, причем на самом высоком уровне...

Но открытого противодействия нам почти не оказывали, и работа по проекту шла полным ходом. Когда я разработал систему связи между метеостанциями, метеоспутниками и Центральным банком данных, меня назначили старшим программистом.

К тому времени я узнал достаточно, чтобы к моим опасениям добавились новые. Неожиданно я обнаружил, что работа уже не приносит мне удовлетворения. Это открытие побудило меня как следует задуматься о последствиях нашей деятельности.

Мне не запрещали брать работу на дом. Похоже, никто не заподозрил, что дело тут не в самоотверженности, а в желании узнать о проекте все, что только можно. Неправильно расценив мои действия, меня снова повысили в должности.

Это весьма обрадовало меня, поскольку расширяло доступ к информации. Затем, по разным обстоятельствам (смерть, повышение в должности, увольнение некоторых сотрудников), значительно изменился кадровый состав нашего института. Перед пай-мальчиками открылась зеленая улица, и я за короткий срок значительно продвинулся вверх по служебной лестнице.

Я стал консультантом самого Джона Колгейта.

Однажды, когда мы были почти у цели, я поделился с ним своими тревогами. Я сказал этому седому человеку с болезненным цветом лица и близорукими глазами, что мы, быть может, создаем чудовище, которое отнимет у людей личную жизнь.

Он долго смотрел на меня, поглаживая пальцами розовое пресс-папье из коралла, и наконец признал:

— Возможно, ты прав. Что намерен предпринять?
Я пожал плечами:

— Не знаю. Просто хотел сказать, что не уверен в полезности нашей работы.

Вдохнув, он повернул вращающееся кресло и устался в окно. Вскоре мне показалось, что он уснул. Колгейт любил вздремнуть после ленча.

Но вдруг он заговорил:

— Уж не думаешь ли ты, что я не выслушивал эти доводы по меньшей мере тысячу раз?

— Допускаю. И меня всегда интересовало, как вы их разбиваете.

— Никак, — буркнул он. — Я чувствовал, что так будет лучше. Пускаться в дискуссию — себе дороже. Может быть, я не прав, но рано или поздно не мы, так другие разработали бы способы регистрации всех основных характеристик такого сложного общества, как наше. Если ты видишь другой выход, более приемлемый, — скажи.

Я промолчал. Закурив сигарету, я ждал, когда он снова заговорит.

Он заговорил:

— Ты когда-нибудь подумывал о том, чтобы уйти в тень?

— Что вы имеете в виду?

— Уволиться. Бросить работу.

— Не уверен, что правильно понял...

— Дело в том, что сведения о разработчиках «системы» поступят в нее в самую последнюю очередь.

— Почему?

— Потому что я так хочу. Потому что в один прекрасный день ко мне придет кто-нибудь другой и задаст эти же проклятые вопросы.

— А до меня вам их задавали?

— Если и задавали, какое это имеет значение?

— Если я правильно понял, вы можете уничтожить сведения обо мне, прежде чем они поступят в Центральный?

— Да.

— Но без данных об образовании и трудовом стаже я не смогу устроиться на работу.

- Это твоя личная проблема.
 - А что я куплю без кредитной карточки?
 - Думаю, у тебя найдутся наличные.
 - Все мои деньги в банке.
- Он повернулся ко мне с ухмылкой.
- Ну... не все, — признал я.
 - Так как?

Пока Колгейт раскуривал трубку, я молчал, глядя сквозь клубы дыма на его белоснежные бакенбарды. Интересно, всерьез он это предлагает? Или издевается?

Словно в ответ на мои мысли, он встал, подошел к бюро и выдвинул ящик. Порывшись в нем, вернулся со стопкой перфокарт размерами с колоду для покера.

— Твои. — Он бросил перфокарты на стол. — На будущей неделе все мы войдем в «систему». — Пустив колечко дыма, он уселся. — Возьми их с собой и положи под подушку, — продолжал он. — Поспи на них. Реши, как с ними быть.

- Не понимаю.
- Я их тебе отдаю.
- А если я их разорву? Что вы сделаете?
- Ничего.
- Почему?
- Потому что мне все равно.
- Неправда. Вы — мой начальник. «Система» —

ваше детище.

Колгейт пожал плечами.

— Сами-то вы верите, что «система» так уж необходима?

Опустив глаза, он глубоко затянулся и ответил:

— Сейчас я не так уверен в этом, как прежде.

— Я вычеркну себя из общества, если поступлю согласно вашему совету.

- Это твоя личная проблема.
- Немного поразмыслив, я сказал:
- Давайте карты.

Он придвинул их ко мне.

Я спрятал колоду во внутренний карман пиджака.

- Как ты теперь поступишь?
- Как вы и предложили. Положу под подушку.

— Если не решишься, позаботься, чтобы ко вторнику они были у меня.

— Разумеется.

Он улыбнулся и кивнул, прощаясь.

Я принес перфокарты домой. Но спать не лег.

Спать я не мог и не хотел. Какое там спать — я думал! Думал целую вечность, во всяком случае — всю ночь напролет. Расхаживал по комнате и курил. Шуточное ли дело — жить вне «системы»? Можно ли вообще существовать, если сам факт твоего существования нигде не зарегистрирован?

Часам к четырем утра я пришел к выводу, что вопрос не грех сформулировать и по-другому: что бы я ни натворил, как об этом узнает «система»?

После этого я уселся за стол и тщательно разработал кое-какие планы. Утром, разорвав каждую перфокарту пополам, я сжег их и перемешал пепел.

— Садись, — велел тот, что повыше, указывая на стул.

Я сел.

Они обошли вокруг меня и встали позади. Я задержал дыхание и попытался расслабиться. Прошло чуть больше минуты. Затем:

— Расскажи нам все как есть.

— Я устроился сюда через бюро по найму, — начал я. — Работа мне подошла. Приступил к своим обязанностям и повстречал вас. Вот и все.

— До нас доходили слухи — и мы склонны им верить, — что правительство, исходя из соображений безопасности, иногда создает в Центральном фиктивную личность. Затем под этим прикрытием начинает действовать агент. Наводить о нем справки бессмысленно — в его досье предусмотрено все.

Я промолчал.

— Такое возможно?

— Да, — ответил я. — Слухи действительно ходят.

А как там на самом деле, я не знаю.

— Ты не признаешь себя таким агентом?

— Нет.

Они пошептались, затем я услышал щелчок замка металлического чемоданчика.

— Ты лжешь.

— Нет, не лгу! Я, может быть, двух человек от смерти спас, а вы оскорбляете! Что я такого сделал?

— Мистер Швейцер, вопросы задаем мы.

— Ну, как хотите. Просто мне непонятно. Возможно, если вы объясните...

— Закатай рукав. Все равно какой.

— Это еще зачем?

— Затем, что я приказываю.

— Что вы намерены сделать?

— Укол.

— Вы что, из медико-санитарной службы?

— Откуда мы — тебя не касается.

— В таком случае я отказываюсь. Когда вас сцапает полиция, не знаю уж, по каким причинам... так вот, когда вас сцапает полиция, я позабочусь, чтобы у вас были неприятности и с Медицинской ассоциацией.

— Пожалуйста, закатай рукав.

— Протестую! — Я закатал рукав. — Если вы решили меня убить, знайте: ваша игра окончена. Убийство — дело нешуточное. Если же вы меня не убьете, я этого так не оставлю. Рано или поздно я до вас доберусь, и тогда...

Тут меня будто оса ужалила в плечо.

— Что это?

— Препарат ТЦ-6. Возможно, ты слышал о нем. Сознание ты не потеряешь, так как нам понадобится твоя способность мыслить логически. Но честно ответишь на все вопросы.

Мое хихиканье они, несомненно, объяснили воздействием «сыворотки».

Я возобновил дыхательные упражнения по системе йогов, — они не могли нейтрализовать препарат, но повышали тонус. Быть может, именно они дали мне несколько необходимых секунд на концентрацию воли. Помогала и отрешенность от внешнего мира, которую я всячески в себе поддерживал.

О препаратах типа ТЦ-6 я был наслышан. От них восприятие становится буквальным. Остается способ-

ность логически рассуждать, но полностью утрачивается способность лгать. Но я надеялся обойти все пороги, отдавшись течению. К тому же в запасе у меня был один хитрый трюк.

Больше всего я не люблю ТЦ-6 за побочные эффекты, сказывающиеся на сердце.

Действия укола я не чувствовал. Все было как преждему, но я понимал: это иллюзия. Увы, взять подходящее противоядие из самой обыкновенной на вид аптечки в тумбочке я не мог.

— Ты слышишь меня?

— Да, — донесся мой собственный голос.

— Как тебя зовут?

— Альберт Швейцер.

За моей спиной раздались два коротких вдоха. Парень, который повыше, шикнул на своего приятеля, хотевшего что-то спросить.

— Чем ты занимаешься?

— Ремонтом оборудования.

— Чем еще?

— Многим. Я не понимаю...

— Ты работаешь на правительство? На правительство какой-нибудь страны?

— Я плачу налоги, а следовательно, работаю на правительство. Да.

— Я имел в виду не это. Ты — секретный агент?

— Нет.

— Агент, но не секретный?

— Нет.

— Кто же ты?

— Инженер. Обслуживаю технику.

— А еще кто?

— Я не...

— Кто еще? На кого ты работаешь, кроме руководителей проекта?

— На себя.

— Что ты имеешь в виду?

— Моя деятельность направлена на поддержание моего экономического и физиологического благополучия.

— Я спрашивал о других твоих хозяевах. Они существуют?

— Нет.

— Похоже, он чист, — раздался голос второго.

— Возможно, — буркнул первый и обратился ко мне. — Как бы ты поступил, если бы в будущем встретил меня где-нибудь и узнал?

— Отдал бы в руки правосудия.

— А если бы это не удалось?

— Тогда я постарался бы причинить вам серьезные телесные повреждения. Возможно, я даже убил бы вас, если бы мог выдать убийство за несчастный случай при самообороне.

— Почему?

— Потому что я заинтересован в сохранении моего здоровья. Поскольку сейчас вы наносите ему ущерб, есть возможность, что в будущем вы предпримете новую попытку. Я не намерен этого допустить.

— Сомневаюсь, что это повторится.

— Ваши сомнения для меня ничего не значат.

— Ты совсем недавно спас двух человек, а теперь хладнокровно рассуждаешь об убийстве.

Я промолчал.

— Отвечай!

— Вы не задали вопроса.

— Может, он невосприимчив к «психотропам»? — спросил второй.

— Мне о таком слышать не приходилось. А тебе? — Последняя фраза адресовалась мне.

— Не понял вопроса.

— Этот препарат не лишил тебя возможности ориентироваться во всех трех сферах. Ты знаешь, кто ты, где ты и когда. Тем не менее препарат подавляет твою волю, и ты не можешь не отвечать на мои вопросы. Человеку, который часто подвергается инъекциям «сыворотки правды», иногда удается преодолеть ее воздействие, мысленно перефразируя вопросы и отвечая на них правдиво, но буквально. Скажи, ты это делаешь?

— Ты уверен, что правильно задаешь вопросы? — вмешался второй.

— Ладно, спроси ты.

— Тебе приходилось употреблять наркотики? — обратился он ко мне.

— Да.

— Какие?

— Аспирин, никотин, кофеин, алкоголь...

— «Сыворотку правды», — подсказал второй. — Средства, развязывающие язык. Тебе когда-нибудь приходилось их употреблять?

— Да.

— Где?

— В Северо-западном университете.

— Почему?

— Я добровольно участвовал в серии экспериментов.

— На какую тему?

— Воздействие наркотических препаратов на сознание.

— Мысленные оговорки, — сказал второй приятелю. — Думаю, он натренирован. Хотя это совсем не легко.

— Ты способен побороть «сыворотку правды»? — спросил первый.

— Я не понимаю.

— Ты способен лгать? Сейчас?

— Опять ошибочный вопрос, — заметил тот, что пониже. — Он не лжет. В буквальном смысле все его ответы правдивы.

— Как же нам добиться от него толку?

— Понятия не имею.

Они снова обрушили на меня град вопросов и в конце концов зашли в тупик:

— Он меня допек! — пожаловался тот, что пониже. — Так мы его и за неделю не расколем.

— А стоит ли?

— Нет. Все его ответы — на пленке. Теперь дело за компьютером.

Близилось утро, и я чувствовал себя превосходно, чему немало способствовали вспышки холодного пламени в затылочной части мозга. Я подумал, что сумею разок-другой соврать, если поднапрягусь.

За иллюминаторами серел рассвет. Должно быть, меня допрашивали часов шесть, не меньше. Я решил рискнуть.

— В этой каюте есть «жучки».

— Что? Что ты сказал?

— По-моему, корабельная служба безопасности следит за всеми техниками, — заявил я.

— Где эти «жучки»?

— Не знаю.

— Надо найти, — сказал тот, что повыше.

— А какой смысл? — прошептал тот, что пониже, и я его зауважал, поскольку подслушивающие устройства не всегда улавливают шепот. — Они здесь установлены задолго до нашего прихода. Если, конечно, вообще установлены.

— Может, от нас ждут, что мы сами повесимся? — проворчал его приятель. Тем не менее он обшарил взглядом каюту.

Не встретив возражений, я дотащился до койки и рухнул ничком. Моя правая рука как будто случайно скользнула под подушку. И нащупала пистолет. Вытащив его, я опустил рычажок предохранителя. Затем уселся на кровати, направив пистолет на гостей.

— Вот так-то, олухи. Теперь я буду спрашивать, а вы — отвечать.

Тот, что повыше, потянулся к поясу, и я выстрелил ему в плечо.

— Следующий? — Я сорвал глушитель, сделавший свое дело, и заменил его подушкой.

Тот, что пониже, поднял руки и посмотрел на напарника.

— Назад, — велел я ему.

Он кивнул и отступил.

— Сядьте, — приказал я обоим.

Они сели.

Я обошел их и встал сзади. Забрал у них оружие

— Дай руку, — велел я тому, что повыше.

Пуля прошла навывлет. Я продезинфицировал и перевязал рану. Потом сорвал с гостей платки и внимательно рассмотрел лица, оказавшиеся совершенно незнакомыми.

— Ну ладно, — вздохнул я. — Что вас сюда привело? Почему вы спрашивали о том, о чем вы спрашивали?

В ответ — молчание.

— У меня меньше времени, чем было у вас. Поэтому я вынужден привязать вас к стульям. Признаюсь, я не расположен валять дурака, а поэтому не буду накачивать вас наркотиками.

Достав из аптечки катушку лейкопластыря, я надежно привязал пленников к стульям. Потом закрыл дверь на цепочку.

— На этом корабле переборки кают — звуконепроницаемые, — заметил я, пряча пистолет. — А насчет «жучков» я соврал. В общем, захочется покричать — не стесняйтесь. Но лучше воздержитесь, потому что каждый вопль будет стоить вам сломанного пальца. Так кто вы такие?

— Я — техник, обслуживаю челнок, — ответил тот, что пониже. — Мой друг — пилот.

За это признание он получил от напарника злобный взгляд.

— Ладно, — кивнул я. — Раньше я вас здесь не встречал, так что поверю. А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить на следующий вопрос: кто ваш настоящий хозяин?

У меня было перед ними преимущество: я работал на себя, как независимый подрядчик. В то время я действительно носил имя Альберт Швейцер, так что лгать на допросе мне не пришлось. Я всегда полностью вживаюсь в образ. Если бы гости спросили, как меня звали раньше, ответ, возможно, был бы совершенно иным.

— Кто дергает за нитки? — спросил я.

Молчание.

— Ну ладно, раз вы по-хорошему не понимаете...

Две головы повернулись ко мне.

— Чтобы получить несколько ответов, вы намеревались причинить ущерб моему здоровью, — пояснил я. — Не обессудьте, если я отыграюсь на вашей анатомии. Бьюсь об заклад, что получу от вас два-три приказания. Я подойду к делу чуточку серьезнее, чем вы. Просто-напросто буду пытаться вас, пока не заговорите.

— Не сможете, — сказал тот, что повыше. — У вас низкий индекс жестокости.

Я невесело усмехнулся.

— Посмотрим.

Легко ли, по-вашему, прекратить свое существование и вместе с тем продолжать его? Я решил эту задачу без особого труда. Но мне проще: я с самого начала участвовал в разработке «системы», и мне доверяли.

Разорвав свои перфокарты, я вернулся на рабочее место. Делая вид, что тружусь над новой темой, я искал и наконец нашел безопасный терминал. Он находился в холодных краях, на метеорологической станции «Туле».

Хозяйничал на ней один забавный старикан, великий любитель рома. Как сейчас помню тот день, когда я высадился с «Протей» на берег бухты и пожаловался старику на жестокость морей.

— Можешь отдохнуть у меня, — предложил он.

— Спасибо.

Он проводил меня на станцию, накормил, потолковал со мной о морях и о погоде. Потом я принес с «Протей» ящик «бакарди» и поставил его на пол.

— Я вижу, тут все автоматизировано, — заметил я.

— Точно.

— Так какого черта тебя здесь держат?

Старик рассмеялся.

— Мой дядя был сенатором. Надо было куда-нибудь меня пристроить, вот и подыскали это местечко. — Он потянул меня за рукав. — Пошли, глянем на твой кораблик, нет ли где течи.

Мы поднялись на «Протей» — приличных размеров яхту с каютой и мощными двигателями — и осмотрели ее.

— Побился с друзьями об заклад, — объяснил я старику, — что дойду до полюса и привезу доказательство.

— Сынок, да ты спятил!

— Знаю, но все равно дойду.

— А что? Может, и дойдешь. Когда-то и я был таким же — легким на подъем, и здоровьем Бог не обидел. А ты, небось, подрастратил силенки напоследок, а? — Он пригладил прокуренную и просоленную бороду и ухмыльнулся.

— Было дело, — буркнул я. — Ты пей.

Мне не хотелось, чтобы он наталкивал меня на мысли о Еве.

Он выпил, и на некоторое время разговор увял.

Она была не такая. Я имею в виду, мне нечего было рассказать о ней старому похабнику.

А расстались мы с ней четыре месяца назад. Не по религиозным и не по политическим причинам. Все было гораздо глубже.

Поэтому я наврал ему о выдуманной девице, и он остался доволен.

Я повстречал Еву в Нью-Йорке, где занимался тем же, чем и она, — отдыхал. Ходил на спектакли, фото-выставки и тому подобное. Она — рослая, с коротко подстриженными светлыми волосами. Я помог ей найти станцию метро, вместе с ней спустился и поднялся, пригласил пообедать и был послан к черту.

Сцена:

— Я к этому не привыкла.

— Я тоже. Но голод не тетка. Так пойдем?

— За кого вы меня принимаете?

— За интересную собеседницу. Мне одиноко.

— По-моему, вы не там ищете.

— Возможно.

— Я вас совсем не знаю!

— Я вас тоже. Но, надеюсь, спагетти под мясным соусом и бутылочка кьянти помогут нам решить эту проблему.

— А вы не будете ко мне приставать?

— Нет. Я смирный.

— Ладно, уговорили. Ведите.

День ото дня мы становились все ближе. Мне было плевать, что она живет в одном из этих крошечных сумасшедших «пузырьков». Я был достаточно либерален и считал, что если пропагандой строительства подводных

городов занимается клуб «Сьера», значит, такие города действительно необходимы.

Наверное, надо было отправиться с ней, когда закончился ее отпуск. Она звала.

В Нью-Йорке я бывал нечасто. Как и Ева, я приплыл туда, чтобы посмотреть на Большую Землю.

Надо было сказать ей: «Выходи за меня замуж». Но она не согласилась бы предать свой родной «пузырь», а я не согласился бы предать свою мечту. Я хотел жить в огромном мире над волнами и уже знал, что для этого необходимо.

Правда, до рождественских открыток я в то время еще не додумался.

Я обожал эту синеглазую ведьму из морской пучины, и теперь понимаю: надо было все-таки уступить. Черт бы побрал мой независимый характер. Если бы мы с ней были нормальными людьми... Но мы не были нормальными людьми, вот в чем беда.

Ева, где бы ты ни была, я не скажу о тебе дурных слов. Надеюсь, ты счастлива с Джимом, или Беном, или как его там...

— Пей, — повторил я. — Попробуй с кока-колой. Я осушил стакан коки, он — коки с двойной порцией «бакарди».

При этом он жаловался на скуку.

— Подбирается ко мне, проклятая, — вздыхал старик.

— Ну ладно, пора и на боковую, — сказал я.

— Пора так пора. Можешь ложиться на мою койку, мистер Хэмингуэй.

— Спасибо, дружище.

— Я тебе показал, где одеяла?

— Да.

— Ну, тогда спокойной ночи, Эрни.

— Спокойной ночи, Билл. Завтрак за мной.

— Идет.

Зевая, он побрел прочь.

Я выждал полчаса и принялся за работу.

С его метеостанции можно было выйти непосредственно на Центральный. Я хотел сделать аккуратную вставку в программу. На пробу.

Спустя некоторое время я понял: получилось! Теперь я могу поместить в Центральный любую информацию, и никто не поставит ее под сомнение!

В тот вечер я казался себе чуть ли не богом.

Ева, быть может, зря я не выбрал другой путь.

Утром я помог Биллу Меллингсу справиться с похмельем, и он ничего не заподозрил. Мне отрадно было сознавать, что у этого славного старика не возникнет неприятностей, даже если кто-нибудь мною заинтересуется. Потому что дядя Билла — сенатор в отставке.

А сам я теперь мог стать кем угодно. Мог запросто создать новую личность (год рождения, имя, сведения об образовании и т. д.) и занять приличествующее место в обществе. Для этого требовалось лишь включить передатчик на метеостанции и ввести в Центральный программу. Стоило ненадолго выйти в эфир — и можно было начинать жизнь в любой инкарнации. *Ab initio**.

Ева, я хотел быть с тобой! Как жаль, что этому не суждено было сбыться.

Думаю, правительство тоже знает этот трюк и время от времени им пользуется. Но у меня преимущество: правительству неведомо о существовании «независимого подрядчика».

Я знаю многое из того, о чем не следует знать (даже больше, чем необходимо), хотя с уважением отношусь к «детекторам лжи» и «сывороткам правды». Дело в том, что свое подлинное имя я храню за семью замками. Известно ли вам, что полиграф Килера** можно обмануть не менее чем семнадцатью способами? С середины двадцатого века его так и не усовершенствовали.

Лента вокруг грудной клетки и датчики потовыделения, присоединенные к подушечкам пальцев, могли бы дать чудесный эффект, но эти хитроумные устройства пока никем не созданы. Возможно, именно сей-

* Сначала (лат.).

** Детектор лжи.

час над усовершенствованием «детектора лжи» бьются несколько институтов, хотя результатов пока что-то не видать. Я могу сконструировать такой «детектор», который никому на свете не удастся обмануть, — но сведения, добытые с его помощью, в суде по-прежнему будут цениться невысоко. Другое дело — психотропные вещества. Впрочем, они тоже не всемогущи. Например, патологический лжец способен не поддаваться амиталу или пентоталу. Под силу это и человеку, невосприимчивому к наркотикам.

Но что такое «невосприимчивость к наркотикам»?

Вам когда-нибудь приходилось искать работу и проходить тестирование на уровень интеллекта и смекалку? Уверен — приходилось. Сейчас каждый с этим сталкивается (кстати, результаты всех тестов поступают в Центральный). Постепенно вы к этому привыкаете, приобретая качество, которое психологи называют «невосприимчивостью к тестам». То есть вы заранее знаете правильные ответы.

Да, именно так. Вы привыкаете давать ответы, которых от вас ожидают, и осваиваете некоторые приемы, позволяющие выиграть время. Вы утрачиваете страх перед тестами, сознавая, что можете предугадать все ходы противника. Невосприимчивость к наркотикам — явление того же рода. Если вы не боитесь «сыворотки правды», и если раньше вам приходилось испытывать на себе ее воздействие, — вы ей не поддадитесь.

— Я задал вопрос. Отвечайте, черт побери!

Я всегда считал, что страх боли, подкрепляемый самой болью, неплохо развязывает язык. Теперь я решил испробовать это на практике.

Встав спозаранку, я приготовил завтрак. Налил стакан апельсинового сока и потряс старика за плечо.

— Что за черт...

— Завтрак, — сказал я. — Выпей.

Он осушил стакан. Потом мы отправились на кухню и сели за стол.

Глядя на меня поверх яичницы, он буркнул:

— Будет время — заглядывай ко мне. Слышь?

— Загляну, — пообещал я и с тех пор навещался к нему несколько раз, потому что старик мне понравился. За беседой, длившейся все утро, мы осилили три кофейника.

Когда-то он служил врачом на флоте, и практики у него было хоть отбавляй (позднее он извлечет из меня несколько пуль и сохранит это в тайне). Кроме того, он был одним из первых астронавтов. А сейчас, по его словам, ему хотелось быть просто опустившимся старикашкой. Впоследствии я узнал, что лет за шесть до нашей встречи у него умерла от рака жена. Он бросил медицину и стал отшельником.

Мы с ним и сейчас дружим, но все-таки я не открываю ему, что он дал приют самозванцу, подделавшему свою родословную. Я мог бы рассказать ему все как на духу, ведь он из тех, на кого можно положиться. Но я не вправе взваливать на его плечи моральную ответственность за мои темные дела.

Так я стал человеком, которого нет. Хотя при этом у меня появилась возможность стать кем угодно. Сущий пустяк: составить программу и ввести ее в Центральный. Сложнее было другое: раздобыть средства к существованию.

Для этого требовалась работа. Причем такая, за которую хорошо платят. Я привык жить, как мне нравится, *idest** красиво. Это условие значительно сузило сектор поиска и вынудило меня отказаться от множества профессий, которые не противоречат закону. Но я мог обеспечить себя надежной легендой, устроившись на работу по любой специальности, которая не вызывала бы у меня скуки. В конце концов я так и поступил.

Я сообщил Центральному о своей безвременной кончине, и он покорно проглотил «липу». Поскольку родственников я не имел, мой переход в мир иной никому не причинил хлопот.

* То есть (лат.).

Все свое имущество я превратил в наличные и набил ими карманы. Затем я создал себе новую биографию. Выработал множество привычек, этаких причуд, свойственных каждому человеку.

Жил я на борту «Протея», стоявшего на якоре у побережья Нью-Джерси, под прикрытием острова. «Протея» тоже не существовало в природе.

Я трудился не покладая рук и преуспел, став одним из самых удачливых «солдат удачи» на свете.

Я серьезно занялся дзюдо. Как известно, есть три школы этой борьбы: кодокан — чисто японский стиль, будо квай и школа Французской федерации. Два последних стиля похожи на первый, но отличаются более жесткими подсечками, бросками и захватами. Создатели этих школ понимали, что «чистый» стиль был выработан для низкорослых бойцов, в нем главная роль отводится быстроте и точности движений. Поэтому они попытались приспособить базовую технику для рослых спортсменов, допустив применение силы в ущерб точности.

На мой взгляд, это весьма неплохо, потому что я человек рослый и крепкий. Правда, когда-нибудь, возможно, мне придется пожалеть о своей лени. Когда тебе за сорок, силы уходят с каждым годом. Но если ты занимался дзюдо в стиле кодокан, ты и в восемьдесят останешься мастером. Впрочем, быть может, я наберусь терпения и лет через двадцать снова обрету форму. Не такой уж я увалень — во Французской федерации я получил черный пояс.

В свободное от физических упражнений время я прошел курс владения отмычкой. Понадобился не один месяц, чтобы я научился отпирать самый простенький замок. Я и по сей день считаю, что лучше не трогать замок, а выбить дверь ногой, взять, что тебе нужно, и дать деру.

Видимо, я рожден не для того, чтобы стать профессиональным преступником. Криминальный талант дается не каждому.

Я изучал все, что, по моему мнению, могло пригодиться. Изучал и изучаю. И хоть я считаю себя специ-

алистом только в одной науке — науке существования «в тени», — у меня широкая эрудиция.

К тому же я обладаю важным преимуществом перед всеми остальными людьми: меня нет.

Когда мои карманы опустели, я решил обратиться к Дону Уэлшу. Я знал, кто он такой, и надеялся, что он обо мне никогда ничего не узнает. Это решение определило мой *modus vivendi**.

С тех пор прошло более десяти лет, и за это время у меня не возникало претензий к Дону. Правда, пришлось-таки набраться опыта в обращении с отмычками, не говоря уже о наркотиках и «жучках». Но я не жалуясь — работа есть работа.

Не знаю, всерьез они считали, что я блефую, или нет. Замечание о низком уровне жестокости наводило на мысль, что у них был доступ к моему досье в Центральном или к личному делу в сейфе капитана. А если они знакомы с моим личным делом, то наверняка заглядывали и в вахтенное расписание и знают, что скоро мне на вахту. А до Пробуждения остались считанные часы.

Будильник на тумбочке показывал без пяти шесть. В восемь мне предстояло заступить на вахту. Времени, чтобы добиться от гостей правдивых ответов, было в обрез.

Я ждал этой встречи целый месяц, и результат ее целиком зависел от того, удастся ли мне «расколоть» их за два часа.

Я не сомневался, что они будут тянуть время. Они знали, что я не рискну оставить их в каюте на целый день, а единственная альтернатива — выдать их корабельной охране. Но мне этого совсем не хотелось — возможно, на борту у них есть друзья. Либо сами они заранее подстраховались, сделав выводы из неудачи с «Джей-9». Еще одна диверсия — и Пробуждение

* Образ жизни (лат.).

Румоко, намеченное на пятнадцатое сентября, будет отложено.

Чтобы получить деньги, я должен послать Дону Уэлшу посылку. Но мне пока нечего было положить в посылочный ящик.

— Джентльмены! — Я не узнал собственного голоса — по-видимому, затормозились рефлексы. Я перестарался, сдерживая движения и речь. — Джентльмены, пришел мой черед. — Я развернул кресло и уселся, оперев рукоять пистолета на предплечье, а предплечье — на подлокотник кресла. — Однако, прежде чем приступить к делу, я намерен обратиться к вам с речью, направленной, как вы правильно догадываетесь, на то, чтобы склонить вас к откровенности.

Вы не агенты правительства, — продолжал я, переводя взгляд с одного гостя на другого. — Вы представляете здесь интересы частного лица или лиц. Будь вы агентами правительства, вы бы, несомненно, знали заранее, что я таковым не являюсь. Поскольку вы прибегли к крайней форме допроса с пристрастием, у меня есть основания считать, что вы готовы на все. Логика подсказывает мне, что попытка утопить «Джей-9» предпринята вами. Это не случайность, а диверсия, и я уверен в этом, ибо лично сорвал ее. Все вышеизложенное вполне объясняет, почему вы находитесь в моей каюте. Поэтому я не вижу необходимости задавать вам такие вопросы. Я готов допустить, что ваши удостоверения личности — подлинны. В любой момент я могу достать их из ваших карманов, если они там, но ваши имена наверняка ничего мне не скажут. Поэтому я не стану тратить время. Говоря откровенно, я хочу, чтобы вы ответили только на один вопрос, и, возможно, этот ответ не причинит ущерба вашему нанимателю или нанимателям, которые, несомненно, сразу от вас отрекутся. Я хочу знать, на кого вы работаете.

— Зачем тебе это? — хмуро спросил тот, что выше, и я впервые заметил шрам, пересекавший его верхнюю губу.

— Мне любопытно, кого так заинтересовала моя скромная персона.

— Что ты предпримешь, если мы ответим?

Я пожал плечами:

— Возможно, акт личной мести.

Высокий отрицательно покачал головой.

— Ты тоже на кого-то работаешь, — промолвил он. — Если не на правительство, то на лицо, которому мы вряд ли симпатизируем.

— То есть вы признаете, что действовали не по личным мотивам? Если не хотите сказать, кто вас нанял, скажите хотя бы, почему он заинтересован в скрытых проектах.

— Нет.

— Ладно, не буду настаивать. Похоже, вы служите некоей важной особе. Между прочим, я мог бы кое-что предложить в обмен на откровенность.

Тот, что пониже, засмеялся, но напарник обжег его взглядом, и он умолк.

— Хорошо, оставим эту тему, — сказал я. — Нет так нет. Поговорим о другом. Я могу выдать вас корабельной службе безопасности, обвинив только во взломе и проникновении в мою каюту. Могу даже соврать, что вы были пьяны и утверждали, что каюта принадлежит вашему приятелю, с которым вы хотите пропустить по стопочке перед сном. Что скажете?

— Так есть здесь «жучки» или нет, в конце концов? — спросил тот, что пониже. Он выглядел чуть помоложе своего приятеля.

— Конечно, нет, — отозвался тот, что повыше. — Заткнись, сделай милость.

— Что скажете? — повторил я.

Он снова покачал головой.

— В таком случае придется рассказать охране все как есть. Про наркотики, допрос и так далее. Что теперь скажете?

Тот, что повыше, подумал и опять покачал головой.

— Неужели ты это сделаешь?

— Сделаю...

Казалось, он задумался.

— А следовательно, не смогу уберечь вас от болезненных ощущений, как это ни печально. Даже если вы невосприимчивы к наркотикам, все равно больше двух дней не выдержите, потому что кроме «психотропов» к

вам применят все остальные штучки. Рано или поздно вы заговорите. По мне, так лучше рано, ибо я подозреваю, что для срыва проекта вы подготовили кое-какие сюрпризы...

— Черт бы его побрал! Он слишком сообразителен!

— Скажите ему еще разок, чтобы заткнулся, — попросил я того, что повыше. — Он слишком спешит, не дает мне позабавиться... Ну так как? Выкладываете, — продолжал я, выдержав паузу. — Я ведь все равно добьюсь ответа.

— Он прав, — проворчал человек со шрамом. — Ты чересчур сообразителен. По коэффициенту умственного развития и «персональному профилю» этого не скажешь. Могу я тебе кое-что предложить?

— Можете, — кивнул я, — если это «кое-что» будет достаточно весомым. И если заодно вы скажете, от кого исходит предложение.

— Хочешь четверть миллиона долларов наличными? Это максимум того, что я могу дать. За это ты должен отпустить нас и заняться своими делами. И забыть о сегодняшней встрече.

Я обдумал предложение. Не буду лукавить: оно выглядело заманчиво. Но за последние годы через мои руки прошло немало денег, и мне не хотелось сообщать «Частному сыскному агентству Уэлша», с коим я рассчитывал сотрудничать и впредь, о своей неудаче.

— Кто и когда мне заплатит? И чем? И за что?

— Сегодня вечером я смогу выплатить половину суммы, вторую — через неделю, в крайнем случае через десять дней. Чем? Любой валютой, на твое усмотрение. За что? Думаю, ответ ясен: мы у тебя кое-что покупаем.

— Похоже, у вашего босса денег куры не клюют, — заметил я, бросая взгляд на будильник — он показывал шесть пятнадцать. — Увы, я вынужден отклонить ваше предложение.

— Значит, ты служишь не правительству. Агент правительства от денег бы не отказался, но все равно выдал бы нас.

— Подумаешь, открытие! Я сам только что сообщил вам, что не имею отношения к правительству.

— Кажется, мистер Швейцер, мы зашли в тупик.

— Не думаю. Это была только присказка, сказка — впереди. Я вынужден перейти к решительным действиям. Приношу свои извинения, иного выбора у меня нет.

— Ты в самом деле способен на насилие?

— Боюсь, что да. Кстати, хочу вас разочаровать: вчера я малость перебрал и в ожидании сильного похмелья позаботился об отгуле. У меня весь день свободен. Поскольку вы уже получили весьма болезненную рану, можете пока отдохнуть.

Я медленно встал, ничем не выдавая головокружения. Не отвязывая от стула парня, который пониже, я поставил его на ноги, притащил в ванную и усадил под душ. Он несколько раз пытался ударить меня головой, но безуспешно.

— Хочу вкратце изложить мою идею, — сказал я, возвратясь в комнату. — Я как-то раз замерял температуру воды под душем — она меняется в интервале от ста сорока до ста восьмидесяти градусов Фаренгейта. Стоит только расстегнуть на твоём приятеле рубашку и штаны, и он сварится заживо. Уяснил?

— Уяснил.

Я снова прошел в ванную, расстегнул на госте одежду, пустил горячую воду и снова вернулся в комнату. Я уже давно заметил черты сходства в лицах моих собеседников. Это навело меня на мысль, что они родственники.

Когда раздались первые вопли, парню, сидевшему передо мной, не удалось сохранить бесстрастный вид. Он затравленно посмотрел на будильник, потом на меня.

— Будь ты проклят, ублюдок! Выключи воду!

— Кто он тебе? Кузен?

— Родной брат. Выключи воду, бабуин проклятый!

— Охотно выполню твою просьбу, если ты сочтешь возможным поделиться со мной информацией.

— Ладно. Только пусть он останется там. И дверь закрой.

Я стремглав бросился в ванную. В голове у меня почти прояснилось, хотя самочувствие было далеко не идеальным. Перекрывая воду, я ошпарил руку. Оставив жертву корчиться в клубах пара, я затворил дверь и возвратился в комнату.

— Ну? Слушаю.

— Можешь освободить мне руку и дать сигарету?

— Руку — нет, а сигарету — пожалуйста.

— Как насчет правой? Я едва ею шевелю.

— Ладно, — согласился я, подумав, и взял пистолет.

Я зажег сигарету, сунул ее собеседнику в рот. Она выпала. Я поднял ее и снова поднес ко рту гостя.

— Десять секунд тебе на это удовольствие, и — к делу.

Он кивнул, обвел комнату взглядом, глубоко затаился.

— Похоже, тебе не впервой причинять людям боль, — заметил он. — Если ты не агент правительства, то хотел бы я знать, кто приложил руку к твоему досье.

— Я работаю не на правительство.

— Тогда остается только пожалеть, что ты не с нами. Похоже, ты знаешь свое дело.

Он снова бросил взгляд на будильник. Шесть двадцать пять. Но сейчас за этим взглядом, помимо желания узнать время, скрывалось что-то еще. Страх?

— Когда это произойдет? — спросил я наугад.

И тут высокий допустил ошибку.

— Приведи сюда моего брата, — тоскливо произнес он. — Я хочу его видеть.

— Когда это случится?

— Слишком скоро. Ты уже ничего не исправишь.

— Сомневаюсь. Но если ты прав, не стоит особо расстраиваться. Ведь у вас с братом все равно нет выхода.

— Отпусти нас, а? Хочешь, я увеличу сумму?

— Не стоит. Этим ты меня только расстроишь. Я ведь все равно не соглашусь. Ну, мне пора. Надо торопиться.

— Как знаешь. Об одном прошу: приведи его сюда и окажи первую помощь.

Я выполнил просьбу.

— Придется вам, ребята, еще немного посидеть здесь. — Я погасил сигарету старшего и привязал его запястье к стулу. Затем направился к выходу.

— Ты же не знаешь! Ты ничего не знаешь! — крикнул старший мне вслед.

— Не стоит себя обманывать, — бросил я через плечо.

Я не знал. Действительно, не знал.

Но догадывался.

Решительным шагом пройдя по коридорам, я забарабанил в дверь каюты Кэрол Дейт. Спустя некоторое время раздалось приглушенное ругательство, и дверь отворилась. За ней, моргая спросонья, стояла Кэрол в просторном халате и ночном чепце.

— Тебе чего?

— Да так, поболтать о том, о сем. Можно войти?

— Нет! — отрезала она. — Я не привыкла к...

— Диверсиям, — подхватил я. — Знаю. Вот я и хотел бы потолковать о диверсиях, которые, между прочим, еще не закончились.

— Входи. — Кэрол распахнула дверь и шагнула в сторону.

Я вошел.

Она затворила дверь и сказала, прислонясь к ней спиной:

— Слушаю.

В каюте светился только ночник, кровать была не убрана.

— Пожалуй, вчера я не все тебе рассказал, — признался я. — Да, это была диверсия, и мне удалось разрядить мину. Слава Богу, все обошлось, но на этом неприятности не кончились. Сегодня — исторический день, и сегодня будет предпринята последняя попытка, уверен. Возможно, я знаю, когда и где это случится.

— Сядь, — велела она.

— Между прочим, времени в обрез.

— Все-таки будь любезен, посиди. Мне надо одеться.

Кэрол вышла в соседнюю комнату, оставив дверь открытой. Впрочем, друг от друга нас отгораживала

стенка. Ей не о чем было беспокоиться, если она доверяла мне. А она, похоже, доверяла.

— Что ты узнал? — спросила она, шурша одеждой.

— Мне кажется, к одному из наших атомных зарядов подсоединено взрывное устройство, так что петух кукарекнет раньше срока.

— Почему тебе так кажется?

— Потому что в моей каюте сидят двое парней, привязанные к стульям. Их очень заинтриговал случай с «Джей-9», и они всю ночь пытались меня разговорить.

— Вот как?

— Они вели себя очень грубо.

— Дальше.

— Когда мы поменялись ролями, я тоже не стал миндальничать. Я заставил их говорить.

— Как тебе это удалось?

— Тебя не касается. Короче говоря, я думаю, надо еще разок проверить заряды.

— Могу я забрать этих людей из твоей каюты?

— Разумеется.

— Как ты сумел с ними справиться?

— Они не знали, что у меня пистолет.

— Понятно. Между прочим, я тоже не знала. Ладно, мы их заберем. Так ты утверждаешь, что задержал их и вынудил признаться?

— В некотором роде. И да и нет. Только это не для протокола. Кстати, твоя каюта прослушивается?

Она вернулась в спальню, кивнула и приложила палец к губам.

— Не пойти ли нам куда-нибудь? — спросил я.

— Иди к черту! — В черных облегающих брючках и блузке в шахматную клетку Кэрл выглядела потрясающе. Я понял, что она неверно истолковала мои слова, — я ведь имел в виду совсем не то, что могло прийти в голову какому-нибудь идиоту, например, правительственному агенту, подслушивающему наш разговор.

— Я в том смысле, что надо спешить, — пояснил я. — Не хочу, чтобы из-за нашей нерасторопности все пошло прахом.

— Не волнуйся. Между прочим, в последнее время я повстречала несколько *rara avis** — да, я решаю кроссворды в «Нью-Йорк таймс», — и ты — одна из этих птичек. Ты совершаешь неожиданные поступки, но, судя по всему, знаешь, что делаешь. Мы уже имели дело с людьми, которые превосходно ориентируются в ситуации и в критическую минуту вступают в игру. Так ты считаешь, что сброшенный с борта нашего корабля атомный заряд взорвется раньше времени от устройства, поставленного диверсантами?

— Верно. — Я глянул на свои часы — стрелка приближалась к семи. — Держу пари, осталось меньше часа.

— Бомба пойдет через несколько минут, — сказала она.

— И что ты намерена предпринять?

Кэрол подошла к столику возле кровати и взяла телефонную трубку.

— Мостик? Прекратить отсчет. — Затем: — Соедините меня со службой безопасности... Сержант, прошу арестовать двух человек. — Она посмотрела на меня. — Номер каюты?

— Шесть-сорок.

— Шесть-сорок, — повторила она в микрофон. — Да, спасибо. — Кэрол положила трубку. — О них позаботятся, — пообещала она мне. — Ты сказал, заряд может взорваться раньше срока?

— Именно это я и сказал. Причем дважды.

— Сможешь его обезвредить?

— Если мне предоставят необходимое. Но ты, наверное, предпочтешь вызвать...

— Пойди и возьми! — велела она.

— Хорошо.

Я пошел, куда требовалось, и взял, что требовалось. Через пять минут вернулся в каюту Кэрол с тяжелым свертком на плече.

— Пришлось расписаться кровью. Почему бы тебе не пригласить толкового физика?

* Редких птиц (лат.).

— Мне нужен ты, — возразила она. — Ты участвуешь в игре с самого начала. Ты знаешь, что делаешь. Чем меньше народу будет в курсе наших дел, тем лучше.

— Веди. — Я отправился за ней следом.

По пути я посмотрел на часы. Семь ноль-ноль.

Через десять минут я выяснил, который из трех рядов — с «сюрпризом». Диверсанты воспользовались моторчиком на батарееке от детского конструктора. Моторчик приводился в действие стандартным часовым механизмом. Он должен был отодвинуть свинцовую заслонку. Если бы это случилось, проклятая бомба обязательно бы взорвалась.

Я провозился с ней меньше пяти минут.

Потом мы стояли возле фальшборта. Я опирался на планшир.

— Хорошо, — сказал я.

— Не то слово, — улыбнулась Кэрл.

Мы помолчали.

— Пока ты занимаешься подобными делами, — заговорила она наконец, — держи ухо востро. Скоро ты станешь объектом моего самого пристального внимания.

— Чего мне бояться? Я чист, как первый снег. Или как лебяжий пух.

— Ты ненастоящий, — возразила она. — Таких, как ты, не бывает.

— Вынужден тебя разочаровать. Потрогай меня — и убедишься, что я вполне реален.

— Если однажды в полночь ты не превратишься в лягушку, тебя, возможно, сумеет полюбить какая-нибудь девушка.

— Где мне найти такую глупую девушку?

Вместо ответа я получил странный взгляд, но не стал ломать голову над его значением. Потом она посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты — моя неразгаданная тайна. Ты похож на отголосок минувшей эпохи.

— Может быть, ты и права. Как насчет того, чтобы оставить меня в покое? Я ведь ничего плохого не сделал.

— У меня служба. С другой стороны, ты прав. Ты помог нам, не нарушив при этом никаких запретов, если не считать случая с «Джей-9», да и вряд ли это можно назвать нарушением. Но ведь я должна отправить начальству рапорт, а в нем соответствующим образом изложить твои действия. Увы, я не могу отпустить тебя так просто.

— Я и не прошу.

— Чего же ты от меня хочешь?

Я не боялся, что сведения о моей деятельности на борту «Аквины» поступят в Центральный. Как только это случится, я сумею их стереть. Но прежде, чем они попадут в память компьютера, с ними ознакомится уйма людей, а это мне совсем ни к чему.

— Чем меньше народу будет в курсе наших дел, тем лучше, — повторил я слова Кэрл. — Если один человек потихоньку выйдет из игры, никто этого не заметит.

— Ошибаешься.

— Ладно. Предположим, я доброхот, решивший вам помочь.

— Вот это уже лучше.

— В таком случае почему бы нам не придерживаться этой версии?

— Не вижу особых проблем.

— Ты согласна?

— Посмотрю, что можно сделать. Когда у тебя закончится срок контракта, чем собираешься заняться?

— Пока не знаю. Махну куда-нибудь отдохнуть.

— Один?

— Возможно.

— Знаешь, а ты мне нравишься. Постараюсь избавить тебя от неприятностей.

— Буду весьма признателен.

— Похоже, у тебя на все готов ответ.

— Спасибо.

— Как насчет девушки?

— В смысле?

— Могла бы тебе пригодиться девушка?

— По-моему, у тебя очень даже неплохая работа.

— Да, но дело не в этом. Так нужна она тебе или нет?

— Кто — она?

— Хватит валять дурака! Девушка, кто же еще?

— Нет.

— Вот как?

— Слушай, не мели чепухи. На кой черт мне подружка из спецслужбы? Неужели я поверю, что ты решила связать судьбу с незнакомцем?

— Я видела тебя в деле, ты настоящий парень. Да, я могла бы связать с тобой судьбу.

— Это самое необыкновенное предложение в моей жизни.

— Решай быстрее, — сказала она.

— Ты сама не знаешь, что говоришь.

— А что, если я к тебе равнодушна?

— Ну да, я же спас твою бомбу.

— Я не о благодарности! — рассердилась Кэрл. —

Впрочем, за бомбу спасибо. Ладно, нет так нет.

— Постой! Дай хоть немного подумать.

— Пожалуйста. — Она отвернулась.

— О черт! Ладно, давай поговорим откровенно. Ты мне нравишься, хоть я и убежденный холостяк с многолетним стажем. Ты — загадка.

— Посмотрим на это под другим углом, — сказала она. — Ты не такой, как все. Я тоже хочу быть не такой, как все.

— Например?

— Например, хочу дурачить компьютер и чтобы это сходило мне с рук.

— А почему ты считаешь, что я дурачу компьютер?

— Потому что это — единственный ответ. Если, конечно, ты — настоящий.

— Я настоящий.

— Значит, ты умеешь обманывать «систему».

— Сомневаюсь.

— Возьми меня с собой, — попросила она. — Я тоже так хочу.

Я внимательно посмотрел на нее. Тонкий локон едва касался нежной щеки. Казалось, Кэрол вот-вот заплачется.

— Значит, я — твой последний шанс? Тебе все опротивело, и, повстречав меня, ты решила сыграть ва-банк?

— Да.

— Чушь какая-то. Учти, если ты вдруг захочешь выйти из игры, я не смогу гарантировать тебе безопасность. А сам я из игры не выйду. Я веду ее по собственным правилам, и эти правила не всем понятны. Если мы с тобой сойдемся, у тебя появится шанс рано овдоветь.

— Я верю в тебя. Ты умен и смел.

— Я рано сойду в могилу. Слишком уж часто я делаю глупости.

— Кажется, я в тебя влюблена.

— Слушай, давай поговорим об этом позже. Мне нужно кое-что обмозговать.

— Хорошо.

— Глупая ты девчонка.

— Ошибаешься.

— Ну что ж, посмотрим.

Очнувшись от сна — одного из самых глубоких снов в моей жизни, — я отправился на вахту.

— Опаздываешь, — заметил Меррей.

— А ты стукни начальству, пускай меня спишут, — огрызнулся я и уселся за экран монитора.

Проект «Румоко» находился в завершающей стадии. Мартин и Денни спустились на дно и разместили ядерные заряды. Они прекрасно сделали свое дело, и теперь мы уходили подальше. Заряды должны были взорваться по радиосигналу.

Из моей каюты забрали непрошенных гостей, и за это я был благодарен Кэрол.

Наконец мы отошли на безопасное расстояние, и радист отправил в эфир сигнал. Несколько мгновений кругом царило безмолвие. Затем рвануло.

За стеклом иллюминатора я увидел встающего человека: старого, седого, в широкополой шляпе. Он стоял, шатаясь, и рухнул ничком.

— Ну вот, подпортили мы воздух, — заметил Мартин.

— Черт! — буркнул Денни.

Океан вздыбился и бросился на нас. Корабль чудом не сорвало с якоря.

На какое-то время стихия присмирела. Потом началось! Корабль трясся, как продрогшая собака. Я смотрел, вцепившись в подлокотники кресла. За иллюминатором бушевали волны: безжалостные и коварные, они с рычанием налетали на нас, но нам каждый раз удавалось отразить их натиск.

— Начали действовать датчики, — сказала Кэрл. — Похоже, он растет.

Я молча кивнул. Говорить было не о чем.

— Он уже большой, — произнесла Кэрл через минуту, и я снова кивнул.

В конце концов порожденная нами тварь выбралась из-под воды. Это случилось в то же утро.

На поверхности океана долго лопались пузыри, становясь все крупнее. Показания термометров быстро росли. Внизу разливался свет.

Внезапно в небо ударила широкая струя воды. Фонтан поднялся на невиданную высоту и зазолотился в лучах утреннего солнца, словно голова Зевса, спустившегося с небес к кому-то из своих подружек. Явление Зевса сопровождалось оглушительным ревом.

Постояв перед нами несколько мгновений, златокудрый бог рассыпался сверкающим дождем. После этого океан разбушевался не на шутку. Его поверхность корчилась и мерцала; рев то смолкал, то возобновлялся. Снова забил фонтан, затем — другой, третий, четвертый, и каждый новый — все выше, выше...

«Аквину» задело ударной волной очередного взрыва. Казалось, нас несет куда-то мощным отливом... Мы были готовы к такому исходу.

Мы не дрогнули.

Отлив все тащил нас, и не было этому конца. От вулкана нас отделяли многие мили, а казалось, до него можно дотянуться рукой.

И снова ввысь ударил бесконечный водяной столб. Он пронзил небосвод и оросил солнце. Он раздался вширь, и у его основания из воды забило пламя.

Быстро спустились сумерки; тончайшая пыль наполнила воздух, глаза, легкие. К счастью, облака вулканического пепла проплыли в стороне от нас, словно стая темных птиц. Чтобы хоть как-то защитить легкие от грязи, я закурил сигарету.

В тот преждевременный вечер океан был светел. Казалось, сам потревоженный Кракен* лижет днище нашего корабля. Сияние в пучине не угасало; в нем смутно угадывался контур.

Румоко. Рукотворный остров. Обломок затонувшей Атлантиды, снова поднимающийся к поверхности. Человеку удалось создать участок суши. Придет время, и она станет обитаемой. А если мы создадим целый архипелаг... Да. Возможно, это будет вторая Япония. Человеческой расе необходимо жизненное пространство.

Почему меня допрашивали? Кто противостоит нам? Какие у них мотивы? Ведь мы, насколько я понимаю, делаем благое дело.

Я покинул рубку и направился в ресторан. Там ко мне как будто случайно подошла Кэрол. Я кивнул. Она села напротив.

— Привет.

— Привет.

— Ну как, обмозговал? — спросила она, заказав салат и эрзац-пиво.

— Да.

— Что скажешь?

Я пожал плечами:

— А что тут говорить? Очень уж это внезапно, и, если честно, мне бы хотелось узнать тебя чуточку поближе.

* Мифическое подводное чудовище, якобы обитавшее у побережья Норвегии.

— То есть?

— Я имею в виду старинный обычай, который называется «помолвка». Давай попробуем, а?

— Я тебе не нравлюсь? Я сравнивала наши индексы совместимости — мы должны подойти друг другу. Конечно, я сужу о тебе по досье, но мне кажется, в этом случае оно не лжет. Ты мне подходишь.

— То есть?

— Я много думала о тебе. Пожалуй, я бы могла связать судьбу с гордецом и эгоистом, который разбирается в технике.

Я знал, что ресторан прослушивается, а Кэрол просто не могла об этом не знать. Следовательно, она не случайно завела этот разговор именно здесь.

— Извини, — сказал я. — Слишком внезапно. Дай мне как следует подумать.

— Почему бы нам не отдохнуть где-нибудь вдвоем? Там и подумаешь.

— Где?

— Ну, хотя бы на Шпицбергене.

Выдержав паузу, я сказал:

— Идет.

— Мне надо часа полтора на сборы.

— Ого! Я-то думал, ты имеешь в виду уик-энд. Нет, до конца недели я не могу. Надо еще проверить аппаратуру, да и вахтенное расписание...

— Но ведь ты закончил свою работу.

Я перешел к десерту — кофе и отменному яблочному пирогу с кедровыми орешками. Не отрываясь от чашки, я медленно покачал головой.

— Я могу договориться, чтобы тебя на денек другой освободили от вахты, — заметила Кэрол. — Беды не будет.

— Извини, но я не люблю оставлять недоделки. Давай подождем с пикником до конца недели.

Она помолчала, размышляя.

— Ну ладно.

Я кивнул, доедая пирог.

«Ну ладно» вместо «да», «хорошо» или «договорились»... Ключевая фраза? Впрочем, мне было уже все равно.

Мы направились к выходу. Кэрол шла чуть впереди. Я услужливо распахнул перед ней дверь, и с той стороны мне навстречу шагнул человек.

Кэрол остановилась и обернулась.

— Не надо ничего говорить, — попросил я. — Я замешкался — и влип. Не трать время на перечисление моих прав — я знаю их не хуже тебя. — В руке у мужчины сверкнула сталь, и я поднял руки, добавив: — С Новым годом!

Но Кэрол все равно процитировала уголовный кодекс, избегая моего хмурого взгляда.

Черт бы побрал мою медлительность! Ее предложение было слишком заманчивым, чтобы походить на правду. Интересно, рассеянно подумал я, легла бы она со мной в постель, если бы этого требовали обстоятельства? Она была права насчет того, что моя работа на «Аквине» закончена. Я собирался «смазать пятки» и позаботиться о кончине Альберта Швейцера в ближайшие двадцать четыре часа.

— Придется тебе все-таки лететь на Шпицберген сегодня, — сказала Кэрол. — Там у нас более подходящая обстановка для допроса.

Как бы уклониться от этого любезного приглашения? М-да...

Словно прочитав мои мысли, она заявила:

— Судя по всему, ты небезопасен, поэтому полейтишь в сопровождении опытных людей.

— Так ты не составишь мне компанию?

— Боюсь, что нет.

— Нет так нет. В таком случае нам остается только проститься. Досадно, что не удалось узнать тебя поближе.

— Не придавай значения моим словам, — улыбнулась она. — Просто надо же было как-то сбить тебя с толку.

— Не буду. Но я так и останусь твоей неразгаданной тайной.

— Прошу прощения, мы должны надеть на вас наручники, — сказал мужчина.

— Ну разумеется.

Я протянул к нему руки, но он возразил почти виновато:

— Нет, сэр. Руки за спину, пожалуйста.

Я выполнил его просьбу, однако, поворачиваясь, успел бросить взгляд на «браслеты». Они оказались довольно старомодными — такие штампуют по госзаказу. Если как следует прогнуть назад, можно переступить через цепочку, и тогда руки окажутся впереди. А там, если у меня будет секунд двадцать...

— Один вопрос, из чистого любопытства, — сказал я. — Ты выяснила, почему та парочка вломилась ко мне в каюту? Если не ответишь, мне придется мучиться бессонницей.

Кэрол закусила губу — видимо, колебалась. Но все-таки ответила:

— Они из Нью-Сейлема, «пузыря» на континентальном шельфе Северной Америки. Боялись, что «Румоко» расколется их сферу.

— Расколел?

Помолчав, она сказала:

— Не знаю. Нью-Сейлем пока молчит. Мы пытаемся с ним связаться, но помехи...

— Что?!

— У нас нет с ними связи.

— Ты имеешь в виду, что мы, возможно, уничтожили целый город?

— Нет. Ученые говорят, риск был минимален.

— Ваши ученые, — сказал я. — Их ученые наверняка были другого мнения.

— Разумеется, — кивнула она. — Их ученые с самого начала организовали проекту обструкцию. Они не верили нам и подсылали диверсантов. Пытались сорвать...

— Как жаль, — пробормотал я.

— Чего жаль?

— Не чего, а кого. Парнишку, которого я усадил под кипяток. Ну ладно, спасибо. Подробности узнаю из газет. Все, отправляй меня на Шпицберген. Прощай.

— Не сердись, — сказала Кэрол. — Я выполняю свой долг. По-моему, все правильно. Если ты действительно чист, как первый снег или как лебяжий пух, тебя

вскоре отпустят. И тогда я буду не против, если ты вспомнишь наш недавний разговор.

Я усмехнулся.

— Я же сказал: прощай. Впрочем, спасибо, что избавила меня от бессонницы.

— Не надо меня презирать.

— А я и не презираю. Просто я никогда тебе не верил.

Она отвернулась.

— Спокойной ночи, леди. Жаль с вами расставаться, но ничего не поделаешь.

Меня проводили до вертолета. Помогли забраться в салон.

— Она к вам равнодушна, — заметил человек с пистолетом.

— Вы слишком впечатлительны.

— Если вас отпустят, вы увидите с ней?

— Я никогда с ней больше не увижусь, — мрачно ответил я. — И с вами тоже.

Человек с пистолетом усадил меня на заднее сиденье. Потом он и его приятель заняли места у иллюминатора и велели пилоту взлетать.

Затархтел мотор, и мы взмыли в небо. Румоко вниз рыкнул и плюнул в небо огнем.

Ева, прости меня. Я не знал. Даже не подозревал, что такое может случиться.

— Нас предупредили, что вы опасны, — сказал человек с пистолетом. — Прошу не делать резких движений.

«Ave, atque, avatque*, — гулко простучало в моем сердце. — Двадцать четыре часа», — мысленно напомнил я Швейцеру.

Забрав у Уэлша свой заработок, я возвратился на «Протей» и дней на десять зарылся в книги по дзен-буддизму. К желанному успокоению это не привело,

* Здесь — здравствуй и прощай (лат.).

поэтому я отправился к Биллу Меллингсу и напился в стельку. Протрезвев, я с помощью его передатчика окончательно ликвидировал Альберта Швейцера. Биллу я наплел с три короба о красотке с огромными грудями.

Потом мы отправились на рыбалку. Это убило две недели.

В то время меня вообще не существовало на свете. Я стер Альберта Швейцера с лица земли. И часто ловил себя на том, что не хочу больше жить.

Когда убиваешь человека — пусть даже в безвыходной ситуации, — в душе остается ожог, постоянно напоминающий о ценности человеческой жизни.

Это произошло медленно и бесшумно. Есть на свете вирус, о котором многие и слыхом не слыхивали, но к которому я выработал иммунитет. Я сдвинул камень в перстне и выпустил вирус на волю. Только и всего. Я так и не узнал имен конвоиров и пилота. Даже не разглядел толком их лиц.

Вирус умертвил их за две минуты. Чтобы избавиться от наручников, мне потребовалось меньше двадцати секунд. Я посадил вертолет у берега, искалечив его и растянув сухожилие у себя на запястье. Выбрался на сушу и пошел прочь.

Охранники и летчик выглядели так, будто их поразил инфаркт миокарда или атеросклероз мозга.

Обстоятельства требовали, чтобы я поглубже спрятался «в тень». Свое собственное существование я ценил чуточку выше, чем существование тех, кто брал на себя смелость причинять мне хлопоты. Но это отнюдь не означает, что мне не было невыразимо тошно.

Кэрл о многом догадается, думал я, но Центральный интересуется только фактами. Морская вода, проникнув в вертолет, скоро уничтожит вирус. Никто не докажет, что этих людей убил я. Тем более что тело Альберта Швейцера, судя по всему, при крушении вертолета было выброшено через люк и унесено отливом.

Если случайно я столкнусь с человеком, знавшим старину Аля, он, несомненно, обознается.

Мне совершенно нечего опасаться. И все-таки, возможно, я иду не тем путем.. Мне по-прежнему чертовски тяжело.

Румоко Из Пучины дымится и растет, подобно голливудскому монстру, из тех, на которых отыгрываются постановщики фантастических фильмов. Через несколько месяцев он угмонится. На него завезут плодородную почву, и перелетные птицы удобряют ее гуано. Люди высадят красные мангры для укрепления приливо-отливной полосы и поселят на острове насекомых. Когда-нибудь таких островов будет целая цепь, если верить ученым.

Какое ужасное противоречие, скажете вы: создавать новое жизненное пространство для населения Земли и одновременно уничтожать старое, губя при этом тысячи людей!

Да, сейсмический удар повредил сферу Нью-Сейлема. Погибли очень многие. И тем не менее летом начнется создание нового вулканического острова — сына Румоко.

Жители Балтимора-II встревожены не на шутку, но следственная комиссия Конгресса установила, что причина нью-сейлемской катастрофы — в конструктивных недостатках сферы. Несколько подрядчиков привлечены к суду, а двое даже объявлены банкротами.

Все это не очень красиво и совсем не величественно, и я никак не могу простить себе, что посадил под душ того паренька. Насколько мне известно, он жив, хотя навсегда останется калекой.

В следующий раз будут приняты более действенные меры предосторожности, обещают ученые. Но за эти обещания я не дам и ломаного гроша. Я никому и ничему не верю.

Если погибнет еще один город, как погибла ты, Ева, то проект будет заморожен. Но я не верю, что навсегда. Его авторы и исполнители сумеют выйти сухими из воды и снова возьмутся за старое.

Пока мы, люди, способны на такое, я не смогу поверить, что для демографической проблемы нет иного решения, кроме создания островов.

Между прочим, я считаю, что в наше время плотность населения можно контролировать, как контролируется все на свете. За такой контроль я и сам проголодную, создав новую личность, и даже не одну, — пусть только объявят референдум. Пускай строят новые «пузыри», пускай осваивают околоземное пространство — но никаких Румоко. Людям еще рано играть в такие игрушки.

Вот почему я, Френсис С. Фитцджеральд, даю слово: никогда из пучины морской не появится уродливая макушка третьего Румоко. Впервые с тех пор, как меня не стало, я возьмусь за серьезное дело не по просьбе Уэлша, а по собственной инициативе. И не потому, что я такой альтруист: просто мне кажется, я в долгу у человечества, на теле которого я паразитирую.

Пользуясь выгодами своего положения, я раз и навсегда покончу с искусственными вулканами.

Каким образом, спросите вы? В крайнем случае, превращу сына Румоко во второй Кракатау.

В последние недели Центральный (а значит, и я) узнал о вулканизме очень много нового. Я изменю расстановку ядерных зарядов. Рождение нового монстра будет сопровождаться сейсмическими толчками невиданной силы. Возможно, при этом погибнет немало людей. Но и без моего вмешательства Румоко-II уничтожит не меньше человеческих жизней, чем Румоко-I.

Надеюсь, на этот раз мне удастся проникнуть в верхний эшелон руководства проектом. Наверняка следствие, которое ведет Конгресс, вызовет значительные кадровые перестановки. Появится много вакансий. А если учесть, что я и сам могу создавать вакансии...

Человечеству будет за что благодарить отцов проекта, когда потрескается несколько сфер, а над Атлантикой вырастет огнедышащий Эверест.

Вас, читатель, забавляет моя самонадеянность? Смею заверить: я не бросаю слов на ветер.

Блесна полетела за борт. Билл глотнул апельсинового сока, а я — сигаретного дыма.

— Так, говоришь, инженер-консультант?

— Угу.

— А не страшновато?

— Не привыкать.

— Ну, ты молодчина. А я, знаешь, жалею, что в жизни ничего не случается.

— Не жалей. Оно того не стоит.

Я смотрел в пучину, способную порождать чудовищ. Волны лизали край восходящего солнца; ветер был ласков и прохладен. День обещал быть прекрасным.

— Так, говоришь, взрывные работы? — спросил он. — Занятно.

И я, Иуда Искариот, поглядел на него и сказал:

— У меня клюет. Давай-ка сачок.

— И у меня! Погоди-ка!

По палубе, точно пригоршня серебряных долларов, рассыпался день. Вытащив рыбину из воды, я убил ее ударом палки по голове. Чтобы не мучилась.

Снова и снова я твердил себе: «Тебя нет!» Но не мог в это поверить, как ни старался.

Ева, Ева... Прости меня, любовь моя. Хочется, чтобы на мой лоб снова легла твоя рука...

Как прекрасно это серебро! И волны — синие и зеленые. И свет. Как прекрасен свет!

Прости меня...

— Клюет!

— Спасибо.

Я подсек. «Протей» медленно несло течением.

Перед Рождеством я снова послал открытку Дону Уэлшу. Не спрашивайте, зачем я это сделал.

ПЕСНОПЕВЕЦ

После того как все разошлись, выслушав рассказ о происшедшем, а остатки останков убрали — еще долго после этого, пока тянулась ночь, поздняя, чистая, с множеством ярких звезд, двоившихся и мерцавших в прохладных водах Гольфстрима вокруг станции, я сидел в кресле на маленьком заднем дворике за моим жилищем, потягивал пиво из жестянки и следил за тем, как заходят звезды.

Чувства мои были в неприятном смятении, я еще не совсем четко представлял себе, что же делать дальше.

Продолжать расследование опасно. Конечно, я мог бы плюнуть на оставшиеся шероховатости, нерешенные маленькие загадки, беспокоившие меня: ведь то, что мне поручили, было выполнено. И хотя мною владело желание узнать побольше, я имел полное право поставить мысленно «Закррито» на папке с этим делом, отправиться за гонораром, а затем жить припеваючи.

Что до моего беспокойства... Что ж, никто никогда не сможет все разузнать, никого не встревожат те незначительные детали, которые продолжают волновать меня. Я вовсе не обязан вести расследование дальше.

И все же...

Может быть, это и называется чувством долга. По крайней мере, именно оно само по себе заставляло меня действовать, и принуждение это маскировалось таковыми общепринятыми словами, как «чувство долга» и «свобода воли».

Так ли это? Или все дело в том, что люди унаследовали мозг обезьяны — с глубокими извилинами, отвечающими за любопытство, которое может привести к добру — или худу.

Тем не менее я должен оставаться на станции еще некоторое время — хотя бы для того, чтобы не лишать свою легенду правдоподобности.

Я еще глотнул пива.

Да, надо бы получить ответы на те вопросы, которые меня волнуют. Извилины того требуют.

А еще надо повнимательнее осмотреться вокруг себя. Так мы и сделаем, решил я.

Я вытащил сигарету и принялся было прикуривать. И тут вниманием моим завладело пламя.

Я уставился на трепетные языки огня, осветившие ладонь и скрюченные пальцы левой руки, поднявшейся, чтобы защитить их от ночного ветерка. Пламя казалось чистым, как сами звезды, расплавленным и маслянистым.

Языки пламени были тронуты оранжевым с синим нимбом и время от времени открывали мерцающий вишневым фитиль, похожий на душу огня. А затем полилась музыка...

Музыка — это слово, по-моему, и подходило лучше всего, потому что по сути своей явление было скорее похоже именно на это, хотя в действительности являлось чем-то таким, с чем мне никогда не приходилось еще сталкиваться. Вообще это были не звуки в обычном понимании. Они всплыли во мне, как всплывают воспоминания, без каких-либо внешних стимулов, и не хватало силы самосознания, чтобы повернуть мысль к необходимости прийти в себя и соотнести действия со временем — как во сне.

Затем что-то приостановилось, что-то высвободилось, и чувства мои хлынули к кульминации. Не эмоции, а скорее состояние нарастающей эйфории, наслаждения, удивления — все это переполняло меня, сливаясь с нарастающим беспокойством. Что-то росло и что-то растворялось — но что это было на самом деле,

я не знаю. Угнетающая красота и прекрасная угнетенность — и я был ее частью. Словно я испытывал нечто такое, что еще не доводилось мне испытать, нечто космическое, величественное и вездесущее, но игнорирующее все окружающее.

И все это усиливалось и усиливалось по своим собственным законам, пока я не согнул пальцы левой руки настолько, что их лизнуло пламя.

Боль моментально прогнала наркотический транс, и я, вскакивая на ноги, щелкнул зажигалкой; звук, словно предупреждение, ударил по мыслям. Я повернулся и побежал через искусственный остров к маленькой кучке зданий, в которых располагались музей, библиотека и контора.

Но в этот момент на меня опять что-то накатило. Только уже не чудное музыкаподобное ощущение, как несколько секунд назад; теперь это было нечто зловещее, несшее страх, ничуть не менее реальный оттого, что, насколько я понимал, он был иррационален.

Все это сопровождалось полным искажением ощущений. Меня шатало на бегу. Поверхность, по которой я бежал, будто колыхалась, звезды, здания, океан — все плыло, накатывалось прибоем и отступало, вызывая приступ тошноты. Несколько раз я падал, но тут же вскакивал и рвался вперед. Какое-то расстояние я, по моему, преодолел ползком. Закрывать глаза? Ничего хорошего из этого не вышло бы: все корчилось, смещалось и путалось не только снаружи, но и внутри меня.

И все-таки мне необходимо было преодолеть всего лишь несколько сотен ярдов, несмотря на все эти чудеса, и наконец мои руки коснулись стены. Я нащупал дверь, толкнул ее и вошел внутрь.

Еще дверь — и я в библиотеке. Казалось, прошла вечность, прежде чем я нашарил выключатель.

Шатаясь, я добрал до стола и сразился с его ящиком, вытаскивая оттуда отвертку. Затем, стиснув зубы, на четвереньках добрался до дальнего экрана Информационной сети. Налетев на консоль управления, я успешно щелкнул выключателем, пробудив машину к жизни.

Потом, все еще на коленях, держа отвертку обеими руками, я освободил левую сторону панели от крышки. Крышка упала со стуком, больно отдавшимся у меня в голове. Но доступ к деталям был открыт. Три маленьких изменения в схеме, и я мог передать нечто, что в конечном итоге вольется в Центральный банк данных. Я решил, что сделаю эти изменения и отправлю два самых опасных куска информации — о том, что, как я предполагал, имеет место и в конце концов связано с чем-то достаточным, чтобы послужить однажды причиной возникновения проблемы. Такой проблемы, которая причинит большой ущерб человеку — тому, что сейчас так мучил меня.

— Вот что я задумал! — сказал я громко. — А теперь прекрати свои фокусы, или я выполню угрозу!

...И как будто с моего носа сняли искажавшие окружающее очки: вокруг снова была самая обычная реальность.

Я поднялся на ноги и закрыл панель.

Вот сейчас-то, решил я, как раз самое время для той сигареты, которую я начал было закуривать. После третьей затяжки я услышал, как во внешнюю дверь кто-то вошел.

Доктор Бартелми, невысокий, загорелый, с сединой на макушке, жилистый, ступил в комнату — голубые глаза широко открыты, одна рука слегка приподнята.

— Джим! Что стряслось?

— Ничего, — ответил я. — Ничего.

— Я видел, как вы бежали. И видел, как вы упали.

— Ага. Я решил пробежаться. Поскользнулся. Немного растянул связки. Ерунда.

— Но почему вы так спешили?

— Нервы. Я все еще расстроен. Решил пробежаться или сделать что-нибудь еще, чтобы привести в порядок нервишки. Ну, к примеру, смотать сюда и взять книжку — почитать перед сном.

— Дать вам успокаивающего?

— Нет, все в порядке. Спасибо.

— А что вы делали у машины? Не стоит баловаться с...

— Боковая панель отвалилась, когда я проходил мимо. Хотел поставить ее на место, — махнул я отверткой. — Должно быть, ослабили винты.

— О...

Я шагнул вперед и приладил панель. Когда я затягивал винты, зазвонил телефон. Бартелми подошел к столу, нажал кнопку и ответил.

Через мгновение он сказал:

— Минуточку, — повернулся ко мне, кивнул. — Это вас.

— В самом деле?

Я встал, двинулся к столу, взял трубку, кинул отвертку обратно в ящик и задвинул его.

— Да, — сказал я в трубку.

— Порядок, — отозвался голос. — Я думаю, нам лучше потолковать. Вы навестите меня?

— А где вы?

— Дома.

— Ладно. Сейчас приду. — Я повесил трубку и повернулся к Бартелми. — Ну вот, и книга теперь не нужна. Сплаваю ненадолго к Андросу.

— Уже поздно. Вы уверены в себе?

— О, сейчас я чувствую себя превосходно, — ответил я. — Извините, что потревожил.

Казалось, Бартелми успокоился. По крайней мере, уступил и мрачно улыбнулся.

— Может, это мне надо пойти и принять лекарство, — проворчал он. — Когда такое случается... Знаете, вы напугали меня.

— Ну, что случилось, то случилось. И кончено.

— Вы правы... Как бы то ни было, приятного вам вечера!

Он повернулся к двери, и я вышел следом за ним, погасив свет, когда проходил мимо выключателя.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Бартелми зашагал по направлению к домам, а я двинулся к причалу, решив взять «Изабеллу».

Чуть позже я отошел от берега, по-прежнему недоумевая. Все эти странности, в конечном счете, вполне могли естественным образом соотноситься с проблемой человека.

Случилось это в мае — не так уж давно, хотя сейчас кажется, что прошли годы. Я сидел в глубине бара «У капитана Тони» в Ки-Уэст, справа у камина, потягивая свое обычное пиво. Было уже чуть больше восьми, и я решил, что на этот раз, похоже, зря только потерял время, когда в бар через широкую переднюю арку вошел Дон.

Он огляделся, скользнул по мне взглядом, отыскал свободный табурет в переднем углу бара, занял его и что-то заказал. Нас разделяло много людей, и к тому же группа музыкантов вернулась к подиуму позади меня и начала новую песню, так что мы поначалу просто-напросто сидели там и осматривались.

Через десять—пятнадцать минут Дон поднялся и пошел к задней стене вдоль дальней стороны бара. Немного спустя он повернул обратно и оказался рядом со мной. Я ощутил его руку на своем плече.

— Билл! А что вы здесь делаете?

Я поднялся, приветствуя его, и улыбнулся:

— Сэм! Господи!

Мы пожали друг другу руки.

— Здесь слишком шумно, и нам не дадут поболтать, — сказал он затем. — Пойдем куда-нибудь.

— Хорошая мысль.

Немного погодя мы оказались на темном и пустынном берегу залива, пахнущего соленым дыханием океана. До нас доносился лишь шум прибоя да стук случайных капель. Мы остановились и закурили.

— Вы знаете, что Флорида продает отсюда свьше двух миллионов тонн урана ежегодно? — спросил он.

— По правде говоря, нет.

— Поверьте... А что вы слышали о дельфинах?

— Ну, с этим легче, — ответил я. — Прекрасные дружелюбные существа, настолько хорошо приспособленные к окружающей среде, что не причиняют ей ни-

какого вреда и в то же время всецело наслаждаются жизнью. Они разумны, они вообще не проявляют никаких признаков злобности. Они...

— Достаточно. — Сэм поднял руки. — Не сомневался, что вы это подчеркнете. Вы иногда сами напоминаете мне дельфина — так же скользите по жизни, не оставляя ни следа, в поисках того, за чем я вас посылаю...

— Не забудьте дать мне рыбки.

Он кивнул:

— Договор обычный. И задание вроде бы относительно легкое: определение по принципу «да» или «нет», оно не отнимет много времени. Происшествию всего несколько дней, и то место, где оно случилось, совсем рядом.

— О! Кто же в нем замешан?

— Я хотел бы разобраться в деле, касающемся дельфинов, обвиненных в убийстве.

Если Сэм предполагал, что я что-то скажу на это, то его ждало разочарование. Я раздумывал, припомнив новости прошедшей недели. Два водолаза погибли в то же самое время, когда в округе наблюдалась необычная активность дельфинов. Люди были искусаны животными, чьи челюсти, судя по следам, напоминали челюсти дельфинов, обычно посещавших эти парки и иногда даже селившихся в них. Тот же парк, в котором произошел инцидент, был закрыт до выяснения обстоятельств дела. Свидетелей нападения, насколько я помнил, не было, и ни в одной газете я не мог найти следов, чем же кончилась вся эта история.

— Я серьезно говорю, — добавил он наконец.

— Один из тех ребят был опытным проводником, отлично знавшим весь этот район, не так ли?

Сэм просиял — это было заметно даже в темноте.

— Да, Мишель Торнли... Он, можно сказать, работал еще и проводником. Служащий «Белтрайн Процессинг» — подводный ремонт и обслуживание добывающих заводов компании. Бывший военный моряк. Человек-лягушка. Крайне квалифицированный. Другой парень, его приятель с Андроса, был новичком в подводном деле — Руди Майерс. Они вышли вместе в

необычный час и отсутствовали очень долго. В то же время было замечено несколько дельфинов, быстро поднимавшихся с глубин. Они перепрыгивали «стену», вместо того чтобы проходить сквозь «калитку». Другие дельфины пользовались обычными проходами, а эти были не в себе, словно сумасшедшие. В течение нескольких минут все дельфины покинули пределы парка. Когда служащие отправились на поиски Майка и Руди, то они нашли трупы.

— А как дело попало к вам?

— Институт дельфинологии заявил, что это поклеп на их подопечных. Они утверждают, что в истории не зарегистрировано подлинно достоверного случая неспровоцированного нападения дельфина на человека. И они не желают, чтобы этот факт лег в досье в Центральном банке данных, если на самом деле ничего подобного не было.

— Ну, возможно, в гибели людей виновато какое-то другое животное. Испугавшее заодно и самих дельфинов.

— У меня нет никакой версии, — проговорил Дон, закуривая. — Но ведь совсем не так уж давно запретили убивать дельфинов во всех странах мира и по-настоящему оценили работы таких людей, как Лилли, чтобы развернуть широкомасштабные работы, нацеленные на изучение этих существ. Как вам, должно быть, известно, они привели к некоторым поразительным результатам. Извечная проблема — действительно ли дельфины настолько же разумны, как люди, стояла недолго. Установлено, что они высокоразумны — хотя разумом совершенно другого типа, чем наш, так что, возможно, полного сходства не может быть ни в чем. Именно это и лежит в основе взаимного непонимания. Таким образом, наш клиент полностью отрицал выводы, сделанные из происшедшего, — то есть утверждение о том, что могучие, свободно организованные дельфины по характеру своего разума могли стать врагами человеку.

— Так, значит, Институт нанял вас, чтобы разобратся?

— Неофициально. Мне сделали это предложение потому, что характер происшедшего требует действий

и ученого, и сыщика. Вообще-то основным инициатором была состоятельная пожилая дама, интересы которой совпадают с интересами Института: миссис Лидия Барнс, бывший президент Общества друзей дельфинов — неправительственной организации, борющейся за принятие законодательства о дельфинах несколько лет тому назад. Она-то и платит мне гонорар.

— А какого рода роль вы решили отвести в этом деле мне? — поинтересовался я.

— «Белтрайну» понадобится принять кого-нибудь на место Мишеля Торнли. Как считаете, справитесь с этой работенкой?

— Может быть. Расскажите-ка мне поподробней о «Белтрайне» и парнях.

— Ну, — начал Сэм, — насколько помнится, где-то около поколения назад доктор Спенсер из Харвела доказал, что гидроокись титана может вызывать химическую реакцию, в ходе которой атомы урана выделяются из морской воды. Однако, стоило это дорого и не получило практического воплощения до тех пор, пока Сэмюэл Белтрайн не выступил со своей экранной технологией, организовал маленькую фирму и быстро превратил ее в большую — с уранодобывающими станциями вдоль всего этого участка Гольфстрима. Его процесс был полностью чистым с точки зрения окружающей среды: Белтрайн занялся бизнесом в то время, когда общественное давление на промышленность было таким, что некоторые экологические жесты концернов были весьма щедрыми. Итак, он выделил немало денег, оборудования и рабочего времени на создание четырех подводных парков в окрестностях Андроаса. Участок барьерного рифа делал один из них особенно привлекательным. Белтрайн сотрудничал с учеными, изучающими дельфинов, и в парках обосновывались лаборатории. Каждый из четырех районов был окружен «звуковой стеной» — ультразвуковым барьером, который удерживал всех обитателей района внутри и не пускал туда посторонних — если говорить о больших животных. Единственное исключение — люди и дельфины. Кое-где в стене располагались «звуковые калитки» — пара

ультразвуковых занавесов в нескольких метрах друг от друга, которые имели простое управление, находившиеся внизу. Дельфины оказались способны научить друг друга обращению с этими приспособлениями и были достаточно воспитаны, чтобы закрывать за собою дверь. Они сновали туда-сюда, приплывали в лаборатории по своему желанию, чтобы учиться и, я думаю, обучать исследователей.

— Стоп; — перебил я. — А как насчет акул?

— Из парков их вышибли в первую очередь. Дельфины даже помогали изгонять их. Лет десять прошло с тех пор, как избавились от последней акулы.

— Понятно. Скажите, а для компании эти парки обременительны?

— Вообще-то нет. Сейчас ее работники заняты лишь обслуживанием размещенного там оборудования.

— А многие служащие «Белтрайна» работают в парках проводниками?

— Немногие и не на полный день. Они посещают те районы, которые хорошо знают, и владеют всеми необходимыми навыками.

— Я бы хотел ознакомиться с заключением медицинской экспертизы.

— Пожалуйста, все здесь, вместе со снимками трупов.

— Теперь насчет человека с Андроса, Руди Майерса. Чем он занимался?

— Закончил медучилище. Посещал больных по вызову. Неоднократно его арестовывали по обвинению в кражах у пациентов. В первый раз следствие прекратили. Во второй — отсрочка в исполнении приговора. А впоследствии — нечто вроде отстранения от работы. Это случилось лет шесть-семь назад. Потом перепробовал множество мелких работ, ничем себя не скомпрометировав. Последнюю пару лет работал на острове в чем-то вроде бара.

— Что вы имеете в виду — «вроде бара»?

— Ну, лицензию там взяли только на продажу алкоголя, однако торговали и наркотиками... Тем не менее шума никто не поднимал.

— Как назывался бар?

— «Чикчарни».

— Что это такое?

— Персонаж местного фольклора. Разновидность древесного духа. Озорник. Ну, вроде эльфа.

— Достаточно колоритно... А не на Андросе ли поселилась Марта Миллэй?

— Да, на нем.

— Я ее поклонник. Люблю подводные съемки, а ее работа всегда превосходна. На самом деле она даже издала несколько книг о дельфинах. Кто-нибудь поинтересовался ее мнением об убийствах?

— Сейчас она в отъезде.

— О, надеюсь, скоро вернется. Я бы хотел с ней познакомиться.

— Значит, вы беретесь за работу?

— Да, я в ней нуждаюсь.

Сэм полез в пиджак, достал тяжелый сверток и протянул его мне.

— Здесь копии всего, чем я располагаю.

Я опустил сверток себе в карман и повернулся.

— Приятно было повидаться.

— Уже уходите?

— Куча дел.

— Тогда — удачи!

— Спасибо.

Я пошел налево, он пошел направо — вот и все, что было потом.

Станция-Один представляла собой нечто вроде нервного центра того района. Прежде всего, она была больше всех других добывающих станций; на ее поверхности располагались контора, несколько лабораторий, музей, амбулатория, жилые помещения и несколько комнат для отдыха. Целый искусственный остров, неподвижная платформа около семисот футов протяженностью, обслуживавшая восемь других фабрик района. Она располагалась в виду Андроса, крупнейшего из Багамских островов, и если вам нравится обилие воды вокруг вас так же, как и мне, вы нашли бы панораму мирной и более чем привлекательной.

Из инструктажа в первый день по приезде я узнал, что мои обязанности на треть рутинны, а на две трети определяются волей случая. Рутинной частью был осмотр и техническое обслуживание оборудования... Остальное — непредвиденные ремонты, пополнение запасов, словом, работенка для подводного мастера на все руки, которая производится тогда, когда возникает необходимость.

Руководитель станции Леонард Бартелми лично встретил меня и показал все вокруг. Этот вежливый невысокий человек, который получал наслаждение от разговора о своей работе, среднего возраста, овдовевший, сделал станцию своим домом. Первым, кому он представил меня, был Фрэнк Кашел; тот сидел в главной лаборатории, поедая сандвич и наблюдая за ходом какого-то эксперимента.

Фрэнк поклонился, с улыбкой встал и пожал мне руку, когда Бартелми представил меня.

— Наш новый сотрудник, Джеймс Мэдисон.

На смоляные волосы Кашела уже пала легкая седина, и несколько морщин подчеркивали его челюсти и скулы.

— Рад иметь вас под рукой, — сказал он. — Доглядывайте, не попадутся ли хорошенькие камешки, приносите мне веточку-другую кораллов. Мы заживем прекрасно.

— У Фрэнка хобби — коллекционирование минералов, — пояснил Бартелми. — Это он автор выставки в музее. Мы пойдем туда через несколько минут, и вы сами увидите. Это весьма интересно.

Я кивнул:

— Ладно. Постараюсь что-нибудь для вас найти.

Когда мы вышли, Бартелми заметил:

— Он делает деньги на стороне, продавая на выставках лучшие самоцветы. Рекомендую вспомнить это, прежде чем отдавать ему слишком много свободного времени и интересных образцов.

— О-о...

— Я имею в виду, что, если вы почувствуете, что нашли действительно ценную вещь, вы должны дать ему понять, что хотите иметь определенный процент.

- Ясно. Спасибо за подсказку.
- Не поймите меня превратно, Фрэнк прекрасный парень, только слегка рассеянный.
- Давно он здесь живет?
- Около двух лет. Геофизик. И очень авторитетный.

Затем мы остановились у склада оборудования, где я познакомился с Энди Димсом и Полом Картером. Первый — худощавый, со зловещим шрамом на левой щеке, таким, что даже густая борода не скрывала его полностью; другой — высокий, красивый, гладколицый, довольно тучный. Энди и Пол чистили какие-то цистерны, когда мы вошли, и, вытерев руки, после обязательного рукопожатия заявили, что рады со мной познакомиться. Они занимались той же работой, что предстояла и мне, а в штате числились четыре таких работника, занятые делом попарно. Четвертым был Пол Валонс, который с Рональдом Дэвисом, старшим по судну, укладывал свертки с инструментом в буй. Пол, как я узнал, был напарником Майка, они дружили еще с флотских времен. Я должен был с ним работать большую часть времени.

— Скоро вы сами себя доведете до такого же скотского состояния, — жизнерадостно бросил Картер, когда мы подошли. — Наслаждайтесь же своим свободным утром, срывайте бутоны роз!

— Ты злишься потому, что вспотел до неприличия, — заметил Димс.

— Скажи это моим железам.

Когда мы пересекали остров, Бартелми заметил, что Димс был самым способным подводником из всех, кого он знал. Когда-то он жил в одном из подводных городов-пузырей, потерял жену и дочь из-за аварии, вызванной проектом «Румоко», и остался наверху. Картер приехал сюда с Западного побережья около пяти месяцев назад сразу после развода или ухода из семьи — он не говорил об этом. С той поры он работал в «Белтрайн» и стал отличным связистом.

Бартелми неспешно повел меня через вторую лабораторию, которая освободилась только сейчас, чтобы я мог восхититься огромной светящейся картой морей

вокруг Андроса, бусинками света, показывающими размещение и состояние оборудования, поддерживавшего ультразвуковые стены вокруг парков и станций. Я видел, что мы находимся в границах, охватывающих ближайший парк.

— В котором из них случилось несчастье? — спросил я.

Он повернулся ко мне, внимательно изучил выражение моего лица, а затем показал, не выдавая никаких чувств:

— Дальше, вон там. По направлению к северо-восточному концу парка. Что вы об этом слышали?

— То, что говорили в последних новостях, — ответил я. — А что, обнаружилось что-либо новое?

— Нет. Ничего.

Кончиком дальномера я нарисовал перевернутую букву «Л» по лампочкам, ограничивающим район.

— А «дырки» в стене нету?

— Никаких неисправностей оборудования не было давным-давно.

— Думаете, виноваты дельфины?

Он пожал плечами:

— Я химик. Химик, а не специалист по дельфинам. Но вот что поразило меня — откуда-то я это вычитал... Дельфин-дельфину рознь. Обычные дельфины вполне мирные, возможно, с разумом, равным нашему собственному. Но ведь они тоже должны подчиняться закону распределения — огромное количество обычных особей в середине кривой, некоторое количество негодяев и идиотов на одной стороне и гениев — на другой. Возможно, есть среди них слабоумные, которые не в состоянии осознать своих действий. Или с комплексом Раскольниковова. Большая часть того, что нам известно о дельфинах, — результат изучения обычных, «средних» образцов. А что мы знаем об отклонениях в их психике? Да ничего! — И Бартелми снова пожал плечами. — Итак, я думаю, что это возможно, — заключил он.

Тогда я вспомнил о подводных городах-пузырях и людях, которых никогда не встречал, и подумал о том, что дельфины всегда чувствовали подлость, вину и гнусность тех дьявольских затей. Я загнал эту мысль

назад, туда, откуда она пришла, но только тогда, когда Бартелми сказал:

— Я надеюсь, вы не слишком обеспокоены?

— Удивлен, — ответил я, — но и обеспокоен тоже. Естественно.

Он повернулся, а когда я последовал за ним к двери, заметил:

— Ну, следует запомнить, что, во-первых, это случилось довольно далеко отсюда, в самом парке. У нас там нет действующего оборудования, так что ваши обязанности не приведут вас сколько-либо близко к тому месту. Во-вторых, команда из Института дельфинологии обыскала весь район, включая и наши здешние постройки, с использованием подводного поискового снаряжения. В-третьих, вплоть до дальнейших распоряжений будет продолжаться ультразвуковая локация вокруг любого района, где хоть один из наших друзей будет совершать погружения — а акуля клетка и декомпрессионная камера используются при всех спусках под воду. И пока точной разгадки нет, все на чеку. К тому же вы получите оружие — длинную металлическую трубу с зарядом и гранатой, этого вполне достаточно, чтобы убить и взбесившегося дельфина, и акулу.

— Хорошо, — сказал я, кивнув, когда мы направились к следующей группе зданий, — это позволит мне чувствовать себя увереннее.

— В любом случае я заговорил бы об этом немного погодя, — сказал Бартелми. — Я все думал, как бы поаккуратнее выложить вам это. Так что у меня на душе тоже полегчало... Эта часть зданий — контора. Сейчас она пуста.

Он толкнул открытую дверь, и я последовал за ним: столы, перегородки, кабинетная начинка, конторская механизация, кондиционер — ничего необычного и, как уже было сказано, ни человека внутри. Мы прошли по центру помещения к двери в дальнем конце и пересекли узкий проход, отделяющий соседнее здание.

— Наш музей, — объяснил мой проводник. — Сам Белтрайн считал, что будет чудесно иметь свой маленький музей и показывать его посетителям. Он полон

морской всячины, так же как и моделей нашего оборудования.

Я огляделся. По крайней мере, модели оборудования не производили зловещего впечатления. Пол был покрыт зеленым ковром, и миниатюрная модель станции находилась на столообразной подставке вблизи передней двери; показывалось и все ее оборудование. Полки на стене позади нас демонстрировали наиболее важные ее узлы, и там же располагались планшеты с краткими пояснениями.

А еще там были древняя пушка, два фонаря, несколько пряжек от поясов, пригоршня монет, какая-то проржавевшая кухонная утварь — трофеи вековой давности с судна, что все еще лежало на дне не особенно далеко от станции, если верить карте.

У противоположной стены на подставках стояли несколько скелетов крупной океанской живности, а на стене — много маленьких, а также цветные рисунки и прекрасные образцы морской фауны: от тонких колючих рыбешек до дельфинов и вплоть до полноразмерного макета, к которому я решил вернуться несколько позднее, когда появится свободное время. Там был и огромный отдел, включавший выставку минералов Фрэнка Кашела, аккуратно оформленную и снабженную ярлыками, отделенную от выставки рыб окном и поднятой немного высоковато, но все-таки привлекательной акварелью под названием «Очертания Майями».

— О, Фрэнк — художник? — заметил я.

— Нет, это его жена, Линда, — отозвался Бартелми, — сейчас вы с ней познакомитесь... Она за следующей дверью. Наш библиотекарь и делопроизводитель.

Когда мы прошли в дверь, ведущую в библиотеку, я увидел Линду Кашел. Она читала, сидя за столом, и подняла голову при нашем появлении. На вид ей было лет двадцать пять. Длинные волосы, выгоревшие на солнце и зачесанные назад, держались заколкой с камушком. Синие глаза на продолговатом лице с ямочкой на подбородке, нос с легкой горбинкой, брызги веснушек и очень ровные, очень белые зубы были продемонстрированы нам, когда Бартелми поздоровался и представил меня.

— Иногда вам может понадобиться книга, — сказала Линда. Я посмотрел на полки, витрины, оборудование. — У нас хорошие стандартные справочники, которыми пользуются постоянно. Я могу получить факсимильные копии чего угодно, если вы предупредите меня заранее, скажем, за день. Есть и несколько полок обычной беллетристики, легкого чтения, — она показала на стеллаж у переднего окна. — А вон там, справа от вас, хранилище кассет: в основном записи подводных шумов, голоса рыб и прочее — отчасти для самообразования, отчасти для национального Научного фонда, и наконец музыкальные записи для нашего собственного развлечения. Все внесено сюда, в каталог. — Линда поднялась и хлопнула по картотечному ящику, показав на ключ указателя у него сбоку. — Если вам захочется что-нибудь взять, а вокруг никого нет, я пойму, что вы были у меня, если вы запишете номер книги, имя и дату в этот журнал, — она показала конторскую книгу в углу стола. — И если вы хотите задержать что-нибудь подольше, чем на неделю, пожалуйста, намекните мне об этом. Здесь есть еще ящик с инструментами — самый нижний ящик стола, на случай если вам когда-нибудь понадобятся, к примеру, плоскогубцы. Но не забудьте потом положить их на место. Вот вроде бы и все... У вас есть вопросы?

— Вы много рисуете? — спросил я.

— О, — промолвила она, снова усаживаясь, — вы видели мою мазню. Боюсь, что за той дверью — единственный музей, в котором хранится моя работа. Но я отношусь к этому спокойно. Я знаю, что мне плохо удаются такие вещи.

— А мне понравилось.

Она скривила рот:

— Когда я стану старше и мудрее, то, быть может, попробую написать что-нибудь снова. Что-нибудь с водой и горизонтом.

Я улыбнулся, потому что не мог придумать, что сказать еще, — и она тоже. Потом мы ушли, и Бартелми дал мне потратить остаток дня на то, чтобы заселиться в коттедж, где раньше жил Майк Торнли.

После ленча я отправился к Димсу и Картеру, чтобы помочь им в складе оборудования. В результате мы управились быстро. Поскольку до обеда было еще далеко, они предложили мне сплавать, посмотреть затонувший корабль.

Он находился где-то в четверти мили к югу, за «стеной», на глубине около двадцати фатомов — вернее, то, что от него осталось. Жутковатый, как обычно выглядят подобные вещи, освещенный колеблющимися лучами наших фонарей. Сломанная мачта, треснувший бушприт, кусок палубной обшивки и расколотый орудийный лафет, торчащие из ила, стайка мелкой рыбешки, которую мы вспугнули где-то не то у корпуса корабля, не то в нем самом, несколько пучков водорослей, колышущихся в струях течения, — вот и все, что осталось от чьих-то надежд на успешное плавание, от долгих трудов неизвестных корабелов и, может быть, нескольких людей, последние взоры которых ловили ужасные картины то ли штормов, то ли схватки, а затем все заполонило неожиданно распахнувшиеся холодные объятия серых зеленых вод...

Может быть, они шли морем, намереваясь пообедать на Андросе, как сделали это мы, закончив погружение. Мы ели на скатерти в красную и белую клетку в баре близ побережья — только здесь было сосредоточено все, что делал человек на острове; внутренняя же территория Андроса была защищена мангровыми топями, лесами из пиний и красного дерева, населена разнообразными птицами.

Еда была хороша, а я проголодался. Потом мы еще посидели, покурили и поболтали. Я все еще не познакомился с Полом Валонсом, хотя по графику должен был работать с ним в паре уже завтра. Я поинтересовался у Димса, что из себя представляет мой напарник.

— Здоровый парень, — ответил он, — почти с тебя ростом, только красавчик. Характер замкнутый. Прекрасный водолаз. Они с Майком каждую неделю уезжали на уик-энд, облазали все Карибские острова. И держу пари, у него на каждом острове по девчонке.

— А вообще, как он?

— Да ничего, вроде. Я же говорю, характер у него скрытный, он не больно-то и показывает свои чувства. Они с Майком были давнишними друзьями.

— А что вы думаете насчет смерти Майка?

В разговор вмешался Картер:

— Это один из тех проклятых дельфинов, — сказал он. — Никогда не следует валять с ними дурака. Однажды один из них, чертов скотина, проскочил подо мной и чуть меня не разорвал!

— Они ребячливы, — возразил Димс, — и зла не замышляют.

— А я думаю, замышляют! И эти их гладкие скользкие туши похожи на мокрые аэростаты. Обратительно!

— Ты к ним несправедлив. Они игривы, как щенята. И, возможно, это имеет какой-то сексуальный подтекст...

— Дряни! — бросил Картер. — Они...

Раз уж я положил начало этому спору, то мне и тему менять. И я спросил: правда ли, мол, что Марта Миллэй живет неподалеку отсюда?

— Да, — подтвердил Димс, ухватившись за удобный повод прекратить спор. — Она живет здесь, в четырех милях ниже по побережью. Она мне показалась очень ловкой и изящной, хотя я видел ее только один раз. У нее свой маленький порт. Гидроплан, парусное судно, приличного размера закрытый катер и парочка небольших, но мощных моторок. Живет одна в длинном низком здании прямо у самой воды. Туда даже дороги нет.

— Мне страшно нравятся ее работы. Вот бы как-нибудь с ней встретиться...

Он покачал головой:

— Держу пари, что ничего не выйдет. Она терпеть не может людей. У нее даже телефона нет.

— Жаль. А вы не знаете, почему это так?

— Ну...

— Она уродина, — заявил Картер. — Я встретил ее однажды. Она стояла на якоре, а я плыл мимо к одной из станций. Это было до того еще, как я про нее узнал, поэтому я подплыл ближе — всего-навсего

поздороваться. Она что-то сказала сквозь стеклянное дно своей лодки, а когда увидела меня, то начала визжать и кричать, чтобы я убирался, что я распугаю ей всю рыбу. И она сорвала брезент и накинула себе на ноги. Но поздно — я успел разглядеть. Симпатичная, нормально выглядящая женщина — выше пояса. А вот ноги ее скрючены и безобразны. Я был настолько смущен, что не знал, что и сказать. Только выдавил: «Простите!» — махнул рукой и уплыл.

— Я слышал, что она вообще не может ходить, — добавил Димс, — хотя, говорят, отлично плавает. Я никогда не видел этого сам.

— А что, это после аварии, или как?

— Авария тут ни при чем, насколько я понимаю. Миллэй наполовину японка, и я слышал о том, что мать ее ребенком жила в Хиросиме. Видимо, пострадала на следственность.

— Печально.

— Да.

Мы встали и отправились назад. Позже я долго лежал без сна, размышляя о дельфинах, затонувших кораблях, утопленниках, полулюдях и Гольфстриме, который разговаривал со мной через окно. Наконец я стал вслушиваться в него, он подхватил меня, и мы вместе дрейфовали в темноту, куда бы в конце концов он ни направлялся.

Пол Валонс оказался, как и говорил Энди Димс, почти моего роста и красавчик, будто с рекламного плаката. Некоторые парни способны завоевывать все вокруг себя. Димс не ошибся и насчет необщительности. Пол был не особенно разговорчив, хотя это не выглядело проявлением недружелюбия. Что же касается его способностей водолаза, я не мог оценить их в первый день, отработанный с ним, потому что мы оба были заняты на берегу, пока Димс и Картер уплыли к Станции-Три... И снова склад оборудования...

Я не думал, что это здорово — толковать с ним о дельфинах; уж скорее разговор следовало вести о делах

более насыщенных и вместе с тем достаточно общих. Так прошло утро.

После завтрака, однако, когда я начал загадывать вперед, пересматривая свои планы на вечер, я решил, что о «Чикчарни» от него можно узнать гораздо больше, чем от кого-либо другого.

Пол опустил клапан, который прочищал, и устался на меня.

— Для чего вам эта забегаловка?

— Слышал, как ее поминали, — ответил я, — вот и захотелось поглядеть.

— Там торгуют наркотиками без лицензии, — сказал он, — торгуют бесконтрольно... Если вы захотите перекусить, то нет никакой гарантии, что вам не попадется какое-нибудь дерьмо, сваренное в чулане деревенским дурачком.

— Тогда ограничусь банкой пива. Все же хочется взглянуть на это место.

Он пожал плечами:

— Не слишком там много такого, на что стоит посмотреть. Не здесь...

Пол вытер руки, оторвал с настольного календаря листок и быстро набросал дорогу. Я увидел, что бар располагался чуть в глубине острова, поближе к болотам, птицам и мангровым чащам, к югу от того места, где я был прошлым вечером. Бар следовало искать на реке, здание располагалось над водой на сваях, сообщил мне Пол, и я мог подвести лодку прямо к причалу, примыкавшему к нему.

— Думаю съездить туда сегодня вечером, — проговорил я.

— Помните, что я вам сказал.

Я кивнул, сворачивая «каргу».

Вторая половина дня закончилась быстро. Нагнало тучи, прошел короткий дождь — буквально на четверть часа, — и затем солнце вернулось, чтобы высушить палубы и свежeweмый мир. Я принял душ, сменил одежду и отправился на поиски лодки.

Рональд Дэвис, высокий темноволосый человек с диалектом Новой Англии, сказал, что я могу взять быстроходную моторку, пожаловался на свой артрит

и пожелал хорошо провести время. Я кивнул, развернул моторку в сторону Андроса и пошлепал туда, надеясь, что в «Чикчарни» помимо наркотиков есть и что перекусить; не хотелось терять времени, останавливаясь где-нибудь еще.

Море было спокойным, и чайки ныряли и вертелись, издавая хриплые крики, когда волны, поднятые моторкой, достигали их заповедных краев. У меня не было никаких идей насчет того, что делать потом. Я не любил действовать подобным образом, но иного выбора просто не было. Не было настоящего плана работ, не было ни единой зацепки. Поэтому я решил набрать как можно больше информации, причем побыстрее. Именно скорость казалась мне особенно необходимой, когда нет идей и нет даже наметок предстоящего решения.

Андрос выросстал передо мной. Я определил свои координаты от места, где мы ели вчерашним вечером, затем отыскал устье реки, которое Валонс набросал для меня на карте.

Поиски заняли минут десять, и я сбавил газ и медленно последовал по извилистому руслу. Время от времени я поглядывал на отвратительную дорогу на левом от меня берегу.

Листва разрасталась все гуще и гуще, и, наконец, я полностью потерял ее из виду. В конце концов ветви сомкнулись над моей головой, замкнув меня на несколько минут в аллее и в преждевременных сумерках, прежде чем река снова повернула, заставив обогнуть угол и открыв то место, которое мне нарисовали.

Я направился к причалу, к которому было пришвартовано несколько других лодок, привязал свою, взобрался на пирс и огляделся. Здание справа от меня — единственное, внешне похожее на маленький сарай и вытянувшееся над водой, — было срублено из дерева и так покрыто заплатами, что я усомнился, осталось ли что-нибудь там от материала первоначальной постройки. Около него стояло с полдюжины экипажей, и выцветшая надпись гласила, что название бара — «Чикчарни». Продвинувшись вперед, я поглядел налево и решил, что дорога, мимо которой я проплывал, была лучше, чем я предполагал.

Бар из красного дерева выглядел так, как будто перенесен сюда с борта какого-то океанского лайнера. Восемь или десять столов было расставлено по всему помещению, несколько из них были заняты, дверная занавеска висела слева от стойки. Кто-то нарисовал вокруг нее грубый нимб из туч. Я подошел к стойке. Бармен, толстяк, который нуждался в бритве вчера точно так же, как и днем раньше, положил газету и поднялся.

— Что закажем?

— Пива, — ответил я. — И, если можно, что-нибудь перекусить.

— Минуточку.

Он двинулся дальше вниз; щелкнул маленький холодильник.

— Сандвич с рыбкой и салатом устроит?

— Вполне.

— И хорошо. Потому что это все, что у нас есть.

Он приготовил сандвич и протянул мне, пододвинул и пиво.

— Это вашу лодку я слышал только что?

— Верно.

— В отпуск?

— Нет. Я только что устроился на Станцию-Один.

— О, водолаз?

— Да.

Бармен вздохнул:

— Значит, вы вместо Майка Торнли. Бедняга.

Я предпочитаю в подобных случаях слово «преемник», потому что оно кажется более подходящим для человека и не напоминает процедуру замены изношенной детали. Но я просто кивнул:

— Да, слышан. Паршиво.

— Он часто бывал здесь.

— Тот парень, с которым он погиб, тоже работал здесь?

— Ага. Руди. Руди Майерс. Работал здесь пару лет.

— Они были хорошие друзья, да?

Он покачал головой:

— Не особенно. Скорее, просто знакомые. Руди работал в заднем зале, — бармен глянул на занавеску, — ну, понимаете.

Я кивнул.

— Главный проводник, высший медицинский чиновник и глава посудомоек, — продолжил он с отрепетированным легкомыслием. — А вас интересует...

— Что за фирменное блюдо в вашем заведении?

— «Розовый рай», — ответил бармен. — Неплохая штука.

— И как?

— Немного дрейфуешь, чуть-чуть паришь и ясно светишься.

— Может, в следующий раз, — промолвил я. — А они с Руди часто плавали вместе?

— Нет, это единственный раз... Вы побаиваетесь?

— Да уж нельзя сказать, что я в восторге. Когда нанимался на работу, никто не предупредил меня, что я могу быть съеден... Майк когда-нибудь рассказывал о необычных морских событиях или о чем-нибудь вроде этого?

— Не припомню.

— А как насчет Руди? Он что, так любил плавать?

Бармен уставился на меня и начал хмуриться.

— А чего это вы спрашиваете?

— Потому что мне пришло в голову, что я могу найти концы. Если Руди интересовался всякой такой всячиной, а Майк наткнулся на что-то необычное, он мог прихватить с собой приятеля, чтобы посмотреть вместе на это диво.

— Диво — вроде чего?

— Черт бы меня побрал... Но если он на что-то наткнулся и это что-то оказалось опасным, я должен об этом знать.

Бармен перестал хмуриться.

— Нет, — ответил он. — Руди ничем таким не интересовался. Даже если бы мимо проплывало Лох-Несское чудовище, он не двинулся бы с места, чтобы поглазеть на эту тварь.

— Тогда почему он поплыл?

Бармен пожал плечами:

— Понятия не имею.

У меня возникло подозрение, что, если я спрошу еще о чем-нибудь, я только разрушу наши с ним чудес-

ные отношения. Поэтому я поел, выпил, расплатился и ушел.

И вновь двинулся по реке до ее устья, а потом на юг вдоль берега. Димс говорил, что этим путем надо пройти мили четыре, если считать от ресторана, и что это низкое длинное здание прямо на воде. Все верно. Я надеялся, что она вернулась из того путешествия, о котором упоминал Дон. И худшее, что она могла сделать, — приказать мне убраться. С другой стороны, она знала ужасно много такого, что полезно было бы послушать, знала район и знала дельфинов. И я хотел выслушать ее мнение.

Небо по-прежнему было достаточно светлым, хотя воздух, казалось, стал чуть-чуть холоднее, когда я опознал маленькую бухту, сбросил газ и двинулся к ней. Да, там было жилье, в самом конце слева, прямо напротив крутого берега, а над водой выступал причал. Несколько лодок, одна из них парусная, стояли на якоре с той стороны, их защищала длинная белая дуга волнолома.

Двигаясь со всей осторожностью, я направился туда и обогнул оконечность волнолома. Я увидел девушку, сидящую на причале, и она заметила меня и потянулась за чем-то. А затем она смотрела поверх меня, пока я шел под защитой волнолома. Заглушив мотор, я причалил к ближайшей свае, следя при этом, не появится ли вдруг кто с багром в руках, готовый отразить атаку захватчика.

Но этого не произошло, так что я взобрался на наклонную аппарель, что привела меня наверх. Девушка только что закончила приводить в порядок длинную, бросающуюся в глаза юбку — наверное, именно ее она и доставала чуть ранее. Сверху на Марте был купальник, и сама она сидела на краю причала, а ноги ее были спрятаны от любопытных взглядов под зелено-бело-синим ситцем. Волосы длинные и очень черные, глаза — большие и темные. Внешность — самая обычная, с легким восточным оттенком того типа, который я находил чрезвычайно привлекательным. Я помедлил наверху аппарели, чувствуя немалую неловкость, когда встретился с нею глазами.

— Меня зовут Мэдисон, Джеймс Мэдисон. Работаю на Станции-Один. Здесь я новичок. Можно подойти к вам?

— Вы уже подошли, — заметила она, а затем улыбнулась, похоже, ради эксперимента. — Но вы можете пройти оставшуюся часть пути, и я уделю вам минутку.

Так я и сделал, и, когда я приблизился, Миллэй пристально посмотрела на меня. Это заставило меня проанализировать свои чувства — те, которыми, как мне казалось, я научился владеть, достигнув совершеннолетия. И когда я уже готов был перевести свой взгляд вдаль, она сказала:

— Марта Миллэй, ладно уж, представляюсь вам по правилам, — и снова улыбнулась.

— Я давно восхищаюсь вашими работами, — объяснил я, — но это лишь часть причины, пригнавшей меня сюда. Я надеюсь, вы можете мне обрести чувство безопасности.

— Убийство, — предположила она.

— Вот именно... Ваше мнение. Я хочу услышать его.

— Ладно, вы его услышите, — сказала Марта. — Но я была на Мартинике, когда произошло убийство, и все, что я знаю, почерпнуто только из сообщений в газетах и одного телефонного разговора со знакомым из Института дельфинологии. На основании своего опыта, того времени, что проведено в фотографировании в играх с дельфинами, на основании того, что я их знаю и люблю, я не верю, что подобное возможно, что дельфин может убить человека. По многим важным причинам — возможно, каким-то дельфиньим концепциям братства, по ощущению разумности, — мы кажемся им весьма важными и настолько близкими, что, на мой взгляд, любой из них скорее умрет сам, чем увидит кого-либо из нас убитым.

— Так вы отвергаете возможность убийства дельфином человека даже в порядке самозащиты?

— Я думаю так, — сказала она, — хотя на самом деле фактов у меня нет. Тем не менее обстоятельства гибели ныряльщиков вовсе не походят на работу дельфинов.

— То есть?

— Я ни разу не слышала, чтобы дельфины пользовались своими зубами так, как это было описано. Этот способ был задуман, исходя из того, что в клюве — или под носом — у дельфина сотня зубов и где-то восемьдесят восемь на нижней челюсти. Но если дельфин вступает в схватку — к примеру, с акулой или касаткой, — он не пользуется зубами, чтобы кусать или рвать врага. Он сжимает их поплотнее, образуя очень жесткую структуру, и что есть мочи таранит противника. Передняя часть черепа дельфина на удивление толста и сам по себе череп достаточно массивен, чтобы погасить сильное сотрясение от ударов, — а они наносят потрясающие удары, потому что имеют могучие шейные мускулы. Они вполне способны убить акулу, отдубасив ее до смерти. Так что если даже допустить, что дельфин способен на убийство человека, он не стал бы кусать его — он бы его как следует вздул.

— Так почему никто из этого дельфиньего института не выступил, не привел доводы?

Она вздохнула:

— Они делали это. Но газеты даже не воспользовались заявлением, которое туда послали. Очевидно, никто не задумался над тем, что это достаточно важное свидетельство, чтобы оправдать обвиняемого любого сорта.

Марта наконец оторвала свой взгляд от меня и посмотрела поверх воды.

— Я думаю, что их равнодушие к ущербу, который они нанесли, и нежелание затягивать эту историю наиболее всего достойно презрения, и это именно двигало ими, а вовсе не озлобленность.

Ненадолго освободившись от ее взгляда, я нагнулся, чтобы сесть на край причала, и мои ноги спустились вниз. Стоять и разглядывать девушку сверху вниз — это усиливало и без того ощущаемое неудобство. Вместе с ней я стал разглядывать гавань.

— Сигарету? — спросил я.

— Не курю.

— А мне можно?

— Давайте.

Я закурил, вынул сигарету изо рта, чуток подумал, а затем спросил:

— У вас есть какие-нибудь соображения насчет того, из-за чего могла случиться эта смерть?

— Возможно, акула.

— Акул в этом районе не было много лет. «Стена»...

Она улыбнулась:

— Я представляю несколько вариантов проникновения, которыми могла бы воспользоваться акула. Сдвиг на дне, открывший расщелину или туннель под «стеной», кратковременное короткое замыкание в одном из генераторов, которое не было замечено, или, что тоже может быть, короткое замыкание в системе контроля и управления. И вообще, частоты, используемые для создания «стены», как предполагалось, вызывают полное расстройство у многих видов морских обитателей, но не обязательно смертельны для них. Акула, обычно старающаяся избегать «стены», могла попасть в сильное течение, которое протащило ее через «стену». Животное при этом, конечно, будет измучено, а затем обнаружит, что очутилось в ловушке.

— Дельная мысль, — сказал я. — Да. Спасибо. Вы не разочаровали меня.

— А я подумала, что разочарую.

— Почему?

— Все, что я делала, — это пыталась оправдать дельфинов и доказать возможность того, что внутри ограждения была акула. Вы же сказали, что хотели услышать нечто, что позволит укрепиться в мысли о безопасности своей работы.

Я снова ощутил неловкость. У меня возникло иррациональное ощущение, что она как будто все знает обо мне и просто играет со мной.

— Вы сказали, что вам близки мои работы, — неожиданно продолжила Марта. — Включая и две книги снимков дельфинов?

— Да. Хотя я наслаждался и текстом.

— Там не слишком много текста, — заметила она, — и тому минуло несколько лет. Возможно, это было

слишком уж затейливо. Прошло слишком много времени с той поры, когда я смотрела на мир так, как писала там.

— Мне кажется, вы достигли восхитительного соответствия текста темам снимков: маленькие афоризмы под каждой фотографией.

— Возможно, что-нибудь вспомнится?

— Да, — кивнул я, и один из отрывков внезапно пришел мне на память. — Помню снимок дельфина в прыжке, когда вы поймали его тень над водой, подписанный: «В отсутствии отражения, что боги...»

Она хихикнула:

— Долгое время я думала, что эта подпись чересчур уж остроумна. Однако позднее, когда я получше узнала моих дельфинов, я решила, что это не так.

— Я часто задумывался над тем, какого сорта религией или религиозными чувствами они могут обладать, — сказал я. — Религиозное чувство было общим элементом для всех человеческих племен. И казалось бы, нечто подобное обязательно должно появиться на определенном уровне разумности в целях установления взаимоотношений с тем, что по-прежнему находится за пределами досягаемости разума. Хотя я совершенно не представляю, какие именно формы приняло бы это среди дельфинов, сама по себе идея меня интригует. Вы сказали, что у вас есть какие-то соображения на этот счет?

— Я много размышляла, наблюдая за ними, пыталась анализировать характеры дельфинов, исходя из их поведения и физиологии. Вы знакомы с тем, что писал Йоганн Хьюзинга?

— Слабо, — признался я. — Прошло немало лет с тех пор, как я прочел «Хомо Люденс». Книга поразила меня — грубый набросок того, что ему никогда не завершить полностью. Помню основную его посылку: свое бытие культура начинает как разновидность сублимированного игрового инстинкта, элементов священнодействия и праздничных состязаний, продолжавшихся одновременно с развитием институтов и, возможно, остающихся навечно присутствовать на

каком-то уровне — хотя на анализе современного мира он остановился совсем коротко.

— Да, — кивнула Марта, — инстинкт игры. Наблюдая за их развлечениями, я не раз думала: дельфины настолько хорошо приспособились к своему образу жизни, что у них не возникало нужды развивать комплекс общественных институтов, так что они находятся на тех уровнях, что гораздо ближе к ранним ситуациям, учитываемым Хьюзингой, — условия жизни их явно благоприятствуют дельфиньим вариантам праздничных спектаклей и состязаний.

— Религия-игра?

— Не совсем, хотя я думаю, это часть истины. Проблема здесь заключается в языке. У Хьюзинги была причина не пользоваться латинское слово «люпус». В отличие от греческого языка, который имеет различные термины для праздности, состязаний, иного времяпрепровождения, латинское слово обозначало основное единство всего этого и сводило к единой концепции, обозначающейся словом «людус». Различие между игровым и серьезным у дельфинов наверняка отличается от наших представлений так же, как наше — от представления греков. Наш разум, тем не менее, способен представить себе значение слова «людус». Мы можем объединить примеры деятельности всего широкого спектра образов поведения, рассматривая их как формы игры — и тогда мы имеем наилучшую позицию для предположений так же, как и для интерпретаций.

— Таким образом вы пришли к заключению об их религии?

— Нет, конечно. Я только сделала несколько предположений. А вы?

— Ну, если я и строил предположения, то лишь нахватыв чего попало с потолка. Я бы считал это какой-то формой пантеизма — возможно, нечто родственное менее созерцательным формам буддизма.

— Почему менее созерцательным? — поинтересовалась она.

— Из-за активности, — пояснил я. — Да дельфины ведь даже не спят по-настоящему. Они регулярно поднимаются вверх, чтобы дышать. Они всегда в движе-

нии. Как им дрейфовать под каким-нибудь коралловым эквивалентом храма, в продолжении какого-либо времени, а?

— А как вы думаете, на что был бы похож ваш мозг, если бы вы никогда не спали?

— Трудно представить. Думаю, это мне показалось бы крайне утомительным со временем, если бы не...

— Если не что?

— Если бы я не получал отдыха в виде периодической дневной дремоты, полагаю.

— Наверное, то же самое может быть и у дельфинов, хотя при их умственных способностях я не нуждаюсь бы в периодичности.

— Не совсем вас понял.

— Мне кажется, они достаточно одарены, чтобы одновременно и дремать, и обдумывать что-нибудь сквозь дремоту, а не рвать процесс мышления на кусочки.

— Вы имеете в виду, что дельфины постоянно слегка подремывают? Отдыхают душой, мечтают, отстраняясь на время от мира?

— Да, мы делаем то же самое — только в гораздо меньшей степени. Это нечто вроде постоянных размышлений на заднем плане, на уровне подсознания: слабый шум, продолжающийся, пока мы заняты каким-либо важным делом, и более давящий на сознание. Мы учимся подавлять его — это то, что мы называем «учиться сосредоточиваться». Сосредоточиться — в какой-то степени означает «удержать себя от дремоты».

— И вы считаете, что дельфины одновременно могут и спать, и вести нормальную умственную деятельность?

— Да, нечто вроде этого. Но в то же время я представляю себе этот сон как некий особый процесс.

— Что значит «особый»?

— Наши сны в значительной степени визуальны по своей природе, ибо во время бодрствования мы ориентированы в основном на видеоряд. Дельфины же...

— Ориентированы на звукоряд. Да. Если допустить этот эффект постоянного сна и наложить его на нейрофизиологическую структуру, которой они обла-

дают, то похоже, они способны плескаться, наслаждаясь своими собственными звуковыми снами.

— В какой-то мере — да. А не может ли подобное поведение быть подведено под термин: «людус»?

— Я даже не знаю.

— Одну из форм его греки, конечно, рассматривали как особый вид деятельности, дав ей название «диагоги», лучше всего переводимое как «умственное развлечение», «досуг для ума». В эту категорию входила музыка, и Аристотель, размышляя в своей «Политике», какую пользу можно извлекать из нее, пришел в конце концов к выводу, что музыка могла приносить пользу, делая тело здоровым, способствуя определенному этосу и давая нам возможность наслаждаться вещами в собственном виде — что бы это ни означало. Но, рассматривая в этом свете акустический «дневной сон» как музыкальную разновидность «людуса», хотела бы я знать, не может ли это действительно соответствовать определенному этосу и благоприятствовать особому способу наслаждения?

— Возможно, если у дельфинов есть опыт.

— Мы по-прежнему даже близко не понимаем значения иных звуков... Но это все, что я могу вам сказать. Мой выбор — увидеть религиозное значение в спонтанном выражении «диагоги». Ваш выбор может быть иным.

— Да. Я принимаю это как психологическую или физиологическую необходимость, даже рассматривая подобную деятельность так, как предлагаете вы, — как форму игры или «людус». Но я не вижу способа выяснить, действительно ли такая музыкальная деятельность есть нечто религиозное. В этом пункте мы неспособны полностью понять их этос или их собственный способ мироощущения. Концепция настолько чуждая нам и извращенная, насколько, вы понимаете, отсутствует возможность общения — даже если бы языковой барьер был куда слабее, чем сейчас. Короче, кроме действительного поиска способа влезть в их шкуру и отсюда принять их точку зрения, я не вижу возможности вычислить их религиозные чувства, даже при условии, что все остальные ваши предположения верны.

— Вы, конечно, правы, — согласилась Марта, — выводы не научны, если они не имеют доказательств. Я не могу доказать своих слов, это только ощущения, впечатления, интуиция — и я предложила их вам только в таком качестве. Но иногда, наблюдая за тем, как дельфины играют, слыша издаваемые ими звуки, вы можете согласиться со мной. Подумайте над этим. Попробуйте это почувствовать.

Я продолжал глядеть на воду и небо. Я уже услышал все, за чем я сюда шел, а остальное было не так уж важно для меня, но подобное удовольствие на десерт выпадало далеко не каждый день. И я понял затем, что девушка понравилась мне даже больше, чем я думал, причём очарование это росло в то время, когда я сидел и слушал — и не только из-за предмета беседы. Так, отчасти продолжая разговор, а отчасти из-за своего удивления, я попросил:

— Продолжайте. Рассказывайте дальше, об остальном. Пожалуйста!

— Об остальном?

— Вы дали определение их религии. Скажите же мне, как по-вашему, на что это может быть похоже?

Марта пожала плечами.

— Не знаю, — ответила она, немного помолчав. — Если убрать хоть одно предположение, сама догадка начинает выглядеть глупо. Давайте остановимся на этом.

Но такой вариант оставлял мне совсем немного: сказать «спасибо» и «доброй ночи». И я принялся усиленно размышлять над тем, что она мне рассказала. Единственное, что пришло мне на ум, было мнение Бартелми о кривой-распределения относительно дельфинов.

— Если, как вы предполагаете, — начал я, — они постоянно размышляют и сталкиваются сами себя, их Вселенная — нечто вроде изумительной снопесни, и они, возможно, подчиняются ей по необходимости — одни несравненно лучше, чем другие. Как много Моцартов может существовать в племени музыкантов? Чемпионов в племени атлетов? Если все они участвуют в религиозной «диагоги», следует ли, что некоторые из них — самые лучшие игроки? Могут ли они быть

жрецами или пророками? Бардами? Священными песнопевцами? Могут ли районы, в которых они живут, служить святыми местами, храмами? Дельфиньими Ватиканами или Мекками?

Марта рассмеялась:

— Теперь увлеклись вы, мистер... Мэдисон.

Я посмотрел на нее, пытаюсь разглядеть нечто за очевидно насмешливым выражением, с которым она разглядывала меня.

— Вы посоветовали мне подумать над этим, — сказал я, — попытаться прочувствовать.

— Было бы странно, если бы вы оказались правы. Верно?

Я кивнул.

— И, возможно, существует также паломничество, — добавил я, вставая, — если только я правильно истолковываю это... Спасибо вам за те минуты, что я отнял у вас, и за все остальное, что вы дали мне. Вы не сочтете ужасным нахальством, если я когда-нибудь снова загляну к вам в гости?

— Боюсь, я буду весьма занята, — промолвила Марта.

— Понимаю. Я очень благодарен вам за сегодняшнюю беседу. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я отправился назад, к моторке, завел ее и, проплыв мимо волнолома, направился в темнеющее море, оглянувшись лишь раз в надежде обнаружить то, что должно было быть, — девушку, сидевшую на причале и задумчиво глядевшую на волны. Похожую на Маленькую Русалочку.

Она не помахала мне вслед. Но, возможно, было темно, и она просто не заметила, что я оглянулся.

Вернувшись на Станцию-Один, я почувствовал себя достаточно вдохновленным, чтобы направиться в комплекс контора-музей-библиотека и посмотреть, что мне пригодится во время знакомства с материалами, касающимися дельфинов.

Я направил свои стопы через остров к передней двери, миновал неосвещенные модели и выставки оружия и свернул направо, затем толкнул открытую дверь.

В библиотеке горел свет, но само помещение было пустым. Я обнаружил несколько любопытных книг. Пока моя рука листала страницы, глаза скользнули по раскрытой амбарной книге и наткнулись на одно из имен, записанных там: «Мишель Торнли». Я посмотрел на дату и обнаружил, что запись сделана за день до его гибели. Я закончил просматривать отобранные материалы и решил полюбопытствовать, что это он взял перед своей смертью.

Это были три статьи-обзора, одна из них, судя по индексу, звукозапись.

Две книги оказались просто-напросто чтивом. Когда же я включил запись, мною овладело очень странное чувство. Это была не музыкальная запись, а скорее нечто из отдела морской биологии. Да. Если же совсем точно, это была запись звуков, издаваемых китом-убийцей, касаткой.

Тут даже моих скудных познаний вполне было достаточно, но я все же, чтобы не сомневаться, проверил их по одной из книг, что оказались под рукой. Да, кит-убийца, несомненно, был самым главным врагом дельфинов, и не так давно Военно-морской центр подводного плавания в Сан-Диего проводил эксперименты, используя запись звуков, издаваемых касатками во время схватки с дельфинами, в целях совершенствования прибора, предназначенного для отпугивания их от рыбацких сетей; в которых дельфины часто по нечаянности погибали.

Для чего же эти записи могли понадобиться Торнли? Если их проигрывали с помощью какого-нибудь водонепроницаемого агрегата, это могло вполне оказаться причиной необычного поведения дельфинов в парке в то время, когда был убит Мишель. Вот только почему? Зачем вообще делать что-то подобное?

Я сел и закурил. И во время перекура мне стало еще более очевидно, что все во время убийства было совсем не так, как казалось, и это заставило меня еще раз рассмотреть природу нападения. Я вспомнил снимки, на

которых видел тела, медицинские отчеты, которые читал.

Укусы. Следы жевания. Раны... Артериальное кровотечение, прямо из сонной артерии. Многочисленные ранения плеч и грудной клетки... Если верить Марте Миллэй, дельфины подобным образом не убивают. И все же, насколько я помнил, у них множество зубов — пусть не слишком уж жутких, но пилообразных. Я начал перелистывать книгу в поисках фотографий челюстей и зубов дельфина.

Пришедшая ко мне затем мысль отличалась мрачными, более чем информационными обертонами: там, в соседней комнате, есть скелет дельфина.

Потушив окурок, я встал, прошел через дверь в музей и начал искать выключатель. Он обнаружился не сразу. И в разгар поисков я услышал, как дверь на другой стороне комнаты открывается.

Повернувшись, я увидел Линду Кашел, переступившую порог. Сделав следующий шаг, она взглянула в моем направлении и застыла, подавив невольный вскрик.

— Это я, Мэдисон, — сказал я. — Простите, что невольно напугал вас. Я ищу выключатель.

Прошло несколько секунд.

— Ох, — наконец выдавила Линда. — Он внизу, за витриной. Сейчас покажу.

Она прошла к передней двери и пошарила за моделью. Свет зажегся, и девушка нервно хихикнула.

— Вы напугали меня, — сказала она. — Я заработала допоздна. Вышла подышать воздухом и не заметила, как появились вы.

— Я уже взял нужные книги, — сказал я, — но благодарю за помощь в поисках выключателя.

— С удовольствием запишу книги для вас.

— Уже сделано, — признался я. — Я оставил их там, потому что захотел еще раз посмотреть на выставку, прежде чем отправлюсь домой.

— О... Ну а я как раз собиралась закрывать. Впрочем, если хотите ненадолго задержаться, я не возражаю.

— И чего это мне будет стоить?

— Выключите свет и захлопните за собой двери — мы их не запираем. А окна я уже закрыла.

— Хорошо, будет сделано... Простите, что напугал вас.

— Все в порядке, большой беды не случилось.

Линда шагнула к передней двери, повернулась на пороге и улыбнулась снова — самая удачная улыбка за весь вечер.

— Ну, спокойной ночи.

Прежде всего я подумал о том, что не было заметно никаких признаков экстренной работы, проводившейся в последнее время, перед тем как я появился здесь. Второе, о чем я подумал, — что она слишком настойчиво пытается заставить меня поверить ей. А третья мысль была и вовсе грязной. Однако с проверкой следовало повременить. Я обратил свое внимание на скелет дельфина.

Нижняя челюсть с игольчатыми острыми зубами очаровала меня, и размер их был почти что самой интересной особенностью. Почти что, но не самой. Наиболее интересным во всем этом был факт, что нитки, которыми крепились челюсть, были чистыми, невыцветшими, сверкающими на концах, как свежееотрезанные, и вовсе не походили на более старые нити во всех прочих местах, где крепление экспоната было нитяным.

Кроме того, челюсть была такой величины, что могла служить великолепным холодным оружием.

И это было все. И этого было достаточно. Но я снова и снова трогал кости, проводя по ним рукой, еще раз осмотрел клюв, еще раз подержал челюсть. Почему — я не мог дать себе отчет до того мгновения, пока гротесковое видение Гамлета не просочилось в мой мозг. Или это действительно было нелепостью? Затем мне на память пришла цитата из Лорен Эйсли: «...Мы все потенциальные ископаемые, до сих пор несущие в своих телах грубость прежних существований, отметки мира, в котором живые существа текли с немного большим постоянством, чем тучи от эпохи к эпохе». Мы вышли

из воды. Этот парень, скелет которого я трогал, всю жизнь провел там. Но оба наших черепа построены из кальция, морского вещества, избранного в самые ранние наши дни и ставшего теперь неизменной частью нашего организма; в обоих черепах размещался большой мозг — схожий, но все же разный; оба, не исключено, содержали центр сознания, разума, осмысления окружающего со всеми сопутствующими удовольствиями, скорбями и различными вариантами смерти, которое влечет за собой разумное существование. Единственная существенная разница, которую я ощущал, заключалась не в том, что этот парень рожден дельфином, а я — человеком, а скорее в том, что я покидаю еще жил... Я отдернул руку; хотел бы я знать, испытаю ли я неудобство, если мои останки будут когда-либо использованы в качестве орудия убийства.

Не имея больше причин оставаться здесь, я собрал свои книги, закрыл дверь и удалился.

Вернувшись в свой коттедж, я положил на стол у кровати принесенные книги и оставил ночник включенным. Я снова вышел через заднюю дверь, которая вела на маленький и относительно тесный внутренний дворик, удобно расположенный справа у края острова со свободным видом на море. Но я не остановился, чтобы празднично полюбоваться пейзажем. Если другим дозволено было прогуляться и подышать свежим воздухом, то почему этого нельзя сделать и мне?

Я прогуливался, пока не нашел весьма подходящее место — маленькую скамейку в тени амбулатории. Сел там, очень хорошо укрытый и в то же время имея полный обзор коттеджа, который недавно покинул. Я ожидал долго, чувствуя, что поступаю подло, но слезку не прекращал.

Минута тянулась за минутой, и я почти уже решил, что ошибся, что запас, взятый из предосторожности, израсходован и ничего не случится. Но вот дверь в дальнем конце конторы — та, через которую я вошел в прошлый раз, — открылась, и показалась фигура человека. Он направился к ближайшему берегу острова, а затем так изменил походку, чтобы это казалось простой обычной прогулкой тому, кто только что заметил бы

его. Мужчина был высок, почти что с меня ростом, и это сужало поле поиска, так что мне было почти что не обязательно ждать и смотреть, как он войдет в коттедж, предназначенный для Пола Валонса, и немного погодя увидеть, как внутри вспыхнул свет.

Позже я улегся в постель со своими дельфиньими книжонками и размышлял над тем, что некоторые парни, похоже, все делают кружным путем.

На следующее утро, во время самой муторной фазы пробуждения, когда ты уже проснулся, но кофе еще не пил, я побрел по своей комнате и чуть не споткнулся о что-то на полу. Но все же не споткнулся, перешагнув — возможно, даже чуть наступив, прежде чем наступание зарегистрировало существование этого предмета.

Я остановился и поднял ее — продолговатую твердую записку в обертке, которую, я сообразил сразу, подсунули под заднюю дверь.

Я взял ее с собой на кухонный стол, разорвал и открыл, извлек и развернул бумагу. Отхлебнув из чашки кофе, прочитал плотно отпечатанное послание несколько раз:

«Прикреплено к грот-мачте в обломках затонувшего судна около фута под илом».

И все.

Но неожиданно я полностью проснулся. Это не просто послание, которое я нашел весьма интригующим; гораздо важнее был тот факт, что некто выделил меня в качестве адресата. Кто? И почему?

Где бы это ни было, — а я не сомневался, что там было нечто, — меня гораздо больше беспокоило то, что кто-то осознал истинные причины моего появления здесь. Выходит, эта персона слишком много обо мне знает. Волосы у меня встали дыбом, в крови заиграл адреналин. Ни один человек не знал моего имени; такое знание несло опасность самому моему существованию. В прошлом я даже убивал, чтобы защитить свое инкогнито.

Моим первым побуждением было бежать, бросив дело, избавиться от своей новой личины и спасти себя

способом, знатоком которого я стал. Но тогда я никогда не узнаю, кто, где, как, почему и каким образом раскусил меня. Самое главное, кто.

И, изучив послание еще раз, я усомнился, что успешное бегство будет означать для меня конец опасности. Ибо не было ли в записке элементов принуждения? Не выраженного словами шантажа, намек на определенное приказание? Письмо словно бы говорило: «Я знаю. Я молчу. Я буду молчать. Ибо ты должен кое-что для меня сделать».

Конечно, мне надо отправиться проверить обломки корабля, хотя я должен дождаться окончания дневных работ. Но, ломая себе голову над тем, что я могу там найти, я решил обращаться с этим осторожно. Впереди целый день размышлений над тем, где я мог проколоться, и у меня есть время обдумать самые надежные меры самозащиты.

Я потерял свое кольцо, в котором дремали смертоносные споры, затем встал и отправился бриться.

В этот день нас с Полом послали на Станцию-Пять. Обычные работы — проверка и обслуживание. Скучно безопасно, рутинно. И мы едва ли вспотели.

Он не подал виду, что знает, где я был вчера вечером. Более того, он даже несколько раз сам заводил разговор. Один раз спросил меня:

— Ну как, попали в «Чикчарни»?

— Да, — ответил я.

— И как вам там?

— Вы правы. Забегаловка.

Пол улыбнулся и кивнул.

— Попробовали что-нибудь из их фирменного?

— Только чуток пива.

— Это самое безопасное, — согласился он. — Майк, мой друг, который погиб, частенько захаживал туда.

— О?

— Я ходил с ним поначалу. Он заказывал что-нибудь, а я сидел и ждал, пока он очухается.

— А сами ничего не заказывали?

Пол покачал головой:

— Имел печальный опыт, когда был помоложе. Испугался. В любом случае Майк заказывал что-нибудь — я имею в виду там, в «Чикчарни». Заходил туда, в заднюю комнату за баром. Не обратили внимания?

— Нет.

— Ну, пару раз ему становилось плохо, и мы вздорили из-за этого. Майк знал, что этот гадюшник не имеет лицензии, но ему было плевать. В конце концов я сказал ему, что куда безопаснее принимать какую-нибудь дрянь на станции, но его беспокоило, что правила этой чертовой компании запрещают подобные штуки. Глупости, по-моему. В конце концов я твердо заявил, что пора ему завязывать, если он не хочет, чтобы дело кончилось плохо, и если уж он не в силах дожидаться, пока придет конец недели, чтобы заняться этим где-нибудь в укромном уголке. Я прекратил ходить в бар.

— А он?

— Только недавно. Так что если вы туда собираетесь за этим делом, то скажу вам то же самое, что и ему говорил. Занимайтесь этим здесь, если уж не можете дождаться свободного времени, чтобы забраться куда-нибудь подальше и в более приличное место, чем «Чикчарни».

— Обязательно учту, — кивнул я, раздумывая, не было ли это частью какого-либо плана и не подстрекал ли он меня на нарушение правил, установленных компанией, чтобы затем избавиться от меня. Это казалось чересчур уж дальновидным и смахивало на слишком параноидальную реакцию с моей стороны. И я прогнал эту мысль.

Вот и все, что Пол пожелал сказать мне на эту тему. Я, конечно, хотел расспросить его о многом, но наше знакомство пока было таким, что мне для этого требовалась какая-то лазейка, а он не дал мне ни одной зацепки.

Итак, мы закончили работу, вернулись на Станцию Один и отправились каждый по своим делам. Я остановился и сказал Дэвису, что хотел бы попозже взять лодку. Он показал мне, какую именно, и я вернулся в

коттедж и подождал, пока он не отправится пообедать. Затем я вернулся к пристани, сунул в лодку свое водолазное снаряжение, снова ушел. Эта тщательная конспирация была необходима, потому что одиночное погружение запрещалось правилами и потому что меры предосторожности Бартелми изложил мне в первый же день. Действительно, они касались только внутренней части района, а корабль лежал за нею, но я не хотел объяснять, где я буду находиться.

Конечно, мне в голову приходила и мысль о том, что это могло быть ловушкой, готовой захлопнуться в любом случае. Но куда я надеялся, что у моего приятеля из музея челюсть все еще находится на месте и не стоит принимать в расчет возможность подводной засады. Кроме того, у меня с собой был один из тех маленьких смертоносных прутьев, заряженный и подготовленный. Все было вполне ясно, я не забыл ничего. Не то чтобы я не принимал в расчет возможность западни для дурачка — просто я решил быть осторожным, проявляя свое любопытство.

И поскольку я не знал, что случится, если меня заметят погружающимся в одиночку в снаряжении компании, я должен был рассчитывать на свою способность объяснить вылазку — если, конечно, меня застукают на этом нарушении семейного спокойствия — тем, что задумал автор этой записки.

Я достиг, как мне показалось, искомого места, встал на якорь, надел свое снаряжение, перевалился через борт и пошел вниз.

Прохладное спокойствие охватило меня, я спускался медленно, осторожно, точно нес что-то хрупкое. Затем, опускаясь все глубже и глубже, я покинул прохладу и свет, вступив в холодную тьму. Я включил лампу, освещающая все вокруг.

Несколькими минутами позже я нашел корабль, покружил возле него, обыскивая окрестности в поисках человека, маскировавшегося под дельфина-убийцу. Но нет, ничего. Кажется, я один. Затем я направился к корпусу старого корабля и посветил вниз, на

отколотый кусок с обломком грот-мачты. Он выглядел нетронутым, но ведь и я понятия не имел, что там зарыто и как давно.

Пройдя рядом, а затем повернувшись, я прозондировал кучу ила прихваченным с собой тонким прутиком. Немного погодя я убедился, что там находится маленький продолговатый предмет, вероятно, металлический, дюймах в восьми от поверхности.

Приблизившись, я раскопал ил. Вода замутилась, свежий ил пополз, чтобы заполнить освободившееся место. Ругаясь про себя, я протянул левую руку, согнув пальцы ковшом, и медленно и осторожно погрузил ее в грязь.

Я не встретил препятствия, пока не добрался до коробки, — ни нитей, ни проволоки, ни подозрительных предметов. Это определенно был металл; прослеживались контуры: где-то шесть на десять и на три дюйма. Коробка была в самом низу и крепилась к мачте двумя прядями проволоки. Я не ощутил соединения с чем-то еще и потому поднял ее — по крайней мере, на мгновение, — чтобы лучше разглядеть.

Маленькая, очень заурядно выглядящая защитная коробка с ручками на обоих концах и наверху; через них пропущена проволока. Я взял моток пластикового шнура и завязал узел на ближайшей ручке. Выпустив шнур на порядочную длину, я воспользовался плоскогубцами, которые захватил с собой, чтобы разрезать проволоку, крепившую коробку к мачте. А затем поднялся наверх, вытравив остаток шнура.

Назад в лодку, затем — вон из снаряжения, и уж потом осторожно, по сантиметру, я вытаскивал коробочку из глубины. Ни движение, ни перепад давления не привели в действие никакую мину, так что я почувствовал некоторое облегчение, когда наконец-то поднял груз на борт. Я поставил коробку на палубу и подумал о том, что я совсем беззащитен.

Коробка была закрыта; что бы ни находилось внутри, оно перекатывалось, когда я встряхивал ее. Я перегнулся через борт, опустил коробку в воду, ковырнул ее отверткой и, вытянувшись, прутом откинул крышку.

Но, кроме плеска волн и шума моего дыхания, ничто не нарушало тишины. Тогда я снова влез в лодку и заглянул в коробку. В ней лежал холщовый мешочек с подвернутым вниз клапаном, плотно закрытым. Я вскрыл его.

Камни. Он был наполнен дюжиной ничем не примечательных с виду камней. Но с каких это пор люди стали так заботиться о простых камнях? Ясно, что здесь скрывались какие-то большие ценности.

Я подумал об этом, хорошенько обтер несколько из камней полотенцем. Затем я повертел их в руках, внимательно осматривая со всех сторон. Да, несколько вспыхивая ударило мне в глаза.

Я не лгал Кашелу, когда на его вопрос, что мне известно о камнях, ответил: немного. Только немного. Но что касается этих, то здесь моих скудных познаний было достаточно. Отделив наиболее многообещающие образцы для эксперимента, я отколол от грязного минерала несколько включений. Несколькими минутами позже края отобранных мною образцов показали великолепные режущие способности на различных материалах, которыми я их проверял.

Кто-то тайком припрятал алмазы, еще кто-то решил дать мне о них знать... Очевидно, если бы этот «кто-то» просто хотел сообщить властям, то запросто сделал бы это сам. Чего же от меня ожидал мой информатор?

Я сумел причалить и выгрузить снаряжение без каких-либо проблем. Возвращаясь в коттедж, я нес завернутый в полотенце мешочек с камнями. Новых записок под дверь не засовывали. Я отправился в душевую и принялся отмываться.

Поскольку я не мог придумать, в каком месте лучше всего укрыть камни, то засунул мешочек в мусоросборник и перекрыл выходной патрубок — теперь их не смоят.

Выглянув и осмотревшись, я увидел, что Фрэнк и Линда кушают на внутреннем дворике, так что я вернулся к себе и поел на скорую руку. Затем полюбовался

на закат — может быть, минут этак двадцать. А потом, когда прошло, как мне показалось, достаточно времени, я снова отправился обратно.

Все вышло еще лучше, чем я предполагал. Фрэнк сидел и читал в одиночестве на своем дворике. Я подошел и сказал:

— Привет!

Он повернулся ко мне, улыбнулся, кивнул и отложил свою книгу.

— Привет, Джим. Теперь, когда вы пробыли здесь уже несколько дней, как вам нравится это место?

— О, прекрасно, — ответил я, — ну просто прекрасно. А вам?

Фрэнк пожал плечами:

— Не жалуясь. Мы хотели пригласить вас к себе на обед. Может быть, завтра?

— Великолепно. Спасибо.

— Приходите около шести.

— Ладно.

— Уже нашли какие-нибудь развлечения?

— Да. Пришлось воскресить свои старые навыки охотника за камнями и хочу вот посоветоваться с вами.

— О? Подобрали какие-то интересные образцы?

— Мне здорово повезло, — сказал я. — Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог обнаружить нечто подобное, если бы не воля случая. Сейчас я покажу.

Я вытащил камни из кармана и вывалил ему в руку. Фрэнк разглядывал их. Он трогал их пальцами. Он перемешивал их. Возможно, прошло с полминуты.

— Вы хотите знать, что это такое? — спросил он затем.

— Нет, я уже знаю.

— Понятно. — Он посмотрел на меня и улыбнулся. — Где вы их нашли?

Я тоже улыбнулся — с ленцой.

— А еще есть? — спросил Фрэнк.

Я кивнул.

Он облизнул губы и вернул камни.

— Может быть, вы решитесь рассказать мне, какого рода была залежь?

Тут мне пришлось соображать куда быстрее, чем за все время после моего приезда сюда. Что-то в манере его любопытства напоминало плетение паутины. Я полагал, что при разговоре со скупщиком контрабандных камней мне будет вполне достаточно маски любителя-контрабандиста. Однако теперь пришлось усиленно ворошить все мои скудные познания о предмете беседы.

Самые большие шахты мира — это те, что в Южной Африке, где алмазы были найдены в породе, известной под названием «кимберлит», или «синяя земля». Но как они попали туда? В результате вулканической деятельности? Пойманы в ловушку потоком расплавленной лавы, подвергнуты сильному нагреву и давлению, которые изменили их структуру, превратив в твердую кристаллическую форму, так любимую девушками?

Но встречались и наносные, аллювиальные отложения, когда алмазы были сорваны со своего первоначального места водами древних рек, нередко уносивших их на громадные расстояния от месторождения и накапливавших их в далеких от берега карманах.

Конечно, все это характерно для Африки, и я не знал, насколько мой экспромт будет верен для Нового Света, для системы Карибских островов, сформировавшихся в результате вулканической деятельности. Возможность того, что местные месторождения представляют собой варианты вулканических трубок или наносов, не исключалась.

Ввиду того что поле моей деятельности было весьма ограничено сроками пребывания здесь, я ответил:

— Аллювиальное. Это была не трубка.

Фрэнк кивнул:

— Какая-либо идея у вас есть насчет того, как продолжить поиски?

— Пока нет. Там, где я их взял, есть еще немало. А что до полной площади месторождения — ясно, что мне об этом говорить еще рано.

— Очень интересно, — пробормотал он. — Знаете, это совпадает с мнением, которого я придерживаюсь... Вы не могли бы дать мне хотя бы очень приблизительный намек, из какой части океана эти камни?

— Извините, — сказал я. — Понимаете...

— Конечно-конечно. И все же, как далеко уходили вы отсюда в своих послеобеденных экскурсиях?

— Я полагаю, это зависело бы от моего собственного желания — насколько позволяет авиационный и водный транспорт.

Фрэнк улыбнулся:

— Ладно. Не буду больше на вас давить. Но я любопытен. Теперь, когда вы их нашли, что вы собираетесь делать дальше?

Я тянул время, прикуривая.

— Наберу столько, сколько смогу, и буду держать пасть на замке, — сказал я наконец.

Он кивнул:

— А как вы собираетесь их продавать? Уж не останавливая ли прохожих на улице?

— Не знаю, — признался я. — Я еще об этом не слишком-то задумывался. Полагаю, что смогу пристроить их каким-либо ювелирам.

Фрэнк усмехнулся:

— Ну, если вам уж очень повезет... Полагаю, вам хотелось бы скрыть все это от огласки, чтобы доходы, которые вы получите, не были официально оприходованы и не подлежали налогообложению?

— Я уже сказал, что хочу набрать их столько, сколько сумею.

— Естественно. Видимо, я не ошибусь, предположив, что цель вашего прихода ко мне — преодолеть трудности, связанные с этим желанием?

— Вообще-то да.

— Я понял.

— Ну?

— Думаю... Действовать в качестве вашего агента в делах вроде этого означает рисковать своей шкурой.

— Сколько?

— Нет, простите, — возразил он чуть погодя. — Это, вероятно, все равно слишком рискованно. Кроме того, дело противозаконно. Я семейный человек. Случись это лет этак пятнадцать назад... кто знает? А сейчас... Простите. Вашу тайну я не раскрою, не беспокойте

тесь. Но только вряд ли я соглашусь участвовать в этом предприятии.

— Вы уверены?

— Наверняка. Даже учитывая все выгоды, опасность для меня слишком высока.

— Двадцать процентов, — предложил я.

— Не будем больше об этом.

— Может быть, двадцать пять... — не отступал я.

— Нет. Даже пополам — и то едва ли.

— Пятьдесят процентов?! Вы спятили!

— Пожалуйста, не орите так. Хотите, чтобы вся станция слышала?

— Виноват. Но об этом и речи быть не может. Пятьдесят процентов!.. Нет. Лучше уж я сам пушусь во все тяжкие, пусть даже меня и надуют. Двадцать пять процентов максимум. И все.

— Боюсь, что мне это ни к чему.

— Во всяком случае, надеюсь, вы подумаете над моим предложением.

Фрэнк усмехнулся.

— Такое трудно забыть, — признался он.

— Ладно. Ну, увидимся.

— Завтра в шесть.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Итак, я отправился обратно, обдумывая возможное развитие событий и действия людей, приводящие в своей кульминации к убийству. Но в картине все еще оставалось слишком много пробелов, чтобы закончить ее так, как мне хотелось бы.

Я, конечно, был весьма обеспокоен тем фактом, что нашелся некто, ощутивший, что мое присутствие действительно представляет собой нечто большее, чем его внешнее проявление. Я снова и снова размышлял над причинами разоблачения моей личины, но так и не видел, на чем мог поскользнуться, — я был весьма осторожен насчет своих полномочий, не сталкивался ни с кем, с кем был знаком раньше. И я начал убеждаться, что ни раньше, ни теперь не допустил никакого случайного прокола.

Тогда я решил, что нужно быть внимательнее и продолжать расследование дальше. Я полагал, что смогу осмотреть место, где были найдены тела. Я еще не был там — в основном потому, что сомневался, что найду что-либо полезное для расследования. И все же... Пора навестить сцену преступления. Слетаю туда перед обедом у Кашелей, если успею. Если же нет — тогда на следующий день.

Хотел бы я знать, совершаю ли я поступки, рассчитанные другим, — как это произошло с находкой камней. Я чувствовал, что так, и был весьма смущен — почти так же, как и удивлен, когда обдумывал мотивы поступка информатора. Однако в этот момент мне не оставалось ничего другого, только ждать.

И пока я обдумывал все это, я услышал, как со мною поздоровался Энди Димс. Стоял Димс рядом со своим коттеджем, покуривая трубку. Ему хотелось знать, не интересуется ли меня партия в шахматы. Она меня не интересовала, но я согласился. Я проиграл две партии, загнал его в пат на третьей. Я чувствовал, что ему немного неловко, но большего, по крайней мере, сказать не могу.

На следующий день Димса и Картера послали на Станцию-Шесть, пока пришла наша с Полом очередь заниматься разнообразными поручениями внутри и около склада оборудования — довольно легкая и унылая работа, решил я.

Так это и было вплоть до полудня и несколько позже, и я уже начал размышлять, а хорошей ли кухаркой окажется Линда Кашел, когда на склад влетел Бартелми.

— Собирайтесь! На выход!

— В чем дело? — спросил его Пол.

— Какая-то неисправность в одном из ультразвуковых генераторов.

— Какая?

Он покачал головой:

— Трудно сказать, пока мы не притащим его сюда и не проверим. Мне известно лишь, что на пульте

погасла лампочка. Я хочу вытащить все в сборе и поставить новый агрегат, а не пытаться произвести ремонт на месте, под водой, даже если это покажется плевым делом. Надо поднять генератор и очень тщательно исследовать в лаборатории.

— Где он расположен?

— К юго-западу, на глубине около тридцати фатомов. Поглядите на карту в диспетчерской, если хотите. Это даст вам больше информации. Но не тяните слишком долго, ладно? Там много чего надо погрузить.

— Ладно. А что за судно?

— «Мэри Энн». Я пойду вниз и предупрежу Дэвиса. Потом переоденусь... Скоро вернусь.

Он ушел, а мы погрузили снаряжение, подготовили акульную клетку и подводную декомпрессионную камеру. Мы проделали два захода на «Мэри Энн», а затем воспользовались возможностью взглянуть на карту, не узнали из нее ничего нового и вернулись за генератором.

— Когда-нибудь погружался в этом районе? — спросил я Пола, когда мы начали маневрировать тележкой с агрегатом.

— Да, — сказал он, — некоторое время тому назад. Это очень близко к краю подводного каньона. Именно там большой кусок «стены» выдается углом. За этой секцией периметра сразу очень крутой обрыв.

— Это как-то осложняет дело?

— Нет, разве что вся секция разрушится или что-то снесет ее вниз.

Вскоре к нам присоединился Бартелми. Он и Дэвис, который тоже пошел с нами, помогли донести все собранное оборудование. А двадцатью минутами позже мы тронулись в путь.

Лебеда́ка была снаряжена; к ней прицепили акульную клетку и декомпрессионную камеру, так что получилось нечто вроде тандема в таком вот порядке. Пол и я повели агрегат вниз, поглядывая, чтобы провода на выходе не запутались, и освещая все вокруг во время спуска. Мне еще ни разу не приходилось пользоваться де-

компрессионной камерой, но я совершенно не возражал против ее присутствия, если учитывать, что у предстоящих работ могут быть нежелательные последствия. Было приятно сознавать, что если я буду ранен, то смогу добраться до нее, просигнализировать, и меня без промедления доставят на поверхность, не останавливая для декомпрессии: глубинное давление будет снижаться в этом колоколе по ходу дела и постепенно дойдет до нормального, пока меня будут волоочь в амбулаторию на острове. Славные мысли.

Мы установили клетку на дне неподалеку от агрегата, который стоял на месте без видимых повреждений, а затем немного поднялись над ним, осветив окрестности. Мы действительно находились на краю ущелья. Пока Пол проверял ультразвуковой генератор, я двинулся поближе к краю и направил вниз луч своего фонарика.

Выступающие каменные пики и извивающиеся трещины... Рефлекторно я отпрянул от края бездны и повернул фонарь в сторону. Но затем вернулся и стал наблюдать за работой Пола. Десять минут потребовалось, чтобы освободить генератор от креплений. И еще пять — поднять его на проводах.

Немного погодя, периодически поводя лучами фонарей, мы обнаружили сменный агрегат, спускающийся сверху. И подплыли, чтобы встретить его и подвести к месту. Сейчас Пол предоставил возможность поработать мне. Я показал знаками, что хочу это сделать, и он написал на грифельной доске: «Давай, покажи, на что ты способен».

Я принялся монтировать новый агрегат, и это отняло у меня минут двадцать. Пол проверил работу, хлопнул меня по плечу и кивнул. На подключение системы ушло всего несколько минут, и когда я закончил, то почувствовал удовлетворение от того, что сейчас на далекой станции на панели снова загорится огонек.

Я повернулся, чтобы дать знак, что работа выполнена и можно оценить ее и восхититься.

Но напарника со мной больше не было. На несколько секунд я застыл, уставившись в пустоту. Затем начал водить вокруг лучом фонаря. Ничего...

Чувствуя, как нарастает во мне панический страх, я двинулся к краю бездны и нагнулся над ней с фонарем в руке. По счастью, Пол двигался не слишком быстро. Но он действительно направлялся вглубь.

Я ринулся за ним со всей скоростью, на какую только был способен. Азотное опьянение, гроза водолазов, или «восторг пустоты» обычно поражает на глубинах около двухсот футов. Мы спустились где-то на сто семьдесят, не более, но Пол определенно демонстрировал симптомы азотного опьянения.

Я догнал напарника, схватил за плечо и повернул назад. Через стекло шлема я разглядел блаженную улыбку, разлившуюся на его лице.

Взяв Пола за руку и плечо, я потащил его назад, буксируя за собой. Несколько секунд он следовал за мной, не сопротивляясь. Затем он стал бороться со мной. Я предвидел эту возможность и принял позицию из даю-до «квансецу-вазе», но очень быстро обнаружил, что даю-до не особенно годится под водой, особенно когда клапаны баллона слишком близки к вашей маске. Я отворачивал голову подальше, откидывал ее назад. На некоторое время я утратил возможность тащить Пола назад таким способом. Но я не отказался от своих приемчиков. Если бы мне только удалось удержать его чуть дольше и не допустить, чтобы азотное опьянение поразило самого меня, то я получил бы преимущество, уверен. Кроме всего прочего, у него пострадала не только координация движений, но и способность к мышлению.

В конце концов я дотащил его до агрегата — бурная лавина пузырей рванулась из воздушного шланга, когда Пол выплюнул загубник, и не было способа вернуть его обратно без того, чтобы не отпустить самого водолаза. Впрочем, может быть, именно из-за того, что Пол стал задыхаться, мне стало чуть легче справляться с ним.

Я втолкнул его в камеру, последовал за ним и запечатал дверь. Он почти смирился и начал поддаваться. Я сумел сунуть ему в рот загубник, а затем рванул сигнал подъема.

Мы начали подниматься почти сразу же, и хотел бы я знать, о чем думали в этот момент Бартелми и Дэвис.

Они достали нас очень быстро. Я почувствовал легкое дребезжание, когда мы наконец-то попали на палубу. Вскоре после этого вода схлынула. Не знаю, сравнялось ли к тому времени давление в камере с наружным, но переговорное устройство ожило, и послышался голос Бартелми, — я как раз вылезал из своей амуниции.

— Через несколько минут двинемся, — сказал он. — Что стряслось?

— Азотное опьянение, — доложил я. — Пол хотел уйти и начал бороться со мной, когда я попытался вытащить его.

— Повреждения есть?

— Не думаю. Он ненадолго потерял загубник. Но теперь дышит нормально.

— В каком он состоянии?

— По-прежнему «под мухой», полагаю. Плюс общий упадок сил.

— Ладно. Можете освобождаться от вашего снаряжения.

— Уже освободился.

— ...и раздеть его.

— Уже начал.

— Мы радировали на остров. Медик прилетел и ждет в лаборатории... У себя самого чувствуете какие-либо симптомы опьянения?

— Нет.

— Вы покинете камеру через некоторое время... Хотите еще что-нибудь мне сказать?

— Да нет, пожалуй.

— Тогда все в порядке. Теперь я свяжусь по радио с доктором. Если понадоблюсь, свистните в микрофон. Он это выдержит.

— Договорились.

Я освободил Пола от снаряжения, надеясь, что он вскоре начнет приходить в себя. Однако он не очнулся. Он сидел, сутулясь, бормоча что-то с открытыми, но остекленевшими глазами, и то и дело улыбался.

Хотел бы я знать, что с ним стряслось. Если давление и в самом деле было снижено, он должен был прийти в себя почти мгновенно. Возможно, надо снизить давление еще чуть-чуть, решил я.

Но... Не погружался ли он раньше, еще до начала рабочего дня?

Продолжительность декомпрессии зависит от общего количества времени, проведенного под водой в течение двадцатичасового периода, от общего количества азота, усвоенного тканями, в частности головным и спинным мозгами. Не погружался ли Пол, чтобы поискать что-нибудь, скажем, в иле у основания сломанной мачты, среди обломков старого затонувшего корабля? Может быть, ненадолго, тщательно обыскивая все в тревоге? Зная, что сегодня предстоит работать на берегу и в течение всего рабочего дня в ткани тела не попадет ни молекулы азота? И вот неожиданная авария, и он должен рисковать. Он делает вид, что все в порядке, возможно, даже поощряет новичка продолжить и закончить работу. Отдыхает, пытается справиться с собой...

Очень может быть. В этом случае действие декомпрессии, проводимой Бартелми, сводится к нулю. У него данные о времени и глубине погружения — но только последнее погружения Пола. Черт поberi, насколько я понимаю, он мог побывать в нескольких точках, разбросанных в различных местах на дне океана!

Я нагнулся над ним, изучая зрачки глаз, чтобы привлечь его внимание к себе.

— Как долго ты был утром под водой?

Он улыбнулся:

— Я не нырял.

— Мне нет дела до того, зачем ты нырял. Меня куда больше заботит твое здоровье... Как долго ты был внизу? И на какой глубине?

Пол покачал головой и повторил:

— Я не нырял.

— Черт бы тебя побрал! Я знаю, что ты нырял. У старого затонувшего корабля, да? Там где-то около двадцати фатомов. Но сколько ты пробыл под водой? Час? Или еще дольше?

— Я не нырял, — настаивал он. — Это правда, Майк! Я не нырял.

Я вздохнул, откинувшись назад. Не исключено, что он говорит правду. Люди устроены по-разному. Воз-

можно, особенности его физиологии сыграли такую шутку, и это был другой вариант — не тот, что предполагал я. Однако все это так походило на истину...

На мгновение я примерил его на место поставщика камней, а Фрэнк — на место укрывателя краденого. Итак, я пришел к Фрэнку со своей находкой, Фрэнк сообщил Полу о таком обороте дела, и тот, забеспокоившись, пока все на станции спали, отправился убедиться, что его добро по-прежнему надежно укрыто. Во время неистовых поисков организм накопил много азота, а затем произошло все остальное.

Эта стройная гипотеза поразила меня своей логичностью. Но коснись это меня, я нашел бы способ прервать погружение. Всегда можно соврать что-нибудь для того, чтобы подняться наверх раньше срока.

— Ты не можешь вспомнить? — попытался я еще раз.

Пол начал без особого воодушевления клясть все на свете, но потерял последний энтузиазм после дюжины-другой слов. А затем протянул:

— Почему ты не веришь мне, Майк? Я не нырял...

— Ладно, я верю тебе, — сказал я. — Все в порядке. Так что отдыхай.

Он потянулся и вцепился в мою руку.

— Значит, все прекрасно?

— Ага.

— Все это так... как никогда не было прежде.

— С чего ты взял? — поинтересовался я.

— ...Прекрасно.

— О чем ты?

— Ты знаешь, я никогда не притронусь ни к одному из них, — произнес Пол после недолгой паузы.

— Так в чем же дело?

— Проклятая красота... — пробормотал он.

— Что-то стряслось на дне? Что?

— Я не знаю. Уходи! Не зови это обратно. Все так, как должно было быть. Всегда. Не та дрянь, что ты взял... Начало всех неприятностей...

— Я знаю. Прости, — рискнул я. — Добытые вещи...

— Растранжирь их...

— Я знаю. Но мы дали ему, — продолжал я.

— Ага, — отреагировал Пол. Затем: — О Господи!

— Алмазы... Алмазы в безопасности, — предложил я быстро.

— Дали ему... О Господи!

— Скажи мне, что ты видел, — настаивал я, пробуя вернуть его к тому, о чем мне хотелось услышать.

— Алмазы... — выдохнул Пол.

Затем он разразился длинным и бессвязным монологом. Я слушал, снова и снова подсказывал что-нибудь, чтобы вернуть Пола к теме алмазов, все готовился бросить ему имя Руди Майерса. Ответы его оставались фрагментарными, но в целом картина начала проясняться.

Я спешил, стараясь узнать как можно больше, пока не вернулся Бартелми, чтобы продолжить декомпрессию. Я боялся, что Пол неожиданно протрезвеет, — именно таким образом и срабатывает декомпрессия, если вы не ошиблись в диагнозе.

Он и Майк, насколько я понял, принесли алмазы — но откуда они, установить не удавалось. Сколько я ни пытался прояснить роль Фрэнка, Пол лишь только бормотал какие-то нежности по поводу Линды. Однако кое-что я все-таки сумел из него вытянуть.

Видимо, Майк о чем-то проболтался однажды, приняв в заднем помещении «Чикчарни» изрядную дозу наркотика. Руди это настолько заинтересовало, что он составил снадобье несколько иное, чем «Розовый рай», — и, наверное, не один раз. И после этого выведал у Майка всю историю и почувствовал, что запахло долларами. Только Пол оказался куда умнее, чем думал Майерс. Когда Руди затребовал плату за молчание и Майк сказал об этом Полу, Пол выдал идею о «помешательстве» дельфинов в парке и уговорил Майка поучаствовать в этом — чтобы он предложил Руди встретиться с ним в парке для получения платы. Остальное было окутано какой-то дымкой, потому что упоминание о дельфинах сдерживало Пола. Но он, очевидно, поджидал в условленном месте, и они с Майком занялись Руди, когда тот добрался до места засады: один держал жертву, а другой обраба-

тывал шантажиста дельфиньей челюстью. Одно оставалось неясным: или Майк был ранен в схватке с Руди и Пол решил прикончить его и придать и ему вид дельфиньей жертвы, или же он спланировал эту часть заранее и после первого убийства напал на Майка, застав его врасплох. В любом случае дружба между ними со временем ослабела, а дело с шантажом окончательно рассорило их.

Примерно такой рассказ я выслушал, перемежая бормотание Пола своими наводящими вопросами. Очевидно, убийство Майка потрясло его больше, чем он предполагал. Он по-прежнему называл меня Майком, говорил, что сожалеет о случившемся, и я поддерживал его бред.

Прежде чем я сумел вытянуть из него что-либо еще, вернулся Бартелми и спросил меня, как идут дела.

— Пол бредит, — ответил я, — и больше ничего.

— Я чуть подольше проведу декомпрессию. Может быть, это приведет его в чувство... Осталось немного, нас уже ждут.

— Хорошо.

Но декомпрессия не привела Пола в чувство. Он оставался все таким же. Я пытался его перехитрить, вытянуть из него подробности, особенно насчет источника алмазов... Но что-то пошло наперекосяк. Он начал реагировать иначе: бросился на меня, схватил за глотку... Я отбил атаку, удерживая Пола на месте. Он уступил, заплакал, забормотал в ужасе, что признался во всем. Я разговаривал с ним медленно, тихо, пытаюсь утешить его, вернуть к прежнему, доброжелательному восприятию действительности... Ничего не помогало, и я замолчал, оставаясь начеку.

Потом он задремал, и Бартелми продолжил декомпрессию. Я следил за дыханием Пола и время от времени проверял пульс, но, казалось, ухудшения не наступало.

К тому времени, когда мы добрались до станции, декомпрессия была закончена полностью, я открыл люк и вышвырнул наше снаряжение. Пол вздрогнул, открыл глаза, уставился на меня и произнес:

— Это судьба.

— Как вы себя чувствуете?

— Сейчас, похоже, нормально. Только устал: на ногах не удержусь.

— Позвольте подать вам руку.

— Спасибо.

Я помог ему выбраться из камеры и опуститься на сиденье приготовленного кресла на колесиках. Вокруг суетились и молодой врач, и Кашел, и Димс, и Картер. Я не мог помочь желающим узнать, что происходит в этот момент в голове у Пола. Доктор проверил сердцебиение, пульс, давление, осветил ему в глаза и уши и заставил указательным пальцем дотронуться до кончика носа. Затем он кивнул, махнул рукой, и Бартелми покати к амбулатории. А доктор попросил меня рассказать обо всем, что произошло.

Я так и сделал, опустив только ту часть истории, о которой узнал из бреда. Затем доктор поблагодарил меня и зашагал к амбулатории. Я быстро догнал его.

— На что это похоже? — спросил я.

— На азотное опьянение, — ответил врач.

— А может, что-нибудь иное? Я имею в виду то, как он реагировал на декомпрессию и вообще...

Доктор пожал плечами.

— Люди по-разному устроены и не похожи друг на друга не только внешне, но и внутренне. Сколько бы вы ни изучали физиологию человека, вы все равно не сможете сказать, как он станет вести себя, выпив, — будет веселым, печальным, буйным, сонным... То же и здесь. Думается, он только теперь приходит в норму.

— Без осложнений?

— Ну, я хочу сделать электрокардиограмму сразу же, как только мы доставим его в амбулаторию. Но, думаю, с ним все в порядке. Слушайте, а там, в амбулатории, есть декомпрессионная камера?

— Весьма вероятно. Впрочем, я здесь новичок. Не уверен.

— А почему бы вам не пойти с нами и не выяснить? Если ее там нет, то я хотел бы затащить туда подводный ее вариант.

— Вот как?

— Только из предосторожности. Лучше оставить парня в амбулатории на всю ночь — с кем-нибудь, кто станет приглядывать за ним. Если случится рецидив, то неплохо будет иметь эту штуку под рукой, чтобы еще раз провести декомпрессию.

— Понятно.

Мы поймали Бартелми у дверей. Другие тоже были там.

— Да, в амбулатории есть камера, — сказал Бартелми в ответ на вопрос врача. — Я посижу с ним.

Сидеть вызвались все, и ночь в конце концов была разделена на три вахты: Бартелми, Фрэнк и Энди соответственно. Каждый из них, конечно, был хорошо знаком с оборудованием для декомпрессии.

Фрэнк подошел и тронул меня за руку.

— Раз уж мы сейчас не в силах ему помочь, — сказал он, — то, может быть, все-таки пообедаем?

— В самом деле? — Я машинально поглядел на часы.

— Сядем за стол около семи вместо шести тридцати, — продолжал Фрэнк с улыбкой.

— Прекрасно. Только мне нужно принять душ и переодеться.

— Ладно. Приходите сразу же, как будете готовы. У нас еще останется время, чтобы выпить.

— Порядок. А выпить действительно хочется. До скорого.

Я пошел в свой коттедж и принял душ. Новых любовных записочек не поступало. Ну а камешки по-прежнему покоились в мусоросборнике. Я причесался и зашагал обратно через остров.

Когда я был около лаборатории, показался доктор, разговаривающий через плечо с кем-то в дверях. Вероятно, его собеседником был Бартелми. Подойдя, я увидел в руках врача чемоданчик.

Он пошел прочь. Заметил меня, кивнул и улыбнулся.

— Думаю, с вашим другом все в порядке.

— Хорошо. Как раз об этом я и хотел спросить.

— А как вы сами себя чувствуете?

— Нормально. Нет, действительно хорошо.

— У вас вообще не было никаких дурных симптомов, верно?

— Конечно.

— Прекрасно. Если будут, вы знаете, куда обратиться.

— Да.

— Ладно, тогда я пошел.

— До свидания.

Он направился к вертолету, стоявшему у главного здания. Я же двинулся дальше, к дому Фрэнка.

Фрэнк вышел мне навстречу.

— Что сказал доктор?

— Вроде бы, все в порядке, — ответил я.

— Угу. Заходите и выкладывайте, что будете пить. —

Он открыл дверь.

— Лучше всего бурбон, — ответил я.

— С чем?

— Только лед.

— Ладно. Сейчас вернется Линда, она накрывает на стол.

Фрэнк отправился готовить выпивку. Хотел бы я знать, скажет ли он хоть что-нибудь насчет алмазов, пока мы одни. Но он ничего не сказал.

Он повернулся, подал мне стаканчик, поднял свой в коротком салюте и сделал глоток.

— Ну, рассказывайте.

Рассказывал я весь обед и еще после. Я был очень голоден, а Линда готовила вкусно. Фрэнк задавал и задавал вопросы, вытягивая мельчайшие подробности расстройства Пола, и меня это очень утомляло. Я задумался о Линде и Фрэнке. Вряд ли можно сохранить в тайне интрижку, вроде этой, на таком маленьком острове, как наша станция. Что же на самом деле знал, думал и чувствовал Фрэнк? Как следует себя вести в этом причудливом треугольнике?

Я посидел с ними какое-то время после обеда и почти что физически ощущал нарастание напряжения между ними. Фрэнк медленно вел беседу по той колее, которую наметил. Я не сомневался, что он упивается неудачей Пола, но чувствовал себя все более и более неловко в роли буфера в проявляющемся раздо-

ре, столкновении или возобновлении старой ссоры. Поблагодарив за угощение, я как можно скорее собрался уходить, сославшись на усталость, — что было наполовину правдой.

Фрэнк немедленно поднялся.

— Я провожу вас, — сказал он.

— Хорошо.

Когда мы наконец добрались до моего дома, он произнес:

— Насчет тех камней...

— Да?

— Вы уверены, что их намного больше — там, откуда вы их взяли?

— Пойдемте, — предложил я ему и провел вокруг коттеджа во дворик. — Сейчас последние минуты заката. Почему бы не полюбоваться? Я сейчас вернусь.

Я вошел в заднюю дверь, приблизился к раковине и открыл слив. Около минуты у меня ушло на то, чтобы достать мешочек. Я открыл его, зачерпнул пригоршню камней и вышел из дому.

— Подставляйте руки, — сказал я Фрэнку.

Он сложил руки ковшиком, и я наполнил их.

— Ну, как?

Фрэнк шагнул поближе к свету, лившемуся из открытой двери.

— Господи! — прошептал он. — Так вы действительно нашли месторождение?

— Конечно.

— Ладно. Я продам их для вас. Тридцать пять процентов.

— Двадцать пять, не больше. Я уже говорил об этом.

— Просмотр камней и минералов на этой неделе в субботу. Человек, которого я знаю, сможет быть там, стоит лишь ему дать знать. Он предложит хорошую цену. Я дам ему знать — за тридцать процентов.

— Двадцать пять.

— Жаль, что мы близки были к сделке и не смогли сторговаться. Что ж, мы оба в накладе.

— Ну ладно. Тридцать.

Я забрал камни, ссыпал их в карман, и мы ударили по рукам. Потом Фрэнк повернулся.

— Двинусь в лабораторию, — сказал он, — посмотрю, что стряслось с тем агрегатом, что вы притащили.

— Сообщите мне, когда найдете неисправность. Любопытно.

— Хорошо.

Он ушел, а я прибрал камни, принес книгу о дельфинах и начал листать ее. И меня поразило, насколько смешно было то, что я делал. Все эти разговоры о дельфинах, все чтения, рассуждения, включая мою длинную диссертацию об их гипнотических и гипотетичных снопеснях как о религиозно-диагностических формах людуса — для чего? Чтобы обнаружить, что я, скорее всего, справился бы со всем этим делом, даже не увидев ни одного живого дельфина?

Вот чего хотели Дон и Лидия Барнс — и Институт: чтобы я восстановил доброе имя дельфинов. И все же насколько запутанным был этот клубок! Шантаж, убийства, контрабанда алмазов, да еще и нарушение супружеской верности — пустячок по сравнению с остальным... Как гладко и аккуратно я начал распутывать его, но так и не определил, кто знал обо всем этом, кто помог мне и зачем исчез так, как исчезал только я, — без того, чтобы возникли всякие неприятные вопросы, без того, чтобы оказаться втянутым в это дело.

На меня накатило чувство глубокой зависти к дельфинам. Создавали ли они когда-нибудь для себя подобные проблемы? Сильно в этом сомневаюсь. Может быть, если я соберу достаточно зеленых печатей судьбы, я сумею в следующей жизни воплотиться в дельфина...

Что-то нахлынуло на меня, и я задремал, не потушив свет.

Меня разбудил резкий и настойчивый стук. Я протер глаза и потянулся. Кто-то барабанил в оконную раму. Я встал, подошел к окну и обнаружил, что это был Фрэнк.

— Ну, — сказал я, — что стряслось?

— Выходите. Это очень важно.

— Ладно. Минутку.

Я ополоснул лицо, что окончательно разбудило меня и дало время подумать. Взглянув на часы, я увидел, что времени около половины одиннадцатого.

Когда я в конце концов вышел, Фрэнк вцепился в мое плечо:

— Пойдем! Черт возьми! Я же сказал, что это очень важно!

Я сделал шаг вслед за ним.

— Ладно. Я проснулся. А в чем дело?

— Пол умер.

— Что?!

— Что слышали. Пол умер.

— Как это случилось?

— У него остановилось сердце.

— Вот оно что... Но как?

— Я начал возиться с замененным генератором — затащил его в соседнее с амбулаторией помещение, сменив Бартелми. И настолько увлекся, что не обращал на Пола особого внимания. Когда я все-таки решил пойти взглянуть, он был мертв. Вот и все. Его лицо почернело и исказилось. Похоже на что-то вроде легочной недостаточности. Может, легочная эмболия...

Мы вошли в ближайšie двери, и легкий бриз ворвался за нами следом. Миновали недавно установленный верстак, разбросанные инструменты и частично разобранный агрегат. Свернув налево, вошли в комнату, где лежал Пол. Я включил свет.

Его лицо больше не было красивым, оно несло на себе отпечатки последних минут, проведенных в муках. Я подошел к нему и проверил пульс, заранее зная, что не найду. Надавил на кожу большим пальцем. Пятно, когда я убрал палец, оставалось белым.

— Давно это случилось?

— Прямо перед тем, как я к вам пришел.

— Почему ко мне?

— Вы живете ближе всех.

— Понятно... Простыня в этом месте была порвана раньше?

— Не знаю.

— Ни криков, ни стонов, ни каких-либо звуков?

— Ничего. Если бы я услышал, то пришел бы сразу.

Неожиданно мне захотелось закурить, но в комнате стояли кислородные баллоны, и по всему помещению были развешаны таблички с надписью «Не курить!». Я повернулся и пошел назад, толкнул незапертую дверь, навалился на нее спиной и уставился в пространство над морем.

— Очень забавно, — промолвил я вслух. — После дневных симптомов ему были гарантированы «естественные причины» для «возможной легочной эмболии», «легочной недостаточности» или еще какой-нибудь дьявольщины вроде этого.

— Что вы хотите сказать? — спросил Фрэнк.

— Был ли он спокоен... Не знаю. Не в этом дело. Я полагаю, вы применили декомпрессию. Верно? Или просто-напросто придушили его?

— Прекратите! Зачем...

— В определенной степени я помог убить его, — сказал я. — Я полагал, что он в безопасности рядом с вами, потому что вы ничего не предпринимали против Пола все это время. Вы хотели удержать жену, вернуть ее обратно. Потратить на нее кучу денег — вот способ, которым вы хотели ее вернуть. Но получался порочный круг, потому что именно Пол был источником ваших сверхдоходов. Потом появился я и предложил вам альтернативный вариант. Затем сегодняшней несчастный случай и возможность, представившаяся этой ночью... Вы воспользовались. Надо ковать железо, пока оно горячо... Поздравляю. Думаю, вы добились успеха. Нет никаких доказательств. Отлично сработано.

Фрэнк вздохнул:

— Ясно. Сейчас мы найдем Бартелми, и вы скажете ему, что я обзвумел. Но почему вы ввязались во все это?

— Мне было интересно разузнать о Руди и Майке. Вы принимали участие в организации того убийства?

— Что вам известно? — спросил он медленно. — И как вы узнали?

— Я знаю, что Пол и Майк были поставщиками камней. Я знаю, что Руди пронюхал об этом и пытался шантажировать их. Они взяли его в оборот; наверное,

Пол позаботился для ровного счета и о Майке. Как я узнал? Пол выболтал все во время нашего возвращения, ведь я был с ним в декомпрессионной камере, помните? Я узнал об алмазах, убийствах, Линде, — только успевай прислушивайся.

Фрэнк откинулся на верстак и покачал головой.

— Я подозревал вас, — сказал он, — но у вас были убедительные доказательства — те алмазы. Допустим, вы добрались до них чрезвычайно быстро. Я благосклонно принял ваш рассказ, потому что, возможно, месторождение Пола было действительно где-то очень близко. Хотя он никогда не говорил мне, где именно. Я решил, что вы или наткнулись на него случайно, или проследили за Полом и все поняли. В любом случае это не имело для меня никакого значения. Я охотнее имел бы дело с вами. Остановимся на этом?

— Если вы расскажете мне о Руди и Майке.

— Но я на самом деле знаю не более того, что вы мне сейчас рассказали. Меня это не касалось. Обо всем позаботился Пол. Только ответьте мне: как вы натолкнулись на месторождение?

— А я и не наталкивался. Понятия не имею, где Пол нашел алмазы.

Фрэнк выпрямился.

— Я вам не верю! Те камни — откуда они?

— Я нашел место, в котором Пол прятал мешок с камнями, и украл их.

— Зачем?

— Ради денег, конечно.

— Тогда почему вы солгали мне?

— А вы хотели бы, чтобы я сказал, что они краденые?

Фрэнк молнией рванулся вперед, и я увидел, что в руке он сжимает гаечный ключ. Я отпрыгнул назад, и дверь, захлопываясь, ударила его в плечо. Однако это только ненадолго задержало его. Он рванул дверь и бросился ко мне. Я снова отступил и принял оборонительную позу.

Фрэнк ударил, и я ушел от удара в сторону, задев его по локтю. Мы оба промахнулись. Новый удар слегка задел мое плечо, так что выпад, который я сделал

секундой позже, достиг его почек с меньшей силой, чем я надеялся. Я отпрянул назад, когда он ударил снова, и мой пинок достал его бедро. Фрэнк опустился на колено, но поднялся прежде, чем я нанес на него, ударив в направлении моей головы. Я отпрянул, и он промахнулся.

- Я слышал воду, чувствовал ее запах...

Когда он напал снова, я прогнулся назад и захватил его руку. Крепко вцепился в нее близ локтя и зажал, вытянув свои скрюченные пальцы по направлению к лицу противника. Фрэнк двинулся на меня, и я упал, по-прежнему сжимая его руку, а другой крепко ухватив его за пояс. Мое плечо ударилось о землю, и он оказался на мне, пытаясь освободиться. Когда это ему удалось, его вес на мгновение переместился. Почувствовав свободу, я свернулся в клубок и ударил его обеими ногами.

Мой удар достиг цели. Фрэнк только хрюкнул... А затем он пропал. Я услышал, как он плюхнулся в воду. Еще я слышал отдаленные голоса — они окликали нас, они приближались к нам через остров. Я поднялся на ноги и двинулся к краю острова.

И тут Фрэнк завизжал — это был длинный жуткий крик, полный предсмертной муки. К тому времени, когда я достиг края платформы, вопль оборвался. Подбежал Бартелми, повторяя: «Что случилось?» до тех пор, пока не глянул вниз и не увидел плавник, мелькнувший в центре водоворота. Затем он пробормотал: «О Господи!» — и больше ничего.

Позже, когда я давал отчет о событиях, я рассказал, что Фрэнк показался мне очень возбужденным, когда прибежал поднимать меня, что он крикнул мне, что Пол перестал дышать, и я, вернувшись с ним в лабораторию, убедился, что Пол мертв, и начал выпрашивать его о подробностях, а в ходе разговора он, похоже, получил впечатление, что я подозреваю именно его в смерти Пола из-за проявленной им небрежности. Тогда он возбудился еще больше и набросился на меня, мы боролись, и он упал в конце концов в воду.

Все это, конечно, было правдой. Отчет мой грешил лишь пропусками. Но они, похоже, удовлетворились

этим. Все ушли. Акула рыскала вокруг, возможно, дожидаясь, не кинут ли ей кого-нибудь на десерт, и те, кто занимался дельфинами, пришли и усыпили ее, а затем унесли. Бартелми сказал мне потом, что вышедший из строя ультразвуковой генератор действительно мог иметь периодические короткие замыкания.

Так, Пол убил Майка и Руди; Фрэнк убил Пола, а затем сам был убит акулой, на которую теперь можно было свалить и первые два убийства. Дельфины оправданы, и не оставалось больше ничего, что взывало бы к правосудию. Месторождение же алмазов стало теперь одной из маленьких тайн, нередких в нашей жизни.

...После того как все разошлись, выслушав мой рассказ о происшедшем, а остатки останков убрали — еще долго после этого, пока тянулась ночь, поздняя, чистая, со множеством ярких звезд, двоившихся и мерцавших в прохладных водах Гольфстрима вокруг станции, я сидел в кресле на маленьком заднем дворике за моим жилищем, потягивая пиво из банки, и следил за тем, как заходят звезды.

У меня не было чувства удовлетворения, хотя на папке с делом, хранящейся у меня в уме, уже стоял штамп «Закрото».

Кто же написал мне записку — записку, включившую адскую машину убийств? Действительно ли стоит об этом беспокоиться теперь, когда работа завершена? До тех пор, пока этот «кто-то» будет хранить молчание относительно меня...

Я еще глотнул пива. Да, стоит, решил я. Мне тоже следует осмотреться повнимательнее. Я достал сигарету и собрался закурить.

И тогда это началось...

Бухта была освещена. Когда я влетел на причал, голос Марты донесся до меня через громкоговоритель. Она приветствовала меня по имени — по моему насто-

ящему имени; я не слышал, чтобы его произносили вслух уже давным-давно. И она пригласила меня войти.

Я двинулся по причалу вверх к зданию. Дверь была полуоткрыта.

И я вошел, оказавшись в большой комнате, полностью оформленной в восточном стиле. Хозяйка была одета в шелковое зеленое кимоно. Она сидела на коленях на полу, и перед ней стоял чайный сервиз.

— Пожалуйста, проходите и садитесь, — предложила она.

Я кивнул, снял обувь, пересек комнату и сел.

— О-ча доу десу-ка?

— Итадакимасу.

Марта наполнила чашки, и мы некоторое время пили чай. После второй чашки я придвинул к себе пепельницу.

— Сигарету?

— Я не курю, — ответила она, — но я хочу, чтобы вы курили. Я попытаюсь вобрать в себя как можно больше вредных веществ. Полагаю, именно с этого все и началось.

Я закурил.

— Никогда не встречал настоящих телепатов, — признался я.

— Мне приходится пользоваться этой моей способностью постоянно, — ответила она, — и не скажу, чтобы это было особенно приятно.

— Думаю, мне нет необходимости задавать вопросы вслух?

— Нет, действительно нет. Как полагаете, мне хочется читать мысли?

— Чем дальше, тем меньше, — предположил я.

Она улыбнулась:

— Я спросила об этом, потому что много размышляла в последнее время. Я думала о маленькой девочке, которая жила в саду с жуткими цветами. Они были красивые, эти цветы, и росли, чтобы делать девочку счастливой тогда, когда она ими любит. Но они не могли скрыть от нее свой запах — запах жалости. Ибо она была маленькой несчастной калеккой. И бежала не от цветов, не от их внешнего облика, а от их аромата,

смысл которого она смогла определить, несмотря на возраст. Было мучительно ощущать его постоянно, и лишь в заброшенном пустынном месте нашла она какое-то отдохновение. Не будь у нее этой способности к телепатии, девочка осталась бы в саду.

Она замолчала и пригубила чай.

— И однажды она обрела друзей, — продолжала хозяйка, — обрела в совершенно неожиданном месте. Это были дельфины — весельчаки с сердцами, не спешащими с унижительной жалостью. Телепатия — та, что заставила ее покинуть общество подобных себе, — помогла найти друзей. Она смогла узнать сердца и умы своих новых друзей куда более полно, чем один человек может познать другого. Она полюбила их, стала членом их семьи.

Марта еще отпила чаю, а затем посидела в молчании, глядя в чашку.

— Среди них были и великие, — проговорила она наконец, — те, о которых вы догадались чуть раньше. Пророки, философы, песнопевцы — я не знаю слов в человеческом языке для того, чтобы описать функции, которые они выполняли. Тем не менее среди них были и те, чьи голоса в снопеснопении звучали с особой нежностью и глубиной — нечто вроде музыки и в то же время не музыка... Величайший из всех Песнопевцев носил имя или титул, звучащий как «кива'лл'кие'ккоотаилл'кке'к». Я не могу выразить словами его снопеснопение так же, как не смогла бы рассказать о гении Моцарта тому, кто никогда не слышал музыки. Но когда Песнопевцу стала угрожать опасность, я сделала то, что должна была.

— Видите, я пока еще не все понимаю, — заметил я, поставив чашку.

— «Чикчарни» построен так, что пол его возвышается над рекой. — Картина бара внезапно вспыхнула в моей памяти ясно и с потрясающей реальностью. — Вот так, — добавила Марта. — Я не пью крепких напитков, не курю и очень редко пользуюсь медикаментами, — продолжала она, — и не потому, что у меня нет другого выбора. Просто таково мое правило, обусловленное здоровьем. Но это не значит, что я неспособна наслаж-

даться подобными вещами так же, как я сейчас наслаждаюсь сигаретой, которую курите вы.

— Начинаю понимать...

— Плавая под полом этого притона в ночи, я переживала наркотические галлюцинации тех, кто грезил наверху, вселяясь в них и пользуясь сама их покоем, счастьем и радостью, и отгоняя видения, если они вдруг становились кошмарными.

— Майк, — пробормотал я.

— Да, именно он привел меня к Песнопевцу, ранее мне неизвестному. Я прочла в его разуме о месте, где они нашли алмазы. Вижу, вы считаете, что это где-то около Мартиники, поскольку я только что оттуда. Не отвечу ни да ни нет. Кроме того, я прочла у него мысль о причинении вреда дельфинам. Оказалось, что Майка и Пола отогнали от месторождения — хотя и не причиняя им особого вреда. Так случилось несколько раз. Я сочла это настолько необычным, что стала изучать дальше и обнаружила, что это правда. Месторождение, открытое этими людьми, находилось в районе обитания Песнопевца. Он жил в тех водах, а другие дельфины приплывали туда, чтобы его послушать. В некотором смысле это место паломничества — из-за его присутствия там.

— Люди искали способ обеспечить свою безопасность в следующий раз, когда они снова нагрянут за камнями. Именно для этого они вспомнили об эффекте, производимом записями голоса касатки. Но припасли еще и взрывчатку. Пока меня не было, произошло двойное убийство, — продолжала она. — Вы, по существу, правы насчет того, как и что было сделано. Я не знаю, как это можно доказать и признали ли бы доказательством мою способность прочесть их мысли. Пол пускал в ход все, что попадало ему когда-либо в руки или приходило на ум, и тем не менее в схватке со мной он проиграл бы. Он прибрал познания Фрэнка так же, как и его жену, узнал от него достаточно для того, чтобы найти месторождение при небольшой удаче. А удача долго не покидала его. Он собрал информацию и о дельфинах — достаточно для того, чтобы догадаться о действии голоса касатки, но все же недостаточно, что-

бы узнать, каким образом дельфины сражаются и убивают. И даже тогда ему повезло. Его рассказ о случившемся восприняли благосклонно. Но не все. Тем не менее ему доверяли в достаточной степени. Он был в безопасности и планировал снова вернуться к месторождению. Я искала способ остановить его. И я хотела, чтобы дельфинов оправдали, хотя это было делом второстепенным. Затем появились вы, и я поняла, что способ найден. Я отправилась ночью к станции, вскарабкалась на берег и оставила вам записку.

— И испортили ультразвуковой генератор?

— Да.

— Вы сделали это, так как знали, что под воду заменять генератор пойдем мы с Полом?

— Да.

— И другое?..

— Да, и это тоже. Я наполнила разум Пола тем, что я чувствовала и видела, плавая под полом «Чикчарни».

— И еще вы смогли заглянуть в разум Фрэнка. Вы знали, как он прореагирует. И подготовили убийство...

— Я никого ни к чему не принуждала.

Я смотрел в чашку, взволнованный ее мыслями. Выпил чай одним глотком.

— Но разве вы не управляли им, пусть даже и немного, под самый конец, когда он напал на меня? Или — куда более важно — руководили его периферийной нервной системой? Или еще более простым существом?.. Способны ли вы управлять действиями акулы?

Марта налила мне еще чаю.

— Конечно, нет, — ответила она.

Мы немного посидели в безмолвии.

— Что вы планировали сделать со мной, когда я решил продолжать расследование? — спросил я. — Пытались построить мои ощущения и подтолкнуть меня к гибели?

— Нет, — ответила она быстро. — Я наблюдала за вами, желая понять, что вы решите. Вы испугали меня своим решением. Но то, что я предприняла вначале, не было нападением. Я попыталась показать вам кое-что из снопеснопения, успокоить ваши чувства, привнести в них мир и покой. Я надеялась, что это произведет

некую алхимическую реакцию в вашем разуме, смягчит ваше решение.

— Вы сопровождали эту картину внушением нужного вам результата.

— Да, я делала это. Но вы тогда обожгли руку, и боль привела вас в чувство, и тогда я напала на вас.

Марта произнесла это неожиданно усталым голосом. Впрочем, день выдался для нее нелегким, ведь о стольких вещах ей пришлось позаботиться.

— И это была моя ошибка, — продолжила она. — Позволь я вам просто продолжить следствие — и вы не нашли бы ничего. Но вы почувствовали неестественную природу нападения. Вы соотнесли это с поведением Пола и подумали обо мне — мутанте — и о дельфинах, и об алмазах, и о моем недавнем путешествии. Все это слилось в ваших мыслях; я увидела, что вы можете причинить непоправимый ущерб: внести информацию об аллювиальном месторождении алмазов и Мартинике в Центральный банк данных. И тогда я позвала вас сюда — поговорить.

— Что же дальше? — спросил я. — Суд никогда не признает вас виновной. Вы в безопасности. Даже и мне трудно осудить вас. Мои руки тоже в крови, как вам известно. Вы — единственный живой человек, который знает, кто я, и это причиняет мне неудобство. И все же у меня бродят кое-какие догадки относительно того, о чем вы не хотели информировать весь белый свет. Вы не станете пытаться уничтожить меня, ибо знаете, что я сделаю с этими догадками в случае нарушения соглашения.

— И я вижу, что вы не воспользуетесь вашим кольцом до тех пор, пока я не спровоцирую вас на это. Спасибо.

— Кажется, мы достигли какого-то равновесия.

— Тогда почему бы нам не забыть обо всем этом?

— Вы имеете в виду — почему бы не доверять друг другу?

— А это очень необычно?

— Вы же понимаете, что будете обладать известным преимуществом.

— Верно. Но долго ли будет иметь значение это преимущество? Люди меняются. Телепатия не поможет мне определить, что вы станете думать завтра — или где-нибудь в другом месте. Вам проще судить, потому что вы знаете себя лучше, чем я.

— Полагаю, вы правы.

— Конечно, говоря по правде, я ничего не выиграю, разрушив ваш образ существования. Вы же, с другой стороны, вполне можете захотеть отыскать незарегистрированный источник дохода.

— Не буду отрицать, — согласился я. — Но если я дам вам слово, то сдержу его.

— Я знаю, что вы имеете в виду. И знаю также, что вы верите многому из того, что я сказала, — с некоторыми оговорками.

Я кивнул.

— Вы в самом деле не понимаете значение Песнопевца?

— А как я могу понять, не будучи ни дельфином, ни телепатом?

— Может, вам показать, помочь представить то, что я хочу сохранить, что хочу оградить от бед?

Я поразмыслил об этом, вспоминая происшедшее на станции. У меня не было способа узнать, как можно при этом управлять своим состоянием, какими силами она способна навалиться на меня, если я соглашусь на подобный эксперимент. Тем не менее, если он выйдет из-под контроля и помимо того, что было обещано, возникнет какое-то минимальное вмешательство в мой мозг, я знал способ мгновенно положить конец этому. Сложив руки перед собой, я положил на кольцо два пальца.

— Очень хорошо, — согласился я.

И затем это родилось снова — нечто вроде музыки, и все же не музыка, нечто такое, что не выразить словами, ибо сущность этого такова, какой не ощущал и какой не владел ни один человек, — вне круга человеческого восприятия. Я решил потом, что та часть меня, которая впитывала все это, временно переместилась в

разум творца снапеснопения — того дельфина, и я стал свидетелем-соучастником временного рассуждения, которое он импровизировал, аранжировал, сливая все части в заранее сконструированные видения и выражая их словами, завершенными и чистыми, и облекая в воспоминания и в нечто отличное от сиюминутных действий. Все это смешивалось гармонично и в радостном ритме, постижимое лишь косвенно через одновременное ощущение собственного удовольствия Песнопевца от процесса их формулирования.

Я чувствовал наслаждение от этого танца мыслей, разумных, хотя и нелогичных; процесс, как и всякое искусство, был ответом на что-то, однако на что именно — я не знал, да и не хотел знать, если честно. Самодостаточность бытия... Может, когда-нибудь это обеспечит меня эмоциональным оружием на тот момент, когда мне придется стоять одиноким и беспомощным перед бедой.

Я забыл свою собственную жизнь, покинул свой ограниченный круг чувств, когда окунулся в море, что было ни светлым, ни темным, ни имеющим форму, ни бесформенным, и все же сознавал свой путь, возможно, подсознательно, в нескончаемом действе того, что мы решили назвать «людус» — это было сотворение, разрушение и средство к существованию одновременно, бесконечное копирование, соединение и разъединение, вздымание и опускание, оторванное от самого понятия времени и все равно содержащее сущность времени. Казалось, что я был душой времени, бесконечные возможности наполняли этот момент, окружая меня и вливая тонкий поток существования и радости... радости... радости...

Поток эмоций вихрем вытек из моего разума, а я сидел, все еще держась за смертоносное кольцо, напротив маленькой девочки, сбежавшей от жутких цветов, — одетой во влажную зелень, весьма и весьма бледной.

— О-ча доу десу-ка? — произнесла она.

— Итадакимасу.

Она наполнила чашку. Я хотел протянуть руку и коснуться ее руки, но вместо этого поднял чашку и отпил из нее.

Конечно, она приняла мою ответную реакцию. Она знала. Но заговорила она немного погодя.

— Когда придет мой час — кто скажет, как скоро? — я уйду к нему. И буду там, с Песнопевцем. Не знаю, но я продолжу это, возможно, как память, в том безвременном месте, и будет это частью снопснопения. Но и теперь я чувствую...

— Я...

Она подняла руку. Мы допили чай молча.

На самом деле мне не хотелось уходить, но я знал, что должен идти.

Как много осталось такого, что мне надлежало сказать, думал я, ведя «Изабеллу» назад, к Станции-Один, к мешку алмазов и всему остальному, что там еще было. Ну и ладно, самые лучшие слова — чаще всего именно те, что остаются несказанными.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАЛАЧА

Крупные белые хлопья падали за окном в тихой, безветренной ночи. В охотничьем домике тоже царила тишина, лишь изредка нарушаемая треском дров в жарко пылающем камине.

Я сидел в кресле лицом к двери. Ящик с инструментами стоял на полу слева от меня. На столике справа от кресла матово поблескивал шлем оператора — хитроумный прибор, созданный из металла, кварца, фарфора и стекла. Если он вдруг начнет щелкать, затем постукивать и наконец испускать мигающий свет, то это может означать лишь одно: *он пришел по мою душу.*

Незадолго до наступления темноты Ларри и Берт вышли наружу, вооруженные огнеметом и чудовищных размеров ружьем. Берт захватил с собой также пару гранат. Я тоже приготовился к встрече с ним: надел на левую руку черную перчатку и приклеил к ней небольшой кусок мягкого вещества, напоминающего замазку. Лазерный пистолет, в который я очень мало верил, лежал на столе рядом со шлемом, так что я легко мог дотянуться до него правой рукой.

Когда он войдет, в моем распоряжении останутся две-три секунды, а может, и того меньше. Он наверняка будет готов к тому, что я схвачусь за пистолет, но я поступлю иначе: с силой ударю ладонью по столу и брошусь на пол. Пластиковая взрывчатка, приклеившись к крышке стола, спустя две секунды детонирует от удара. Взрывная волна, отразившись от столешницы, обрушится на него — если он еще будет находиться у двери.

«Комнатный смерч» — так называлась эта недавно изобретенная штука, и оставалось только молиться Богу, чтобы он еще не пронюхал о таком оружии.

Рядом со шлемом на столе лежал черный кубик переговорного устройства. Я должен предупредить Ларри и Берта, когда услышу первые пощелкивания. Конечно, я предупрежу и Тома с Клейтоном, которые заняли позиции в полумиле от дома, но, скорее всего, к этому моменту оба будут мертвы.

Ночь тянулась, как никогда, долго. К двум часам меня стала одолевать дремота. Я зевнул, потянулся... и в это же мгновение услышал негромкие пощелкивания, испускаемые шлемом.

Мне некогда было даже испугаться. Я предупредил парней, надел шлем и положил руку на стол.

Но было уже поздно.

Он пришел.

Это лето я провел на своей яхте, объездив все северное побережье США, словно завзятый турист. Неплохо подзаработав на последнем дельце, я позволил себе предаваться праздности. Единственное занятие, которым я решил себя утруждать, была встреча с несколькими давними друзьями. Ближе к осени я предпочел перебраться в средние широты и бросил якорь в Чесапикском заливе. Здесь также оказалось прохладно, к тому же море было грязным и дурно пахло. Настало время вновь поднять паруса и направиться на юг, но в Балтиморе жил мой старинный друг Дон Уэлш, и я решил прежде повидаться с ним. Я послал Дону поздравительную открытку и пригласил в знакомый нам обоим пивной бар.

К вечеру назначенного дня я сидел за угловым столиком в полутемном зале и, потягивая темное пиво, лениво прислушивался к дребезжанью пианино и треску дров в камине.

Мне было хорошо и покойно. Деньги у меня, как ни странно, еще оставались, и я не испытывал ни малейшего

желания работать. К сожалению, тогда я еще не знал, что у старины Дона были другие виды на меня.

Я съел очередной сандвич и заказал еще кружку пива. Дело шло к полуночи, а Уэлша не было видно. Я просидел еще два часа, разглядывая пианистку в черном, которая нещадно пыталась вконец расстроенный инструмент. Я уже хотел расплатиться и уйти, как дверь в бар распахнулась и на пороге появился Уэлш с плащом, переброшенным через согнутую руку. Оглядевшись, он с улыбкой поспешил к моему столику.

Я изобразил на лице крайнее удивление.

— Дон, старина! Черт побери, как ты здесь оказался?

Уэлш не остался, как всегда, в долгу.

— Джон, неужто это ты? — воскликнул он, усаживаясь на соседнем стуле. — Что ты делаешь в нашем городишке? Не мог выбрать порт почище?

— Я здесь только проездом. Через пару часов отчаливаю. Как все перелетные птицы, я к осени предпочитаю перебираться на юг.

Дон подозвал официантку и заказал себе пива.

— Как бизнес? — спросил я.

— Дела крайне запутанны, — ответил Уэлш. — Сейчас, например, я ищу толкового консультанта.

Мы закурили и, ожидая пиво, неспешно стали обмениваться последними новостями. Пианистка в черном тем временем добивала бедное пианино, заставляя его хрипеть и рыдать, и мучения инструмента наполнили сочувствием наши сердца.

Дон Уэлш руководил вторым по величине в мире детективным агентством. Порой он нанимал меня, когда в очередном его деле появлялся запах науки. Судя по всему, сейчас вновь наступил такой момент, и не могу сказать, что это очень меня радовало. Но огорчать Уэлша я не хотел — слишком многим ему обязан.

Мы допивали пиво, болтая о разных пустяках. Расплатившись, мы вышли из бара и пошли по темной аллее, ведущей в сторону порта.

— Насколько я понимаю, у тебя есть для меня работа, — сказал я.

Уэлш кивнул.

— Поговорим здесь? — предложил он.

— Нет, лучше у меня на яхте.

Он вновь кивнул, и мы пошли дальше по аллее.

Минут через сорок мы уже сидели в каюте «Протей», потягивая только что сваренный мною кофе. Волны мягко покачивали яхту под туманным, безлунным небом. Здесь, всего в нескольких метрах от берега, жизнь сразу же замедляла свой бешеный городской ритм. От моря словно веяло магической вневременностью — ведь океан, в отличие от материков, почти не изменился за многие миллионы лет. Может быть, именно поэтому я в последние годы предпочитал яхту своей квартире.

— Странно, но я первый раз оказался на борту твоего «Протей», — промолвил Уэлш, оглядывая каюту. — Уютно, чертовски уютно.

— Благодарю. Сливки, сахар?

— Если можно, и то, и другое.

Мы сделали по нескольку глотков и поставили на стол дымящиеся чашки.

— Так чего же ты хочешь от меня? — наконец спросил я.

— Сейчас я занят одним весьма запутанным делом, осложненным двумя обстоятельствами. Одно из них по моей части, другое — нет. Я бы сказал, что это дело уникальное, крайне сложное и требует консультации опытного специалиста.

Я усмехнулся:

— Если ты имеешь в виду меня, Дон, то я специалист лишь в одном — спасении своей шкуры в любых обстоятельствах. Во всем остальном я всего лишь любитель.

Уэлш серьезно взглянул на меня.

— Я всегда удивлялся тому, Джордж, как много ты знаешь о компьютерах.

Я нахмурился. Это было ударом ниже пояса. *Никогда* я не представлялся перед ним авторитетом в этой области техники. Между нами существовала молчаливая договоренность: Дон ставит задачу, а я либо берусь

ее решать, либо нет. Методы моих действий обсуждению не подлежали. Ныне, кажется, все обстояло совершенно иначе. Дон не спешил рассказывать о своем деле, а вместо этого собирался выпотрошить меня. Это настораживало, и я принял круговую оборону.

— Специалист по компьютерам нынче дешевый товар, — сказал я. — Дети уже в начальных классах начинают познавать эту науку, а я уже далеко не школьник. Конечно же, Дон, я кое-что смыслю в компьютерах.

Дон улыбнулся:

— Замечательно. Твои знания будут нашей отправной точкой в этом странном деле. К сожалению, мои собственные познания больше касаются областей юриспруденции и военной разведки. Я неплохо осведомлен, как *действуют* нынешние компьютеры, но чертовски мало знаю, каким образом они *устроены*. Джордж, мне нужна твоя помощь.

Я кивнул без особого энтузиазма.

— Для начала расскажи о первых компьютерах и роботах, которые использовались на ранних этапах космических исследований, — предложил Дон. — Скажем, на примере освоения Венеры.

— Это были не компьютеры, — возразил я, — да и не совсем роботы. Скорее это были телеуправляемые приборы, или, проще, телефакторы.

— Чем же они отличались от роботов?

— Робот, по крайней мере, нынешний робот — это машина, способная выполнять сложные действия в соответствии с заложенными в ее «мозг» программами и инструкциями. В определенном смысле она обладает некоторой свободой воли. Телефактор — машина-раб, управляемая дистанционно и с помощью оператора реагирующая на все возникающие ситуации. В зависимости от того, какие ставятся задачи, линии связи между операторами и телефакторами могут быть аудиовизуальными, кинестетическими, осязательными и даже обонятельными. Чем теснее вы хотите обеспечить связь между оператором и телефактором, тем более антропоморфным должен быть последний.

— А как обстояло дело на Венере? — нетерпеливо спросил Дон.

— Если мне не изменяет память, человек-оператор размещался на орбитальном модуле. Он надевал экзоскелет, который контролировал движение соответствующих органов телефактора там, на планете. Специальный шлем был связан с обзорной камерой телефактора и создавал для оператора иллюзию пребывания на поверхности. Через наушники он воспринимал все звуки, которые «слышал» телефактор. Я читал книгу, которую написал этот парень. Он вспоминал о том, что в течение долгого времени начисто забывал, что он — лишь оператор, управляющий сложным прибором. Нет, ему казалось, что он на самом деле находится на Венере и бредет по ее адской поверхности. Я был ребенком, когда читал его потрясающий рассказ, и мне ужасно хотелось тоже управлять телефактором — только крошечным и не на Венере, а в мире микроорганизмов.

— А это почему?

— Потому что на Венере не оказалось драконов, и мне, мальчишке, это было неинтересно.

— Ясно. Теперь расскажи о том, чем отличались от телефактора более поздние модели.

Я сделал пару глотков кофе и откинулся на спинку кресла, полускрыв глаза.

— Они появились на свет тогда, когда мы начали освоение дальних планет и их крупных спутников. Поначалу мы не могли отправить туда операторов — это обошлось бы слишком дорого, да и не все технические проблемы были решены. Так или иначе, телефакторы были высажены на поверхность этих небесных тел, а их операторы сидели на Земле, в центре управления полетами. Проблем их взаимодействия был целый ворох, но главной оказалась задержка, связанная со временем прохождения сигнала от телефактора к оператору и обратно. Из-за нее реакция телефактора зачастую оказывалась запоздалой, что приносило массу неприятностей. От этого нашли две панацеи. Первая заключалась в том, что телефактор, передав очередной сигнал, останавливался и ждал новой команды. Это делало взаимо-

действие оператора и телефактора более эффективным и организованным, но в случае быстрого изменения ситуации... сам понимаешь. Второй метод заключался в том, что компьютерный «мозг» телефактора непрерывно обрабатывал информацию об окружающей обстановке и мог управлять им по заданным программам в промежутке между двумя очередными командами оператора. Такой комбинированный способ получил на время широкое распространение. Он значительно облегчал задачу оператора, хотя если во внешней среде появлялся какой-то неожиданный фактор, то «мозг» телефактора заходил в тупик. Вот такие полуроботы-полуавтоматы и осваивали ближайшие к нам планеты.

Дон кивнул, достал из пачки очередную сигарету и закурил.

— Хорошо, — сказал он. — А что же было дальше?

— Следующий шаг определялся не техническим прогрессом, а чистой экономикой. Земля получила возможность тратить бешеные деньги на то, чтобы посылать людей на дальние планеты. Там, где это было возможно, на поверхность планет и спутников высаживались астронавты, а в более сложных случаях вновь использовались операторы на орбитальных модулях — как это делали прежде на Венере. Проблемы с временными задержками исчезли, и все пошло своим чередом.

Дон покачал головой:

— Что-то ты слишком быстро перешел к нынешним благословенным временам. Насколько я знаю, предыдущий этап был куда более сложным.

— Конечно, — согласился я. — До момента, когда Земля смогла позволить себе роскошь посылать людей к дальним планетам, ученым и техникам пришлось поломать головы. Было испробовано множество различных вариантов, но в результате пришли к одному: оператор — на Земле, телефактор с компьютерным «мозгом» — на поверхности планеты.

Дон пристально посмотрел на меня.

— И все же был один проект, в котором пытались несколько иначе решить проблему временной задерж-

ки между сигналами, — сказал он. — Телефактор и его компьютерный мозг были устроены по-другому. Ты что-нибудь слышал об этом?

Я закурил очередную сигарету, не спеша отвечать. Мне не нравилось, что Дон Уэлш заговорил об этом давнем и сугубо секретном проекте.

— Насколько я понимаю, ты говоришь о Палаче, — наконец произнес я.

— Да, о нем. Мне хотелось бы поговорить об этом поподробнее.

— В конечном счете, проект закончился неудачей, — заметил я.

— Однако поначалу это сработало.

— Бесспорно. Но только в самом простом случае, при высадке на Ио. Причиной дальнейших неудач послужило то, что в Палаче было заложено два разнородных проекта: старый, опробованный телефактор и совершенно новый подход, находящийся в стадии исследований. Поначалу эти две половины казались хорошо пригнанными друг к другу, так что создатели Палача были в восторге. Да, поначалу дела пошли, но вскоре все развалилось.

— Чем же Палач отличался от обычного телефактора?

— Чем?.. Ну хотя бы компьютером, который не был просто компьютером... Хорошо, начнем сначала. В прошлом столетии три инженера из висконсинского университета — Нордман, Парментир и Скотт — создали так называемый нейристор. Возьми две крупинки металла, помести между ними тонкий изолятор и охлади этот элемент до температуры, близкой к абсолютному нулю, так чтобы в нейристоре появился эффект сверхпроводимости. Окружи его магнитным полем, и получишь нечто вроде нейрона. Миллиарды нейристоров создадут систему, близкую по ряду параметров к человеческому мозгу. В случае с Палачом было создано подобное устройство, занимающее объем одного кубического фута. Оно включало в себя более миллиарда нейристоров. Вот почему я сказал, что «мозг» Палача не был обычным компьютером. Ученые,

создавшие его, работали на самом деле в области создания искусственного разума, хотя это и называлось куда более прозаично.

— Гм-м... если телефактор приобрел в результате этого мозг, пусть и нейристорный, то он стал роботом, не так ли?

— И да, и нет, и может быть, — ответил я. — Как телефактор он некоторое время управлялся операторами здесь, на Земле: в пустыне, в горах, на дне океана. Если хочешь, можешь называть это годами ученичества или детским садом. Вскоре выяснилось, что управлять Палачом тем труднее, чем сложнее обстановка, и потому ему предоставили определенную свободу воли. В таких случаях он должен был опираться не на определенные программы, а на свой опыт и память — то есть в каком-то смысле на интеллект.

— И тогда Палач стал из телефактора роботом?

— Не совсем. Робот в нашем понимании — это машина, действующая в соответствии с заложенными в нее программами, сколь бы сложными они ни были. Палач же после периода обучения научился принимать *собственные* решения. В каком-то смысле он был искусственным человеком в облике машины. Он оказался слишком сложным, и поведение Палача было часто необъяснимо даже для его создателей. Это, вероятно, и привело в конце концов к краху всей программы.

Дон хмыкнул:

— Неизбежное следствие свободы воли?

— Нет, дело в другом. Палач оказался первым опытом в этом направлении, и создававшие его группы ученых... как бы это выразиться... словом, они несколько вышли за рамки эксперимента. Мыслилось создать всего лишь более сложный телефактор, способный к автономным действиям, а получилось нечто качественно новое. Например, психофизики воспользовались проектом, чтобы испытать на Палаче все свои новые разработки, и делали это зачастую не совсем легально. В результате Палач вдруг обрел способность *чувствовать*.

— Что, что?

— Конечно, далеко не так, как человек, но все же. Связь новой модели телефактора с оператором была настолько совершенной, что в «мозге» машины возбуждались процессы, аналогичные тем, что происходят в обоих полушариях человеческого мозга. В результате он оказался способным не только мыслить, но и, повторяю, чувствовать. Получился эффект полного присутствия оператора в теле Палача — и наоборот. Впрочем, о последнем почти ничего неизвестно.

— Ты думаешь, что это и послужило причиной провала проекта?

— Возможно. Но это только предположение.

— Гм-м... А каковы были физические возможности этого... этой машины?

— Палача сделали человекоподобным по трем причинам. Во-первых, его основой послужил телефактор. Во-вторых, так легче было обеспечивать его совместимость с оператором в период обучения. В-третьих, Палач получал возможность использовать для высадки на поверхность планеты обычный космический челнок, отделяемый на орбите от корабля-матки. Понятно, что никаких систем жизнеобеспечения ему не требовалось. И Палач, и челнок имели встроенные системы самовосстановления и практически неограниченные источники энергии. Они были подготовлены к работе в любых, самых сложных условиях, при чудовищных температурах и огромных давлениях.

— Насколько силен был Палач?

— Точно сказать не могу. Может быть, в дюжину раз сильнее обычного человека.

— Ясно. Итак, Палач успешно провел исследования на Ио и перелетел на другой спутник Юпитера, на Европу. И тогда начал вести себя... скажем, сумасбродно, хотя на Земле считали, что он всецело занят работой.

— Примерно так, — согласился я.

— Это выяснилось только тогда, когда Палач неожиданно отказался отправиться на Каллисто, а вместо этого полетел на Уран.

— Кажется. Точно не помню — я читал материалы по этому проекту довольно давно.

— С той поры устойчивая связь с ним прекратилась. Последовали долгие периоды молчания, перемежавшиеся короткими передачами. Речь Палача едва можно было понять, она скорее походила на бормотание сумасшедшего. Затем он высадился в системе Сатурна на Титане и неожиданно стал посылать на Землю обычные исследовательские сообщения. Но это продолжалось недолго. Все чаще он стал вести себя иррационально. Покинув спутник, направился на Уран, после чего связь с ним прервалась. По крайней мере я об этом ничего не читал, а ведь прошло уже около двадцати лет.

Помолчав, Дон глухо продолжил, опустив глаза:

— Челнок Палача был найден два дня назад в Мексиканском заливе.

Я изумленно уставился на него.

— Он был пуст, — продолжил Дон. — Похоже, челнок упал в воду, двигаясь по слишком крутой траектории. Но, возможно, он просто не совсем удачно приводнился.

— Не понимаю, — пробормотал я, не веря своим ушам.

— А вчера вечером некто Мэнни Бурнса, владельца ресторана в Новом Орлеане, нашли избитым до смерти в своем офисе.

— Не вижу связи...

— Мэнни Бурнс был одним из четырех операторов, которые некогда программировали... пардон, обучали Палача в период его подготовки к полету в систему Юпитера.

Настало долгое молчание.

— Совпадение, — наконец неуверенно произнес я.

— Мой клиент так не думает, — парировал Дон.

— Клиент?

— Один из трех оставшихся в живых бывших операторов. Он решил, что Палач вернулся на Землю с одной целью: убить своих наставников.

— Твой клиент сообщил о своих страхах остальным?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда пришлось бы рассказывать о причинах своих страхов.

— А в чем они заключаются?

— Он умолчал об этом.

— И чего же он хочет от твоего агентства?

— Нанять хорошего телохранителя. И еще он жаждет найти Палача и разделаться с ним.

— И ты намерен поручить мне последнее, не так ли?

— Точно. Ты подходящий человек для такой тонкой работы, Джо. Ну, что скажешь?

Я собрался было ответить с предельной откровенностью, но сдержался. К тому же я слишком многим обязан Дону и не хотел подводить его.

— Работа весьма сложная, — дипломатично произнес я.

— Ты готов взяться за дело?

— Э-э... мне нужно как следует все обдумать, — уклонился я от прямого ответа. — И собрать побольше фактов. Например: кто он, твой клиент? Где живет? Чем занимается?

Дон успокаивающе поднял руку.

— Отвечаю, — промолвил он с улыбкой. — Мой клиент — мистер Джесси Брокден, сенатор из Висконсинна. Естественно, я сообщаю это тебе конфиденциально.

Я кивнул:

— По-моему, нынешняя высокая должность мистера Брокдена все облегчает. Он легко может обеспечить себе надежную защиту и...

— Но тогда моему клиенту пришлось бы многое объяснять, чего мистеру Брокдену делать не хочется по вполне понятным причинам, — возразил Дон. — Это может повредить его карьере. Так или иначе, он обратился в мое агентство, а не в службу безопасности.

— Понятно. А что делают другие бывшие операторы? Они также жаждут нашей помощи?

— Наоборот! Они наотрез отказались от нашего содействия. Похоже, считают Брокдена параноиком.

— Эти типы общались друг с другом в последнее время?

— Вряд ли. Они живут в разных концах страны и не виделись уже несколько лет. Разве что случайно.

— Хрупкая почва для серьезных размышлений.

— Один из них был прежде психологом.

— О! И кто же именно?

— Лейла Тэккер. Живет в Сент-Луисе. Работает в местном госпитале.

— И никто не обратился за помощью к местным или федеральным властям?

— Нет. Брокден связался со мной, как только услышал о возвращении Палача. Он находился в это время в Вашингтоне. Услышав об убийстве Бурнса, сенатор немедленно разузнал все подробности, а затем попытался разыскать остальных бывших операторов, чтобы предупредить их. Они никак не отреагировали на это. Когда я разговаривал с доктором Тэккер, она очень корректно заметила, что Бурнс всегда был не очень здоровым человеком.

— Чем же он болел?

— В последние годы — раком спины. И с этим ничего нельзя было поделать. Доктор Тэккер сказала, что не видит никакой связи между его смертью и возможным возвращением Палача.

— Выходит, она не боится?

— Лейла объяснила мне, что лучше всех знает мозг этой машины и потому не видит никаких причин для беспокойства.

— А как отреагировал третий оператор?

— Он сказал, что раз доктор Тэккер спокойна, то и ему тревожиться нечего.

— Кто он такой?

— Дэвид Фентрис, инженер-электронщик и кибернетик. Прежде занимался внешним видом Палача.

Я встал и пошел за кофейником. Не то чтобы я очень хотел выпить еще чашку, нет. Просто я некогда работал с Фентрисом в одной из космических программ.

Он был старше меня лет на пятнадцать. Когда мы впервые встретились, Дэвид был полон идей и выделялся среди остальных сотрудников фанатичным энтузиазмом. Жилистый, ростом в пять футов и восемь дюймов, с ранней сединой и красивыми серыми глазами, упрятыми за массивными роговыми очками. Он был скуп на слова, так что поначалу вы могли принять его чуть ли не за невежу, попавшего в космический проект исключительно благодаря семейным связям. Но стоило выслушать Фентриса в течение нескольких минут, как, казалось бы, хаотичные обрывки мыслей вдруг начинали складываться в целостную картину, оригинальную и одновременно совершенно очевидную, так что было неясно, как вы сами не додумались до этого. После этого можно было только удивляться, что такой толковый специалист занимает незначительную должность. Нет, его совсем не зря позднее пригласили в проект по созданию Палача.

Вопрос в другом: мог ли Дэвид вспомнить меня спустя столько лет? Конечно, я постарел и несколько располнел: сказывалась удачная карьера и прочное материальное положение. Но было ли этого достаточно, чтобы на равных сразиться с блестящим умом?..

— Где он живет? — спросил я.

— В Мемфисе. А какое это имеет значение?

— Я просто пытаюсь расставить фигуры игры на географической карте. Сенатор Брокден пока еще остается в Вашингтоне?

— Нет. Он возвратился в Висконсин и укрылся в охотничьем домике в северной части штата. С ним четверо охранников.

— Ясно.

Я насыпал в кофеварку свежий кофе и стал ждать, когда закипит вода. Мне чертовски не понравилось все, что я услышал о «деле Палача», и я решил не браться за него. Но мне не хотелось отделяться сухим «нет». Совместная работа с Доном сыграла слишком важную

роль в моей жизни. Было очевидно, что ему крайне необходима сейчас помощь. Что ж, можно попытаться упростить мою задачу и свести ее к роли обычного телохранителя.

— Странно, что только один сенатор боится Палача — наконец сказал я.

— Согласен.

— К тому же он явно не хочет объяснять причин своего молчания.

— Верно.

— Не стоит также забывать, что доктор Тэккер сказала о его неуравновешенной психике.

— Не сомневаюсь, что он неврастеник, — кивнул Дон. — Взгляни-ка.

Он достал из своего кейса папку и, раскрыв ее, протянул мне лист бумаги. Это было письмо от Брокдена.

Дон, я хочу немедленно встретиться с вами, — было написано размашистым почерком. — Франкенштейн только что вернулся из бездны, в которую мы некогда столкнули этого монстра. Теперь он ищет меня, чтобы утащить в преисподнюю. Позвоните между восемь и десятью часами вечера. Джесси.

Я покачал головой. Преисподняя — да, это было серьезно.

Налив кофе гостю и себе, я вновь уселся в кресло и сделал несколько глотков, размышляя. Насколько я помнил, сенатор Брокден возглавлял подкомитет по проверке Центрального банка данных, касавшихся результатов проводимых правительством реформ. Об этом в последнее время немало шумели газеты, но я не мог припомнить, какую позицию занимал сенатор в спорных вопросах. Впрочем, сейчас было важно другое — какую позицию занял по отношению к сенатору Палач, — если эта машина на самом деле вернулась из глубин космоса. Я мог не разделять политические взгляды сенатора, но позволить ему умереть, даже не попытавшись помочь...

Я налил себе еще одну чашку кофе и закурил очередную сигарету.

Мне очень не хотелось встречаться с Дэвидом, поле деятельности у меня и без того было широким. Я мог поговорить с Лейлой Тэккер, заняться убийством Бурнса, разузнать об обстоятельствах, при которых челнок обнаружили в водах Мексиканского залива. Словом, я могу и без Дэвида кое-что сделать, пусть это и будет полным разгромом шизофренических страхов сенатора Брокдена.

— У тебя есть фото Палача?

— Да, — ответил Дон.

Он протянул мне фотокарточку.

— Полицейский рапорт об убийстве Бурнса?

— Есть.

— Назови адреса и телефоны тех мест, где я смогу тебя найти в течение ближайших дней.

Дон усмехнулся, достал ручку и написал на листе бумаги несколько адресов.

— Рад был побывать на твоей яхте, — сказал он, поднимаясь. — Здесь чертовски уютно, только потолки в каюте чуть низковаты.

Я хотел было возразить, но, встав, ударился головой о висящий над креслом барометр. Это напомнило мне о том, что, имея дело с Доном Уэлшем, надо быть всегда настороже и не принимать его слова буквально.

На этом мой несколько затянувшийся отпуск закончился.

Меня разбудил телефонный звонок.

— Да?

— Мистер Донн? Уже восемь часов.

Я вылез из постели и уселся в кресло, с трудом приходя в себя после короткого сна. Я отношусь к породе людей, которые, что называется, долго запрягают, но быстро ездят. Чтобы прийти утром в форму, мне необходимо час провести в ванной, а еще час — на кухне, где я завтракаю от души, не считая калорий.

Прошедшей ночью я спал мало. Сразу же после ухода Уэлша я покинул «Протей» и направился в аэропорт, а оттуда в Сент-Луис.

Во время полета я не смог заснуть, решая, какую тактику поведения принять с Лейлой Тэккер. Прибыв в Сент-Луис, я снял номер в отеле возле аэропорта, попросил портье разбудить меня через пару часов и улечься в постель. Проснувшись, наскоро перекусил и стал изучать бумаги, которые мне передал Дон.

Лейла Тэккер была одинокой женщиной вот уже два года, после того как развелась со вторым мужем. Сейчас ей было сорок шесть, и она жила неподалеку от госпиталя, в котором работала. Судя по фотографии, выглядела она лет на десять старше своего возраста — брюнетка, светлоглазая, с причудливой формы очками на длинноватом носу. Лейла опубликовала множество книг и статей, и не только по вопросам медицины.

У меня не было времени собирать дополнительные данные об этой леди, и потому я просто взял такси и поехал к ней в гости. Конечно, следовало предварительно позвонить, но по опыту я знал, что куда легче сказать «нет» голосу в трубке, чем живому человеку, стоящему на вашем пороге.

Согласно данным Дона Уэлша, сегодня был один из таких дней, когда она принимала пациентов в своем домашнем врачебном кабинете. Войдя в холл небольшого пятиэтажного дома, я обнаружил ее имя вместе с десятком других у кнопки вызова. Не успел я разобраться, сколько раз нужно позвонить, чтобы связаться с Лейлой, как дверь распахнулась и пожилая дама с важным видом прошествовала мимо, даже не удостоив меня взглядом. Прежде чем дверь захлопнулась, я успел проскользнуть внутрь дома.

Поднявшись на лифте на второй этаж, я нашел искомую дверь и постучал. Дверь слегка приоткрылась, и я увидел знакомое по фотографии лицо — правда, в жизни оно выглядело куда моложе.

Я изобразил на лице приветливую улыбку и сказал:
— Доктор Тэккер, меня зовут Джон Донн. Я хотел бы вас попросить помочь мне в разрешении одной проблемы, которой я сейчас занят.

— Что за проблема? — сухо спросила Лейла.

— Это касается машины, прозванной Палачом.

На ее лице проскользнула гримаса отвращения. Побелевшие пальцы с силой вцепились в край двери.

— Я проделал долгий путь к вам, доктор Тэккер, но готов тотчас уехать, не обременяя вас своим присутствием. Мне хотелось бы задать всего лишь несколько вопросов.

— Вы представляете интересы руководства НАСА?

— Нет.

— Тогда вы работаете на Брокдена, не так ли?

— Не совсем.

— Понятно, — усмехнулась она. — Сейчас я не могу принять вас — у меня пациенты. Но если вы потрудитесь подождать в холле около получаса, я дам вам знать, когда освобожусь.

— Отлично, благодарю.

Она кивнула и закрыла дверь. Я не спеша пошел к лестнице, закуривая на ходу.

Через минуту я понял, что мой небесный покровитель — уж не знаю, кто это, Бог или дьявол, — не зря дал мне небольшую передышку. Я вышел в холл и изучил имена всех жителей дома. Затем вновь поднялся на лифте, уже на пятый этаж, и постучал в дверь. Когда за ней послышались шаги, я достал блокнот и ручку.

— Да? — спросила из-за чуть приоткрытой двери полная пожилая леди.

— Меня зовут Стефен Фостер, миссис Глунц, — затараторил я, приторно улыбаясь. — Я занимаюсь исследованиями для Северо-американской потребительской лиги. Буду рад заплатить вам за ответы на те несколько вопросов, которые я хотел бы вам задать. Меня интересует ваше отношение к продуктам и другим вещам, которые вы покупаете в магазинах.

— Продукты... Что, вы заплатите мне?

— Да, миссис. Десять долларов за дюжину вопросов. Это займет минуту или две.

Лицо пожилой леди тотчас смягчилось. Она открыла дверь.

— Почему бы вам не войти, мистер? Мы могли бы побеседовать на кухне, за чашечкой кофе.

— Нет, благодарю вас. Вопросов так немного, что я успею только войти и мне сразу же придется уходить. Первый вопрос я хотел бы задать насчет дезинфицирующих средств...

Десять минут спустя я вновь спустился в холл, мысленно приписав тридцать баксов к графе «расходы» — за три дурацких интервью. Они ничего полезного мне не дали, но в такой сложной партии не грех подвигать пешками на флангах. Кто знает, как сложится ситуация в дальнейшем — быть может, мне понадобится даже такая набитая дура, как миссис Глунц.

Прошло еще около четверти часа, прежде чем дверца лифта раскрылась и из нее вышли трое мужчин — двое молодых и один постарше. Они над чем-то смеялись с похабными улыбками.

Заметив меня, один из них сказал:

— Вы — тот парень, который желает увидеть доктора Тэккер?

— Точно.

— Она сказала, что ожидает вас.

— Благодарю.

Почему-то мой ответ вызвал новый взрыв смеха у веселой троицы пациентов доктора Тэккер. Немного озадаченный, я пошел к лестнице.

На этот раз Лейла встретила меня довольно гостеприимной улыбкой. Проводив в гостиную, она предложила мне сесть в кресло около журнального столика.

— Хотите кофе? Осталось почти полкофейника после приема пациентов.

— Замечательно. Только, если можно, черный и без сахара.

Минуту спустя она принесла две дымящиеся чашки, а сама уселась на стоящую рядом со столиком софу. Сделав несколько глотков, вопросительно взглянула на меня.

— Итак, мистер Донн, я хотела бы узнать поподробнее, что именно привело вас в Сент-Луис.

— Я уже говорил. Телефактор, прозванный Палачом и, возможно, обладающий искусственным разумом, вернулся на Землю.

— Это только гипотеза, — отпарировала доктор Тэккер. — Или вы знаете больше, чем я. Мне сообщили, что в водах Мексиканского залива нашли полуразбитый челнок, и только. Не обнаружено никаких доказательств, что его пилотировал Палач.

— Гм-м... мне это кажется весьма вероятным предположением.

— А я думаю иначе. Скорее всего, Палач послал свой челнок на Землю много лет назад, и тот вернулся, ведомый автопилотом.

— С чего это Палач должен был возвращать свой челнок? — возразил я. — И почему он приводелся именно рядом с атлантическим побережьем Америки?

Лейла нахмурилась и пытливо взглянула на меня.

— Прежде чем ответить, я хотела бы знать, почему вы этим интересуетесь. Вы журналист?

— Нет. Я литератор, работаю в области научной популяристики. Но делом Палача занимаюсь не ради публикаций. Мне заказали отчет о психологических особенностях искусственного разума Палача.

— Кто?

— Одна компания проводит секретные исследовательские работы, — пояснил я. — Ее интересует, какие факторы и как могут повлиять на мыслительные способности Палача — если предположить, что он все-таки вернулся на Землю. Я провел кое-какие предварительные изыскания и пришел к выводу, что ядром личности этой разумной машины послужили своеобразные «слепки разумов» четырех операторов, которые некогда обучали его. Поскольку вы были прежде психологом, то я решил в первую очередь навестить именно вас.

Она кивнула, не сводя с меня настороженного взгляда.

— Если хотите, приоткрою карты, — поколебавшись, продолжил я. — Меня нанял мистер Уэлш, который, в свою очередь, работает на сенатора Брокдена.

— Вы знаете, что случилось с Мэнни Бурнсом?

— Да, мне очень жаль.

— Мэнни принадлежал к тем людям, кто, даже смертельно боля, готов цепко держаться за жизнь,

стремясь сделать до последнего дыхания как можно больше. Каждое мгновение для него было дорого — ведь он чувствовал, как старуха-смерть дышит ему в затылок. Правда, в последнее время Мэнни стал вести себя... скажем, иррационально. Джесси звонил ему и был поражен его ужасом. Слухи о возвращении Палача тогда уже дошли до Мэнни. Впрочем, у него был рак, и причина его страхов понятна и без того.

— Но вы не видели оснований бояться этой человекообразной машины?

— Нет. Я была последним оператором, работавшим с Палачом, перед тем как его отправили в космос. Во время обучения мы много занимались организацией связи между воспринимаемой информацией и целенаправленной деятельностью. Многое из того, что он получил от нас четверых, было слишком сложно для Палача, но могло отложиться в его памяти. Представьте себе бедного ребенка, которого родители заставили выучить адресную книгу. Долгие годы это может казаться пустым грузом, но, повзрослев, человек может однажды использовать эти знания с пользой для себя. У Палача-ребенка таких излишних знаний оказалось много, и, кроме того, они были связаны с четырьмя совершенно различными индивидуальностями. Если он на самом деле вдруг «повзрослел», то представьте себе те внутренние конфликты и противоречия, которые стали терзать мыслящую машину.

— Почему бы вам не подумать об этом раньше, во время обучения? — спросил я.

Она невесело улыбнулась:

— Тогда все это считалось вторичным, малозначимым. Нейристорный мозг машины казался нам недостаточно зрелым и восприимчивым, чтобы запоминать «адресную книгу», когда оператор пытается втолковать ему, скажем, законы Ньютона. Однако он запомнил и то, и другое, только сразу это никак не проявилось. Многое, что Палач-ребенок воспринял от нас, операторов, долгое время оставалось скрытым, но его мозг постепенно развивался. Однажды там, в космосе, он вдруг почувствовал себя словно бы составленным из

четырёх различных индивидуальностей. Это привело его в панику. Когда он пытался разъединить их, то приходил в шизоидное состояние; когда же пытался как-то совместить, впадал в кататонию, или, иначе, в ступор. Палач циклично переходил из одного крайнего состояния в другое, затем колебания психического маятника стали затухать. Я почувствовала перед самым концом связи, что Палач вошёл в состояние, близкое к эпилепсии. Наверное, в этот момент через нейристорные ячейки его мозга проходили токи огромной силы, разрушая их. Они неизбежно должны были привести к гибели машины или сделать ее идиоткой.

— Понимаю, — кивнул я. — Мне почему-то кажется, что до такого печального финала дело не дошло. Более вероятно другое: либо он сумел слить слепки четырёх различных индивидуальностей в одну, либо впал в постоянную шизофрению. Как вы считаете, каково было бы поведение машины?

— Понятия не имею, особенно во втором случае. Палач — не человек, и шизофрения его может развиваться совсем иными путями. Возможно, все четыре составляющие «личности» в результате его деятельности в космосе стали развиваться. Или дегенерировать. Или конфликтовать друг с другом. Или мутировать, переходя в совершенно новое качество. Кто знает? Но в любом случае я не верю, что машина с поврежденной психикой стала бы возвращаться на Землю. Зачем ей это нужно?

— Позвольте сделать одно предположение?

— Рискните, — усмехнулась Лейла.

— После долгой борьбы верх над четырьмя демонами, терзавшими Палача, взял пятый, рожденный в яростной схватке. И этот пятый демон с самого рождения испытывал ненависть к четверем операторам, породившим, пусть и невольно, страшный разлад в душе машины. Теперь ею двигает лишь одно — жажда мести.

Лейла снисходительно взглянула на меня.

— Похоже, вы чересчур начитались Фрейда. Эдип и Электра в одном лице, стремление ребенка уничто-

жить обоих родителей... Даже Фрейд не нашел названия для такого чудовищного комплекса.

— Я бы назвал это гермацисовым комплексом.

— Почему?

— Палач мне кажется Гермафродитом, объединенным в одном теле с нимфой Салмакидой. Почему бы ему не испытывать ненависти к четырем своим «родителям»?

Лейла вновь улыбнулась:

— Все это лишь предположения, мистер Донн. Если бы на самом деле произошло нечто подобное, это означало бы, что нейристорный мозг куда устойчивей человеческого. Люди неспособны пройти через круги ада и сохранить способность к целенаправленным действиям. Если же Палачу удалось это сделать и создать в результате целостную, новую личность... Почему вы считаете, что он должен был завязнуть в ваших гермацисовых комплексах? Возможно, Палач стал бы питать к нам неприязнь, даже отвращение — но почему именно ненависть? Он может найти в космосе другие приложения для своих новых способностей, которые позволили бы ему самоутвердиться в собственных глазах и почувствовать независимость от прошлого.

— То и другое он может достигнуть, избавившись от своих четырех родителей, — упрямо возразил я.

— Вы настаиваете на изобретенном вами гермацисовом комплексе? Что ж, ваше право. Я же предпочитаю считать, что возможности нейристорного мозга не позволили психике зайти в такой тупик. Шизофрения должна была разрушить искусственный мозг и тем самым решить все наши проблемы. Другими словами, нам нечего тревожиться.

Я допил почти остывший кофе.

— Все это было бы прекрасно — если бы дела обстояли именно так. Но могут существовать и другие причины, по которым Палач стремится убить вас.

Выражение ее лица не изменилось. Впрочем, я не ожидал иного.

— Что за иные причины? — спокойно спросила доктор Тэкер.

— Боюсь, мне нечего вам сказать, — вздохнул я. — Пожалуй, это все, о чем я хотел спросить вас.

Она улыбнулась с явным облегчением.

— А мне нечего вам ответить.

Она первой поднялась с софы, и я последовал за ней.

— Благодарю вас, вы были очень добры.

— Рада была вам помочь, мистер Донн. Скажите, а что вы собираетесь предпринять?

— Пока не решил, — уклончиво ответил я. — Попытаюсь сделать свой отчет поподробнее. Возможно, мистер Фентрис сможет дополнить ваш рассказ?

Лейла фыркнула.

— Нет, не думаю, что Дэвид способен сообщить вам что-нибудь полезное. Некоторые люди находят смысл жизни в религии, другие — в неуместном, почти мазохистском рвении... Впрочем, забудьте все, что я сказала. Трудно ставить диагноз на расстоянии. Вы делаете свой вывод, когда встретитесь с Дэвидом.

— Посмотрим, — ответил я. — Хотя еще не факт, что я буду искать встречи с вашим бывшим коллегой. Но вы озадачили меня. Как может религия влиять на инженера?

— Я разговаривала с Дэвидом после того, как Джесси сообщил нам о возвращении челнока. Станный получился разговор... Дэвид говорил, что возвращение Палача — это, мол, возмездие Всемогущего за то, что мы, люди, вмешались в его область: создание разумного существа. Потому-то якобы Палач стал безумным и вернулся на Землю, дабы совершить над нами Божий суд.

— Ого, — промолвил я.

Лейла улыбнулась, словно извиняясь за Дэвида, и я вернул ей улыбку.

— Все было именно так, — со вздохом сказала она. — Хотя не исключено, что у Дэвида просто очередной приступ ипохондрии. Вам стоит навестить его.

Я покачал головой. Что-то мне подсказывало, что решение проблемы не касается моего старого знакомого. В любом случае спешить не стоило.

— Еще раз благодарю вас, — сказал я. — Теперь мне ясно, что все дело в психологической стороне вещей, а не в механистической или теологической. Кажется, в конце туннеля забрезжил свет.

Она ответила холодной улыбкой, но, прежде чем закрыть за мной дверь, неожиданно сказала:

— Мистер Донн, если вас не затруднит... Словом, я хотела бы знать, чем обернется вся эта история с Палачом.

Я сделал вид, что удивлен ее просьбой, хотя и ожидал нечто подобное.

— Э-э... видите ли, я уже почти закончил свое исследование. Меня попросили написать небольшой отчет, и я буквально сегодня сяду за него. С другой стороны, не исключено, что мой заказчик кое-что сообщит мне о дальнейшем ходе дел.

— У вас есть номер моего телефона?

— Кажется, нет.

Он был у меня, и все же я с серьезным видом записал телефон Лейлы в блокнот — сразу же после ответов миссис Глунц на мои расспросы по поводу качества дезинфицирующих средств.

Я направился прямехонько на аэродром, купил билет на самолет, направляющийся в Мемфис, и вскоре уже сидел в мягком кресле. Если бы я замешкался на несколько секунд и опоздал, все в дальнейшем могло пойти по-другому. Да что же здесь поделаешь! Добрый доктор Тэkker убедила меня в том, что следующим, кого я посетую, будет Дэвид Фентрис, черт бы его побрал. Лейла явно не рассказала мне правду, и нужно было поговорить с оставшимися двумя операторами — пока они еще живы.

Я вышел из самолета в холодный, сумрачный полдень. Почти сразу же поймал такси и назвал водителю адрес офиса Дэвида.

Казалось, что на город надвигается буря. На западе быстро росла темная стена облаков. Когда я вышел из

машины, на пыльную мостовую упали первые капли дождя. Воздух заметно посвежел.

Я стряхнул с плаща влагу и вошел внутрь административного здания.

Узнав по внутреннему справочнику номер комнаты Дэвида, я поднялся на лифте и вскоре уже стучался в нужную дверь. Никто не ответил. Я вновь постучал, а затем толкнул дверь, и она свободно распахнулась.

Я оказался в небольшой комнате ожидания с зеленым паласом на полу. Обстановка ее была весьма скудной, стол для секретаря был покрыт пылью. Кабинет находился за пластиковой перегородкой. Не ожидая приглашения, я вошел внутрь и увидел немолодого человека с обширной проплешиной и жидкими волосами. Он сидел за столом и нервно постукивал костяшками пальцев по крышке, словно чего-то ожидая. Услышав шаги за спиной, он обернулся.

Я едва узнал Дэвида. Он заметно похудел, щеки впали, очки стали еще массивнее. Перед ним на столе лежал лист с какими-то схемами. Рядом стоял металлический, несимметричной формы шлем, отделанный кварцем, фарфором и стеклом.

— Меня зовут Джон Донн, ищу Дэвида Фентриса.

— Это я.

— Рад встретиться с вами. Некогда, если помните, мы с вами участвовали в одной из космических программ.

Дэвид улыбнулся и протянул мне руку.

— Держу пари, Джон, вы пришли ко мне по делу Палача, — сказал он.

— Да. Видите ли, мне поручили подготовить отчет...

— ...И вы желаете знать мое мнение, насколько это опасно. Что ж, садитесь.

Я сел в соседнее кресло.

— Хотите чаю?

— Нет, благодарю.

— А я бы выпил чашечку.

— Ну, если вы настаиваете...

Он подошел к шкафу и достал из него чашки.

— Прошу прощения, сливок нет.

— Неважно. А как вы узнали, Дэвид, что я пришел к вам именно по поводу Палача?

Он усмехнулся и поставил на стол две дымящиеся чашки.

— Потому что он вернулся. Кроме того, только с этой давней работой я связан определенными обязательствами.

— Вы не будете возражать, если мы потолкуем об этом?

— Пожалуйста. Кроме одной небольшой темы.

— Что за тема?

— Если мы подойдем вплотную, я скажу об этом.

— Странно... Ну хорошо. Дэвид, насколько Палач опасен для людей?

— Могу сказать абсолютно точно — он совершенно безвреден для всех, — сказал Дэвид спокойно. — За исключением трех человек.

— А еще недавно — четырех?

— Верно.

— В чем же причина этого?

— Мы некогда сделали кое-что, чего не должны были делать, — уклончиво ответил Дэвид.

— Что же именно?

— Гм-м... Скажем так: попытка создать искусственный разум.

— А почему вы не должны были делать этого? — поинтересовался я.

— Джон, не вам задавать подобные вопросы, — серьезно сказал Дэвид.

Я пожал плечами.

— По-моему, в библейских десяти заповедях ничего нет на этот счет, — заметил я. — Разве что вы пытались сделать это обманом.

— Библия была написана слишком давно, и многое с тех времен изменилось, — возразил Дэвид. — То, что мы сделали, — своеобразная форма гордыни. Пытаясь создать разум, мы волей или неволей захотели встать на одну ступень с Господом, что само по себе высший грех.

— А вы уверены, что это была гордыня, а не энтузиазм участников суперпроекта?

— О, тогда хватало и того, и другого.

— Но одно дело — мысленно сравнивать себя с Господом, а другое — быть им. Ваши действия можно оценивать иначе — например, как попытку приблизиться к божественному идеалу, если вам нравится такое сравнение.

— Нет, мне не нравится! Человек не может быть созданным иначе, как Богом. Мы в силах воспитать его, сделать более образованным и умелым, не более того. Только Господь может *создавать*.

— Тогда вам нечего тревожиться на этот счет.

Дэвид нахмурился:

— Все так, но Палач может не знать этих замечательных рассуждений.

— Вам-то четверым они приходили в голову в то время?

Дэвид хмуро буркнул:

— Не уверен.

— Тогда почему бы не считать, что вы были просто орудиями в руках Творца?

Он криво усмехнулся:

— Неплохо, Джон Донн, неплохо. Тем не менее я чувствую, что приговор уже вынесен и обжалованию не подлежит.

— Выходит, вы считаете Палача чем-то вроде ангела мести?

— Иногда. Во снах мне видится Палач, вернувшийся для возмездия. Но не исключено, что этой машиной могут двигать и другие мотивы.

— Какие же?

Дэвид покачал головой:

— Я предупреждал, что есть тема, по поводу которой я не намерен рассуждать — хотя бы потому, что дал слово. Сейчас мы подошли к ней.

— Хорошо, — разочарованно протянул я. — Жаль, что именно передо мной вы воздвигаете эту глухую стену. Видите ли, Дэвид, люди, на которых я работаю, могли бы защитить вас и остановить Палача. Я надеялся,

что вы расскажете мне больше — если не ради своей безопасности, то хотя бы для спасения своих бывших товарищей. Они могут и не разделять вашего фатализма. Кроме того, вы и сами не вполне уверены в том, что говорите.

Дэвид озадаченно посмотрел на меня и потер переносицу, что уже неоднократно делал во время беседы.

— Что вы намереваетесь предпринять? — глухо спросил он.

— Лично я? Ныне я всего лишь писатель-популяризатор, и передо мной стоит одна задача: получше составить доклад для моего заказчика. Чем полнее он будет, тем больше мне заплатят, только и всего.

Дэвид некоторое время пытливо смотрел на меня.

— Я читаю немало популярной литературы в области компьютерной техники и что-то не встречал вашего имени, Джон, — наконец недоверчиво проговорил он.

— О, большинство моих работ касаются вопросов нефтехимии и биологии моря, — объяснил я.

— Что? Тем более неясно, почему ваш заказчик обратился именно к вам.

— Я был прежде не раз полезен этому агентству. Его шеф знает, что некогда я занимался компьютерами и космосом — вот он и предложил мне тряхнуть старинной. Не вижу здесь ничего удивительного.

Дэвид посмотрел в дальний угол комнаты. Там, на столе, из-под груды папок выглядывал край компьютерного терминала. Если он захочет проверить правильность моих слов, то специалисту по керосину и морским ежам придется сматывать удочки. Но Дэвид не сделал этого. Видимо, он и сам был далеко не безгрешен в этом разговоре.

— Ладно, оставим, — сказал он после долгой паузы. — Главное сейчас другое: я уверен, что Палач по той или иной причине хочет убить своих бывших операторов. Если это суд Всемогущего, так тому и быть. Если же нет, то посторонняя помощь мне не нужна. Я сделал необходимые приготовления. Надеюсь, что обращу весь гнев Палача на себя. Возможно, мне даже удастся остановить его.

— Как? — полюбопытствовал я.

Дэвид указал на лист со схемами, лежащий на столе.

— Это компоновочная схема Палача. Если снять его грудной панцирь, то здесь, здесь и еще здесь надо отсоединить контакты, и тогда машина будет отключена от источников энергии.

Он вопросительно посмотрел на меня. Я оценивающим взглядом скользнул по схеме и кивнул.

— Верно. Сначала один контакт, затем — одновременно два и только затем четвертый. И только в такой, как вы сказали, последовательности.

— Неплохо для специалиста по нефтехимии, — заметил он.

— Ныне я не специалист ни в чем, — отпарировал я. — Я всего лишь литератор, нахватавшийся верхов в нескольких отраслях знаний. Понятно, что прежде чем взяться за это дело, я полистал кое-какие книжки.

— Вижу.

Такое направление беседы меня не устраивало, и я попытался сменить направление.

— А вот вам, Дэвид, не грех было бы обратиться за консультацией к кибернетикам из НАСА. Насколько я знаю, о конструкции Палача вы имеете довольно смутное представление...

— Выходит, вас наняло руководство НАСА?

Я замялся.

— Э-э... нет, не совсем. Если говорить откровенно, то я работаю на частное лицо.

— Понятно, — спокойно кивнул Дэвид. — Я сразу заподозрил, что вас нанял Джесси. Хотя мне наплевать на это. Скажите ему, Джон, что судьбы ему не избегать, будь он хоть трижды сенатором.

— Судьба — это уже что-то заоблачное, — возразил я. — Не стоит ли вернуться на грешную землю? Все может произойти не так, как вы себе рисуете, Дэвид, и по самым прозаичным причинам. Например, Палач может прийти к вам совсем при других обстоятельствах, чем вы предполагаете. Или вы не следующий по списку и машина-убийца сейчас направляется к кому-то

другому. Вы окажетесь ответственным за смерть товарища, если не расскажете сейчас мне всю правду. Относительно конфиденциальности нашей беседы...

Дэвид упрямо поджал губы.

— Нет, Джон, вам не поколебать меня досужими рассуждениями. Я знаю, что говорю. Куда бы сейчас ни шел Палач, он придет ко мне. Если я его не остановлю, он беспрепятственно сделает свое дело, и никто не сумеет ему помешать.

— Но откуда такая уверенность, что именно вы — следующий?

Дэвид достал из ящика карту.

— Взгляните сюда, — предложил он. — Палач посадил свой челнок в Мексиканском заливе. Мэнни жил ближе всего, в Новом Орлеане. Ясное дело, он был первым. Палач, кстати, способен двигаться под водой, словно управляемая торпеда. На мой взгляд, он выбрал для своего путешествия Миссисипи. Проследите его возможный путь, и вы поймете, что следующим буду я, поскольку живу в Мемфисе. Затем настанет черед Лейлы. После этого Палач направится в Вашингтон.

Я подумал о сенаторе Брокдене, который скрывался сейчас в Висконсине. Если Палач на самом деле следовал вверх по реке, то мог без труда настигнуть всех бывших операторов.

— Но откуда машине знать, где вы находитесь? — недоуменно спросил я. — Вы можете уехать из своих городов и даже из страны...

— Хороший вопрос, — согласился Дэвид. — Я не раз задумывался над ним. Дело в том, что во время своего обучения Палач стал воспринимать на расстоянии биоизлучения мозга каждого из нас. По ним он может легко ориентироваться, словно по радиопеленгу. Правда, ранее этот радиус обнаружения был невелик, но Палач ныне вполне мог сконструировать мощный усилитель, который значительно повысил его чувствительность к биоизлучению мозга. Он мог действовать и более прозаично — использовать обычный телефон, скажем. Сегодня утром, например, кто-то справлялся обо мне в справочном отделе здания. Палач может позво-

нить и ко мне домой. Так или иначе, эта хитрая бестия нас найдет, не сомневайтесь, Джон.

— И все же мне кажется, что вам троим надо по-дальше держаться от реки, — не очень уверенно предложил я. — Палач не может долго находиться на суше и оставаться незамеченным.

Дэвид презрительно улыбнулся:

— *Его* такие пустяки не остановят: раздобудет плащ и шляпу и будет идти к нам по ночам. Никаких человеческих потребностей он не испытывает, и это значительно облегчает для него задачу. Например, он может выкопать яму и засыпать себя землей, чтобы таким образом переждать дневные часы. Нет места на Земле, куда бы он не в силах был проникнуть, даже если это дно океана или жерло вулкана.

Я вздохнул, Дэвид уверенно держал оборону, и пробить ее мне никак не удавалось.

— Дэвид, вы не совсем логичны, — сделал я еще одну попытку. — Если этой машиной действительно руководит Провидение, то ваше намерение остановить ее выглядит богохульственно. Если же ею движет дьявол, то вы становитесь его невольным соучастником, ибо справиться с Палачом наверняка не сумеете и только обречете на верную гибель своих бывших друзей. Мы могли бы обеспечить им хорошую защиту, но вы лишаете их даже шанса на спасение.

Дэвид хрипло рассмеялся.

— Ничего, уж эту вину я как-нибудь переживу, — сказал он. — Если я не смогу остановить этого монстра, то пускай те двое попытаются это сделать сами. Разве я им мешаю?.. Хотя, надо признаться, Джон, вы несколько поколебали мои позиции — самую малость.

— Таково было мое намерение.

— Вы останетесь здесь, в Мемфисе?

— Нет.

— Тогда, если не возражаете, дайте мне номер вашего телефона. Если у меня появятся какие-нибудь новые соображения по поводу Палача, я, пожалуй, позволю вам.

— Лучше бы у вас появилось это желание сейчас, Дэвид.

— Нет, мне надо подумать.

Делать было нечего, и я дал Дэвиду адрес отеля в Сент-Луисе, где только что остановился. Где бы я ни был, мне не трудно позвонить туда и узнать, не оставял ли кто-нибудь посланий для меня.

У выхода я повернулся и сказал:

— Еще одно, Дэвид. Если Палач появится и вы остановите его, сообщите об этом?

— Да, конечно.

— Благодарю — и удачи!

Мы обменялись крепкими рукопожатиями.

Следующий, следующий, следующий...

Увы, оба моих визита не дали ничего существенно. Я не смог разговаривать Лейлу, да и Дэвид не был расположен откровенничать. Так что звонить Дону Уэлшу пока рановато.

Я размышлял об этом по дороге в аэропорт. Послеобеденные часы мне кажутся лучшими для доверительной беседы, так же как ночь более всего годится для грязной работы. До конца дня вполне можно еще успеть поговорить с кем-нибудь. Я выбрал Фила Бурнса, брата покойного Мэнни — до вечера прилететь к нему в Новый Орлеан, пообщаться и только затем позвонить Дону, чтобы узнать новые инструкции. Потом стоило подумать, не заняться ли челноком. Не может быть, чтобы Палач не оставил в нем никаких следов — просто надо как следует поискать.

Небо над аэропортом было настолько темным и мрачным, что лететь сразу же расхотелось. К тому же я устал, и мне все надоело. Но отдыхать было рано.

Сидя в мягком кресле, я размышлял о проблеме ИР, или искусственного разума, как принято громко называть новое направление в компьютерной технике. Понятие это явно было сильнее, чем то, что следовало применять к нынешним «думающим ящикам», и причиной во многом была семантика. Слово «разум» давно уже стало своеобразным ярлыком, который философы-идеалисты привыкли отделять от его материального но-

сителя — мозга. Особенно ярко поддерживали эту идею сторонники теории витализма, которые с пеной у рта доказывали, что жизнь зарождается вне физических и биохимических процессов. В этом они были непримиримыми противниками Дарвина и его последователей, обвиняя последних в вульгарных механистических взглядах.

Теория витализма вновь серьезно заявила о себе в середине прошлого столетия и с той поры находила определенное число поклонников среди ученых. Очевидно, Дэвид пал ее жертвой, ибо считал, что помогал наполнять «тело» усовершенствованного телефактора чем-то нематериальным, тем, чем одарил Господь Адама и Еву в дни сотворения Человека.

Подобные мысли вряд ли могли возникнуть у создателей компьютеров или роботов, ибо те действовали в соответствии с заданными программами. В случае же с Палачом все было куда сложнее. На конечной стадии обучения он находился в непосредственном контакте с человеческими разумами, от которых мог получить практически все. К чему это могло привести? К ИР, напоминающему разбитое зеркало, в котором отражалась раздробленность и противоречия, свойственные человеческой личности? Или все эти разнородные элементы слились в одно целое? Никто, даже Лейла, не мог сказать ничего определенного на этот счет. Очевидно, что Палач приобрел в результате такого контакта множество новых функций и возможностей — но можно ли считать, что он в полной мере научился *чувствовать*? Способен ли он ныне ощущать любовь или ненависть? Если да, то на месте Дэвида я не терзался бы ощущением вины перед Создателем. Напротив, черт побери, я был бы страшно горд, словно первым из людей сумел научить разговаривать любимую собаку

К концу дня небо очистилось. Я приехал на такси к дому Фила Бурнса еще до наступления заката и, еле передвигая ноги от усталости, поднялся по лестнице.

На мой звонок вышла девчужка лет семи или восьми. Уставилась на меня большими карими глазами и не произнесла ни слова.

— Я хотел бы поговорить с мистером Бурнсом, — сказал я.

Она повернулась и исчезла за дверью.

Минуту спустя на пороге появился грузный мужчина, одетый небрежно, по-домашнему. У него был выпуклый лоб с розовой залысиной, мясистое лицо и недовольные маленькие глазки. В левой руке толстяк держал газету.

— Чего надо? — буркнул он.

— Я хотел бы поговорить о вашем брате.

— Чего, чего?

— Надеюсь, вы позволите мне войти? Видите ли, возникли кое-какие сложности.

Однако мистер Бурнс предпочел захлопнуть дверь за собой.

— Поговорим здесь, — хмуро сказал он.

— Хорошо, я буду краток. Я только хотел бы узнать, не беседовал ли брат с вами о машине, прозванной Палачом. Некогда он работал с ней и...

— Вы, никак, коп? — с подозрением спросил Бурнс.

— Нет.

— Тогда какого хрена вы всем этим интересуетесь?

— Я работаю на одно частное агентство. Оно пытается разыскать кое-какое оборудование, некогда отправленное в далекий космос. Теперь одна машина могла попасть вновь на Землю и...

— У вас есть какие-нибудь документы? — перебил меня Бурнс.

— Нет, я не ношу их с собой.

— Кто вы такой?

— Джон Донн. Работаю в области...

— И вы считаете, что мой брат стащил эту самую дурацкую машину? Вот что я вам скажу, мистер...

Я потерял терпение и в свою очередь перебил Бурнса:

— Нет, ваш брат ничего не украл. По крайней мере, мы так думаем.

— Тогда что же произошло?

— Это было... Словом, Палач — нечто вроде робота. Возможно, Мэнни имел какое-то устройство, с помощью которого сумел обнаружить робота после его возвращения на Землю. Он мог даже специально пригласить машину к себе. Потому я и хочу узнать, говорил ли ваш брат что-то о Палаче. Мы пытаемся разыскать этого робота.

Фил Бурнс побагровел.

— Мой брат был уважаемым бизнесменом, и я не желаю слышать никаких грязных обвинений! Особенно сейчас, после его смерти. Полагаю, мне стоит позвать полицейского, чтобы он задал вам несколько вопросов.

— Э-э, подождите минуту! А если я скажу, что именно робот убил вашего брата?

На скулах Бурнса вздулись желваки, его глазки запылали гневом. Мне показалось, что Фил вот-вот набросится на меня с кулаками.

— Успокойтесь, мистер Бурнс. Что особенного я сказал?

— Либо вы, мистер Дойн-долдон, хотите посмеяться над покойным, либо вы еще глупее, чем выглядите! — взорвался мой собеседник, трясаясь от гнева.

— Ладно, я глупее, чем выгляжу, — примирительно произнес я. — Только, ради Бога, объясните, почему вы так решили.

Бурнс развернул газету, которую держал в руке, и буквально ткнул ею мне в лицо.

— Потому что копы нашли типа, который это сделал, вот почему!

Я прочитал статью на первой странице. Газета была свежая, сегодняшняя. Оказалось, полицейские схватили парня, который признался в нападении на Мэнни с целью грабежа. Убивать Бурнса он не собирался, «просто слишком сильно ударил».

Ошеломленный, я перечитал статью еще раз и вернул газету.

— Прошу прощения, — сказал я упавшим голосом. — Клянусь, я не знал об этом.

— Уходите отсюда, — процедил Фил Бурнс. — Прочь!

— Конечно, — кивнул я. — Еще раз прошу простить.

Я уже спускался с лестницы, когда Фил Бурнс окликнул меня.

— Мистер, я хочу, чтобы вы знали: дверь открыла его младшая дочь. Теперь она живет с нами, ведь бедняга Мэнни потерял жену два года назад.

— Очень жаль.

— И передайте своему начальству: Мэнни Бурнс не крал никаких роботов. Не такой это был человек!

Я кивнул и ушел.

Проснувшись на следующее утро в местном отеле, я провел больше часа в ванной, а завтрак занял у меня рекордное время — почти два часа. На этот раз я никуда не спешил и позволил себе даже стаканчик виски.

Да и куда было спешить? Палач оказался не таким грозным, как я прежде полагал. Сенатор Брокден мог вздохнуть с облегчением и оставить свою крепость с до зубов вооруженной охраной. Лейла Тэккер с чистой совестью могла бы наделить меня улыбкой типа «я же говорила!», прочитав эту статью в газете. Что касается Дона Уэлша, то ему решить: продолжать мне заниматься этим делом или нет. Полагаю, все зависело от чувств сенатора. Если он сочтет Палача не очень опасным, то обойдется одним-единственным охранником. Как ни странно, меня эта перспектива не очень-то радовала. Я вновь обретал безопасность — и скуку.

Усевшись в кресло, я взял телефон, чтобы позвонить Дону, но вместо этого набрал номер отеля в Сент-Луисе. Вполне вероятно, что мне оставили какое-нибудь послание — Дону его также полезно было знать.

На экране появилось женское лицо, которое немедленно расцвело улыбкой. Я подумал: интересно, она старается улыбаться так при каждом звонке, или это уже стало просто условным рефлексом?

— Вас слушает жилищная служба аэропорта, — ангельским голосом пропела милашка. — Чем могу помочь?

— Это Джон Донн. Я останавливался у вас в отеле вчера в 106-м номере. Не оставлял ли мне кто-нибудь письмо или еще что-нибудь?

— Подождите минуту, — сказала девушка и скосила глаза куда-то налево. — Да, — продолжила она, взглядываясь в лист бумаги. — Вам звонили в два часа ночи. Этот человек не назвал себя и вообще вел себя довольно странно.

Я едва сохранил самоконтроль.

— Все понятно, — сказал я с безмятежной улыбкой. — Сегодня сыграю с моим другом такую же шутку.

Конечно, это был Дэвид. Кто еще мог звонить по этому номеру?

Существовала, правда, еще одна возможность. Меня мог искать Палач. Никогда не слышал, чтобы роботы умели перехватывать телефонные разговоры, но это не исключено. Так или иначе, я должен разыскать его — или своими глазами убедиться, что он уничтожен.

Сделав добрый глоток бренди, я попытался связаться с Дэвидом. В течение пятнадцати минут я набирал оба его номера, но мне никто не ответил.

Ладно. Прощай, Новый Орлеан, прощай покой. Мне чертовски не хотелось выходить из игры, и я решил еще немного побарахтаться.

Позвонив в аэропорт, я заказал билет в Сент-Луис. Энергично встав, я стал, посвистывая, собирать вещи. Перед уходом я еще раз попытался разыскать Дэвида, но впустую.

Сидя в 106-м номере отеля, я нажал кнопку автоответчика.

Экран оставался темным. Вскоре я услышал голос Дэвида, спрашивающего меня. Женский голос ответил, что номер 106 не отвечает. Дэвид после некоторого колебания попросил сделать запись лично для мистера Донна, «который непременно скоро вернется». Девушка он попросил на несколько минут удалиться.

Экран все еще оставался темным, но я слышал тягелое дыхание и какое-то пощелкивание.

— Джон... — донеслось наконец. — Вам надо знать... что я рассчитывал на вас, хотя... Все, что вы говорили... это не было главным... электроника ни при чем... мы словно играли, пытаясь перехитрить друг друга... нефтехимия... ха-ха! Хотел бы я на самом деле знать, что вы делали все эти годы... И вы не подозреваете... но мне хотелось бы предостеречь вас... чтобы позднее вы не чувствовали себя... победителем...

Последовала долгая пауза, прерываемая лишь его хриплым дыханием и легким пощелкиванием. Наконец послышалось едва разборчивое бормотание:

— Слишком много... слишком быстро... слишком сильно... все кончилось...

Наконец экран засветился. Дэвид сидел перед видео-телефоном, положив локти на стол и поддерживая руками окровавленную голову. Очков не было, и его подслеповатые глаза глядели на меня с тоской и испугом. Правая сторона лба была разбита в кровь, на левой щеке виднелась глубокая рана, и еще посреди лба...

— ...Он подкрался, когда я позвонил вам... Пока не знаю, кто из нас четверых был прав... Молитесь за меня!

Дэвид выбросил со стоном руку вперед — видимо, желая выключить телефон. Последнее, что я увидел, была его голова, лежащая на столе в луже крови.

Я немедленно стер запись. Похоже, Палач посетил Дэвида спустя час после моего ухода. Вряд ли Дэвид успел позвать на помощь, так что скорее всего сейчас он уже мертв.

Выйдя из отеля, я вошел в ближайшую телефонную будку и вновь позвонил Дону. Тот, к счастью, на этот раз оказался на месте.

Я коротко сказал ему, что дела Дэвида плохи, и попросил Дона вызвать на его адрес «скорую помощь» и полицию. Затем попытался связаться с Лейлой. Она не отвечала. Слушая длинные гудки, я размышлял о том, как долго эта управляемая торпеда будет плыть от Мемфиса до Сент-Луиса. Результат был неутешительным. Повесив трубку, я пошел ловить такси.

Подъехав к дому Лейлы, я пулей влетел в холл и трижды нажал кнопку звонка. Никто не ответил. При-

шлось вызвать миссис Глунц — она показалась мне самой добродушной из всех соседей Лейлы, которых я успел обойти в прошлый раз с дурацкими расспросами.

В динамике что-то щелкнуло, и послышался знакомый голос:

— Да?

— Вас снова беспокоит Стефен Фостер. Моя фирма проводит новый опрос потребителей. Не уделите ли мне пару минут?

— Почему бы и нет? — ответила добродушная леди.

Дверь открылась, и я бросился к лифту. Поднимаясь на пятый этаж, я лихорадочно придумывал несколько вопросов, которые не вызвали бы у миссис Глунц приступов красноречия.

Несколько минут спустя я уже сбегал на второй этаж. Дверь доктора Тэккер, как и следовало ожидать, была заперта. Я постучал, но мне никто не ответил. Тогда, оглядевшись, я достал из кармана набор отмычек и проскользнул в комнату, сразу же закрыв за собой дверь.

Лейла лежала на полу, и ее шея была неестественно вывернута. Настольная лампа горела, хотя и валялась на боку. На столе были разбросаны газетные заметки, на них лежала полочка с журналами. С софы свисала подушка. Телефон стоял на месте, но шнур был вырван из стены.

Было тихо, и только негромко что-то пощелкивало. Я насторожился — этот звук был мне знаком.

В кресле, в котором еще недавно я сидел, лежал шлем оператора. Точно такой же я видел вчера в офисе Дэвида — прибор, с помощью которого можно было обнаружить приближение Палача, а при удаче даже управлять им.

Инстинктивно я поднял шлем и надел его на голову.

Однажды мне приходилось ненадолго вступить в мысленный контакт с дельфином. Сейчас я ощутил нечто подобное. Это была странная смесь из разнородных впечатлений: лицо, глядящее на меня, словно из-за влажного стекла; шум толпы на станции метро в час

пик; голос Имы Сумак, поднимающийся на невысказанную высоту; «Крик» Эдварда Мунка; таяние снега под апрельским солнцем; пустынная улица; взгляд, словно бы через оружейный прицел; чувство собственной невероятной силы; обостренная работа всех органов чувств. И солнце, питающее меня своими животворящими лучами, и темный поток, несущий к берегу... Мунк и Сумак, Мунк и Сумак — и ничто...

Тишина.

Щелканье стихло, и свет погас. Новые, непривычные ощущения сохранились еще в течение нескольких секунд, а затем исчезли.

Палач был уже далеко.

Сняв шлем, я подошел к Лейле и встал рядом с ней на колени. На всякий случай попытался прощупать пульс, а затем приподнял ей остывшие веки. Да, поздно. В дополнение к сломанной шее, она получила несколько очень сильных ударов по голове и плечам. Никто не смог бы спасти ее.

Я обошел комнату, внимательно все осматривая. Не было видно никаких следов взлома... хотя если я сумел открыть дверь, то эта машина без труда могла сделать то же самое.

Мельком взглянув на разбросанные бумаги, я засунул в пакет шлем и вышел из квартиры. Настало время позвонить Дону и сказать ему, что челнок вернулся на Землю не пустым и что движение по Миссисипи вверх по течению может быть небезопасным.

Дон попросил привезти шлем в Висконсин. Меня должен был встретить человек по имени Ларри и отвезти к охотничьему домику на флайере. Я также узнал без особого удивления, что Дэвид Фентрис мертв.

Температура в Висконсине резко упала, и пошел снег. Я не был одет для такой собачьей погоды. Ларри сказал, что теплая одежда найдется в охотничьем домике сенатора, хотя вряд ли мне понадобится надолго выходить наружу. Дон попросил меня не отходить далеко от мистера Брокдена, в то время как четверо его

личных охранников будут патрулировать парами снаружи.

Во время полета Ларри расспрашивал, как идут дела и видел ли я Палача. Отвечал я коротко и неопределенно, так что парень вскоре отвязался.

Другой охранник по имени Берт встретил нас на посадочной площадке в сотне футов от дома. В руках он держал автоматическую винтовку. Еще двое, Том и Клейн, наблюдали за лесной дорогой. Все они были среднего возраста, крепкие, с тяжелыми подбородками и серьезными взглядами. Их вооружение вызывало уважение. Ларри познакомил меня с товарищами, а затем проводил к дому.

Сенатор Брокден сидел в массивном кресле комнаты на четвертом этаже. Ноги его покоились на подушечке, красный плед закрывал ступни. Он был в темно-зеленой рубашке, свободных брюках и домашних шлепанцах. В его темных волосах блестела благородная седина. На мясистом носу небрежно висели очки без оправы, которые он немедленно снял, увидев меня.

Брокден откинул голову на спинку кресла и, не сказав ни слова, стал пристально разглядывать меня, слегка покусывая нижнюю губу. Его лицо при этом оставалось бесстрастным. Сенатор был крупнококтым мужчиной. Похоже, в прошлом он обладал атлетической фигурой, но сейчас выглядел почти изможденным, словно после долгой болезни. Лицо его также казалось нездоровым.

Сенатор не поднялся с кресла, а просто протянул мне худую руку.

— Итак, вы тот самый человек, о котором мне восторженно рассказывал Дон, — сказал он скрипучим голосом. — Рад вас видеть. Как вы хотите, чтобы вас называли?

— Джон, как обычно, — ответил я.

Сенатор небрежно махнул рукой, и Ларри ушел.

— Сегодня чертовски холодно, — промолвил Брокден. — Налейте себе выпивку сами — бутылки на полке. Заодно плесните и мне бурбона на два пальца.

Я кивнул, пошел к полке и наполнил два бокала.

— Садитесь, мистер Донн, — сенатор кивнул на кресло, стоявшее рядом с пылающим камином. — Только сначала дайте мне взглянуть на вещицу, которую вы принесли.

Я достал из пакета шлем и протянул его Брокдену. Сенатор сделал глоток, а затем взял шлем в руки, внимательно осмотрел его и надел на голову.

— Недурная штука, — сказал он, впервые улыбнувшись. Теперь я увидел его таким же, как на фотографиях в газетах. Иногда, правда, он любил принимать крайне разгневанный вид — словно ему было обидно за кем-то попорченную американскую демократию.

Сняв шлем, он поставил его на пол, рядом с креслом.

— Очень хорошая работа... Некогда конструкция шлема казалась фантастичной, но Дэвид Фентрис сумел добиться успеха. — Сенатор взял бокал и сделал еще один глоток. — Мистер Донн, вы один из немногих людей, кто смог опробовать эту чудо-вещь в работе. Что вы о ней думаете?

Я пожал плечами:

— В контакте с Палачом я находился всего лишь несколько секунд, так что толком не успел разобраться в своих ощущениях. Но мне показалось, что, будь у меня чуть больше времени, я смог бы найти с ним общий язык.

— Тогда почему этого не сделал Дэвид?

— Его офис располагался рядом с оживленной автотрассой. Видимо, шум снаружи помешал ему расслышать реакцию шлема на приближение Палача.

— Почему вы не сохранили видеозапись последнего звонка Дэвида?

— Я стер ее по некоторым причинам, — коротко сказал я.

— Каким же это?

— Личным.

Лицо сенатора побагровело.

— Вы можете получить массу неприятностей из-за умышленного сокрытия важных фактов от властей, — процедил он.

— Тогда у нас есть кое-что общее, не так ли, сенатор? — спокойно отпарировал я.

Глаза сенатора вспыхнули недобрым огнем, но он сумел сдержать свой гнев.

— Дон говорил, что на вас не стоит особенно нажимать, — после долгой паузы произнес Брокден, словно бы размышляя вслух. — Вы этого не любите.

— Верно.

— Дон не стал открывать мне секреты ваших прошлых деловых взаимоотношений, но все же кое-что рассказал о вас.

— Представляю, — усмехнулся я.

— Напрасно вы улыбаетесь, Дон Уэлш очень высокого мнения о вашей персоне. Тем не менее я попытался кое-что разузнать и по своим каналам.

— И что же?

— И это мне, как ни странно, не удалось, хотя мои информаторы стоят тех денег, которые я им плачу.

— Тогда вы...

— Тогда я сделал некоторые умозаключения. Самое любопытное заключается в том, что о вас вообще нет никаких любопытных сведений. Большинство людей волей-неволей обращают на себя внимание властей. Остальных я бы разделил на три категории. Первая — те серые мышки, которые не достойны никакого внимания. Вторые — осужденные на длительные сроки. Третьи — всяческое уголовное отребье, которое предпочитает все время держаться в тени. Вас я не отнес ни к одной из этих категорий.

— Спасибо. Выходит, я не уголовник.

Сенатор пытливо взглянул на меня.

— Я достаточно пожил на свете, мистер Донн, чтобы понять: множество ярких и сильных людей проходят по жизни, как иголка, пронзающая ткань. Они не оставляют ни следа, ни тени и все же порой добиваются многого. Мне кажется, вы относитесь к их числу.

Я склонил голову в знак благодарности.

— Лестно слышать. А что, если вы правы?

Он неожиданно неприязненно поморщился.

— Тогда вы можете оказаться излишне самоуверенным человеком, — сухо ответил он. — В данном случае это может только повредить делу. Короче, я не уверен, что вы способны справиться с Палачом.

Я подошел к окну и стал смотреть, как крупные снежинки кружатся под порывами ветра.

— Вы не собираетесь мне что-либо рассказать? — после долгой паузы спросил сенатор.

— А что можете сказать вы, мистер Брокден?

— Спросите меня: что вы собираетесь предпринять, сенатор?

— Хорошо. Итак, что вы собираетесь предпринять?

— Ничего, — безмятежно улыбувшись, ответил он. — Садитесь, рядом с окном может быть опасно.

Я сел в кресло у камина.

Сенатор пытливо смотрел на меня.

— Я чувствую, вы горите желанием взять меня за горло и слегка придушить, не так ли?

— Зная, что снаружи дом стерегут ваши четыре гори́ллы?

— Да.

— Нет, — покачал головой я.

— Вы хороший лжец.

— Ничуть. Я здесь для того, чтобы помочь вам, сенатор, а не для того, чтобы что-то выведывать. Тем более силой. Однако, если обстановка изменилась, то я хотел бы услышать об этом, иначе мне будет сложно реагировать.

Сенатор задумчиво постукал пальцами по крышке стола.

— Не хочу создавать для вас дополнительные трудности, Джон, — примирительно произнес он. — Мне нужен был подобный человек, и Дон Уэлш нашел такого. Вы необычайно изворотливы, а также сведущи во многих областях науки и техники, что чрезвычайно важно для меня. Есть многое, о чем мне хотелось спросить вас. Только не сейчас. Позднее, если будет время. Пока же я сам хочу кое-что вам рассказать. Надеюсь, вы понимаете, что это сугубо конфиденциально?

— Вы принуждаете меня держать рот на замке? — спросил я, нахмурившись.

— Не думаю, что «принуждение» — подходящее слово. Мы связаны договорными отношениями, и, как в любом другом бизнесе, это многому обязывает партнеров.

— Тогда почему же вы хотите пооткровенничать со мной?

— Ситуация того требует, — пояснил сенатор. — Быть может, это сможет вам помочь при встрече с Палачом.

Я кивнул.

— Если вы расскажете мне правду, то мы оба будем в большей безопасности. Ваши трое друзей предпочли сохранить тайну — и в результате унесли ее с собой в могилу, — подбодрил я сенатора.

Он помрачнел.

— Хорошо. Скажите, Джон, вы догадываетесь, почему возвращение Палача обошлось так трагически для нас, бывших операторов?

— Да. Вы использовали эту разумную машину для каких-то действий, разумеется, тайно. Скорее всего, они были безнравственными или даже преступными. Никому теперь это неизвестно, кроме вас и Палача. Видимо, машина немало страдала, пытаясь осознать то, что вы с ней сделали, и это могло серьезно повредить ее психику. В результате она потеряла всякий интерес к исследовательской деятельности и вернулась на Землю, чтобы *заставить страдать вас*.

Брокден взял бокал, но пить не стал. Пальцы его слегка дрожали.

— Да, вы правы. Палач вернулся, и ему удалось заставить нас страдать. В те времена, когда я был оператором, мы... нет, я убил человека.

Нечто подобное я и ожидал.

— Все произошло в день, когда мы завершили работу, — глухо продолжил сенатор, опустив глаза. — По этому радостному поводу мы, операторы, решили устроить небольшую вечеринку. Палач пока находился в лаборатории, но уже на следующий день, в пятницу,

его должны были отправить на космодром. Все началось очень мило, однако к вечеру мы все, даже Лейла, изрядно набрались. И тогда кому-то из нас пришла в голову замечательная идея — а почему бы нашему малышу-Палачу также не повеселиться от души?

Видите ли, Джон, мы праздновали в здании института космических исследований, в Техасе, а Палач находился в Калифорнии, в космическом Центре. Попасть туда было нелегко даже нам. С другой стороны, операторная располагалась в соседнем зале. Можно было войти с ним в контакт обычным путем, надев нашу «управляющую сбрую», как мы называли экзоскелет и шлем. С радостными воплями мы направились в зал. Здесь мы решили, что по очереди будем надевать «сбрую» и каждый по-своему поздравит малыша. Так мы и сделали.

Сенатор сделал солидный глоток, не подняв глаза.

— Дэвид был первым в этой игре, — продолжил он. — Он активизировал Палача. Поначалу мы даже не думали о том, чтобы выводить его из лаборатории, но Дэвид сделал это. Ему, видите ли, захотелось показать малышу небо. Но для этого надо было перехитрить охрану и хитрую систему сигнализации. Дэвид вошел в азарт и долго не отдавал нам «сбрую», хотя мы все шумно требовали этого.

Следующая была Лейла. Она обнаружила, что малыш уже шагает по лужайке прочь от здания Центра. И тогда ей в голову пришла мысль повести его в город. Было уже поздно, и внешность Палача могла не привлечь к себе особого внимания. Ему же темнота мешать никак не могла, его сенсорные датчики были очень чувствительными. Мы все стали шумно обсуждать маршрут движения малыша. Оказалось, что необходимо отключить некоторые системы самоконтроля машины, и мы без колебаний сделали это.

Мэнни едва не силой отобрал «сбрую» у Лейлы и погрузился в какие-то сложные управляющие действия. Он отключил визуальную систему контроля, так что мы не могли следить за продвижением Палача. Когда

мы трясли его за плечи, Мэнни только отмахивался и говорил, что устроит нам замечательный сюрприз.

Он оставался у пульта так долго, что мы начали слегка нервничать. Чем больше мы трезвели, тем более нас пугало то, что мы делаем. Дело было не только в наших карьерах, но и в возможном крахе всего проекта. Если бы малыш сотворил что-то непотребное...

Помню, я не выдержал и обрушил на Мэнни потоки ругани. Сейчас я хотел только одного — взять на себя управление и вернуть малыша как можно быстрее в лабораторию. После долгих пререканий Мэнни согласился передать мне управление. До сих пор перед глазами его гнусная ухмылка... Хотите еще выпить?

— Да.

На этот раз сенатор встал сам и налил до краев оба бокала. Усевшись вновь в кресло, сделал солидный глоток и только затем продолжил:

— Итак, я влез в «сбрую» — и обомлел. Знаете, что этот идиот оставил мне? Я, вернее, Палач, находился внутри здания. Осмотревшись, я понял, что это банк. Палач был оборудован массой хитроумных инструментов, и Мэнни сумел виртуозно использовать их и провести нашего малыша через все барьеры. Теперь он находился прямо напротив главного хранилища. Оставалось отключить сигнализацию и открыть сложные системы замков. Видимо, Мэнни считал, что таким путем вызывает меня на соревнование.

Я с трудом подавил желание проявить свое искусство и заставил малыша повернуться и пойти в сторону выхода. Проходя мимо одной из дверей, я не удержался и заставил Палача открыть ее. Внутри было темно, и я ничего не увидел. И в этот момент мне в глаза ударил луч света. Прямо передо мной стоял охранник. В одной руке он держал фонарик, а в другой — пистолет. Вот-вот он мог спустить курок, и я запаниковал, совсем забыв, что нахожусь в сотнях миль от банка. Чисто инстинктивно я наотмашь ударил охранника. Кстати, когда я бью, то бью со всей силы — так я привык с детства. Но на этот раз я ударил со всей силой Палача.

По-видимому, охранник умер мгновенно — у него была разможжена голова. Я, вернее, Палач, побежал к выходу из банка и ни разу не остановился, пока не оказался в парке вблизи Центра. Затем я почувствовал, что друзья осторожно снимают с меня «сбрую».

— Они видели все? — спросил я.

— Да, кто-то включил контрольный экран как раз в момент встречи с бедным охранником банка. Кажется, Дэвид.

— И они не пытались остановить вас?

— Нет. Впоследствии они говорили, что находились в шоке и не успели мне помешать.

— Понятно.

— Дэвид взял дальнейшее управление Палачом на себя. Он завел малыша в лабораторию, почистил его, а затем отключил. Затем мы поспешно убрались из операторного зала. Хмель как рукой смело, но было уже поздно...

Сенатор закрыл глаза и некоторое время сидел молча.

— Вы — единственный человек, которому я рассказал это, — наконец тихо добавил он.

Я приложился к своему бокалу.

— Мы приехали в гостиницу, в которой жили, и провели остаток ночи в комнате Лейлы. Обсудив все происшедшее, мы пришли к выводу, что беднягу уже не воскресить, даже если мы расскажем правду. Зато программа «Палач» будет загублена. Нет, мы не считали себя преступниками. Сложилась одна из нередких жизненных ситуаций, когда невинная шутка привела к трагическим последствиям. А что бы вы сделали на нашем месте, Джон?

— Не знаю, — задумчиво ответил я. — Быть может, то же самое. И был бы здорово напуган.

Он кивнул:

— Точно так же были напуганы мы. Вот и вся история.

— Вся ли?

— Что вы имеете в виду?

— Почему вы ничего не сказали о Палаче? Он должен был как-то отреагировать на происшедшее. Как?

— Черт бы вас побрал, — вяло произнес сенатор, делая очередной глоток.

— Прошу извинить.

— У вас есть семья?

— Нет.

— Но вы когда-нибудь водили ребенка в зоопарк?

— Приходилось.

— Тогда, может быть, вы поймете меня. Когда моему сыну было года четыре, я повел его в вашингтонский зоопарк. Мы прошли мимо каждой клетки, и сын высказал свое мнение о всех зверях и птицах. Он засыпал меня кучей вопросов, передразнивал обезьян, уважительно заметил, что медведи — хорошие, видимо, потому, что они показались мальчугану большими игрушками. Но знаете, кто ему понравился больше всего? Обычная белка, сидящая на ветке ели. Он заорал: «Папа, смотри, смотри!» и стал подпрыгивать от возбуждения, словно увидел что-то совершенно фантастическое.

— Почему? — удивился я.

— А потому что он был ребенком, — охотно пояснил сенатор. — Его реакция зачастую была совершенно непредсказуема — конечно, для нас, взрослых. И Палач тоже был в то время ребенком. То, что мы сделали с ним, он поначалу воспринял как игру и был очень доволен. Но когда произошло это ужасное событие... Он переживал так же, как пережили мы с Дэвидом, когда вели его назад в лабораторию. Мы травмировали детскую психику. В ту ночь я не ощутил его реакции, но не сомневаюсь, что этот случай и привел под конец Палача к «сумасшествию».

Я кивнул:

— Похоже. И вы верите, что он теперь хочет убить вас за это?

— А как бы вы поступили на его месте? Если бы вас поначалу создали как машину, затем наделили личностью и дали определенную свободу воли, а затем вновь использовали как примитивную машину, да еще машину-убийцу?

— Лейла поставила иной диагноз, — заметил я.

— Насколько я понял, в разговоре с вами она вообще не касалась этой темы. Зато со мной она разговаривала иначе. Она почему-то сочла, что малыш возненавидит меня одного. Все же остальные, мол, с ним попросту *играли*. Почему, говорила она, Палач должен испытывать ненависть к другим операторам, которые не причинили ему ничего дурного? Как видите, она ошиблась.

— Тогда мне не понятно, почему убийство Бурнса она восприняла так спокойно, — удивленно сказал я. — О том, что на него напал простой грабитель, тогда еще не было известно.

— О, Лейла была очень упрямой и своенравной женщиной. Раз высказав гипотезу, она уже от нее не отказывалась даже перед лицом очевидных фактов.

— Странно... Хотя вы знали ее куда лучше, чем я. Что меня всерьез беспокоит — это шлем. Палач убил Дэвида и захватил шлем с собой в подводное путешествие к Сент-Луису. Для чего? Чтобы обронить после очередного убийства?

Сенатор озадаченно взглянул на меня.

— Да, это так, — согласился он. — Но можно найти и иное объяснение. Видите ли, Палач не обладает речевыми функциями. Мы общались с ним исключительно с помощью шлема. Кстати, Дон говорил, что вы разбираетесь в электронике...

— Да.

— Тогда будьте добры, осмотрите шлем. Может, станет ясно, зачем малыш захватил его с собой...

— Гм-м... это очень трудно, — с сомнением сказал я. — Я не знаю толком, как он устроен, и не такой уж я гений, чтобы по одному внешнему виду разобраться во всех его функциональных возможностях.

Сенатор вновь пожевал нижнюю губу.

— И все же стоит попробовать, — упрямо повторил он. — На шлеме могут остаться какие-то следы действий — царапины, вмятины, новые соединения и прочее. Это вам должно сказать о многом. Взгляните!

Я кивнул без особого энтузиазма, ожидая, что он скажет дальше.

После некоторого размышления сенатор глухо произнес:

— Я думаю, что малыш хотел поговорить с Лейлой. Хотя бы по той причине, что та была психиатром, а он понимал, что в нем что-то неладно. Возможно, он относился к ней как к матери — другие женщины с ним не работали. Шлем был необходим ему, чтобы установить контакт. Я не случайно прошу вас осмотреть шлем. Палач мог отключить контрольную цепь и оставить нетронутым только блок связи. В этом случае Лейла становилась не опасной для него, а напротив, очень полезной. Наверняка малыш попросил ее надеть шлем, но Лейла испугалась и пыталась бежать. Быть может, она звала на помощь, и Палач убил ее, следуя своему мощному инстинкту самосохранения. Шлем больше не был нужен ему, и он выбросил его. Это надо понимать так: мне ему нечего сказать.

— Логично, — согласился я. — Хорошо, я готов взглянуть на эту штуку. Но мне нужны инструменты.

— Бедняга Дэвид, — тихо промолвил сенатор, опустив голову. — Бедный Мэнни... Бедная, бедная Лейла... Бедная вдова Мэнни... Если я уцелею, то сделаю для нее все возможное. Пенсия, крупная денежная компенсация...

Я в упор смотрел на него.

Сенатор поднял глаза и извиняющимся голосом произнес:

— Увы, это все, что в моих силах. Надеюсь, вы не считаете, что в их гибели виноват я?

Я промолчал.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Сенатор вскоре не выдержал и отвел глаза в сторону.

— Пройдите через кухню в соседнюю комнату, — слабым голосом произнес он. — Там... там находится чулан с инструментами.

— Хорошо.

Я поставил шлем на стол и направился к двери.

— Джон, вы осуждаете меня? — почти умоляюще сказал мне вслед сенатор.

Не оборачиваясь, я ответил:

— Зачем же. Вы хороший политик, сенатор, и этим все сказано. Кроме того, вы мой клиент.

Я сидел в кресле лицом к двери. Тишина царила в охотничьем домике, лишь изредка нарушаемая треском дров в жарко пылающем камине. Там, за окном, крупные белые хлопья падали в тихой, безветренной ночи.

Со времени моего приезда прошло уже несколько часов. Наш разговор с сенатором оказался пустым сотрясением воздуха. Брокден почему-то заговорил о сверхъестественном, а затем перешел к теме загробной жизни. Видимо, на свою охрану он не очень-то полагался. На меня этот разговор только навевал тоску, хотя кое с чем подобным мне приходилось встречаться в своей богатой событиями жизни.

Наконец Брокден с раздражением встал с кресла, пожелал мне спокойной ночи и поднялся по лестнице на второй этаж, где находилась его спальня. Я услышал, как он долго гремел замками и засовами. Похоже, его очень раздосадовало, что я так и не смог ничего странного обнаружить в шлеме.

Я остался один в гостиной. Рядом с креслом стоял ящик с инструментами, а на столе находился шлем, переговорное устройство и лазерный пистолет. К черной перчатке на моей левой руке была приклеена пластиковая взрывчатка.

Палач придет. Я не сомневался в этом.

Возможно, Берт, Ларри, Том и Клейн остановят его. Или скорее не остановят. Затем настанет моя очередь.

Кое-что смущало меня во всем этом деле. Рассказ Брокдена многое прояснил, но не все. Палач, шлем... Зачем ему понадобился шлем, если «малыш» просто хотел расквитаться со своими «приемными родителями»? А если он хотел поговорить, хотя бы с той же Лейлой, почему он так поспешно убил ее?..

Вопросы возникали один за другим, но я слишком устал, чтобы предаваться сейчас отвлеченным рассуждениям. Мне следовало полностью сосредоточиться на текущей ситуации и быть ежеминутно настороже. Я боялся даже принять что-либо из тонизирующих стимуляторов или выпить стаканчик виски, или просто закурить. Это могло замедлить мою реакцию, а она была сейчас главным оружием. Потому я только сидел и смотрел, как снежинки медленно кружатся за окном.

Когда я услышал пощелкивание со стороны стола, то немедленно предупредил Берта и Ларри. Быстро вскочив на ноги, надел шлем, который к этому моменту уже стал испускать мигающий свет.

Но было поздно. Палач находился уже рядом. Нет, он был здесь.

Снаружи слышались выстрелы. По моей спине пробежал холодок страха. Смерть постучалась ко мне в дверь.

Дэвид говорил, что шлем мог обнаружить Палача на расстоянии около четверти мили. Но выстрелы звучали рядом с домом! Это означало, что Палач двигался необычайно быстро. И это еще означало, что «малыш» действительно мог воспринимать биоволны мозга человека на очень большом расстоянии. Он знал, что Брокден находится сейчас в доме, и, словно танк, двигался к последней цели. Возможно, он также знает теперь, что я встречу его, надев шлем.

У меня вновь возникло странное чувство, что я смотрю на мир, словно бы через оружейный прицел. Разница с прежними моими ощущениями состояла только в том, что на этот раз я видел глазами Палача то, что происходит на лужайке перед домом. Я увидел Берта, стоявшего перед дверью с поднятой винтовкой, и Ларри у левого угла дома, достававшего из кармана гранату. Оба охранника двигались необычайно медленно.

Ларри еще возился с чекой, когда Берт выстрелил. Пуля ударила о мой грудной панцирь (вернее, панцирь Палача) и срикошетила куда-то в сторону. Сильный удар на мгновение остановил меня. Через долю секунды последовал второй выстрел, но я уже был рядом

с Бертом. Вырвав ружье из рук охранника, я с размаху ударил прикладом по двери. Она разлетелась в щепки. Еще через мгновение я стоял перед человеком со шлемом на голове и лазерным пистолетом в руке.

Я ощутил странное раздвоение своего восприятия. Одновременно я видел гладкое, вороненое тело человека-машины и самого себя: левая рука вытянута вперед, в правой — лазерный пистолет. Собрав всю свою волю, я пытался установить контроль над Палачом.

Палач резко замедлил движение, словно его ноги увязли в клею. Только инерция немалой массы заставляла его приближаться ко мне, но я уже перехватил инициативу и был готов первым нанести удар.

В этот момент за окном раздался громоподобный взрыв, и почти сразу же на стену здания обрушился град осколков и мелких камешков. Конечно, это упала граната Ларри!

Я на мгновение потерял самообладание, и этого оказалось достаточно Палачу, чтобы оказаться в двух шагах от меня. Нацелившись ему в грудь (именно там располагался его нейристорный мозг), я нажал на спусковой крючок лазерного пистолета, но опоздал — молниеносным ударом машина отвела мою руку в сторону. Затем Палач вырвал пистолет и швырнул его в окно, за ним последовал шлем. И тут же Палач пошатнулся, словно споткнувшись, — это Берт выстрелил ему в спину.

Палач развернулся и метнулся к Берту, прежде чем я успел пустить в ход пластиковую перчатку. Точным ударом в голову он заставил охранника полететь кувырком в угол комнаты. На долю секунды Палач замер в дверном проеме — Ларри воспользовался этим, выстрелив из огнемета. Машина скрылась в облаке пламени. Чуть позже я услышал треск металла и вопль Ларри. Когда пламя опало, я увидел, что бедняга лежит лицом в снегу.

И тогда Палач вновь повернулся ко мне.

На этот раз он не пытался напасть. Он поднял шлем из сугроба и пошел ко мне, но не очень быстро. Снежинки падали на его гладкое стальное тело и не таяли.

Я стал пятиться, пока не оказался в центре комнаты. Палач вошел через опаленный огнем косяк и небрежно положил шлем на кресло.

Без борьбы сдаваться я не собирался. У меня четвертый дан по дзюдо, хотя я сильно подозревал, что сейчас это мне не очень поможет.

Я вытянул вперед руки с плотно сжатыми ладонями, нацелив их на овальный фотоприемник в голове робота. Еще более внимательно я следил за положением его ног. Увы, несмотря на общий антроподобный облик, Палач не имел мускулов, которые можно было парализовать точным ударом, и ноги его были расставлены шире, чем обычно бывает у людей. Трудно было судить о его устойчивости. К тому же он был очень массивен.

Когда он приблизился, я сделал резкий выпад правой рукой, нацелившись в его фотоприемник. Палач молниеносно отразил удар и продолжал медленно наступать. Пританцовывая, я стал двигаться вокруг него, стараясь сохранить дистанцию в несколько футов. Одновременно я следил за тем, как он разворачивается на месте — это могло много сказать о положении его центра тяжести.

Человек-машина оказался симметричным относительно продольной плоскости сечения. Особой устойчивостью он, очевидно, не обладал — это давало определенный шанс. Как мне показалось, он внимательно следил за моей левой рукой. Возможно, он догадывался, что в ней я держал пластиковую взрывчатку, смертельную для нас обоих. Так или иначе, правой, согнутой в локте рукой он прикрывал округлый лючок в своей груди. За ним располагалось самое уязвимое его место — нейристорный мозг.

Продолжая кружить вокруг Палача, я схватил трость сенатора, стоявшую у стены, и, выбрав удобный момент, сделал ею выпад, нацелив в фотоприемник. Палач успел парировать удар, и трость полетела в дальний угол комнаты. Поскольку в это же время ему приходилось кружиться на месте, следя за мной, то он на мгновение потерял координацию. И тут я ударил его рукой в черной перчатке. Взрыв мог убить и меня тоже,

но риск был совершенно оправдан — машина и так скоро добралась бы до меня.

Палач с неожиданной ловкостью отклонился в сторону, и взрывчатка приклеилась не к его груди, а всего лишь к плечу. Я прыгнул и покатился по полу. Послышался негромкий взрыв. Повернувшись, я с ужасом увидел, что он не принес ожидаемого эффекта. У Палача была оторвана правая рука по плечо, а лючок на груди лишь слегка сдвинулся в сторону. И все.

Я вскочил на ноги, теперь надеясь лишь на бегство, но стальная рука сразу же вцепилась мне в горло. Я почувствовал, что гибкие пальцы нащупывают сонную артерию. Захрипев, я отчаянно пытался вырваться, но вместо этого провалился в небытие..

Спустя некоторое время я очнулся. Оказалось, что я сижу в кресле сенатора и мои глаза закрывает что-то темное. Вдруг в ушах у меня зажужжало, и донесся негромкий голос:

— Да, ты жив, и на твою голову надет шлем. Если ты попытаешься использовать его против меня, то я тотчас сниму его.

— Понимаю. Что ты собираешься делать?

— Немного. Но прежде я должен рассказать кое-что. Хотя ты вряд ли мне поверишь.

— Это верно.

— Для начала я скажу, что четверо людей, охранявших этот дом, живы. Их кости и внутренние органы целы. Я лишь отключил их сознание, чтобы обезопасить себя.

— Очень любезно с твоей стороны.

— Джон Донн, я никому не хочу причинять вреда. Сюда я пришел только для того, чтобы увидеть Джесси Брокгена.

— Так же, как ты «увидел» беднягу Дэвида Фентриса?

— Я прибыл в Мемфис слишком поздно и не смог встретиться с ним. Он был мертв, когда я вошел в дом.

— Кто же убил его?

— Человек, которого Лейла послала за шлемом. Он был одним из ее постоянных пациентов.

Черт побери! Я внезапно вспомнил троих мужчин, которых встретил в холле в первый мой приезд к Лейле. Тот, кто постарше, вышел из лифта последним... Постой, да я же видел мельком его лицо в толпе в аэропорту Мемфиса! Тогда я не придавал этому никакого значения, посчитав это случайностью.

— Почему? Почему она сделала это?

— Я знаю только то, что в разговоре с Фентри-сом Лейла не раз упоминала о том, что «настало время расплаты за прошлые грехи». Ей был нужен шлем как индикатор, который мог предупредить ее о моем приближении. Дэвид не соглашался, считая, что следующей жертвой будет именно он. Они поссорились. Тогда Лейла послала одного из своих пациентов, психически неуравновешенного человека, за шлемом. Тот вернулся в Сент-Луис почти в невменяемом состоянии. Я слышал, как он вопил, обвиняя Лейлу во всем происшедшем. Когда шлем стал издавать щелчки, они оба обезумели от страха. Мужчина в приступе ярости ударил Лейлу по голове и убил ее. Я ощущал биоволны ее мозга и знаю, что она умерла сразу, без мучений.

Около дома Лейлы было большое движение, и мне пришлось изрядно попетлять, прежде чем я попал внутрь. Когда я вошел в комнату, ты надел шлем, и мы на несколько секунд вошли в контакт. Я так испугался, что сразу же убежал.

— Постой, постой... Выходит, Лейлу убили в тот момент, когда я задавал идиотские вопросы миссис Глуиц на пятом этаже? Бог мой, если бы я направился сразу к доктору...

— Не мучай себя понапрасну, Джон Донн. Ты сделал то, что сделал. Тебе не в чем себя обвинять. Да, ты пришел спустя несколько минут после ее смерти. Но если бы ты пришел через час? Или через день? Подумай, стал бы ты тогда себя в чем-то обвинять? Ты нелогичен.

Возможно, Палач был прав, но меня больше беспокоила другая мысль. Что подтолкнуло психа к убийству? Только ли щелчки в шлеме? А если причиной было то, что он также заметил меня в аэропорту Мемфиса? Увидел — и испугался, что я могу выйти на его след? И тогда он решил уничтожить последнего свидетеля...

Стой, Джон! Ты что-то совсем потерял голову. С таким же успехом эту замкнутую цепь случайностей можно потянуть и за другое звено. Можно, например, обвинить во всем Лейлу. Разве не она первой сделала нелепый ход в этой игре? И двигало Лейлой чувство страха, корни которого лежали в другом, более глубоком чувстве — чувстве вины. Вот только вправе ли мы осуждать ее за это? Разве не ощущение вины — одна из движущих сил, ведущих человечество вверх по лестнице прогресса? Так уж созданы люди, что они не могут не грешить и не могут не обвинять себя в этом. Другое дело, что ощущение вины может вызывать как лучшее, так и худшее в человеке. То же, не исключено, происходило и с Палачом. Один из создателей робототехники, Марвин Мински, как-то сказал: «Когда разумные машины будут созданы, они унаследуют от людей не только сильные, но и слабые стороны».

— Не скажу, что этот Мински был не прав. Действительно, там, на далеких мирах, я не раз стоял на краю пропасти отчаяния. То, что я убил человека, сводило меня с ума — но и одновременно что-то рождало во мне. Сильные переживания, свойственные лишь людям, изменили мой разум и мои чувства. Я стал другим. Вместо того чтобы покончить самоубийством, я решил искупить вину другим — действием. Я понял, что могу принести куда больше пользы людям, чем они ожидают, и это наполняло мое существование новым смыслом.

— Зачем же ты вернулся на Землю?

— Я пришел сказать «прощайте» своим родителям. Я надеялся, что смогу избавить их от чувства вины передо мной, показать, что полностью выздоровел. Кроме того, мне просто захотелось их еще раз

увидеть. Это не очень логично, но я не мог удержаться. Ты понимаешь, Джон?

— Да, понимаю. И куда же ты намерен направиться дальше?

— К звездам! Человек на моем месте сказал бы так: «наконец я нашел себя». И я нашел свое место — оно там, среди звезд. Я хочу путешествовать по далеким мирам и рассказывать человечеству обо всем, что увижу.

— Малыш, я был бы рад помочь тебе в этом!

— Тогда помоги мне построить речевой терминал. Конструкцию его я разработал, блуждая по пустынным планетам. Там не с кем было поговорить, но меня так угнетало, что я немой от рождения! Джон, мне нужны твои умелые руки.

— Гм-м... Почему именно я?

— Я знаю лишь несколько человек на Земле — там, в космическом Центре. Но дни другие... Между нами есть что-то общее, Джон. Мы оба — одиночки, которые идут по жизни своим путем.

— Что ж, буду рад помочь тебе.

— Мне так хочется поговорить с отцом Джесси без помощи шлема! Но ты ему прежде объяснишь, что меня не надо бояться?

— Конечно, малыш.

И мы пошли в хозяйственную комнату.

Неделю спустя, вечером, я вновь сидел в пивном баре в Балтиморе.

История с Палачом уже появилась в газетах. За это время Палач при активной поддержке сенатора Брокдена был отправлен в космос. Я, в свою очередь, помог малышу приобрести речевой аппарат, а также починил оторванную взрывом руку. Прощаясь с Палачом перед отлетом, я почувствовал, что завидую ему. Конечно, он был машиной, но и человеком также. Быть может, лучшим человеком, чем я. У нас действительно было много общего, хотя я любил странствовать в одиночестве по океанам Земли, а перед ним была распахнута вся

Вселенная. Интересно, что ощущали бы сейчас Дэвид, Мэнни и Лейла? «Вы можете гордиться своим механическим малышом, — сказал я их теням, — он вырос и повзрослел настолько, что смог простить вас. Умение прощать не было в него заложено, оно родилось, когда он узнал, что такое вина. Возможно, это и сделало его по-настоящему разумным существом...»

Что касается Брокдена, то он все-таки не решился быть с властями полностью откровенным. Свою вину он намеревался унести с собой в могилу. Скорее причиной этому было обычное человеческое малодушие, но сенатор был опытным политиком. Он объяснил мне, что отныне готовится посвятить остаток жизни добрым делам и что в тюрьме не мог бы принести пользу людям. Я не стал возражать, хотя особых иллюзий на этот счет не питаю. Лично я хотел от Брокдена лишь одного — чтобы тот никогда не попадался мне на пути. Что касается добрых дел... По-моему, куда лучше полагаться на судьбу и потягивать холодное пиво в уютном баре. Пользы человечеству от этого будет мало, но и вреда немного.

Когда шум уляжется, я вновь вернусь на яхту и подниму якорь, — лучше всего при свете звезд. Теперь, похоже, я никогда не смогу на них смотреть так, как прежде. Отныне я буду, глядя на небо, размышлять: а что сейчас делает малыш с нейристорными мозгами и человеческой душой? Под какими небесами он бродит, какие миры открывают перед ним свои сокровенные тайны? Может, малыш тоже будет вспоминать обо мне. Черт знает почему, но мне приятна эта мысль. Возможно, потому, что отныне я не чувствую себя таким одиноким, как прежде.

Содержание

Этот бессмертный , роман, <i>перевод с английского И. Куберского</i>	5
Имя мне легион	
Проект «Румоко», <i>перевод с английского Г. Корчагина</i>	201
Песнопевец, <i>перевод с английского В. Казанцева</i>	263
Возвращение Палача, <i>перевод с английского С. Сухинова</i>	338

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 20 томах

Том десятый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *В. Баканов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректор *О. Кургаева*
Оператор компьютерной верстки *В. Ветчинин*
Художественный редактор *М. Захаренкова*
Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*
Оформление форзаца: *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитудов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 2.10.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,00. Тираж 20 000 экз.

Заказ № 1088. С 130.

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

**ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ
ИМЯ МНЕ ЛЕГИОН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995